

A. Sanyala

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. А. Зайцева

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА

Санкт-Петербург
2005

ББК Ч618.13(2)4
3-17
УДК 655.42.421(470.23–25)'17'(02.044)

Ответственный редактор
Е. А. Савельева

Зайцева А. А. Книжная торговля в Санкт-Петербурге второй половины 3-17 XVIII века / Отв. ред. Е. А. Савельева. — СПб.: БАН, 2004. — 000 с.

ISBN 5-336-0040-X

Предлагаемое вниманию читателя издание последний труд филолога, историка книги, переводчика Александры Александровны Зайцевой (1929–1996). В монографии рассматривается история торговли книгами в столице России в 1741–1801 гг. Особое внимание уделено роли Академии наук в регулировании книгораспространения в России, книжным связям Москвы и Петербурга, Петербурга и провинции, а также международным связям и деятельности Академической книжной лавки. В книге также подробнейшим образом излагается история частной книжной торговли, начиная с 60-х гг. XVIII в. до указа о закрытии частных типографий в 1796 г. Работа рассчитана на историков, архивистов, работников музеев и библиотек, специалистов, занимающихся историей книжной торговли в России.

ББК Ч618.13(2)4
УДК 655.421(470.23–25)'17'(02.044)

ISBN 5-336-0040-X

© О. В. Зайцева, оформление, 2005
© Библиотека Российской Академии наук, 2005

Введение

Публикуемая монография А. А. Зайцевой — «Книжная торговля в Санкт-Петербурге конца XVIII века» — является ее последним, не вполне завершенным трудом. Настоящей темой она постоянно занималась как в то время, когда Отдел истории книги был самостоятельным отделом Библиотеки, так и тогда, когда он вошел в качестве сектора в Отдел редкой книги.

Крупный специалист в области истории русско-европейских книжных связей и, в особенности, книжной торговли в России в XVIII — начале XIX века Александра Александровна Зайцева проработала в Библиотеке Российской академии наук с 1974 г. по день смерти — 23 января 1996 г. Двадцать лет было отдано самоотверженному служению КНИГЕ. Долгое время она руководила таким сложным и неординарным отделом БАН, каким был Научно-исследовательский отдел истории книги. Неоценим ее вклад в научную работу Библиотеки. А. А. Зайцева — серьезный исследователь, успешно трудившийся в области книговедения и изучения русской культуры эпохи феодализма. Значительны ее достижения в области славяноведения, современного литературоведения, истории литературы русского зарубежья. Ученый с мировым именем. Блестящий славист, переводчик, историк книги, одаренная многогранная личность. Долгий — но все же какой, увы, краткий! — человеческий и научный путь...

А. А. Зайцева (Татарина) родилась 15 ноября 1927 г. в Цихидзири (Аджария). В 1937 г. ее семья переехала в Ленинград, где она училась в одной из школ Петроградского района. В июне 1942 г. — эвакуация в Куйбышевскую область, в 1945 г. там же — окончание средней школы. Отец — Александр Владимирович Татарин — умер в Ленинграде во время блокады в 1942 г.

После войны начинается новый этап в жизни, связанный с возвращением в Ленинград и учебой в Университете, — в чешской группе славянского отделения филологического факультета, где преподавателями Александры Александровны стали известные филологи Л. В. Разумовская, М. А. Гуковский, Э. А. Якубинская и другие. В период учебы А. А. Зайцева в течение года проходила стажировку в Чехословакии, добилась свободного владения чешским языком и блестяще окончила Университет. Вслед за этим А. А. Зайцева была направлена в Институт славяноведения АН СССР, впоследствии переименованный в Институт славяноведения и балканистики, в котором она работала младшим научным сотрудником с 13 апреля 1953 по 29 декабря 1973 г. — вплоть до ликвидации Ленинградского

отделения института. Там же в 1967 г. она защитила свою кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы эволюции поэтического творчества Яна Коллара».

Произведения Яна Коллара и его творческий путь — одна из главных тем научных исследований А. А. Зайцевой того времени. Ею были подготовлены и опубликованы статьи и издания произведений поэта. По материалам диссертационного исследования написана и сдана в редакционную подготовку (1972) монография «Ян Коллар — поэт славянского Возрождения». Однако книга в свет не вышла, а рукопись была утрачена...

В годы работы в Институте А. А. Зайцева занималась не только Яном Колларом. Она принимала участие в крупном исследовательском проекте по созданию истории национальных литератур зарубежных славянских народов. Первым подобного рода трудом Института стала коллективная монография «Очерки истории болгарской литературы XIX–XX веков» (1959), за ней последовали «Очерки истории чешской литературы» (1963), «История польской литературы» (1968–1969), вскоре затем увидела свет «История словацкой литературы» (1970).

А. А. Зайцева приняла участие в составлении «Очерков истории чешской литературы» (М., 1963. 723 с.) — первого в СССР академического труда, содержащего систематический анализ литературного процесса в Чехии, начиная с последней четверти XVIII века до 1960 г. Книга включает как общую характеристику литературной жизни страны, так и монографические главы, посвященные творчеству наиболее выдающихся чешских писателей. Для этого издания А. А. Зайцевой написаны главы, посвященные Вацлаву Ржезачу (с. 657–667) и Милославу Стеглику (с. 676–686).

А. А. Зайцева приняла участие в создании академической «Истории словацкой литературы», ставшей первым в советском литературоведении трудом такого масштаба. «История» построена по хронологическому принципу: открывается обзором литературы, существовавшей на словацких землях в эпоху средневековья, затем следуют главы, соответствующие этапам развития литературы от эпохи Просвещения до Второй Мировой войны. Отдельные главы посвящены творчеству крупнейших словацких писателей, о большинстве которых до появления этой книги не было обобщающих исследований на русском языке. А. А. Зайцевой для этой монографии были созданы главы, посвященные Яну Коллару (с. 46–61), Мартину Кукучину (с. 249–262), Людо Ондрейову (с. 415–423) и Ивану Стодоле (с. 424–432).

В годы работы в Институте славяноведения и балканистики А. А. Зайцева заявила о себе как специалист в области библиографии — ею были подготовлены обстоятельные списки литературы к двум академическим изданиям: «Истории чешской литературы» и «Истории словацкой литературы». Для последнего издания А. А. Зайцева составила два больших библиографических указателя: первый из них посвящен истории чешской культуры, литературе и литературоведению XVIII–XX вв.; второй — истории культуры, литературе и литературоведению Словакии XVIII–XX вв. его подзаголовок: «Указатель трудов справочно-библиографического характера, антологий, публикаций отдельных произведений».

Кроме чешского А. А. Зайцева владела и другими европейскими языками — французским, польским, словацким. Она использовала каждую возможность для постоянного совершенствования своих лингвистических знаний: туристические поезд-

ки, научные командировки в Чехословакию, Албанию и Польшу. В 1968 г. в качестве гостя она присутствовала на VI Международном съезде славистов в Чехословакии.

Переводческая работа была одним из самых любимых занятий А. А. Зайцевой — ею она занималась до последних мгновений своей жизни.

С 1957 по 1960 г. А. А. Зайцева заведует литературной частью Ленинградского Большого театра кукол, делает для него ряд переводов. Так, в ее переводе в этом театре шла пьеса для детей «Лизонька» Л. Томасовой; в 1959 г. уже для взрослых режиссер М. М. Королев поставил спектакль «В золотом раю»¹. Перевод с чешского и вольная композиция пьесы братьев Чапеков «Из жизни насекомых» сделаны А. А. Зайцевой, художественное оформление В. В. Малахиева. На Международном фестивале кукольных театров в 1960 г. этот спектакль был удостоен первой премии и золотой медали.

Судя по всему, именно переводы драматических произведений чешских и словацких писателей определили направление литературоведческих исследований Александры Александровны. В частности, она изучала произведения Ивана Стодолы — автора веселых фарсов, водевилей, комедий, сатир, драм, исторических трагедий. А. А. Зайцевой принадлежит заслуга в ознакомлении русского читателя с творчеством Мартина Кукучина и Людо Ондрейова, с литературными достоинствами сонетов Яна Коллара из его поэмы «Дочь Славы».

Александра Александровна много внимания уделяла переводам детских книг, знакома наших маленьких читателей с кругом чтения их сверстников в Чехии: О. Секора «Муравьи не сдаются» (Л.: Детгиз, 1958), «На дворе играют дети» (Л.: Детгиз, 1961). Эти книги неоднократно переиздавались и поныне пользуются спросом.

А. А. Зайцеву интересовали вопросы искусства чешского народа. Видимо, поэтому появился перевод глав из книги Йозефа Лады, знаменитого иллюстратора «Бравого солдата Швейка» Я. Гашека². Как раз следом за этой публикацией в Ленинградском отделении издательства «Наука» и должна была появиться в переводе А. А. Зайцевой книга Йозефа Мацека «Итальянское Возрождение», посвященная фундаментальным вопросам изобразительного искусства. Однако завершение этой работы совпало по времени со сложной политической обстановкой в Чехословакии — автор книги подвергся гонениям и уехал из страны, а уже переплетенный тираж перевода был целиком отправлен под нож³. Вскоре Александра Александровна ушла из Ленинградского отделения Института славяноведения и балканистики, а само Отделение было ликвидировано.

Тяга к труду переводчика и стремление дать возможность своим соотечественникам прикоснуться к современной чешской культуре оказались сильнее временных трудностей. А. А. Зайцева продолжала заниматься переводами с чешского языка. В 1989 г. она перевела сатирическую пьесу в 3-х действиях Петера Карва-

¹ *Братья Чапеки. Из жизни насекомых (В золотом раю): Пьеса / Перев. с чеш. (Большой театр кукол), 1958; Дрда Ян. Дальскабаты, грешная деревня, или Забытый торт: Пьеса / Перев. с чеш. (ВУОАП. Театр ЛГУ), 1960; Томасова А. Лизонька: Пьеса / Перев. с чеш. (Большой театр кукол), 1957.*

² *Лада Й. Книга о художнике: Главы из книги «Хроника моей жизни». М.; Л.: Искусство, 1971.*

³ В работе над проектом помимо А. А. Зайцевой, осуществившей перевод с чешского языка, принимала участие Л. Н. Катушкина — научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

ша «Парик», постановка которой, к сожалению, так и не была осуществлена, хотя рукопись пьесы была одобрена Михаилом Ульяновым.

В самом конце жизненного пути (1995) А. А. Зайцевой было переведено эссе ее давнего чешского друга Милана Тоушека «Ясновидение» (Чехия, Градец Кралув, 1992. 271 с.). Однако литературную обработку перевода Александра Александровна закончить не успела: незавершенная рукопись осталась памятником ее постоянного переводческого труда...

Опыт библиографической, переводческой и литературоведческой работы помог Александре Александровне Зайцевой освоиться на совершенно новом месте — в Библиотеке Академии наук СССР, куда она поступила в 1974 г. младшим научным сотрудником в Научно-исследовательский отдел истории книги, которым руководил в то время С. П. Луппов. Тематика исследований этого отдела — «Книга в России» — не совпадала с прежней областью научной деятельности Александры Александровны, ей пришлось очень много работать и заново учиться, прежде всего, у Сергея Павловича Луппова.

Однако А. А. Зайцева оставалась верна и своей прежней тематике. С марта 1978 г. в рамках международного сотрудничества с социалистическими странами БАН вела работа по сбору материалов, составлению и перевода их на польский язык для фундаментального энциклопедического издания «Словарь польских научных обществ». Договор о научном сотрудничестве между академиями наук СССР и Польши предусматривал постоянные контакты сотрудников, подготавливавших данный «Словарь». Со стороны БАН ответственными за разработку темы были А. А. Зайцева, которой были поручены составление и перевод текстов, и главный библиотекарь Справочно-библиографического отдела В. П. Бисерова, занимавшаяся главным образом библиографической работой. Вместе они составили более 100 энциклопедических статей-справок общим объемом около 20 авторских листов. Александра Александровна провела большую исследовательскую работу, кроме того, занималась сбором информации в таких городах СССР, как Львов, Минск, Одесса и др., являвшихся до 1917 г. центрами славянской науки и культуры⁴.

В Отделе истории книги БАН СССР А. А. Зайцева собирала материал для большой монографии «Книга в России в 1790–1812 гг.», в которую должна была войти история русского книгопечатания конца XVIII — начала XIX в. Эта монография так и не была написана, хотя часть документов была использована Александрой Александровной для ряда статей и докладов.

С 1982 г. Александра Александровна возглавила Отдел истории книги. В этот период приоритетными направлениями работы отдела стало изучение иностранной книги в России и книжной торговли XVIII в. За 10 лет руководства А. А. Зайцевой сотрудники отдела подготовили несколько монографий, провели ряд конференций по вопросам книговедения, среди которых важное место занимают III и IV Международные конференции «Книга в России» («Книга в России XVII — начала XIX в.: Проблемы создания и распространения» — 1989 г. и «Книга в России: Век Просвещения» — 1990 г.). В 1989 г. под руководством Александры Алек-

⁴ «Словарь польских научных обществ» включил материалы, собранные А. А. Зайцевой и ее коллегой. Однако его польские издатели даже в предисловии не упомянули имен своих советских коллег.

сандровны отделом был выпущен сборник, посвященный памяти великого князя Николая Михайловича, чье имя впервые за 70 лет было возвращено истории России.

С 1992 г., после того как Отдел истории книги был преобразован в сектор истории книги Отдела рукописной и редкой книги, А. А. Зайцева выполняла в БАН работу по контракту — занималась написанием монографии и составлением каталога «Издания Академии наук и Академической типографии в фондах БАН. 1727–1800 гг.». Работа над каталогом так и не была завершена.

В последние годы своей жизни Александра Александровна активно занималась историей литературы русского зарубежья, а также книжных собраний дворянских усадеб. В 1991 г. на Международном коллоквиуме «Российское дворянство XVI — начала XIX вв.», который проходил в Париже 4–7 декабря, А. А. Зайцевой был сделан доклад на тему: «Российское дворянство и книжное дело в Петербурге во второй половине XVIII века». В октябре 1993 г. в Санкт-Петербургском научном центре Российской Академии наук на совместной конференции РАН и Фонда имени М. В. Ломоносова А. А. Зайцевой был сделан доклад о жизни и творчестве З. А. Шаховской, с которой она была знакома лично и поэзией которой искренне восхищалась: «Россия вне России (О литературной и публицистической деятельности Зинаиды Алексеевны Шаховской)».

В это же время А. А. Зайцева готовила к печати монографию «Частная книжная торговля в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII века». Оставшаяся после смерти А. А. Зайцевой неизданной рукопись книги — это превратившийся в самостоятельное исследование один из разделов неосуществленной монографии по истории книги в России в конце XVIII — начале XIX в. Реальный объем книги, задуманной автором, увеличился более чем вдвое. Монография была обсуждена на Научно-методическом совете Отдела редкой, рукописной книги и картографии и рекомендована к печати. Ответственным редактором ее была назначена научный сотрудник сектора XVIII в. Института русской литературы (Пушкинский Дом) Галина Николаевна Моисеева. Однако за последний год своей жизни А. А. Зайцева во многом пересмотрела и изменила рукопись, новый вариант которой остался, к сожалению, незавершенным. В монографию были включены две большие главы, посвященные истории книжной торговли в Петербургской Академии наук, и таким образом монография получила наполнение, уже не соответствующее первоначальному названию, а именно «Частная книжная торговля в Петербурге во второй половине XVIII в.».

В связи с этим, подготавливая книгу к печати, публикаторы сочли возможным опустить слово «Частная». Предлагаемая читателю монография А. А. Зайцевой носит название «Книжная торговля в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII века». Она посвящена истории развития книжной торговли в Петербурге от возникновения Книжной палаты — первой книготорговой организации Академии наук — до появления специальной Академической книжной лавки. Вторая часть монографии посвящена той самой основной теме исследования — в ней рассматривается развитие частной книжной торговли в Петербурге и ее роль в распространении русской книги в России.

Автор ставил задачу осветить эту проблемы в различных аспектах: от организации книжной торговли на академическом уровне и ее рекламы в периодической печати до деятельности частных книгопродавцев. Среди использованных доку-

ментов — более 30 каталогов и реестров, экономические отчеты, инструкции по книготорговле, заказы на книги, поступавшие в канцелярию Академии наук, ревизские сказки, позволившие установить социальный статус купцов, занимавшихся книжной торговлей.

В книге собраны сведения о приезде, отъезде и деятельности иностранных книготорговцев; прослеживается организация книготоргового дела среди русских, в том числе владельцев крупнейших книжных лавок, существовавших в Петербурге в конце XVIII в., — Н. И. Новикова, семьи Глазуновых, М. К. Овчинникова, Ф. Свешникова и В. С. Сопикова.

А. А. Зайцева анализирует деятельность первых иностранных книгопродавцев — Иоганна Якоба Вейтбрехта и Вильгельма Конрада Миллера с его наследниками, долгое время служивших академическими переплетчиками, комиссионера Академии наук, продавца книг и владельца типографии Фридриха Розенберга.

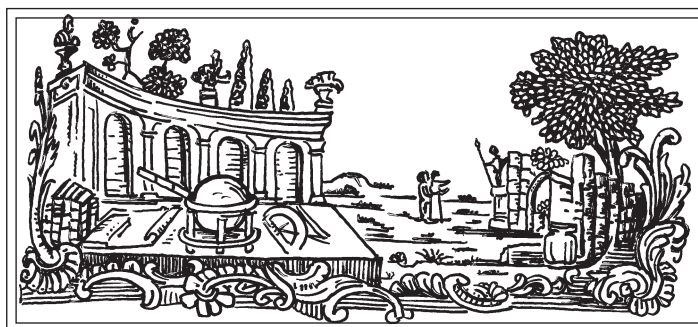
Много внимания А. А. Зайцева уделила вопросам издательской деятельности Академии наук при директорах С. Г. Домашнев и Е. Р. Дашковой, распространению книжной продукции Академии наук, функционированию Академической книжной лавки.

На основании анализа собранного материала автором сделан вывод о значительном росте числа частных книгопродавцев и интенсивности книжной торговли в Петербурге на протяжении 15 лет (с 1755 по 1770 г.); прослежена динамика книготоргового дела — спады и подъемы в этой области, имевшие место в рассматриваемый период; отмечены колебания в книготорговом и издательском репертуаре — например, изменение в 80-е гг. издательской политики Академии наук, начавшей придавать большое значение изданию сочинений русских авторов. Книга написана на основании неопубликованных документов, хранящихся в государственных архивах России, содержит множество интереснейших фактов и дает их неординарную интерпретацию.

В настоящем издании читатель познакомится с последним авторским вариантом книги — таким, каким оставил его автор. Публикуя его, коллеги А. А. Зайцевой сочли невозможным вносить какие-либо существенные изменения, чтобы не нарушить авторскую концепцию и авторский стиль. Свою задачу они свели к подготовке текста к печати, поскольку данная книга — это памятник ее создателю — Александре Александровне Зайцевой. Редакторская правка вносилась только в тех случаях, когда это было совершенно необходимо (были исправлены опечатки, приведены к единообразию сведения в таблицах и тексте монографии и т. п.).

В подготовке текста участвовали сотрудники сектора истории книги Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Российской академии наук Н. М. Баженова, С. К. Егоров, М. П. Лепехин, А. А. Романова, Е. А. Савельева. Над указателями к книге работали А. А. Романова, Н. Н. Шаталина и М. А. Антипов. Иллюстративный материал для издания сканирован С. К. Егоровым, А. Г. Сергеевым, А. В. Ухваловой.

I глава

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ АКАДЕМИИ НАУК В 1750–1770 гг.

родажа книг в Санкт-Петербурге в течение долгого времени была монополией государства. Основным научным учреждением страны была Академия наук, и вплоть до начала 80-х гг. XVIII века она оставалась главным издательским центром России. Здесь выпускалось подавляющее количество научной, художественной, учебной и др. литературы различного профиля, отвечающей широким просветительским задачам, осуществлявшимся Академией наук. Для реализации этой книжной продукции после образования Академии наук и была открыта Книжная палата (книжная лавка) Петербургской Академии наук. До середины 50-х гг. она была чуть ли не единственным местом продажи книг в Петербурге, но и позднее сохранила значение крупнейшего центра книготорговли в стране.

Деятельность книжной лавки Академии наук, за исключением двух первых десятилетий ее существования, недостаточно изучена¹. Но даже на основании известных фактов можно сделать вывод, что Книжной палате с первых шагов придавалось большое значение и что сама структура книжной лавки, присущие ей функции формировались постепенно, на протяжении многих лет.

Как указывалось в одном из академических отчетов, первоначально, в 1728 г., книжная лавка была учреждена «для продажи здешнего выходу иностранных книг, и сия продажа происходила таким порядком, как в иностранных государствах»².

С. П. Луппов в монографии «Книга в России в послепетровское время: 1725–1740» отметил две цели, которые преследовала Академия наук при учреждении книжной лавки: «1) продажу академических изданий как внутри страны, так и за рубежом, 2) покупку иностранных изданий для нужд самой Академии наук и ее библиотеки»³ (заметим, что зарубежные издания почти сразу стали приобретаться и для продажи посторонним лицам).

С расширением научных связей Академии наук, с развитием собственного издательского дела задачи академической книготорговли все более расширялись и усложнялись.

Академия наук придавала большое значение книжной торговле. На средства, вырученные от продажи книг, приобреталась необходимая для Библиотеки Академии наук литература, пополнялись коллекции Кунсткамеры, оплачивались расходы по содержанию типографии, закупались материалы для мастерских, выплачивалось жалование ряду академических служащих и др. Поэтому так важно было не торговать убыточно и вести строгий учет всей книжной продукции, издававшейся типографией и поступающей в лавку. С начала существования Книжной палаты усилия были направлены на упорядочение и развитие книжной торговли, ее развитие. Не случайно в числе первых комиссаров книжной лавки были не только книгопродавцы, но и бухгалтеры — Ульрици, С. Прейсер, И. Розенган. И все же, несмотря на явное стремление со стороны академического начальства наладить систему учета поступавших в лавку и продававшихся в ней книг (в середине века комиссар книжной лавки обязан был, например, вести 10 «шнуровых» отчетных книг), достигнуть этого долгое время не удавалось, и, по-видимому, оставались возможности для различных злоупотреблений. Если проследить историю деятельности книжной лавки Академии наук на протяжении XVIII века, то бросается в глаза, что служебная карьера почти каждого из ее комиссаров, начиная с Готлиба Кланнера, завершалась крупными неприятностями — изгнанием со службы, а нередко и арестом и судебным следствием. Исключение составил лишь последний в XVIII веке ее фактор — Борис Альтман. Однако это свидетельствовало, по-видимому, не столько о личных качествах, недобросовестности или неумении ее служащих, сколько о несовершенстве, внутренних неполадках в самой системе академической книготорговли, сложности ее функционирования. Академические власти в течение долгого времени не могли добиться ответа на, казалось бы, простой вопрос — каковы реальные доходы от книжной лавки и каковы возможности их увеличения. В академическом отчете от 12–13 мая 1747 г., скрепленном подписями К. Г. Разумовского, И. Д. Шумахера и др. лиц, возглавлявших Академию наук, недвусмысленно подчеркивалось: «А какая от сей продажи книг прибыль, того Академии точно показать никоим образом невозможно...»⁴. Очевидно было лишь одно — книжная лавка не давала тех доходов, на которые могла рассчитывать Академия наук. Ситуация усложнялась еще и оттого, что до 1750 г. — прихода в Академию наук на должность комиссара книжной лавки Степана Васильевича Зборомирского — не было ни одного фактора, который мог бы вести отчетность одновременно на русском и иностранном языках. Так, в 1745 г. в ответ на «Промеморию» государственной Ревизион-коллегии, направленную в Академию наук в связи с тем, что почти в течение 20 лет она «ни единого по той книжной лавке щета не учинила и в Ревизион-коллегию не подала»⁵, Академия наук достаточно резко отвечала, что если Ревизион-коллегия не желает «удовольствоваться» полученными материалами, то она будет вынуждена «ту всю продажу вовсе отставить ибо де к той продаже из российских людей кои бы такая на себя в щетах великия трудности приняли, а паче знали как в таком торгу поступать, не нашла, а иностранных де, обретающихся у той продажи людей, к сочинению таких щетов... принудить никак не можно...»⁶. На это Ревизион-коллегия резонно отвечала, что, если иностранные служащие не в состоянии представлять отчеты, хотя «все в той книжной лавке иностранные служащие пред российскими... жалованья получают едва не вдвое, а щетов, как Ревизион-коллегии регламент повелева-

ет, сочинять и трудиться не хотят», то их можно было бы через год или хотя бы через два года «от той продажи отрешить, а искать бы подлежало российских людей, к тому сочинению щетов достойных и заобыкновенных... но оное академия наук с начала той академии, то есть чрез двадцать один год, все упустила и тем своим непрележнейшим смотрением в щетах книжную лавку в самый непорядок поныне и привела...»⁷.

Было бы ошибочно считать, что Академия наук не пыталась изменить существовавшее положение. Целый ряд документов свидетельствует, что попытки реорганизации книжной торговли неоднократно предпринимались. С подобными проектами выступали, например, секретарь Академии наук Петр Ханин, унтербиблиотекарь Иван Тауберт и др. Характерно, что не только администрация, но и ученые Академии наук искали пути к улучшению деятельности книжной лавки. В конце 1745 г., например, в «Доношении от профессорского собрания» Сенату, критиковавшем состояние академических дел, немалое внимание было уделено деятельности книжной лавки. Предлагался целый ряд мер, направленных на повышение ее рентабельности, и указывалось, что «книжная лавка... ежели крепкое надсмотрение будет, весьма довольную прибыль принести должна»⁸. Примечательно, что в этом документе среди прочих вопросов были затронуты и проблемы издательской политики Академии наук: «чтобы от оной подлинная прибыль происходить могла, то должно... что до здешних книг касается, прилежное смотрение иметь, чтобы экземпляров не много и не мало печатать; потому что когда больше экземпляров напечатано будет, нежели проданы быть могут, то от остальных казне убыток придет; ежели же мало печатается, то пропадет прибыль, которую б от большого числа экземпляров иметь можно было»⁹. Угроза затоваривания книгами в результате недостаточно продуманной книжной политики довольно рано заявила о себе в издательско-книготорговом процессе Академии наук. Известно, например, что Г. Кланнер, вступая на службу, принял в 1732 г. книг «по цене на 13 162 рубли», а передал своему преемнику С. Прейсеру в 1738 г. на сумму 42 826 р. 73 к. (а вместе с книгами, взятыми из книжной лавки в долг на 4 787 р. 84 к., — на общую сумму в 47 614 р. 57 к.)¹⁰. Этот факт свидетельствовал не столько об успешном ведении дел Кланнером и его заслугах (речь ведь шла не о продаже книг, а об их общей стоимости), сколько о том, что в книжной лавке начали скапливаться — «затовариваться» — в большом количестве книги.

Немалое значение для развития академической книготорговли сыграл «Регламент» Академии наук, принятый 24 июля 1747 г. в соответствии с указом Елизаветы. Особый параграф (55) содержал инструкцию по организации продажи книг: «В книжной лавке надлежит учредить одного фактора, которой бы с иностранными книгопродавцами имел корреспонденцию для распространения книжного торгога и содержал бы приход и расход покупным и продажным книгам, чего ради придать ему двух помощников для доброго порядка и содержания чистоты в книжной лавке, и для расположения экземпляров, также же и для писания приходных и расходных книг. А книжную лавку держать надлежит порядком купеческим, какой употребляется в книжных лавках иностранных, так чтоб она только отчет давала в деньгах и в числе книг в Канцелярию, не смотря на Регламент Адмиралтейской, ибо книгам цена всегда переменяется и продажа оных бывает разными образами, а притом различие авторов и их выходов почти безчисленное»¹¹.

В результате уже в 1747 г. была предпринята попытка реформировать организацию книжной лавки. По распоряжению К. Г. Разумовского, президента Академии наук, от 15 ноября 1747 г., который «запотребно разсудил академическую книжную лавку в такое состояние привести, чтоб как Академия, так и народ большую против прежнего пользу от нея имели», было определено «принять туда еще двух человек, а именно: одного такого, который бы довольное познание имел в книгах и в их изданиях и разумел бы разные языки, а особливо французский, дабы с иностранными книгопродавцами корреспонденцию иметь мог, сочинял бы реестры выписываемым книгам, книги академического издания продавал и купцам в покупке способствовал; другого такого, который бы русския книги на руках имел и продавал. И понеже такие люди в книжной лавке прежде не употреблялись да и в штате не показаны, то таких сыскать, с ними договориться и жалованье им из книжной лавки производить»¹². Однако это распоряжение из-за отсутствия необходимых кадров не сразу было претворено в жизнь. Все же установление новых «штатов» предоставляло возможность для лучшей организации труда в книжной лавке. О необходимости увеличить число служителей книжной лавки говорилось и в «Представлении» секретаря Академии наук П. Ханина, относящемся к 1748 г. и посвященном вопросам развития академической торговли. «Удивления еще достойно, — писал он в защиту С. Прейсера, постоянно критиковавшегося начальством, — что он, многия годы не имея довольных помощников и писцов, единым собою всему в книжной лавке записку ведет». И добавлял: «Одному человеку того снести исполнением невозможно. Он же человек яко иностранный и все свои записи по книжной лавке ведет на немецком языке и о всех речениях (т. е. книгах на разных языках. — А. З.) в книжной лавке знает только он один»¹³. Ссылаясь на «Регламент» Академии наук, П. Ханин напоминал, что по новым «Штатам» книжная лавка должна иметь фактора и двух помощников. «Однако ныне, — замечал Ханин, — вместо фактора в должности помянутый бухгалтер (т. е. С. Прейсер. — А. З.) — и при нем помощник один, иностранный же человек, да из русских ученик Петр Баландин, который... приходных и расходных книг и прочаго вести не в состоянии»¹⁴.

Трудности с кадрами приводили к тому, что академическое начальство оказывалось не в силах сменить даже тех служителей, которыми оно было недовольно. Характерным примером является история деятельности С. Прейсера, прослужившего в Академии наук почти 30 лет. Незученность вопроса о книжной лавке нередко приводит к необоснованным утверждениям об ее устройстве и руководстве ею. Исследователь И. Ф. Мартынов ошибочно утверждает, что «Прейсер заведовал академической лавкой с 16 января 1736 г. по 23 июля 1764 года»¹⁵. На самом деле, Сигизмунд Прейсер был принят по контракту в Академию наук 22 сентября 1735 г. с обязательством «служить при академической книжной лавке бухгалтером три года сряду»¹⁶. В отсутствие Готлиба Кланнера — комиссара книжной лавки — Прейсер был обязан «академической книжной лавки интерес всячески наблюдать и споспешествовать...»¹⁷. За свою службу он получал 200 р., располагал казенной квартирой, с дровами и свечами. И лишь после ухода Г. Кланнера с поста комиссара книжной лавки Сигизмунд Прейсер с 15 апреля 1740 г. получил приказ «иметь надзиранье за книжною палатою». С 1 мая 1740 г. и ему, и его помощнику кассиру Розенгану было увеличено жалованье. Прейсер стал получать

вместо 200 р. — 300 р., а Розенгану к 120 было добавлено еще 30 р. в год¹⁸. Несмотря на постоянные нарекания и недовольство академического начальства, обусловленные плохой отчетностью и другими не порядками в книжной лавке (Прейсер не раз обвинялся в «непорядочной продаже книг и запущенной доимке»¹⁹ — «не такую слабостию в таких интересных делах поступать»), он оставался на своей должности, поскольку его не кем было заменить. Даже после того как он был заподозрен в злоупотреблениях, арестован и два года находился под следствием (1742–1744), он вместе с канцеляристом Паули был освобожден «на добрыя поруки», «ибо кроме его книжной лавки в добром порядке содержать и книг вести некому»²⁰. Его деятельность вызывала серьезные замечания в 1746, 1747, 1749 гг. и позднее, но каждый раз академические власти вынуждены были приходить к одному и тому же выводу: «хотя в книжной лавке... к продаже книг и к приходу и расходу оных и денег надлежало определить, вместо онаго Прейсера, другого, но токмо к тому способного не имеется, и... дабы заведенная повседневная продажа книг и прочего к казенному убытку остановлена не была, быть... у того дела ему же Прейсеру»²¹. Практика показала, что временное отстранение Прейсера в 1742–1744 гг. оказалось убыточным для книжной торговли. В 1749 г. в ответ на неоднократные замечания, выговоры и даже штрафы Прейсер в свое оправдание с горечью отмечал: «сколь многократно книжная лавка пред недавним временем перемене была подвержена и с какими людьми я оную управлять подвержен был...»²².

Все же постепенно в делах книжной лавки наметились изменения. В 1748 г. в помощь Прейсеру был принят швейцарец Ф. Гирт, знавший иностранные языки. Ему было поручено составление каталога иностранных книг. Однако в книжной лавке, где к тому времени книги на русском языке имелись в достаточно большом ассортименте, был необходим грамотный человек, способный заниматься продажей книг и вести сложную отчетность. В связи с этим академические власти попытались в конце 1748 г. «препоручить» управление книжной лавкой секретарю П. Ханину, но он решительно отказался, ссылаясь на большую загруженность. Как указывал Шумахер, поддержав Ханина, «ему во оное вступить за другими... делами некогда»²³. Главной же причиной было общее состояние книжной лавки. Проясняя ситуацию, Г. Теплов докладывал одному из членов Канцелярии (по-видимому, И. Шумахеру): «Понеже секретарь Петр Ханин репортом в Санкт-петербургскую Канцелярию представил... что он не может вступить в учреждение книжной лавкой по последнему определению (речь шла о распоряжении президента Академии наук. — А. З.), пока на месте весь товар не будет описан, и как ему поручено только учреждение тех товаров, которые при Академии печатаются, чего ради неотменно надобен член русской, которой бы ему в том вспомождение учинил и был под его особливым смотрением, а Его Сиятельству господину Президенту известно, что как в Канцелярии нет ни оного человека, так и в других академических департаментах, которой бы... мог быть к тому употреблен»²⁴. В качестве выхода Г. Теплов предлагал «принять в службу академическую» оказавшегося не у дел, ранее служившего «в ведомстве Канцелярии о строениях» комиссара Федора Зубкова, кандидатуру которого Академии наук предложила сенатская контора. Определенную роль в решении принять Зубкова на службу в Академию наук в качестве комиссара книжной лавки сыграли и соображения экономического порядка. Изве-

стно, что русским служащим в Академии наук платили гораздо меньше, чем иностранцам²⁵. И в данном случае инспектору Францу Гирту было установлено жалование в 300 р. в год, а на Федоре Зубкове было решено сэкономить, ему было положено жалование в 200 р. и, кроме того, проценты «с книжных доходов»²⁶. Так как в это время преподававший в гимназии Годений (Гаденди) переехал в Москву, на его место в качестве учителя французского языка был перемещен Франц Гирт, несмотря на заключенный с ним контракт на два года. Расчет был прост. Как докладывал Теплов, «казне не будет убытка, ибо Гаденди получает 400 рублей, а Гирт 300 рублей, ныне же Гирт при том же жалованье остаться должен, а Зубкову можно дать до двести рублей на год». Таким образом Академия получала 200 р. экономии в год и притом, как подчеркивал Теплов, «места будут пристойным образом заняты и удовлетворены»²⁷.

В результате 23 февраля 1749 г. И. Д. Шумахером было отдано распоряжение о назначении Ф. Зубкова комиссаром книжной лавки, «понеже для книжной лавки российский человек умеющий грамоте весьма надобен»²⁸. Однако если Прейсер не владел «российским», то комиссар Зубков не знал иностранных языков, все попытки найти человека, который «один бы всю книжную лавку в ведомстве имел», так и не увенчались успехом. По словам И. Тауберта, такого, хотя «Канцелярия довольно сыскивала, однако не сыскалось»²⁹. В результате было принято компромиссное решение: в соответствии с указом Канцелярии от 13 марта 1749 г. бухгалтер Прейсер был «при оной книжной лавке оставлен в должности фактора для содержания корреспонденции с иностранными книгопродавцами и прочими надобными для Академии людьми»³⁰, т. е. в «его смотрение» поступили «иностранные книги, выписываемые из-за моря», а к Ф. Зубкову перешли «здешней печати книги и прочее»³¹, то есть, основная масса книг — все, что уже было издано и продолжало печататься Академией наук на русском и иностранных языках. Помощником С. Прейсера стал К. Арвелиус, а комиссара Ф. Зубкова — ученик П. Баландин. Разграничение обязанностей книгопродавцев, разделение книг естественно привело и к их раздельной продаже. Было принято решение: «Книжную палату, где производится продажа, так учредить, чтоб комиссар Зубков и бухгалтер Прейсер один к другому входу не имел, дабы не воспоследовало между ими и их помощниками какого в книгах замешательства и ущерба»³². Подобное положение дел — разделение книжной лавки на две части — сохранялось до конца 1768 г. Возможно, оно было принято и потому, что сам С. Прейсер в 1748 г. категорически просил «снять» с него управление книжной лавкой и оставить за ним лишь ведение отчетности — «при счетах книжной лавки, ежели оныя употребительным образом учреждены будут»³³.

Вряд ли имеются основания считать, что с 1749 г. у Академии наук в Петербурге появилось две книжных лавки, тем более что в документах Академической канцелярии фигурирует одна Петербургская книжная лавка. Просто в Петербургской книжной лавке, находившейся под управлением комиссара (в 1749 г., и частично в 1750, им был Федор Зубков), после передачи книг академической печати Зубкову, стали отдельно продавать «заморские» книги и книги академической печати. Продажа книг велась под одной крышей — в главном здании Академии наук — бывшем дворце царицы Прасковьи Федоровны. Указания и распоряжения С. Прейсера из Канцелярии обычно передавались через комиссара книжной лавки, им же

оплачивались и расходы, связанные с продажей иностранной литературы в Академии наук, например за доставку книг, привозившихся на кораблях и пр. В весенне-летний сезон 1750 г. комиссаром Ф. Зубковым были оплачены расходы на доставку «голландских» и французских книг на корабле «Деболтер» купцом Доблером, были выплачены деньги за книги, привезенные на корабле «Дифрендштадт», и, кроме того, Зубкову было приказано заплатить по курсу русскими деньгами за присылку из Парижа для Библиотеки и книжной лавки «от грьдоровального мастера Адрана... разных купферштихов на 748 гульденов»³⁴.

В свободное время помощники книгопродавцев Арвелиус и Баландин помогали друг другу. Счета за книги, проданные Прейсером и Зубковым, вскоре начали вестись отдельно. Не вполне точно поэтому утверждение Д. В. Тюличева о том, что в июне 1750 г. «у Академии наук стало в Петербурге две книжные лавки и один книжный склад»³⁵. Разделение произошло сразу, как только был принят Ф. Зубков. Книжных складов у Академии наук, так называемых «магазинов», к этому времени уже было несколько, по крайней мере не меньше трех; и иногда «иностранный магазин» (т. е. склад книг на иностранных языках) путают с книжной лавкой.

В 1746 г. книжный «магазин» находился в Головкином доме, в нем «имелось на великую сумму книг», но он не охранялся и поэтому в нем часто происходили кражи, а главное, всем было известно, что «магазин» находится «в неудобном и самом опасном месте, а именно: оной состоит в самом верхнем апартаменте»³⁶. Его собирались перевести, но не успели, и в результате академические книги сильно пострадали во время пожара 1747 г. После этого, в том же 1747 году, «магазины» были размещены в амбарах при нанятом у баронов Строгановых доме. Летом 1749 г. в ответ на жалобу Ф. Зубкова о том, что книг столько, «чего в оных амбарах и вместить невозможно», он получил распоряжение из Канцелярии «перевести... немедленно»³⁷ книжные «магазины» в каменные амбары Гостиного двора на Васильевском острове. Из рапорта о передаче книг от 1750 г. и других документов видно, что только в ведении С. Зборомирского находилось два «каменных магазина»³⁸. Содержание в порядке этих хранилищ, в которые поступали новые книги из типографии, играло важную роль для книготорговли, и в 1749–1750 гг. все книги академической печати при передаче их от Прейсера к Зубкову, а затем от Зубкова к Зборомирскому были учтены и размещены в соответствии с типографскими номерами. Из работ, которые осуществлялись комиссарами книжной лавки,— заказывались толстые доски на пол в амбарах, на которые укладывались книги, подводы для перевозки книг, рогожи для упаковки и пр., не говоря уже об отчетности, которая постоянно велась и по книжным «магазинам»,— видно, что в это время в обязанности Прейсера и Зубкова входило содержание не только книжной лавки, но и «магазинов».

Привело ли разделение книжной лавки к каким-либо значительным результатам? Безусловно, оно несколько облегчило труд комиссаров, способствовало усилению личной ответственности каждого из них за ведение дел (впервые были установлены формы отчетности), а главное, открыло возможность для быстрого налаживания торговли академическими изданиями.

Общий надзор за книжной лавкой был поручен П. Ханину. Им были разработаны формы, по которым должны были отчитываться книгопродавцы, и подробная инструкция из 31 пункта, регламентирующая деятельность нового комиссара Ф. Зубкова.

В инструкции был предусмотрен весь порядок передачи книг и пр. от Прейсера — Зубкову, в ведомство которого переходили все «российские» и «иностранные» книги «здешней академической печати».

Главное внимание было отведено вопросам отчетности. Зубков должен был вести около 8 учетных, так называемых «шнуровых книг» или тетрадей. (Свое название они получили потому, что сквозь толстые тетради было продето два шнура, скрепленных на внешней стороне тетради печатью, чтобы нельзя было незаметно вырвать или заменить лист.) Так, в особую книгу, по приложенной форме, были записаны все издания, переданные от Прейсера и поступавшие из типографии в «приход». Кроме того, он обязан был записывать «в расход» (также по форме) все, что было продано в книжной лавке, в отдельную тетрадь заносились данные о продаже «портретов и ландкарт». Особые книги имелись для учета продававшихся «Ведомостей», для списка подписчиков и отпуска им газет («именная ведомость»), для учета денег, полученных за объявления, печатавшиеся в «Ведомостях». В специальную тетрадь записывались книги, передававшиеся из книжной лавки в Академическую канцелярию «безденежно» — каждый месяц их набиралось немалое количество. На основе всех этих записей Федор Зубков был обязан ежемесячно представлять в Канцелярию «репорт» о «приходе» и «расходе» книг, т. е. о новых поступлениях книг из типографии в книжную лавку и о количестве проданных экземпляров. «Шнуровые книги» надлежало содержать в порядке и не допускать каких-либо приписок и исправлений «в денежной сумме». Для составления этих приходных и расходных книг в помощь Зубкову были определены копиист Петр Лобанов и ученик Петр Баландин. Зубков должен был продавать академические издания «желающим людям», но «не свыше указанных цен и не тая купцам ежели какая книга в наличности есть, а сказать о ней, что нет...»³⁹. В этом случае ему грозило взыскание. Зубкову запрещалось отпускать книги в долг, отдавать их для прочтения или в счет жалованья академическим служащим (последнее допускалось лишь по приказу Канцелярии). Комиссару книжной лавки было запрещено продавать более двух экземпляров какой-либо книги в одни руки. В случае если кто-либо желал приобрести часть тиража (например, для продажи в других городах), Зубков должен был отсылать покупателя в Канцелярию. Помимо книг Ф. Зубков обязан был продавать «Санктпетербургские ведомости», вести на них подписку и принимать деньги за печатавшиеся в газете объявления.

В случае когда какая-либо из книг хорошо раскупалась и в лавке оставалось небольшое число ее экземпляров, Зубков обязан был своевременно сообщать в Канцелярию о необходимости допечатать ее тираж. Все книги в лавке должны были лежать «порознь» и быть снабжены номерами, «дабы по номерам скорый был всему прииск»⁴⁰. Принимая книги из типографии, комиссар обязан был следить, чтобы в лавку не поступало дефектных экземпляров, и в случае их обнаружения требовать замены, иначе стоимость испорченных экземпляров вычиталась из его жалованья. Лавку требовалось содержать в чистоте, а вырученные деньги хранить «в комиссарской палате в крепком окованном сундуке и за твердым замком и твоею печатью... с ерлыками сколько в котором денег и какой монеты»⁴¹. В отсутствие комиссара лавка должна была быть заперта и при ней должен был находиться «неотлучной часовой»⁴².

Инструкция из 31 пункта подробно регламентировала все стороны деятельности комиссара книжной лавки и его подчиненных: «а в бытность твою в лавке, как тебе самому так и подчиненным поступать против приходящих купцов со всякою учтивостию, и принимать оных смотря на каждого по персоне с надлежащим респектом»⁴³. Комиссар обязан был следить за тем, чтобы «ссор, сквернословия, пьянства в книжной лавке отнюдь не происходило и никто никаких напитков не приносил и не пил»⁴⁴. Последнее напоминание, по-видимому, не было случайным, так как рядом с книжной лавкой в доме Головкина находился «погребок», в котором продавались спиртные напитки. Особенно подробным был пункт 26, предусматривавший действия комиссара книжной лавки в случае пожара, поскольку еще была свежа память о пожаре 1747 г. в Библиотеке и Кунсткамере Академии наук, когда пострадали книги: «Крайнюю иметь вам предосторожность, чтоб в небытность в книжной лавке людей, огня отнюдь бы оставляемо не было, дабы не последовало какого несчастья и во время топления печек поступать с опасностию, а ежели паче чаяния (от чего Боже сохрани) в книжной лавке от какого случая что загорится или поблизости Академии учинится пожар, тогда как наивозможно в самой опасности стараться с прилежностию, чтоб из книжной лавки и из магазейна все книги, денги и писма вынесены и спасены были без утраты, опасаясь причтения к твоему несмотрению и за потеряемое ко взысканию на тебе»⁴⁵. Помимо всего прочего от комиссара книжной лавки требовалось «честь Академии наук наблюдать»⁴⁶ и всячески содействовать (вносить собственные предложения) развитию и совершенствованию книжной торговли.

Новая служба для комиссара Зубкова началась с приема от С. Прейсера книг. Их проверку и «счет» осуществлял Петр Баландин. Несмотря на нарекания академических властей, упрекавших Прейсера и Зубкова в медлительности и в том, что они не всегда в положенное время находились в книжной лавке (рабочий распорядок предусматривал работу в лавке «по утру до обеденного благовеста, а выходить пополудни»⁴⁷ — то есть, около 10 часов в день), к 5 июня 1749 г. опись книг в лавке была завершена. Наличная «денежная казна» была невелика и составляла всего 64 р. 67 к. Опись «российских» книг показала, что в лавке находилось 6445 экз. (73 названия) на 3230 р. 61 к. (Так, например, в лавке имелось 369 экз. «Езоповых фабул с учением», продававшихся по 1 р.; 532 экз. «Монархии турецкой Рикота», также по 1 р.; 150 экз. «Описания академической библиотеки и кунсткамеры», стоившего 50 к., и др.). Почти столько же книг было на латыни и немецком языке: 2149 экз. (40 названий), на латыни на сумму 1996 р. 28 к. и 3220 экз. (37 названий), на немецком языке на сумму 1166 р. 28 к. Намного меньше было книг на французском языке — всего 1966 экз. (10 названий) на сумму 322 р. 47 к. Кроме того, в лавке имелось 2553 экз. портретов и ландкарт на 786 р. 30 к. Всего в лавке имелось 16 333 экз. на общую сумму 7501 р. 94 к.⁴⁸ Помимо указанных в лавке было еще 1242 экз. изданий, продажу которых «производить не велено»⁴⁹, поскольку на них еще не установлены цены.

После наведения порядка в книжной лавке была начата работа по разделению, отбору, проверке и описанию книг, хранившихся в книжном магазине. Книги передавались «из рук в руки», и на каждом листе ведомости после проверки каждого издания и установления общего количества книг расписывались оба — и Прейсер, и Зубков. Передача книг Зубкову из книжного магазина была завершена

к осени, как это видно из совместного «репорта» Зубкова и Прейсера, поданного в Канцелярию 19 октября 1749 г. Книги, перешедшие в ведомство Ф. Зубкова, были размещены в двух амбарах «в каменом Гостином дворе» на Бирже. Из передаточной «Описи» видно, что книг на русском языке в магазине хранилось 21 009 экз. на сумму 17 747 р. 58 к., «латинских» — 16 317 экз. на 27 032 р. 50 к., на немецком языке — 16 714 экз. на 7060 р. 93 к., на французском — 2226 экз. на 1072 р. 23 к. Всего «российских и на иностранных языках книг и прочаго...» (то есть, вместе с «портретами и ландкартами») было передано 56 266 экз. на общую сумму 52 913 р. 4 к. «Означенная сумма книг» и была передана Зубкову⁵⁰. В каждом отдельном случае указывалась как цена одного экземпляра, так и стоимость всех книг данного названия, и на основании этого подсчитана их общая стоимость.

Таким образом, работа по пересчету и передаче книг в руки нового комиссара книжной лавки практически велась почти год. Завершилась она составлением «Сообщительной описи», представленной в Канцелярию в конце 1749 г. В ней были учтены все книги, как имевшиеся в лавке, так и хранившиеся в книжном магазине на момент их передачи Прейсером Зубкову. В соответствии с этой суммарной описью общее количество книг, предназначенных для продажи на конец 1749 г., составляло: 27 454 экз. (на 20 978 р. 19 к.) «российских», 18 469 экз. (на 29 028 р. 58 к.) латинских, 19 934 экз. (на 8227 р. 21 к.) «немецких» и 4192 экз. (на 1394 р. 70 к.) «французских». Вместе с «портретами и ландкартами... всего российских и на иностранных языках книг» и прочего было: 72 602 экз. на 60 414 р. 98 к.⁵¹ Эта сумма была важна, поскольку именно из нее исходил Ф. Зубков при дальнейших подсчетах проданного в книжной лавке. По установленной системе отчетности все вновь поступающее в лавку и книжный магазин записывалось «в приход», все, что было продано в книжной лавке или по приказам Канцелярии взято «безденежно», указывалось как «расход». Учитывалась каждая книга, каждая гравюра и карта, каждый номер газеты. Однако эта система отчетности была громоздкой и сложной. Это обнаруживается хотя бы из названия первого «Репорта» (за первый месяц работы с 13 марта по 13 апреля 1749 г.), поданного Ф. Зубковым в Канцелярию: «на коликое число в Санктпетербургской книжной лавке надлежало быть в марте месяце сего 1749 году разных книг и протчаго экземпляру, и что в том месяце продано и денег принято и что другаго в приход вступило и из оных что в расходе в апреле месяце осталось налицо — книг и прочаго на какую сумму и денег натурою»⁵². И Зубков указывает, что «книжный капитал» на март месяц составлял 60 414 р. 98 к. (то есть, сумму, указанную в общей передаточной описи). Книг в марте месяце «в продаже» было на 24 р. 29 к., вместе с проданными «Ведомостями» выручка от торговли составила 36 р. 28 к. Кроме того, «безденежно» в Канцелярию было отпущено книг на сумму в 153 р. 80 к. По «Ордерам» Академической канцелярии из казны книжной лавки было выдано 15 р. 82 к., и в результате на апрель месяц «натурою» у Зубкова находилось на счету 20 р. 46 к. Подсчитав весь «расход» и «приход» — вновь поступившие в марте месяце книги и др. издания, — Зубков подводит итог: на апрель месяц общая стоимость книг в лавке и магазине составила 60 536 р. 89 к.⁵³ В середине года, к августу, она возросла до 63 698 р. 65 1/2 к., к концу года — в декабре — до 66 794 р. 27 к.⁵⁴

Таким образом, из отчетов Ф. Зубкова было видно, на какую сумму (она постоянно менялась) в лавке в тот или иной момент находилось книжной продукции,

и на какую сумму ее было продано. Все давалось в денежном значении. Не случайно в отчетах использовалось выражение «сумма книг», означавшее их общую стоимость. Кроме того, все выдачи, производившиеся «безденежно», независимо от того, отпускались книги в кредит (например, для Московской книжной лавки) или предназначались в дар, Зубков указывал вместе, и это также без дополнительных подсчетов не позволяло судить о реальных доходах от продажи книг.

То, что отчеты Зубкова не давали представления о том, сколько и каких именно изданий было продано, в известной степени являлось недостатком предложенной П. Ханиным формы отчетности. Не удивительно, что в очередном «Проекте о порядочном учреждении книжной лавки», принадлежавшем Ивану Тауберту и относившемся к 1750 г., снова говорилось о необходимости улучшения отчетности и с известным раздражением подчеркивалось, что невозможно с точностью установить, «за какие книги главнейший деньгам в казну возврат происходит»⁵⁵. Ф. Зубков недолго удержался на должности комиссара книжной лавки. Причины, почему академическое начальство отказалось от его услуг вскоре после того, как ему были переданы дела, не вполне ясны. В решении Канцелярии указывалось, что Зубков не знает иностранных языков, «а паче за его старостию», — и высказывалось недовольство, что он в «отчетах по книжной лавке и в подаче репортов весьма медлителен и большею частию полагается на своих подчиненных»⁵⁶. Как бы то ни было, как только 9 августа 1750 г. новый претендент на должность комиссара книжной лавки — Степан Васильевич Зборомирский — подал прошение о приеме, немедленно последовало распоряжение об отставке Ф. Зубкова. По-видимому, этот вопрос уже был решен заранее. Указом Канцелярии от 10 августа Зубкову предписывалось: «велено от приходу и расходу книг и прочаго вас уволить, а на место ваше вступить комиссару Степану Зборомирскому, того ради вам имеющиеся в ведомстве вашем в книжной лавке и магазине российские и на иностранных языках, печатанные в здешней типографии книги, портреты, ландкарты и прочее, также и деньги отдать в самой скорости в ведомство его Зборомирскаго по описи с ценами, и что всего имянно и насколь по цене одним отдано, а другим принято будет, о том такую ж опись за общими руками подать в Канцелярию при репорте...». В распоряжении, подписанном П. Ханиным, содержалась прямая угроза Зубкову: «опасаясь за нескорую подачу штрафа» в случае, если бы он стал тянуть с передачей дел⁵⁷.

Таким образом, с 9 августа 1750 г. книжная лавка Академии наук перешла в руки нового комиссара. Степан Васильев Зборомирский (Зборомирски — как он сам подписывался на документах), из поляков, был образованным человеком, знавшим языки. Ранее он состоял учителем в латинских школах. В момент поступления в Академию ему было немногим более тридцати лет. (О его возрасте можно судить на основании заявления, поданного его вдовой — Анной Михайловой, прошившей после скоропостижной смерти Зборомирского, последовавшей 22 ноября 1782 г., выдать из Академии наук принадлежащие ему деньги: «от долговременной... с лишком шестидесятилетней жизни... сумму хранящуюся от несчастных случаев, яко то пожара и похищения воров, при оной Академии»)⁵⁸. Зборомирский сумел стать уважаемым человеком, он проработал комиссаром книжной лавки более 30 лет, и многое в том, как развивалась и протекла книготорговая деятельность Академии наук, было связано с ним.

Вступив в должность, Зборомирский, точно так, как до него Ф. Зубков, получил инструкцию, регламентировавшую его деятельность. За малыми отличиями, это была та же самая инструкция, разработанная П. Ханиным для академических книгопродавцев, которой руководствовался Ф. Зубков. Новому комиссару было установлено более высокое жалованье, чем Зубкову — «из книжных доходов по 250 руб. в год, вычитая из онаго, что надлежит на гофшпиталь...»⁵⁹. (Все же жалованья Зборомирскому было положено меньше, чем получал С. Прейсер.) В помощники Зборомирскому, как и Ф. Зубкову, были назначены Петр Баландин и копиист Петр Лобанов, а книжные палаты остались разделенными на две части — так, «чтобы один к другому входу не имел»⁶⁰. Правда, в свободное время Петр Баландин и помощник Прейсера Карл Арвелиус должны были помогать друг другу. Не считая малых изменений, осталась прежней и система отчетности. Подобно своему предшественнику Зборомирский получил из Канцелярии для ведения приходно-расходных записей «одиннадцать книг за шнуром и канцелярской печатью»⁶¹. В них он должен был вести строгий учет всей книжной продукции Академии наук. Продавать книги он имел право только по ценам, установленным Академической канцелярией, и не более двух экземпляров в одни руки. В случае если бы потребовались «за море здешней печати книги», Зборомирский должен был передавать их Прейсеру только «за готовые деньги». Как и Зубков, Зборомирский обязан был посылать книги для Академической лавки в Москву, устанавливая на них наценку в 25 %. Книги упаковывались в ящики, обшитые рогожей и завязанные веревками, «за печатью канцелярскою». Необходимо было следить, чтобы всякая кипа была не больше пуда и, кроме того, снабжена «ярлыком», указывавшим, сколько и каких отправляется экземпляров и по какой цене их надлежит продавать⁶².

Круг обязанностей комиссара книжной лавки уже был разработан и остался неизменным и для Зборомирского. Помимо содержания книжной лавки в порядке новый комиссар также должен был продавать «Санктпетербургские ведомости», следить, чтобы у него всегда было в запасе по 10 экз. газеты как на русском, так и на немецком языке, в случае необходимости требовать допечатки «Ведомостей» «для удовлетворения народного», но чтобы не печаталось лишних экз., осуществлять на них подписку, собирать деньги за дававшиеся в газете объявления. Кроме того, в соответствии с распоряжениями Канцелярии, он должен был делать закупки, часто совершенно не связанные с его непосредственными обязанностями.

Зборомирский постоянно приобретал самые разнообразные материалы для мастерских, столярных и переплетных работ, покупал кастрюли, гвозди, воск и многое другое. В 1751 г. последовало, например, распоряжение Канцелярии купить для переплета трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» по указанию переплетного мастера Розенберга следующие материалы: «золотого глазета полторы четверти аршина», столько же «серебряного», «зеленой и красной тафты, белого градитуру». Вскоре он получил новое поручение из Канцелярии за подписью П. Ханина: «заказать вам сделать для ношения книг, календарей и прочих дел из алого хорошего сукна, которое было ценою в два рубля в двадцать пять копеек аршин, с крашенинными белыми подкладками четыре мешка два длиною по аршину, шириною по три четверти аршина, два длиною по три четверти, шириною по полуаршину, с шелковыми толстыми шнурами» и пр.⁶³. Для частых «публичных ассамб-

лей» Академии наук обязательно заранее подготавливались книги в красивых переплетах для подношений.

Комиссар книжной лавки иногда выполнял самые неожиданные поручения: «купить приторгованной купчиной Смирновым для поклажи в Канцелярии дел... у солдата Семена Дроздова подержанной шкаф»⁶⁴ или, например, при пересылке книг в Московскую книжную лавку он обязан был не только подготовить их к отправке, уплатить извозчику за их доставку («провоз книг до Москвы с платежом десятой денги и протчих случившихся в пути расходов» стоил в середине XVIII века «по пяти рублев по пятидесяти копеек на лошадь»)⁶⁵, а сопровождавшему солдату «прогонные», но мог получить и такое распоряжение: «солдату Семену Дементьеву... для проезду купить шубу новую хорошую»⁶⁶.

Комиссар обязан был вести учет в особой «шнуровой» книге всем этим «разным вещам и материалам», приобретаемым для Академии наук через книжную лавку.

Несколько конкретизирована и усилена была инструкция в той ее части, где говорилось о том, как надлежит обращаться с деньгами в книжной лавке. Деньги хранились в надежных, окованных железом сундуках, но в самой лавке не разрешалось держать более 200 р. Всю наличность требовалось содержать в «комиссарской палате», у которой по ночам бессменно находилось двое солдат, в случае отсутствия дежурному грозили большие неприятности — «такого сечь батогами или кошками нещадно»⁶⁷. Требовалось также, чтобы лавка в отсутствие комиссара была всегда «заперта и запечатана» и охранялась «безотлучным часовым». «Допускать» кого-либо без себя «до денег и до книг» комиссар не имел права⁶⁸. Было уточнено и время нахождения служителей в лавке. Прейсер и Зубков иногда вызывали нарекания начальства из-за отсутствия в лавке, хотя для них были установлены определенные часы работы. «Токмо они того не исполняют», — досадовали в Канцелярии, находя, что они слишком медленно осуществляли передачу книг. Поэтому Зборомирскому было разъяснено, что он должен был находиться в лавке ежедневно, «кроме воскресных, праздничных и викториальных дней... поутру до обеденного благовеста, а выходить по выходе из канцелярии присутствующих»⁶⁹, т. е. находиться в лавке с 6 до 12 часов и с 3 до 7 часов. Рабочий день, таким образом, составлял около 10 часов. В зимнее время он был немного короче.

Даже на основании инструкции, определявшей круг занятий комиссара книжной лавки, можно судить, насколько важной в структуре Академии наук была эта должность. В качестве лица, осуществлявшего академическую книжную торговлю, комиссар был связан с петербургской интеллигенцией — учеными, писателями, печатавшими свои книги в Академической типографии, различными кругами читателей — от сановных подписчиков на «Санктпетербургские ведомости» и другие издания Академии наук вплоть до разночинцев и купечества. Вместе с тем, комиссар книжной лавки находился в курсе всех административно-хозяйственных дел Академии наук, в его руках находилась «денежная казна» и, хотя он и действовал по распоряжениям Канцелярии, через его руки проходили все счета и академические выплаты, он сам обязан был делать многие необходимые для Академии покупки, выплачивать жалованье ряду академических служителей, т. е. постоянно находился в центре академической жизни. Кроме всего прочего, разделение лавки на «иностранную» и «российскую» существенно подняло значение ее «российской» части.

Если сравнить инструкцию из 32 пунктов, детально регламентировавшую обязанности комиссара в середине XVIII века и занятия ее первых факторов, то видно, как по мере становления и развития самой Академии наук определялись и функции ее «учреждений», в частности менялись задачи, стоявшие перед факторами книжной лавки. К 1740 г. из ведения С. Прейсера было исключено руководство типографией и принадлежавшими к ней мастерскими. Ни сил, ни знаний одного человека уже не хватало, чтобы совмещать издательскую и книготорговую деятельность Академии наук. Определенным облегчением для комиссаров книжной лавки стало ее разделение на две части, хотя, как уже указывалось, со стороны академического начальства это было вынужденной мерой из-за отсутствия нужных людей.

Преобразования в области академического книготоргового дела в середине века, в которых приняли участие как ученые Академии наук (в частности, М. В. Ломоносов), так и умелые администраторы (П. Ханин, И. Тауберт), подготовили почву для развития академической книготорговли в последующие годы.

Судя по всему, новый молодой комиссар книжной лавки Степан Васильевич Зборомирский энергично приступил к выполнению обязанностей. Его деятельность началась с приема книг от Ф. Зубкова. Поскольку уже незадолго до этого при передаче книг С. Прейсером Ф. Зубкову были осуществлены разбор и проверка состава лавки, то на сей раз передача «книжного капитала» была осуществлена в короткий срок. Уже в конце декабря 1750 г. в Канцелярию была представлена опись всей книжной продукции, имевшейся в лавке и амбарах и находившейся «в ведомстве у комиссара Зубкова за приемом и щетом помощника Баландина», составленная «общее за руками» обоих комиссаров⁷⁰. «Наличной денежной казны» было 246 р. 56 к. Общее количество переданных книг и «прочаго» составило 76 224 экз. на 65 755 р. 70 1/2 к. Весь капитал был оценен в 66 002 р. 26 1/2 к.⁷¹ Из чего конкретно складывалась сумма 65 755 р. 70 1/2 к., отражавшая наличие «книжного капитала» в Академии наук? В лавке и магазине было налицо 30 237 экз. книг «на русском языке» на 24 588 р. 28 к.; 18 166 экз. книг «на латинском языке» на 29 619 р. 45 к.; 19 918 экз. книг на немецком языке на 8170 р. 13 1/2 к.; 4104 экз. на французском языке на 1364 р. 94 к. Таким образом, «всего на российском и иностранных языках» было 72 425 экз. книг на общую сумму 63 742 р. 80 1/2 к. Помимо книг в лавке и «магазинах» имелось еще 3799 экз. «портретов и ландкарт» на общую сумму в 2012 р. 80 к. Таков был «книжный капитал» (65 755 р. 60 1/2 к.), полученный Зборомирским в момент вступления его на должность комиссара книжной лавки и ставший основой отчета для подававшихся им рапортов⁷². Кроме того, ему было передано 1244 экз. разных книг, «которым цены не положено», и почти 16 000 экз. (15 907) отдельных номеров «Санктпетербургских ведомостей» за 1749 и 1750 гг., оставшихся нераспроданными⁷³.

Сохранился и перечень имущества, необходимого для повседневной работы в книжной лавке и «магазинах» и также перешедшего к С. Зборомирскому. Среди предметов числятся «безмен для пудов», чернильница «оловянная», стеклянных три, «да песошница одна», ножницы одни, «щеты ветхия одни», «два ножа галанские черныя косяныя», «перочинной малой один», три стула, «очень ветхия обиты кофе-иодным ватином», два сундука «с нутряными замками окованныя», «три замка: один при книжной лавке и два у анбару в гостином дворе», «два блока с ка-

натом и особливая веревка», бумага «картузная», рогожи и др. предметы повседневного обихода, позволяющие представить обстановку книжной лавки⁷⁴.

Регулярные отчеты о состоянии дел в книжной лавке (наличии в ней и шести «магазинах» книг) и продаже академических изданий были введены с момента утверждения на должность комиссара книжной лавки Ф. Зубкова, т. е. с 1749 г. Уже Зубков был обязан представлять ежемесячные отчеты и вести «шнуровые» книги по формам, разработанным и предложенным П. Ханиным. Система отчетности, введенная академической Канцелярией в середине XVIII века, сохранялась затем почти 20 лет, до 1770 г. Для того чтобы механизм учета книжной продукции этих лет был понятнее, необходимо подробнее остановиться на данном вопросе. Как уже указывалось, Зубков проработал недолго, в марте 1749 г. он был принят в Академию наук, а во второй половине 1750 г. его сменил Зборомирский. Кроме того, в 1749–1750 гг. служители книжной лавки были в основном заняты сначала передачей книг от Прейсера Зубкову, а затем от Зубкова Зборомирскому. Поэтому первым полным годовым отчетом, выполненным в соответствии со всеми требованиями Канцелярии Академии наук, стал отчет 1751 года.

Каким образом подготавливалась и осуществлялась отчетность? В делах Академии наук сохранилась форма, которую в начале каждого года вместе со «шнуровыми книгами» получал комиссар книжной лавки. В «Материалах для истории Академии наук» указывается, что комиссар книжной лавки вел одиннадцать или даже двенадцать «шнуровых книг», но основных отчетных «шнуровых книг», как подтверждают сохранившиеся документы, например «ордер» Канцелярии за 1753 год, было десять⁷⁵. (Позднее их число сократилось до восьми.) Комиссар обязан был вести пять «приходных» и пять «расходных» книг. В трех «приходных» книгах он учитывал все поступившие в его ведомство (то есть, в книжную лавку и «магазины») книги, на русском и иностранных языках, портреты и «ландкарты», а также газеты. В 4-ю «приходную» книгу заносились данные о «денгах, принимаемых за припечатание в газетах о партикулярных делах», в 5-ю — «за дело при Академии вещей», то есть, в нее записывались поступления, получаемые за печатание для частных заказчиков этикеток, ярлыков и др., изготовление печатей, переплетные работы, «иллюминация» карт и др. Точно так в трех «расходных» книгах фиксировались данные, «где значится имеют приходом денги» о проданных книгах, портретах, «ландкартах» и газетах. 4-я книга была «расходная всем принимаемым денгам», а в 5-ю записывались книги и «прочее выданное безденежно». Эти десять книг комиссар книжной лавки обязан был вести на протяжении всего года, а затем, в начале следующего, «неотменно» представлять их в Канцелярию⁷⁶. На основании этих повседневных записей Зборомирский подготавливал и представлял в Канцелярию «ежемесячные» отчеты.

Отчетность Зборомирский вел по тем же формам, которыми руководствовался и Ф. Зубков, но уже несколько усовершенствованным. Он фиксировал все поступления в книжную лавку («приход»), а учитывая «расход», подсчитывал отдельно проданное и отпущенное из лавки «безденежно» по ордерам Канцелярии. В результате из отчетов Зборомирского было видно, какие суммы составляли статьи «прихода» или «расхода».

Для того чтобы было ясно, каким образом осуществлялся учет продававшихся книг и подсчитывался «книжный капитал», приведем отчет Зборомирского за ян-

варь 1751 г.— его «репорт»,— «на коликую сумму имелось в остатке от 1750 г. к генварю месяцу сего 1751 года книг и протчаго и колико денег натурою и тому, что в том месяце вновь принято книг же и денег. И из того, что в расходе и за расходом книг на какую сумму и денег натурою в остатке к февралю месяцу имеется». Зборомирский указывает: «За продажею в 750 году к генварю месяцу сего 751 году в остатке было книг и протчаго на 66 982 руб. 30 $\frac{1}{2}$ коп.»⁷⁷. Затем он фиксирует все поступления из типографии в лавку в январе и подсчитывает их общую стоимость, составившую 580 р. Эту сумму он приплюсовывает к общей сумме «остатка» и получает 67 562 р. 30 $\frac{1}{2}$ к. Затем он подсчитывает «расход», что именно и на какую сумму было продано в лавке (за январь продажа книг составила 624 р. 10 к.) и на какую сумму было отпущено книг «безденежно» (на 123 р. 10 к.), что вместе составило 747 р. 20 к. Это число он вычитает из общей стоимости «книжного капитала» — 67 562 р. 30 $\frac{1}{2}$ к. и в итоге показывает, что общая стоимость в лавке на февраль месяц составила 66 815 р. 10 $\frac{1}{2}$ к.⁷⁸. Таким образом Зборомирский ежемесячно подсчитывал меняющуюся (в зависимости от поступлений в лавку и продажи) общую стоимость книг, находившихся на балансе в книжной лавке и в магазинах.

Таблица I-1 («Продажа книг, портретов и ландкарт... в 1751 г.»), составленная на основе «щетов» Зборомирского за январь—ноябрь 1751 г.⁷⁹, показывает, каким образом на протяжении года колебалась, то увеличиваясь, то уменьшаясь, основная сумма «книжного капитала», которым располагала в 1751 г. Академия наук (цены указаны в рублях).

Наряду с подсчетами постоянно менявшейся суммы «книжного капитала» С. Зборомирский ежемесячно отчитывался и за так называемую «денежную казну» — реально имевшиеся в лавке деньги. Эта сумма складывалась не только из выручки за проданные книги. Ее составляли доходы, полученные за переплетные работы, публикацию в «Санктпетербургских ведомостях» частных объявлений, «иллюминирование» карт, изготовление для заказчиков различных предметов в Академии — печатей, штемпелей и т. д., а также выполнение типографских заказов — печатание сочинений для «партикулярных лиц», визитных билетов, ярлыков, этикеток и др. Кроме того, по этой же статье подсчитывались и деньги, поступившие по ордерам Канцелярии. Обычно это были денежные поступления за отпущенную ранее в кредит книжную продукцию.

Комиссар книжной лавки Зборомирский (как и С. Прейсер) имел право выдавать книги «безденежно» только по письменным ордерам Канцелярии. Нередко количество книг, выданных за год «безденежно», превышало количество проданных. Это происходило потому, что лишь часть книг из отпускаявшихся «безденежно» оформлялась (и подсчитывалась) «без возвращения» их денежной стоимости. Большая же их часть передавалась заказчику «с возвратом», то есть, это была своеобразная форма продажи книг в рассрочку. Книги, гравюры, газеты и др. отсылались ко двору, в государственные учреждения, некоторым высокопоставленным лицам и уже потом, постепенно, деньги за эту академическую продукцию (иногда не без хлопот) возвращались в Академию наук. Обе статьи «безденежных» выдач также тщательно учитывались. Таким образом, реальный доход от продажи академических изданий (ежемесячный, ежегодный) был гораздо выше, чем он указывался в отчетах комиссара книжной лавки Зборомирского, поскольку

деньги, постепенно возвращавшиеся за книги, отпущенные «безденежно, с возвратом», приходовались совсем по другой статье, чем «расход», т. е. продажа книг. Деньги, поступавшие по ордерам, в соответствии с заведенным порядком, учитывались как одна из статей прихода в денежную казну, находившуюся на руках у комиссара Зборомирского.

Таковы были два основных показателя — общая стоимость находящегося в наличности книжного капитала и состояние «денежной казны», — на которых основывались статистическо-финансовые отчеты по книжной лавке.

В свою очередь, на основе «шнуровых книг» и ежемесячных отчетов составлялась «Щетная выписка» — годовая ведомость-отчет. В ней было отражено (и подсчитано) все движение книжной продукции — «приход» и «расход» каждого из академических изданий в течение года. В каждом отдельном случае была указана цена одного экземпляра, подсчитана стоимость всех имевшихся экземпляров данного издания, а также количество и сумма проданных экземпляров за год. В целом «Щетная выписка» давала наглядное представление о том, сколько и на какую сумму имелось в лавке экземпляров того или иного издания и сколько экземпляров и на какую сумму их было продано за год. Кроме того, на основе «Щетной выписки» можно было судить и об ассортименте академической книжной продукции, поскольку книги на русском, латыни, немецком и французском языках учитывались в ней раздельно. Особо велся учет портретам, «ландкартам» и гравюрам, а также «Санктпетербургским ведомостям» и «Прибавлениям» к ним. Позднее, когда начали выходить «Ежемесячные сочинения», они также стали учитываться отдельно. «Щетная выписка» давала представление и об общем состоянии «книжного капитала» в лавке — годовой вырубке и наличии книг в лавке.

Вопрос о том, кем именно составлялись эти «Щетные выписки», не вполне ясен. Судя по сохранившимся «Резолюциям» Канцелярии Академии наук, комиссар Зборомирский представлял «шнуровые» книги и ежемесячные отчеты в «щетную экспедицию», или «комиссию», как ее иногда называли. Там тщательно (можно сказать, пристрастно) проверялась правильность подсчетов и записей Зборомирского и готовился сводный отчет за год. Как удалось установить, 19 декабря 1752 г. было принято решение «при Канцелярии академической для щетов денежной казны и всяких материалов, также здешней и московской книжных лавок учредить с надлежащими приказными служителями Щетную экспедицию»⁸⁰. На должность «камериера» (экзекутора) был назначен Михаил Гурьев, а инспектора — Иван Томилин, оба с жалованием по 250 р. в год. Позднее в «Резолюции» Канцелярии от 24 сентября 1762 г. указывалось, например: «велено оныя приходныя и расходныя книги (сдать) по описи к щетовому дела регистратору Фирсову, коему и учиня выписки и экстракт предложить Канцелярии»⁸¹. В аналогичном документе от 12 июля 1764 г. содержалось распоряжение: «внесенные от него Зборомирскаго приходныя и расходныя книги принять по описи к щетным делам, где учинить выписку и экстракт как скоро возможно и предложить к слушанию»⁸². Однако год от года составление этих отчетов затягивалось, и «Щетные выписки», как видно из приведенных документов, представлялись не в начале, а в середине и даже к концу текущего года. Возможно, поэтому в составлении этого сводного годового документа с течением времени стал принимать все большее участие и Зборомирский. В рапорте, поданном на имя В. Г. Орлова, назначенного в 1766 г. директором

Академии наук, Зборомирский в числе своих обязанностей указывал: «...по окончании года должно исчислять, сколько каких во весь год было в приходе книг, партретов, ландкарт, ведомостей, ежемесячных сочинений, також и денег сколько во весь год имелось в приходе и за что имянно, и сколько во весь год из книг, и из денег было в расходе, и сколько чего осталось в остатке, и весь оной остаток, книжной поимянно и денежной записать в приход с весьма исправным рассмотрением, и оные все писменные дела должен сам комиссар вчерне писать, а имеющийся при нем подячий толко в состоянии переписать набело»⁸³.

Именно на основании «Щетной выписки» подготавливался последний, окончательный документ, «выжимки» из всех предшествующих поэтапных отчетов — «Генеральный экстракт», в котором и содержались в обобщенном виде все статистическо-финансовые данные по академической книжной торговле за год. Этот последний итоговый документ — «Генеральный экстракт», или просто «Экстракт», — и представлялся на рассмотрение и утверждение академическим властям. В 1748–1755 гг. «Экстракты» визировались И. Шумахером, позднее (с 1756 г., отражая изменения, наступившие в Академии наук) — ее тремя советниками М. Ломоносовым, И. Таубертом, Я. Штелином, а затем и другими. После того, как «Экстракт» был утвержден и подписан, Зборомирскому выдавалась «Квитанция», своеобразная справка, свидетельствующая о том, что его отчеты приняты и злоупотреблений не обнаружено⁸⁴. О том, как долго рассматривались отчеты, свидетельствует и тот факт, что «Квитанция», как правило, выдавалась с опозданием в один—два года. Первая «Квитанция», выданная после утверждения «Экстракта» за 1751 г., датирована, например, 8 февраля 1754 г.⁸⁵ Обычно прямо на оборотной стороне каждого «Экстракта» давалась краткая оценка деятельности комиссара книжной лавки. Так, в «Экстракте» за 1751 г. указывалось, что в «шнуровых книгах» и отчетах неисправностей не оказалось, в «денежной казне неуказанных дач и передач» не производилось, что на все выдачи из лавки имеются расписки и что все закупленные материалы были переданы мастерам «сполна»⁸⁶. Таким же образом фиксировались и замеченные недостатки. В «Экстракте» за 1753 г. отмечалось, что сумма стоимости русских книг не сходится — имеется недостача в две копейки, поскольку Зборомирский продал экземпляр «Предик» архиерея Сеченова вместо 12 к. за 10 к. «и тако 2 ко. недонято»⁸⁷. И Зборомирский дает объяснения по каждому случаю, отмеченному как упущение. Оду советника Еннера на немецком языке он продал за 15 к. вместо 20 к., поскольку в Каталоге «может быть неусмотрением напечатана цена по пятнадцать копеек»; недополученные две копейки были просто «опиской» и т. д.⁸⁸. Важно, что учитывалась и считалась каждая копейка. Зборомирскому пришлось давать объяснения и по поводу отчета за 1755 г., почему «в приходе и расходе русских газет оказалось в некоторых номерах против приходу в расходе излишество, а от чего оное произошло не видно»⁸⁹. Без выяснения этого вопроса не подписывался «щет» и ставилась под сомнение «сумма книжного капитала», выведенная в «Экстракте». В свое оправдание Зборомирский указывал: «Некоторые желатели весьма в позднем времени: как-то в июне, июле, в августе и позже требуют Ведомостей с начала по конец года... случается, что чрез так долгое время некоторые нумеры... бывают все в расходе, чего для реченные желатели с удовольствием берут и платят за целый год Ведомостей яко за полные экземпляры, хотя без некоторых нумеров и потому такие нумеры (явятся)

по щоту якоб излишняя, которых исчислять в расход не следует»⁹⁰. Пояснение Збормирского, по-видимому, было найдено удовлетворительным, так как спустя три дня — 17 октября 1756 г. (дата показывает, насколько затянулось составление и утверждение годового отчета и «Экстракта» за 1755 год) «Экстракт», наконец, был подписан И. Шумахером. Приведенные примеры показывают, с какой тщательностью составлялись эти «Экстракты». Их формы на протяжении десятилетий практически не менялись (иногда менялись местами отдельные рубрики или временно вводились дополнительные суммирующие столбцы).

Для того чтобы дать представление о всех этапах достаточно сложной системы отчетности по книжной лавке, приведем полностью содержание «Экстракта» — последнего итогового документа за первый целый год отчетности (см. таблицу I–2).

«Экстракт», как видно из публикации этого документа, содержал суммарные показатели (в их денежном выражении) по разным статьям академической книготорговли. Так, в 1751 г. общая стоимость «книжного капитала» в Академии наук составляла 89 901 р. 59 1/2 к. За год было продано книг и прочего на 5606 р. 61 к. и отпущено в рассрочку (т. е. «с возвращением денег») еще на 4300 р. 85 к., что вместе составило 9907 р. 46 к. Эта сумма и была показателем результатов книжной торговли за 1751 год. Вместе с 2564 р. 62 1/2 к. — стоимостью книг, отпущенных «безденежно» — «без возвращения денег» — общий «расход» книг составил 12 472 р. 8 1/2 к. В результате к началу 1752 г. «остаток», т. е. общая стоимость всей академической книжной продукции, составлял 77 429 р. 51 к.

Выше уже были приведены данные за 1751 г., иллюстрирующие, как этот основной показатель точки отсчета (т. е. стоимость всей академической книжной продукции) ежемесячно менялся, постоянно то увеличиваясь, то уменьшаясь. Таким образом, каждый из «Экстрактов» содержал данные о финансовом состоянии академической книжной торговли в определенный год и точные числа, отражавшие стоимость «книжного капитала», которым располагала Академия наук.

Кроме того, «Экстракт» дает представление и об ассортименте книжной продукции. Так, в 1751 г. книг на русском языке было продано на 3716 р. 52 к., на латыни — на 246 р. 83 к., на немецком языке на 311 р. 1 1/2 к., на французском — на 16 р. 92 к., гравюр и карт — на 617 р. 25 к. и газет на 698 р. 7 1/2 к., что в целом и составило сумму выручки — реальный доход в 5606 р. 61 к. «Экстракт» наглядно показывает, что основной статьей дохода была продажа академических изданий на русском языке, а также карт, гравюр и «Санктпетербургских ведомостей».

В Петербургском филиале архива Российской Академии наук сохранилось 14 таких «Экстрактов» за 1749–1762 гг. И хотя значение подобных документов (дающих точную, объективную и достаточно многомерную характеристику состояния академической книжной торговли более чем за десятилетие) трудно переоценить, «Экстракты» не были использованы для статистических анализов издательско-книготорговой деятельности Академии наук в указанный период.

На основе этих 14 «Экстрактов» нами подготовлено пять таблиц, характеризующих состояние академической книжной торговли в 1749–1762 гг. Наиболее информативной является таблица I–3, таблицы I–4 — I–7 ее поясняют и дополняют.

Таблица I–3. Финансовое состояние академической книготорговли в 1749–1762 гг. В столбце 1 таблицы показан так называемый «остаточный» капитал к началу каждого года, то есть общая стоимость всей книжной продукции, которой

располагала Академия наук на данный момент. Столбец 2 отражает в денежном выражении количество новых поступлений из Академической типографии — «приход», пополнявший книжные запасы Зборомирского и обуславливавший рост суммы основного «книжного» капитала на протяжении года. В столбце 3 показан реальный ежегодный доход от всей продажи академических изданий. В столбце 4 отражена ежегодная продажа книг и пр. в рассрочку, а в столбце 5 — сумма, в которую обошлась бесплатная раздача книг. Итоговый столбец 6 иллюстрирует «расход», то есть общую стоимость всего проданного и отпущенного бесплатно из книжной лавки за год. Исключение этой суммы из общей годовой стоимости книг — «прихода» (см. таблицу I-2) и давало данные об «остаточном» капитале к началу каждого года. Если в качестве иллюстрации обратиться к тому же 1751 г., то видно, что к началу этого года «книжный» капитал составлял 66 982 р. 30 ¹/₂ к., на протяжении года он возрос до 89 901 р. 59 ¹/₂ к. Сумма «расхода» — всего проданного и «безденежно» отпущенного — за год составила 12 472 р. 8 к. И таким образом, «остаточный» капитал к началу 1752 г. представлял 77 453 р. 21 к. Подобный расчет «прихода» и «расхода» книжной продукции и позволял судить о состоянии академического издательско-книготоргового дела.

Нужно сказать, что при всей тщательности подсчетов даже в «Экстрактах», особенно в первые годы их составления, а в отдельных случаях и позднее (см., например, соотношение 1757 и 1758 гг.), можно отметить некоторые несовпадения в данных, обусловленные сложностью подсчета выручки за «Ежемесячные сочинения», которая не сразу стала включаться в общий итог. Но это было исключением.

Таблицы I-4 — I-6 (также составленные на основе «Экстрактов») наглядно показывают, какие именно виды книжной продукции и на какую сумму в 1749–1762 гг. ежегодно продавались (таблица I-2), отпускались в продажу с рассрочкой (таблица I-5) и раздавались бесплатно (таблица I-6).

Таблица I-7 показывает, на какую сумму ежегодно из типографии в книжную лавку поступало печатной продукции и сколько ее оставалось нераспроданной (т. е. насколько успешно Академия наук справлялась с задачей распространения своих изданий).

Если исключить 1751 г., когда высокая стоимость поступлений печатной продукции (22 919 р. 29 к.), по-видимому, свидетельствует не об увеличении мощностей типографии, а просто о скоплении всего, что уже было напечатано, в книжной лавке и магазинах, а также в 1759–1762 гг., когда начала действовать «Новозаведенная академическая типография» и, как следствие, сразу возрос объем книгопечатания, то видно, что ежегодно в среднем из типографии поступало новой продукции не менее чем на 16 500 р., и за тот же период — реализовывалось в год, в среднем, немногим больше, чем на 11 000 р. (из них наличными деньгами — около 7000 р. в год).

Таким образом, в книжных «магазинах» Академии наук в среднем ежегодно оседало не менее чем на 5000 р. академических изданий (сумма «остатка» значительно колебалась). Как только начала действовать «Новозаведенная» типография Академии наук, эта диспропорция между количеством производившейся и количеством продававшейся книжной продукции стала еще более напряженной и острой. В 1760–1762 гг. ежегодные поступления подскочили до 32 500 р., но и еже-

годный «остаток» нераспроданных книг и пр. сразу возрос в три раза и составил около 15 000 р. Решить эту проблему путем увеличения продажи академических изданий через книжную лавку не представлялось возможным. Несомненно, что увеличение ассортимента изданий способствовало увеличению оборотов книжной лавки (как только с 1755 г. начали выходить «Ежемесячные сочинения», доходы книжной лавки сразу увеличились на 300–400 р. в год), но возможности увеличения продажи академической продукции были ограничены узостью петербургского книжного рынка. Тем не менее, если обратиться к таблицам I–4 и I–5, то видно, что в 1760–1762 гг. было продано академических изданий на 38 236 р. 47 к. и отпущено «в рассрочку» еще на 11 366 р. 19 к., в итоге на сумму 49 602 р. 66 к. В среднем ежегодно книг и прочего продавалось более чем на 16 000 р., причем из них на 12 500 р. за наличные деньги. Существенный рост доходов книжной лавки начиная с 1760 г. (после 1762 г. они вновь сократились) может быть объяснен тем, что Академия наук в эти годы, по-видимому, впервые сумела наладить оптовую продажу своих изданий. «Щетные выписки» показывают, что в «расход» регулярно начали поступать достаточно большие партии книг. Подбор этих книг, а состояли они преимущественно из «ходовых» изданий, способных заинтересовать более широкий круг читателей, позволяет предположить, что, возможно, кто-то из русских купцов попробовал распространять академические издания помимо Петербурга и Москвы. Таким лицом мог быть купец — книгопродавец Матвей Никифоров, который в 1760–1762 гг. время от времени поставлял для Академической библиотеки редкие издания, по заказу подбиблиотекаря А. И. Богданова⁹¹.

Как бы то ни было, Академией наук в 1760 г. было продано сразу 909 экз. «Троянской истории» на 454 р. 50 к.; 1467 экз. «Эзоповых басен» на 1026 р. 90 к.; 110 экз. «Малой географии» на 13 р. 20 к.; 65 экз. «Жития и дел принца Евгения» на 97 р. 50 к.; 331 экз. «Воспитания детей» на 132 р. 40 к.; 148 экз. «Уложения» на 185 р.; 241 экз. «Домашних разговоров» на 108 р. 45 к.; 139 экз. I тома «Ролоновой истории» на 208 р. 50 к. и 135 экз. II тома на 202 р. 50 к.; 45 экз. «Ансонова путешествия» на 112 р. 50 к.; 75 экз. «Вояжирова лексикона» на 75 р.; 194 экз. «Устава воинского» на 135 р. 80 к.; 78 экз. «Маркиза» на 54 р. 60 к.; 200 экз. «Происков и хитростей» на 50 р.; 519 экз. «Науки счастливым быть» на 259 р. 50 к.; «Указных книг» — 88 экз. «714–725 гг.» на 352 р. и 100 экз. «725–730 гг.» на 255 р. и ряд других изданий в меньших количествах. Особенно крупной была покупка «Календарей больших на 61 год»: 6756 экз. на 1013 р. 40 к. и «Придворного календаря» 280 экз. на 42 р.⁹² В 1761 г. и первой половине 1762 г. подобных закупок не было, но со второй половины 1762 г. опять прослеживается та же закономерность: кем-то покупаются партии «ходовых» книг на русском языке (а они могли приобретаться только для продажи в провинции), причем иногда в большом количестве экземпляров. В июле 1762 г. было продано сразу 72 экз. «Римской истории» т. 1 на 72 р., 2 тома — 58 экз. на «простой» бумаге и 10 экз. на «белой», на 70 р., 3 тома — 54 экз. на «простой» и 33 экз. на «белой» — на 93 р. 60 к.; 116 экз. «Дорожного календаря» на 17 р. 40 к. на «простой» и 37 экз. на «белой» — на 7 р. 40 к.; 160 экз. «Пильпаевых фабул» на 64 р. на «простой» и 40 экз. на «белой» на 20 р.; 349 экз. «оды на взошествие Екатерины Алексеевны» — на 34 р. 90 к.; 300 экз. «Манифеста» на 15 р. и 125 экз. его же на немецком языке на 6 р. 25 к. В августе

было куплено немало книг в количестве от 15 до 30 экз., а в октябре и ноябре вновь были закуплены уже приобретавшиеся ранее «Пильпаевы фабулы» — 44 экз., «Эзоповы фабулы» — 14 экз. и др. В ноябре была куплена большая партия «Курасовой истории» — 136 экз. на 81 р. 60 к.⁹³. Количество книг, то, что приобретались одни и те же издания на русском языке, рассчитанные на широкий круг, в том числе и на менее притязательного читателя, свидетельствует о многом. В основном это была учебная литература, популярная, справочная и законодательная литература, публикации на злобу дня, разные виды календарей, то есть издания, которые всегда пользовались повышенным спросом у читателей и которые предпочитали покупать русские купцы, когда у Академии наук установились связи с частными книгопродавцами.

Несомненно одно, что с момента, когда заработала «Новая типография» и количество выпускавшихся книг существенно возросло, Академия наук была вынуждена искать новые рынки для сбыта своей продукции. В Петербурге она по-прежнему сохраняла монополию на продажу своих изданий, для заграницы предназначались издания преимущественно на иностранных языках, и единственной реальной возможностью для расширения академической книготорговли было налаживание связей с провинцией. Резко расширившаяся продажа книг в 1760 и 1762 гг., скорее всего, и была одной из таких попыток, неоднократно предпринимавшихся Академией наук.

Данные, приведенные в таблицах, показывают, что немногим более чем за десятилетие (с 1749 по 1762 г.) доходы от продажи книг в Академической лавке возросли в 2–2,5 раза, а в отдельные годы и больше. Из обнаруженных нами отчетов Ф. Зубкова и подготовленных на их основе «Экстрактов» за 1749 и 1750 гг. видно, что в 1749 г. выручка книжной лавки от продажи всех академических изданий (книг на разных языках, календарей, гравюр, карт и газет) составила всего 1287 р. 87 ³/₄ к. В 1750 г. он торговал уже гораздо успешнее, и доход от продажи академических изданий к 13 августа 1750 г. (когда его сменил Зборомирский) составил 2605 р. 73 к., то есть возрос вдвое. Основной статьей дохода были книги на русском языке. Кроме того, Зубков в течение двух лет торговал и зарубежными изданиями. Эти книги не числились на балансе книжной лавки, они были записаны в «особую ведомость книг выписанных из-за моря», и их общая стоимость к началу 1749 г. составляла 9752 р. 31 к., а к 1750 г. — 11 809 р. 16 к. Однако, как видно из документов, раскупались они медленно и доход от их продажи был совсем небольшим: в 1749 г. иностранных изданий было приобретено всего на 247 р. 93 к., а в 1750 г. — на 540 р. 70 к. То есть, он составил меньше чем пятую часть от выручки по книжной лавке, полученной от торговли академическими изданиями в эти годы⁹⁴. Как уже указывалось, Зборомирский не занимался продажей зарубежных изданий, с августа 1750 г. она перешла исключительно в руки С. Прейсера, а после него И. Вейтбрехту.

С 1751 г. можно говорить о начавшемся подъеме и развитии академической книготорговли. Этому способствовал ряд факторов — уже упоминавшееся разделение обязанностей между книгопродавцами, наведение порядка с отчетностью, бесспорно удачным был и выбор нового комиссара книжной лавки. Как только она перешла в руки Зборомирского, выручка от продажи академических изданий за наличные деньги неуклонно начала возрастать. За четыре с половиной месяца

1750 г. (с 13 августа, момента, когда был принят Зборомирский) она составила 1494 р. 40 $\frac{1}{2}$ к., а общая сумма денежной казны к 1751 г. равнялась 1964 р. 19 к. Нужно сказать, что в эти годы (особенно в 1749, 1750 гг.) «безденежные» выдачи из лавки превышали в два-три раза продажу изданий за наличные деньги (см. таблицы I–4, I–5 и I–6). К 1755 г. доходы от книготорговли по сравнению с 1750 г. (см. таблицу I–3) увеличились вдвое. Определенную роль сыграла и продажа «Ежемесячных сочинений», начавших выходить с 1755 г.

Особенно велики были суммы от продажи академических изданий за наличные деньги в 1760–1761 гг. За два года (см. таблицу I–3) они составили 27 408 р. 48 $\frac{1}{2}$ к. Таким образом, за 10 лет реализации академической книжной продукции они возросли почти в три раза. Фактически же значения этих чисел были большими, так как одновременно велась продажа книг в рассрочку (выдачи «безденежно с возвратом»), также приносящая немалый доход Академии наук. В те же 1760–1761 гг. было реализовано академических изданий на 7148 р. 13 к. (см. таблицу I–5). Книги в дар «безденежно, без возврата» отпускались в меньших количествах. В эти же годы этот вид распространения изданий составил, например, сумму всего в 1897 р. 70 к. Но и это были далеко не бесполезные траты для Академии наук — они укрепляли ее престиж, научные связи, преследовали и определенные выгоды. Посылая, например, 2 экз. «Санктпетербургских ведомостей» на русском и немецком языках в «Стеггольмскую академию», Петербургская Академия наук вправе была рассчитывать на получение в ответ шведских изданий. Не случайно на полях документа была сделана помета: «из оной академии присылаются книги и прочее...»⁹⁵.

Некоторое количество экземпляров из лавки выдавалось на нужды самой Академии наук. В 1751 г., например, Зборомирский получил из Канцелярии распоряжение: «Его высокографское сиятельство Академии наук господин президент изволил приказать как ему самому, так и присутствующим в Канцелярии академической членам — господину советнику Шумахеру и господину асессору Теплому для всегдашнего их ведения какие прежде и когда печатать издания, здесь при Академии всякие книги и разные купферштихи и прочее, на каком бы то языке ни было, оного всего сколько ныне в магазине и книжной лавке налично есть, как то явствует из каталога, отобрать в книжной лавке для каждой персоны по одному на хорошей бумаге экземпляру и отдать для переплету мастеру Розенбергу, записать в расход с распискою и оные вам не ставить ни на чей щот»⁹⁶. Комиссар книжной лавки обязан был вести учет всем «безденежным» выдачам и производить их только в соответствии с приказами («ордерами») Канцелярии.

В монографии «Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов» Д. В. Тюличев не только дал картину академического книгопечатания середины XVIII века, но и обратился к проблемам распространения изданий Академии наук этого времени. Как указывает автор, им были использованы ежемесячные отчеты, позволившие воссоздать статистическую картину академического книгопечатания и книготорговли в середине XVIII века⁹⁷. Разработанные им «количественные характеристики» (терминология автора), отражающие специфику издательно-книготорговой деятельности Академии наук, были основаны на поэкземплярном подсчете академических изданий. Однако в отдельном случае, в таблице 37, Тюличев дал «Финансовые итоги продажи изданий в петербургской и московской книжных лавках в 1749–1753 гг.»⁹⁸. К сожалению, автор

привел данные (в денежном выражении) всего лишь за пять лет. Сопоставление результатов, полученных Тюличевым в таблице 37, с данными академических «Экстрактов» (составлявшихся в Академии наук, как уже указывалось, на основании тех же ежемесячных отчетов Зборомирского и «счетных выписок», которые были использованы и Тюличевым) показывает, что подсчеты автора по каждому отдельному году (а в результате и за пятилетие в целом) расходятся с цифрами академических «Экстрактов». «Финансовые итоги», приводимые Тюличевым и по петербургской, и по московской книжным лавкам, меньше аналогичных показателей по этим же лавкам из «Экстрактов». Ограничимся лишь итоговыми цифрами: в петербургской книжной лавке за пятилетие 1749–1753 гг. (по данным «Экстрактов») было продано академических изданий на наличные деньги на 19 582 р. 80 к., в московской книжной лавке только за 1749–1752 гг. (за 4 года) было реализовано книг и прочего на 7304 р. 2 к., а вместе с зарубежными изданиями — на 9518 р. 12 к. У Тюличева (за пять лет): по петербургской книжной лавке было продано книжной продукции на 16 319 р., по московской — на 8508 р. В качестве общего итога по обеим лавкам за пять лет Тюличев указывает сумму 24 827 р. Для сравнения приведем «Экстракт» из «генеральных экстрактов», составленный в Академии наук к 1753 г. (Таблица I-8; стоимость указана в рублях).

Таким образом, таблица наглядно показывает, что в 1749–1752 гг. доход от продажи академических изданий на наличные деньги составил 26 214 92 $\frac{1}{4}$ р., и к 1753 г. — за четыре года — Академией наук всего было распространено своих изданий на внушительную сумму — 54 369 р. 26 $\frac{1}{2}$ к. Трудно допустить, чтобы книгопродавцы Зборомирский, В. Иванов (комиссар московской книжной лавки), контролирующие их экзекуторы при подсчете денежных средств стали бы допускать ошибки в сторону завышения показателей.

Расхождения в числах скорее всего объясняются тем, что Тюличев (хотя он этого специально и не оговорил) указал лишь, что в его «финансовые итоги» не включена продажа в кредит и в рассрочку⁹⁹, не учел еще каких-либо видов академических доходов — от продажи газет, иностранных книг, изданных за рубежом, и др.

В результате, подытоживая «общий приход» от книготорговой деятельности Академии наук в 1749–1753 гг. (если считать лишь прибыль от продажи за наличные деньги), Тюличев, указывая, что он «в среднем ежегодно составлял около 6300 руб.»¹⁰⁰ для этих лет, сильно его завысил. Из приведенной таблицы I-3 видно, что доход за год, в среднем, по петербургской книжной лавке в это время был меньше 4000 р., но и вместе с выручкой московской книжной лавки (см. «Экстракты») он никак не достигал суммы в 6000 р. Автор в другом месте своей монографии, ссылаясь на мнение Ломоносова, заметившего в 1747 г., что доходы от продажи книг в Академии наук при «одной типографии во всем государстве» могли бы составлять «хотя бы по 10 000», подчеркивает: «По сведениям о суммах денег, ежегодно выручавшихся от продажи академических изданий в период конца 40-х — первой половины 50-х годов XVIII в., действительно видно, что каждая из этих сумм намного меньше 10 тыс. руб., о которых говорил Ломоносов»¹⁰¹. Однако если, оценивая общий доход от книготорговли, учесть все виды продаж академической продукции, как это делалось самой Академией наук, включая и отпуск книг в кредит, — то картина будет совсем иной. В конце 40-х гг. книготорговля в Академии наук действительно находилась в полном запустении. Достаточно при-

вести такой факт — в 1742 г. доходы книжной лавки уменьшились до 28 887 р.¹⁰², и это свидетельствовало об упадке, а в 1749 г. по петербургской книжной лавке они составили (в наличных деньгах) всего лишь 1287 р. 87³/₄ к. Но как только дела по книжной лавке были упорядочены и продажа академических изданий перешла в руки Зборомирского, доход от их продажи уже с 1751 г. (см. таблицы I–3 — I–5 и I–7) фактически подошел к отметке в 10 000 р., а со второй половины 50-х гг., и особенно в начале 60-х гг., намного превысил ее.

Петербургская книжная лавка была центром академической книготорговли. Несмотря на то, что в московскую академическую лавку постоянно и достаточно оперативно отправлялись все новые издания Академии наук, включая календари, газеты и «Ежемесячные сочинения», а также книги из-за рубежа¹⁰³, обороты московской книжной лавки во многом уступали петербургской. В начале 50-х гг., например, доходы от московской книжной лавки были в два-три раза меньше, чем от петербургской (см. таблицу I–8 — «Экстракт» по московской книжной лавке за 1749–1753 гг.). Как отмечает Тюличев, «предполагавшегося удвоения доходов от книгопечатания за счет книжной торговли в Москве, правда, не получилось. В дальнейшем прирост объемов книжной торговли в самом Петербурге оказался значительнее, чем вся продажа книг в Москве»¹⁰⁴. Одной из причин было то, что книги в московской академической лавке продавались с наценкой в 25% и многие из читателей предпочитали покупать их непосредственно в Петербурге или же у перекупщиков, что было дешевле.

Организации академической книготорговли способствовала строгая отчетность, установленная с 1749 г. И результаты ее довольно быстро начали сказываться. Однако необходимо отметить, что это распространялось лишь на торговлю собственными академическими изданиями. В 1749–1750-х гг. была произведена инвентаризация и опись книг и пр. на русском и иностранном языках, напечатанных в Академии наук. Тогда же встал вопрос о необходимости инвентаризации книг зарубежной печати, выписанных из-за границы, и Прейсер обратился в Канцелярию с просьбой дать указание, каким образом надлежит оформлять учетные номера иностранных книг: «за одними номерами записаны быть имеют или порознь», — запрашивал он с тем, чтобы не возникло путаницы с собственными изданиями Академии наук¹⁰⁵. Вопрос этот так и не был решен, и постепенно все заглохло. Прейсер вел учет новых поступлений, проданной литературы, но отчетов по формам, как Зборомирский, он не подавал, и представления о полном объеме имевшихся в книжной лавке зарубежных изданий у академических властей (а возможно, и у самого Прейсера) не было. По мнению Тюличева, «Шумахер постарался (очевидно не бескорыстно), чтобы Прейсер и после разделения Книжной лавки оставался вне контроля и, более того, в июне 1750 г. это было официально узаконено»¹⁰⁶. Как бы то ни было, но книги, находившиеся на руках у Прейсера, действительно в течение многих лет не были инвентаризированы, как подтверждает обнаруженный нами документ. Так, после смерти Прейсера, следовавшей 23 июля 1764 г., в ответ на просьбу его сына Ивана «выдать заслуженное ево жалованье» на погребение академическое начальство постановило: «понеже он Прейзер был при продаже иностранных книг с 1750 года, однако не считан и не окажется впредь при здаче той лавки другому в книгах и деньгах какова несходства и недостатка, и для того достальное его жалованье по день его смерти удержать

в казне...»¹⁰⁷. Мало того, при наследниках были описаны и опечатаны его скромные «пожитки» — медная и оловянная посуда, мебель, «железные вещи», белье, мужское и женское платье и др. Только спустя два года — в ноябре 1766 г., после наступивших в Академии наук перемен в связи с приходом в нее директора В. Г. Орлова — было, наконец, принято решение «по делу о пожитках» Прейсера. В соответствии с распоряжением, было «определено отдать оные пожитки наследникам его, потому что обстоятельства его дела найдены в таком замешательстве, что невозможно из оных видеть подлинной притчины для чего бы оные удержатъ должно было»¹⁰⁸. Таков был итог деятельности С. Прейсера.

После смерти С. Прейсера некоторое время иностранная часть книжной лавки находилась под опекой Г.-Л.-Х. Бакмейстера. Вскоре, весной 1765 г., на должность бухгалтера иностранной книжной лавки был приглашен прибывший «из-за моря» Иоганн Якоб Вейтбрехт. Он был принят на тех же условиях и должен был выполнять те же обязанности, что и Прейсер до него¹⁰⁹.

Все нарекания в 50-е гг. по поводу неудовлетворительности книжной торговли были связаны, прежде всего, с деятельностью Прейсера и с тем, как в Академической лавке велась торговля зарубежными книгами. Этот момент нашел отражение и в новом проекте П. Ханина от 17 марта 1754 г., предлагавшего ряд мер по улучшению книжного дела Академии наук, поданном, по распоряжению К. Г. Разумовского, в «учрежденную при Академии наук, поданном, по распоряжению К. Г. Разумовского, в «учрежденную при Академии наук о рассмотрении служителей академическую комиссию», в состав которой входили М. В. Ломоносов, Г. Ф. Миллер, Я. Я. Штелин и И. Д. Шумахер¹¹⁰. П. Ханиным был предложен ряд мер по реорганизации работы в типографии, необходимой для ее успешного функционирования, сделаны замечания по поводу ценообразования, поскольку слишком высокая «надбавка» к стоимости книг мешала их успешному распространению, а также было «представлено... пополнение о книжной лавке». Ханин с гордостью отмечал порядок в книжной лавке, достигнутый благодаря принятым им мерам: «то оное все по моим точным представлениям и по учиненным мною инструкциям и формам так поправлено и в порядок приведено, что теперь о каждой копейке и о прочем потребное и безтрудное есть известие»¹¹¹. Однако этого было недостаточно. Не могло не беспокоить постоянно нараставшее затоваривание литературой (см. таблицу I–7). Ханин указывал, что в Академии наук скопилось книг «здешней печати» более чем на 80 тыс. рублей. Он предлагал книги, «кои в давних временах печатаны... которых находится не на малую сумму, а за высокими ценами в продажу идут очень мало», продавать со скидкой, а на вновь издаваемые книги устанавливать надбавку не более чем в 25%. (Иногда эта наценка возрастала до 50–70% от себестоимости печатания)¹¹². В результате «к покупке охотников на книги больше приласкать можно, нежели сколько ныне их есть, следовательно и товар с рук сходить, а денги в выручку приходить будут скорей»¹¹³. Особое внимание Ханин уделял вопросам торговли зарубежными изданиями. В качестве неперемennого условия Ханин считал, что от зарубежных контрагентов должны выписываться каталоги с ценами. Их надлежит передавать в Профессорское собрание и на основе полученных предложений составлять реестр с ценами, по которому и заказывать необходимую литературу: «а не так бы то было, чтобы здешний книгопродавец сам собою выписывал книги какие хотел, и продавал оныя, почему хочет», — критически замечал Ханин, имея в виду деятельность С. Прейсера¹¹⁴. Ханин подчер-

кивал, что иностранные книги в лавке необходимо продавать «по самым истинным ценам» с надбавкой в 25-% за расходы по перевозке и пр. В случае отсутствия какой-либо из иностранных книг, Ханин рекомендовал записывать имя «желателя», а «требуемую им книгу выписать как скоро возможно»¹¹⁵. Примечательно, что проект Ханина отразил и такой момент, как влияние, давление, которое начала оказывать «вольная» книготорговля на академическую. Это касалось продажи собственных изданий Академии наук и, в еще большей степени, зарубежной книги. Как уже указывалось, московская академическая лавка, продававшая книги с наценкой в 25 %, страдала от конкуренции частных книгопродавцев. Ханин резонно замечал в проекте: «а небезизвестно, что академическими книгами и прочим многия торгуют в Москве на Спасском мосту, а некоторыя по улицам их носят и продают, и когда такая есть торговля, то натурально тот промышленник без профиту торговать не стал бы...»¹¹⁶. «Профит» же состоял в том, что академические книги приобретались купцами непосредственно в Петербурге. Еще сложнее обстоял вопрос с зарубежными книгами. «Известно есть,— писал Ханин,— что пребывающие в России разного звания люди, а паче купцы, выписывают из чужих государств иностранные на разных языках книги, какия кто хочет, которыми купцы, будучи здесь, свободно и торгуют», и в результате «отъемлется приращение» капитала книжной лавки¹¹⁷. Заметим, что Ханин был одним из первых, кто полагал, что «книжный заморской торг при академии... крайне будет бесполезен», если его не удастся реорганизовать, главное, найти пути, чтобы нейтрализовать появляющихся частных предпринимателей. Он считал, что в противном случае торговлю иностранными книгами «надобно бы в рассуждении волной продажи совсем уничтожить, а выписывать бы Академии только те книги, кои для Университета и Библиотеки потребны будут»¹¹⁸. Характерно, что и М. В. Ломоносов выступал против торговли выписывавшимися из-за рубежа иностранными книгами. В 1758 г. в Представлении президенту Академии наук он писал: «торг заморскими книгами делает Академию биржею», и доказывая, что «сумма великая без знатной прибыли обращается», Ломоносов решительно предлагал «торг заморскими книгами отставить», более того, постепенно Ломоносов пришел к мнению о том, что Академия наук вообще должна отказаться от торговли книгами: «а что есть старых книг и все, что печатается, отдать на откуп доброму купцу с надлежащими процентами, через что в Академии служителей в Канцелярии хлопот и нареканий убудет; сумма типографская скорее обращаться станет, а книги в России — удобнее распространяться»¹¹⁹. Как подчеркивает Тюличев, «это было одно из самых первых в ряду предложений Ломоносова о переводе книжной торговли в России на частнопредпринимательский путь развития»¹²⁰. Спустя десять лет эти идеи Ломоносова были реализованы в отношении иностранной части книжной лавки Академии наук.

Для улучшения организации академического книжного дела Ханин предлагал в книжной лавке оставить одно ответственное лицо (для упрощения отчетности) — бухгалтера или комиссара, «которой бы по учиненным пред сим формам во всем отчет давал, и кореспонденцию имел с книгопродавцами иностранными»¹²¹, а также учредить особую должность директора, в ведении которого бы находились типография и обе академические книжные лавки Академии наук — петербургская и московская. В обязанности директора входило бы «наблюдать экономию», то есть более рационально организовать как работу типографии, так и многосторонний

процесс распространения книг. Возможно, что подобная централизация способствовала бы лучшему функционированию издательского дела и книготорговли, но к этому времени комиссар Зборомирский уже успел зарекомендовать себя как деятельный и толковый работник, успешно справлявшийся со многими задачами, стоявшими перед академическим книжным делом, и перемены могли нарушить только еще устанавливающуюся систему книготорговли. К тому же в руках Зборомирского находилась и академическая казна. Проект Ханина был рассмотрен, но не получил поддержки, в частности благодаря отрицательному отношению М. В. Ломоносова, не без основания заметившему, что «секретарь Ханин искал себе ассessorства и единственного смотрения над книжным печатанием и торгом»¹²². Вряд ли мог вызвать сочувствие у ученых и § 16 проекта, в котором Ханин недвусмысленно подчеркивал, что купцы «иногда такие книги выписывают, которые и сумнительству подвержены»¹²³. Во избежание этого, чтобы «миновать... казенного в капитале ущерба, а паче, чтоб в Россию не заходили книги предосудительныя... надобно такой свободной вывоз книг партикулярным людям совсем отменить, и накрепко о том закрепить, и чего велеть смотреть при портах», — предостерегал он и предлагал добиваться через Сенат монопольного права на торговлю зарубежными книгами исключительно для «одной только Академии»¹²⁴. Точно так он предлагал «представить в Сенат» о торговле академическими изданиями в Москве, считая, что «надлежит в Москве сей торг во всех местах партикулярным людям запретить под штрафом»¹²⁵. Сам Ханин в 1747 г. был по распоряжению К. Г. Разумовского «из сержантов лейбгвардии семеновского полку в канцелярию Академии наук в секретари удостоен»¹²⁶. Он проявил большое понимание во многих конкретных вопросах, связанных с развитием академического книжного дела, — налаживании работ в типографии, соблюдении экономии в расходовании материалов, оплате труда, отчетности по типографии и книжной лавке и др. Ценные предложения, внесенные им, в том числе и в проекте 1754 г., постепенно, без каких-либо резолюций, претворились в жизнь. Однако при решении более широких проблем, вызванных начавшимся развитием книжного рынка, меры, предлагаемые им и опиравшиеся на силовое давление, для середины XVIII века уже оказывались анахроничными и никак не свидетельствовали о передовых взглядах. Известно, например, что в 1742 г., в годы застоя в книжной торговле, академические власти пытались добиться от Сената распоряжения «об обязательной для всех званий покупке книг из академической книжной палаты»¹²⁷. Менее известно, что Ханин в проекте 1754 г. вновь вернулся к предложению о принудительности распространения книг, чтобы избежать затоваривания. Совет продавать залежавшиеся издания по сниженным ценам, безусловно, был разумным и своевременным (впрочем, как и совет отказаться от торговли заморскими книгами), и в конечном счете Академия наук вынуждена была так и поступить. А вот рекомендация П. Ханина, справедливо полагавшего, что и «збавка в цене» не спасет положения, прибегнуть к помощи Сената для распространения книг ничего, кроме иронии, не могла вызвать даже у членов самой Академии наук. Ханин докладывал: «и хотя збавка в цене будет и учинена, однакож и затем на немалую сумму их (т. е. книг) останется, и неуповательно, чтоб скоро с рук сошли, а дабы сей товар мертвым не остался, и Академия не понесла б в том невозвратного убытку, то не излишне бы кажется было, ежели бы представить Правительствующему

Сенату с тем, чтобы повелено было пристойныя по материям книги по коллегиям, канцеляриям, конторам и приказам, по губерниям, провинциям и городам, а иныя по епархиям и знатым монастырям, и в семинарии, також и в армию по полкам, в адмиралтейство, в алтерелию для генералитета штапу, и обер офицеров и по гарнизонам по несколькоу распределять с заплаатою от тех мест денег, как чему цена будет настоять»¹²⁸.

Вместе с тем, даже малоприемлемые предложения вскрывали те трудно разрешимые для Академии наук противоречия, которые вставали перед ней в процессе развития книготорговых отношений. И перечисленный Ханиным круг мест, куда могли бы быть распространены академические книги, свидетельствовал о потенциальных читателях, которых Академии наук еще предстояло завоевать.

В 50-е — начале 60-х гг. XVIII века были заложены основы для торговли Академии наук собственными изданиями. Многие из принятых установлений, оправдавшие затем себя на практике, — допечатывание тиражей хорошо раскупавшихся книг, газет, календарей по требованиям комиссара книжной лавки, забота о рекламировании вновь выходящих книг в «Санктпетербургских ведомостях», постепенно становившемся все более регулярным, составление каталогов с ценами на продававшиеся в лавке академические издания и др. — сохраняли затем свое значение до конца века. На развитие книготорговой деятельности Академии наук, пожалуй, большее влияние оказывали внешние воздействия, чем внутренние причины. Однако и во внутриакадемической организации книготорговли с течением времени возникла настоятельная необходимость в изменениях. Система отчетности, установленная с 1749 г., безусловно в свое время сыграла положительную роль и способствовала упорядочению и развитию академической книжной торговли.

Но постепенно громоздкая и трудоемкая отчетность начала ощущаться как помеха. Не случайно год от году все больше стали затягиваться и запаздывать сроки представляемых ежегодных отчетов. К тому же составление большого количества бумаг отрывало комиссара книжной лавки от продажи книг. Академическое начальство прекрасно понимало, что никакие отчеты не могли спасти в случае недобросовестности книгопродавца. По этому поводу еще П. Ханин в «Представлении» 1748 г. заметил, что положение академического «Регламента» о том, что книжную лавку надлежит держать «порядком купеческим так, чтобы она только отчет давала в деньгах и в числе книг», открывало путь к злоупотреблениям¹²⁹. Еще определеннее в 1770 г. высказался И. Тауберт, предложивший упростить отчетность. Он подчеркивал: «при том надлежит несколько оставить и на честность книгопродавца; ибо естли после проверки щетов не осмотреть и не перечесть показанного им количества к наступающему новому году, как то делается с денежной казной, то все многотрудные выкладки ничего не докажут и многия тысячи могут быть похищены, а воровство разве тогда откроется, когда весь книжный магазин вновь описан будет, чего по великому множеству книг, и чтоб не остановить продажи, чаще пяти или шести лет удобно сделать невозможно»¹³⁰. Другой проблемой, требующей неотложного решения, с течением времени стал вопрос о большой загруженности комиссара книжной лавки, тем более что число его обязанностей постоянно возрастало. В мае 1762 г., например, заведовавший типографией фактор Артемий Лыков сообщил Зборомирскому: «По силе насланного из Канцелярии мая 7 дня под № 501-м ко мне ордера, в котором повелено, дабы

всякие по типографии как казенные, так и партикулярные напечатанные экземпляры с объявлением цены отдавать вам при известии в книжную лавку...»¹³¹.

Книжные «магазины» в эти годы находились на попечении Зборомирского, но до этого в них хранились лишь академические книги, предназначенные для продажи. Многие документы показывают, что комиссар книжной лавки неоднократно пытался ограничить круг своих обязанностей. Одной из наиболее неприятных и тягостных был сбор денег с должников Академии наук. По какой бы причине они ни возникали — взыскивать их приходилось Зборомирскому. Так, в 1752 г. Барсов подал жалобу в Канцелярию по поводу того, что Ломоносов забрал из типографии «Мнения Цицероновы» и 1200 экземпляров Тассо для И. И. Шувалова и обещал, что деньги «за бумагу и переплет» в размере 203 руб. 8 коп. будут немедленно внесены, но, как подчеркивал Барсов, «однако по сию пору не заплачены». В ответ последовала резолюция — «деньги требовать с Его Превосходительства книжной лавки комиссару Зборомирскому...»¹³². И хотя в 1762 г. Канцелярией было принято решение комиссара книжной лавки Зборомирского «ко взысканию не употреблять», чтобы он, ссылаясь на загруженность, «впредь в запусении надлежащей его должности отговорки не приносил», и «требование долгов» поручить протоколисту Албому¹³³, Зборомирскому и позднее приходилось выполнять не только эту неприятную обязанность, но и множество других посторонних дел. Об этом свидетельствует поданное им на имя В. Г. Орлова, принявшего в свои руки управление Академией наук, «Покорнейшее прошение» 23 октября 1766 г., почти сразу после вступления В. Г. Орлова на пост директора Академии наук. Зборомирский дипломатически давал понять в прошении, что «хотя я нижайший еще несколько времени мог продолжать мою комиссарскую должность», «однако в рассуждении на моих руках множественного казенного интереса при каких либо моих пропажах, мне нижайшему не без опасности», и главное, указывал, что он «по многим отправлениям и справитца во всем не в состоянии»¹³⁴. В результате Зборомирский просил «уволить» его от должности. У Зборомирского к этому времени уже был большой опыт работы в книготорговом деле. Он состоял комиссаром книжной лавки 16 лет. И, несомненно, академические власти ценили его и не хотели его потерять. Наступил момент, когда академическим властям, в особенности благодаря приходу нового начальства, пришлось пересмотреть вопрос о штатах и обязанностях лиц, занятых в издательско-книготорговом процессе. Интерес академического начальства не был случайным. В 1766 г. в Академии наук произошли серьезные изменения. По Указу Екатерины II Академия наук перешла под ее непосредственное покровительство и вышла из-под опеки Сената. Для лучшей ее организации 6 октября 1766 г. был назначен директор — В. Г. Орлов, брат всемогущего фаворита. Вследствие этого была пересмотрена деятельность всех департаментов Академии наук, причем особое внимание было обращено на состояние академической книжной торговли. Зборомирскому было предложено подать «Ведомость» о том, «какие имеют дела и отправления Академии наук комиссары и книгопродавцы»¹³⁵. Из этого документа видно, как распределялись обязанности академических служащих, причастных к книготорговле, и насколько загружен был комиссар книжной лавки.

Представляет интерес, как Зборомирский охарактеризовал круг занятий И. Вейтбрехта, торговавшего иностранной литературой. «Книгопродавец иноземец Вей-

тбрехт (и преждебывший Прейсер) получает присланные к нему кораблем иностранные книги, записав в приход, продает оные, имеет со своими корреспондентами переписку невесма частую, отсылает за море здешней печати книги (по некоторому числу) всего раза три или четыре. Кроме того, больше ничего не отправляет. Получает всего жалованья по 300 руб. и казенную пространную квартиру и дрова, что учинит на сто рублей»¹³⁶. В этом отзыве достаточно отчетливо выражено отношение Зборомирского к неравномерному распределению обязанностей его и Вейтбрехта при одинаковом жалованьи. Еще определеннее он подчеркивал существовавшее положение, перечисляя круг своих собственных обязанностей. «Российской книгопродавец комиссар Зборомирский, — докладывал он, — принимает здешней печати по двум типографиям разныя книги, партреты, ландкарты, записывает все оное приходом в шнуровую книгу. 1. Должен оные книги по некоторому числу раскласть в книжной лавке, а прочее все раскласть по магазейным в разные места. 2. Должен оные книги продавать во всякой день, записывает книги продажою, а денги приходом. 3. Принимает по дважды в неделю на российском и на немецком языке «Ведомости» и оные продавать должен, записывая в приход денги»¹³⁷. Зборомирский поясняет, что он должен вести список всех подписчиков, причем по желанию можно было подписываться на год, на полгода или треть года. И таких «имен с казенными местами бывает в год до пятисот», добавлял он, и все должны быть записаны в специальную тетрадь. Кроме того, комиссар книжной лавки отпускал «Ведомости» и «на щоты», т. е. в кредит. С течением времени круг подписчиков все расширялся. И Зборомирский перечисляет учреждения, куда направлялись «Санктпетербургские ведомости»: «ко двору, в Кабинет, в Сенат, в Иностранную коллегию, в академические департаменты, здешнему почт-директору на почту, Московскому почт-директору...»¹³⁸. Необходимо указать, что по каждому из этих адресов поступало по несколько комплектов газеты на русском и немецком языках, а ко двору, в Иностранную коллегию, в «академические департаменты» и на французском языке. С «почт-директорами» по поводу рассылаемой ими подписки и пр. комиссар имел «частную переписку» — направлял счета, требовал деньги за отпущенные газеты, вел всему учет. Кроме того, комиссар получал деньги за опубликование в газетах частных объявлений. Помимо продажи книг за наличные деньги, Зборомирский обязан был «отпускать книги и безденежно». И он приводит список мест, куда книги направлялись. Они поступали «в Канцелярию, студентам, гимназистам, в здешнюю библиотеку, в рижскую библиотеку, в отпуск на караблях за море по немалому числу», и на все эти выдачи комиссар обязан был также «иметь всему тому записку и росписку»¹³⁹. Помимо того, со «всякой почтой» и «чрез наемные подводы» регулярно, «по немалому числу» Зборомирский должен был отправлять академические издания, также «безденежно» в московскую книжную лавку. И опять же, каждая из книг записывалась «в расход», велась переписка с комиссаром московской книжной лавки, а также должен был быть зафиксирован и «приход» — деньги, полученные от продажи академических изданий в Москве. Зборомирский отмечал, что «на все оные приходы и расходы насылается из Канцелярии восемь книг шнуровых», в которые он обязан был заносить все данные, отражавшие состояние книготорговли и денежной казны. И хотя на протяжении времени число «шнуровых» книг сократилось с десяти до восьми, заполнение их оставалось обременительным занятием, зани-

мавшим много времени. На основании этих повседневных записей комиссар книжной лавки составлял и подавал в Канцелярию каждый месяц отчеты, в которых, по заведенному порядку, подсчитывался «приход», «расход» и «остаток» всех имевшихся в Академии наук изданий. Аналогичный отчет, но уже годовой (как это было показано на конкретных материалах), с включением всех этих показателей, представлялся комиссаром книжной лавки в Канцелярию. Этим не исчерпывались обязанности Зборомирского. Он жаловался на то, что ему «весма часто» приходится ходить в Гостиный двор на Биржу в «книжные магазины» за книгами, необходимыми для продажи. «Ибо за весма малым пространством книжной лавки — пояснял Зборомирский — нельзя в оную вместить столь довольно разных книг, чтобы оных на долгое время для продажи и для прочих отпусков могло быть достаточное, и чрез такое хождение по магазинам немало труда и потеряния времени причиняется»¹⁴⁰.

В качестве дел, входивших в компетенцию книгопродавца, Зборомирский указывает и на прием денег от заказчиков, для которых в Академии наук изготавливались «разные вещи» — печати, штемпеля, инструменты, печатались векселя, паспорта и пр. Кроме того, Зборомирский по указам Канцелярии постоянно выдавал деньги (из вырученных от продажи сумм) «разным людям и в разные места», и этим суммам он тоже должен был вести постоянный учет, и, как он сам подчеркивал, «такой денежный расход бывает в год до 25 и до тридцати тысяч»¹⁴¹. И это было не все. Комиссар подчеркивал, что сверх того «должен он российской книгопродавец Зборомирски отправлять и такие отправления, которые совсем не принадлежат до книгопродавца...»¹⁴² и только мешают ему заниматься продажей книг.

Одной из главных помех была выдача жалования академическим служителям «человекам до двух сот», происходившая раз в два месяца, а иногда и ежемесячно, «под партикулярные росписки», во время которой Зборомирский должен был «давать деньги своими руками для лутчей акуратности»¹⁴³. Нормальному ведению книготорговли мешали и постоянные отлучки Зборомирского: ему приходилось «отправлять купеческую должность, ходить по рядам по лавкам» для закупок необходимых для Академии наук вещей — красок, карандашей, кожи, веревок, бумаги, клея, свечей и пр. Одним из самых неприятных дел, от которого он безуспешно пытался избавиться в течение ряда лет, было, как он подчеркивал: «еще сверх того должен он стряпать, то есть иметь хождение по разным по Санкт-Петербургу местам для истребования долговых денег в Академию и сие хождение совсем неприлично до книжной продажи». И Зборомирский вновь и вновь настаивает, что «книжная продажа требует, чтоб книгопродавец был непрестанно в книжной лавке», а ему приходится ее запирать и ходить по разным «местам весма отдаленным: как-то в артиллерию, в дворцовую канцелярию, в придворную контору, в Сенат, в Иностранную коллегию, в портовую таможенную, в рентерею, в соляную контору, в комерц-коллегию и еще в прочия...»¹⁴⁴.

С полным основанием Зборомирский считал не относившейся к книжной торговле обязанность «покупать разные книги для академической библиотеки, тож по разным местам в кадетском корпусе, в морском и сухопутном, в Сенате, в Синоде и в лавках партикулярных купцов», полагая, что этим должны заниматься библиотечные служители. Точно так же он жаловался, что оплата библиотечных счетов и подсчет и выдача «библиотечных денег» отнимают у него много времени¹⁴⁵.

В заключение Зборомирский подчеркивал, что, хотя он многократно «словесно и писменно Канцелярию просил, объявляя, что такие должности как-то раздача жалованья, купеческая должность, хождение за долгами, покупки для библиотеки, причиняют немалую остановку в продаже книг, а наипаче во всех по книжной лавке поименных отправлениях по щотам и по шнуровым книгам», но и «пояныне отмены не воспоследовало»¹⁴⁶. При таком обилии обязанностей, доказывал он, постоянно что-то остается невыполненным и главное — страдает книготорговля. «Весма ненатурально, чтоб на одного человека столь много разнovidные отправления налагать», тем более, как он подчеркивал, «за все оные отправления имею только жалования 300 руб., а сравнивая мои все вышереченныя отправления с делами книгопродавца Вейтбрехта и комисара Панкратова и московскаго комисара, весма великая по самой истине оказывается неравность»¹⁴⁷.

Убедительная и обстоятельная картина состояния дел в книжной лавке, где было перечислено все, что мешало ведению книжной торговли, обрисованная в «Ведомости», одновременно поданное на имя Орлова «Покорнейшее прошение» с просьбой об увольнении и еще одно «прошение» в Канцелярию, в котором Зборомирский, ссылаясь на «рапорт» от начала 1766 г., подчеркивал, что если он не будет освобожден от не относящихся к книготорговле дел, «то исправится ему во всем никоим образом невозможно», и просил «иметь облехчение»¹⁴⁸. Все это вместе, наконец, благодаря удачно выбранному моменту, возымело действие. 25 ноября 1766 г. по резолюции, принятой Комиссией, Зборомирскому было сообщено, что он «увольняется» от сбора долгов и покупки материалов — эти обязанности вместо него были поручены магазину-вахтеру Устинову. Однако деньги на расходы по-прежнему должен был отпускать Зборомирский. И хотя проблема была решена лишь частично, все же и это было существенным облегчением для Зборомирского. Одновременно ему, по-видимому, было и увеличено жалованье.

Реорганизация в книжной торговле Академии наук не ограничилась мерами, осуществленными в 1766 г. Перемены готовились долго. В документе, направленном в Комиссию от имени В. Г. Орлова осенью 1770 г., указывалось: «по повелению моему книжная лавка рассмотрена теми, которым дело сие препоручено было. Мнение их я об оном видел, и за нужное признал некоторые перемены сделать, а теперь отдаю оное в Комиссию с тем, чтобы не медля к исполнению онаго приступить»¹⁴⁹.

Среди лиц, на мнение которых опиралась в своих решениях Комиссия, а это были Семен Котельников, Степан Румовский и Иван Тауберт, был и комиссар книжной лавки Зборомирский. В «Рапорте», относящемся к сентябрю 1770 г., с большой степенью здравомыслия он писал: «Нежели заблагоразсуждается академическую лавку одарять новыми учреждениями, то за самое первейшее признается дать ей письменно знать какие дела книжная лавка впредь должна будет отправлять и кто имянно»¹⁵⁰. И Зборомирский вновь подробно перечислил весь круг обязанностей комиссара книжной лавки, правда, все же несколько сократившихся с 1766 г. На этот раз ему удалось в полной мере добиться осуществления всех своих предложений. Многие из обязанностей Зборомирского были переданы комиссару Илье Панкратьеву. 12 января 1771 г. ему было объявлено распоряжение Комиссии за подписью С. Я. Румовского о том, что «впредь от сего времени» к нему будут «в приход вступать все те денги, кои прежде собирались в книжную лавку к комиссару Зборомирскому из разных казенных мест и от партикулярных людей,

за делание и напечатание при Академии наук разных вещей, также и прочих зборов, как то за пожилое в академических светлицах, за наем погребов и лавочки в Строгановском доме и тому подобное. Равно как и денги, которые комиссар Зборомирский вносить будет помесечно в Комиссию за продаваемые им книги»¹⁵¹. Эти доходы Академии наук, которые она получала самостоятельно и которые теперь должен был хранить комиссар Илья Панкратьев, в отличие от «штатной суммы», т. е. государственных субсидий, получили название «экономической суммы».

Одновременно к комиссару И. Панкратьеву перешли и выплата жалованья академическим служителям, плата мастерам, отпуск денег под расписки и др. — хлопотные и трудоемкие дела, не имевшие отношения к книготорговле и лишь отнимавшие время у книгопродавца.

Таким образом, после почти четырехлетнего рассмотрения вопросов, связанных с академической книготорговлей, в 1770 г. обязанности книгопродавцев были, наконец, приведены в соответствие с их профессиональными занятиями.

Комиссар книжной лавки должен был принимать книги из типографии, размещать их в «магазинах», часть тиража забирать в книжную лавку на продажу, регулярно вести книготорговлю, отпускать книги «на щоты» (в кредит) и выдавать определенное их количество по распоряжениям Комиссии «безденежно». Кроме того, дважды в неделю он должен был принимать и раздавать «Санктпетербургские ведомости» на русском и немецком языках, осуществлять на них подписку, отпускать «в кредит» и «безденежно». Деньги за подписку («поименную») получал Зборомирский. И по всем этим статьям «прихода» и «расхода» (включая все издания Академии наук) Зборомирский должен был вести тщательный учет и записывать все в особые тетради.

В 1770 г. по распоряжению В. Г. Орлова была проведена реформа не только круга обязанностей книгопродавца, но и в системе учета. И. Таубертом был разработан «Проект о содержании по книжной лавке порядочных и верных счетов гораздо кратчайшим против прежнего способом». В соответствии с этим проектом количество «шнуровых книг» (во всяком случае, теоретически) было сокращено до трех. Комиссар должен был вести: 1) «Главную книгу» — для учета всех поступивших и расходованных академических изданий; 2) книгу для ежедневных записей, в которой должно было фиксироваться все, что было продано, отпущено «в долг» или «безденежно». На основе этих записей готовился ежемесячный отчет о продаже книг и денежном «приходе и расходе» и «выписки», подававшаяся в Академическую комиссию; 3) книгу для «других денежных приходов и расходов» (каких именно — Таубертом не было конкретизировано). «Сих трех книг, — как замечал Тауберт, — кажется довольно для содержания в порядке всей книжной лавки и ея щетов»¹⁵². Была установлена и единая форма записи в «Главную книгу» для всех видов академических изданий:

ПРИЕМ	ЧИСЛО ЭКЗЕМПЛЯРОВ	ПРОДАЖА	ЧИСЛО ЭКЗЕМПЛЯРОВ

По этой форме должны были учитываться поступавшие на продажу книги, граюры, карты, календари, газеты и пр.

Тауберт утверждал, что при новой упрощенной системе отчетности секретарю Комиссии достаточно будет сверять по «Главной книге» и ежемесячным отчетам общие суммы — и их совпадение будет свидетельством того, что все подсчитано верно.

Фактически, предложенная Таубертом система учета особых существенных изменений в отчетность не вносила, но она облегчала труд академических служителей, проверявших правильность подсчетов комиссара книжной лавки. В «Главную книгу» надлежало записывать данные обо всех видах продававшейся академической продукции, и, пожалуй, для комиссара было легче вести 5 или 6 отдельных «шнуровых книг», чем иметь все эти записи в одной книге. Не случайно сам И. Тауберт указывал, что если «Главная книга» будет слишком большой, то ее следует переплетать по частям. Кроме того, такая же «Главная книга» должна была вестись для учета «приема и продажи иностранных книг». После ухода И. Вейтбрехта продажа «заморских» книг не только не прекратилась, но к 70-м гг. в ней даже наступило некоторое оживление.

Помимо этого комиссар книжной лавки был обязан вести две «Книги прихода и расхода книжного магазейна», также для «российских» и иностранных книг. В 1770 г. был осуществлен «осмотр», т. е. инвентаризация академических изданий («российских» книг) и, начиная с этого времени, Зборомирский должен был отмечать в «Книге прихода и расхода книжного магазейна» сколько и каких в него поступило, а также было выдано книг по форме¹⁵³:

ПРИЕМ В МАГАЗИН	ЧИСЛО ЭКЗЕМПЛЯРОВ	ОТПУСК В ЛАВКУ	ЧИСЛО ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Нужно отметить, что и предложенные формы были не достаточно точны. Новым было то, что как обязательный момент был введен подсчет экземпляров, но ничего не говорилось о подсчете их стоимости, возможно, это подразумевалось само собой. В системе отчетности, предложенной в свое время Ханиным, которой Академия наук пользовалась в течение двадцати лет, главный акцент делался на подсчете «книжного капитала», то есть стоимости, а не количестве проданных книг, и «ясности», которой добивался Тауберт в том, что именно и в каких объемах продается, в них не было.

Все эти перемены — сокращение круга обязанностей комиссара книжной лавки Зборомирского, попытка облегчить и усовершенствовать формы отчетности — свидетельствовали о желании академических властей улучшить условия книжной торговли и поиска путей для ее развития.

Реформами в области издательского дела и книготорговых процессов занимались ученые Академии наук — профессор А. П. Протасов, академики С. Я. Румовский и С. К. Котельников. Об известном либерализме в решении проблемы свидетельствовало то, что было принято во внимание мнение (сыгравшее не последнюю роль) комиссара книжной лавки Зборомирского и книгопродавца И. Вейтбрехта, в ведомстве которого находилась продажа иностранных изданий.

Вейтбрехт был новым сотрудником Академии наук. После смерти Прейсера, некоторое время иностранная часть книжной лавки находилась под опекой Г.-Л.-Х. Бак-

мейстера¹⁵⁴. Весной 1765 г. на должность бухгалтера для продажи иностранных книг был приглашен прибывший «из-за моря» Иоганн Якоб Вейтбрехт (1744–1803). По-видимому, он располагал серьезными рекомендациями, поскольку академические власти решились доверить 21-летнему бухгалтеру ответственную должность. Он был принят в Академию наук на тех же условиях и должен был выполнять те же обязанности, что и Прейсер до него. За короткое время И. Вейтбрехт сумел поднять выручку от продажи иностранных книг. В 1766 г. она составила 6449 р. 57 к.¹⁵⁵ И. Ф. Мартынов указывает, что 22 августа 1766 г. Вейтбрехту было поручено представить «генеральное свое рассуждение, на каком основании здешний иностранными книгами торг наилучше и порядочнее учрежден быть может, дабы: 1) Академия от оногo не имела убытку, 2) чтоб публика всегда удовольствована была требуемыми книгами за настоящую цену, 3) чтоб академической печати книги больше за морем расходились, и чтоб в чужих краях пресечь объявленную жалобу, якобы охотники не могли оных получить, а когда наконец получали, то весьма дорогою ценою»¹⁵⁶.

Характерно, что по мнению Вейтбрехта, несмотря на достигнутые успехи, лучшим решением было бы передать иностранную лавку «со всем книжным капиталом в партикулярное (т. е. частное) содержание»¹⁵⁷. Академия наук долго не могла решиться на подобный шаг. Прошло два года, прежде чем 7 октября 1768 г. академическая Комиссия «заблагорассудила... остановить торг выписываемыми из-за моря книгами» и Вейтбрехту было предложено «снять сей торг на себя»¹⁵⁸.

Вейтбрехт уплатил долги Академии наук иностранным комиссионерам (как указывает И. Ф. Мартынов, им было выплачено в иностранной валюте 8216 р. 15 к.), а взамен получил книги из Академической лавки. Оставшаяся часть иностранных книг была распродана с аукционных торгов¹⁵⁹. В «Описании российско-императорского столичного города Санктпетербурга...», вышедшем на русском языке в 1794 г. (на которое часто ссылаются исследователи), автор И. Г. Георги замечал: «Книжная лавка Академии наук была единственная в столице по 1760 год, она управлялась фактором, и в оной продавались также чужестранные книги. Но с показанного года начали в оной продавать токмо книги, напечатанные при Академии»¹⁶⁰. В действительности конец торговле «заморским книжным товаром» через Академическую книжную лавку был положен в 1768 г. Однако ликвидация ее «иностранной» части (или, как ее иногда называли, «иностранной» лавки) отнюдь не означала отказа Академии наук от книготорговых связей с зарубежными комиссионерами.

Солидная научная и издательская база Академии наук гарантировала ей пристальный интерес со стороны западного мира. Своеобразную роль «посредника», связующего звена в развитии научных и культурных контактов между Россией и странами северо-западной Европы нередко играла Прибалтика. Примером подобных интенсивных и долговременных связей между С.-Петербургом и Ригой в последней трети XVIII века, имевшей большое значение, была деятельность рижских издателей и книгопродавцев Иоганна Фридриха Гарткноха отца, а затем и Иоганна Фридриха Гарткноха — сына. Деловые отношения у И. Ф. Гарткноха-издателя установились с Петербургской Академией наук еще в середине 60-х гг., а к началу 70-х гг. они получили дальнейшее развитие. В это время Гарткнох приложил немало усилий, умело используя свои связи с учеными и другими влиятельными лицами, в том числе и с петербургскими масонами, чтобы пробиться на пе-

тербургский книжный рынок и получить право на монопольную торговлю изданиями Академии наук в прибалтийском регионе и за рубежом.

Начало переговоров И. Ф. Гарткноха о продаже изданий Академии наук и поставке для нее иностранной литературы относится к середине 1770 года. К этому времени Гарткнох уже был одним из известнейших и крупнейших книготорговцев в Прибалтике. Успех его деятельности в немалой степени был обусловлен тем, что Рига во второй половине XVIII века стала одним из просветительских центров с развитой общественной и научной жизнью и это создавало условия для формирования и развития книжного рынка. Энергичный издатель, — друг И. Канта, И. Г. Гердера, И. Г. Гамана, сумевший сделать свою типографию и лавку своеобразным очагом интеллектуальной жизни, объединившим местную интеллигенцию, Гарткнох деятельно стремился к расширению книготорговых связей, и в этой области и Петербург, и Москва с быстро развивающейся наукой и культурой открывали большие возможности. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что у Гарткноха была налажена книготорговля не только в прибалтийском регионе, но и в соседней Германии и других западных странах¹⁶¹.

Установлению контактов Гарткноха с Петербургской Академией наук способствовало также и то, что он уже ранее был известен как издатель и книгопродавец ряду ученых Академии наук. Сохранилось, например, его пять писем (1765–1775 гг., не опубликованы) Г. Ф. Миллеру¹⁶², оказывавшему поддержку в распространении изданий Гарткноха в Москве. Установить деловые отношения с Петербургской Академией наук Гарткноху помогали секретари Академии наук Якоб Штелин, а позднее Иоганн Альберхт Эйлер-сын, с которыми Гарткноха связывали дружеские отношения. Хорошо знаком Гарткнох был и с И. А. Гюльденшtedтом и С. Г. Гмелином.

К 70-м гг. XVIII века Академия наук уже имела целую сеть иностранных комиссионеров. Особенно эффективными были книготорговые связи Академии с Голландией и Францией, в меньшей степени с Германией¹⁶³. Вместе с тем специфика географического положения России, удаленность от западных центров книгоиздательства, сложность взаимных расчетов ведения дел с иностранными комиссионерами, сезонность книжной торговли, поскольку книги преимущественно доставлялись морским путем, — все это создавало постоянные трудности для академического иностранного книгообмена, и Академия наук искала пути к их преодолению.

В августе 1770 г., обращаясь в учрежденную при Академии наук Комиссию, Гарткнох просил поручить ему «продажу как российских, так немецких и французских книг академического тиснения и притом дозволить пользоваться теми же прибытками, какие комиссионеры ее обыкновенно получают»¹⁶⁴. Письмо Гарткноха показывает, что он был достаточно хорошо осведомлен о трудностях и особенностях академического книгораспространения. Он отмечает в своем прошении, что «академического тиснения книги, несмотря на особенно установленные ею за несколько лет распоряжения, не во всех еще местах так известны,

И. Ф. Гарткнох

как бы им в разсуждении своего превосходства быть надлежало», — то есть, находил, что Академия наук недостаточно деятельно распространяет свои книги и журналы на Западе. «Причиною тому может быть сие, что продажа поручена не многим»¹⁶⁵, — замечал он. В то же время прошение позволяет судить о том, с каким размахом вел книготорговые дела сам И. Ф. Гарткнох: «обещаюсь Академии ежегодно приносить знатную прибыль тем наипаче, что имею корреспонденцию не только в Германию, но и во Францию, Голландию, Швейцарию, Англию и Италию»¹⁶⁶.

Условия, на которых Академическая комиссия первоначально согласилась предоставлять Гарткноху книги, были достаточно жесткими. Ему было сообщено, что «Академия книг своих в комиссию более никому не отдает», и предложено отпустить книги «на его счет с уступкою по двадцати пяти процентов настоящей их цены». Гарткнох должен был расплачиваться за них в конце каждого года — наличными деньгами, векселями или нужными Академии наук изданиями — независимо от того, были проданы им или нет академические книги. Кроме того, Академия наук требовала, чтобы он имел в Петербурге своего экспедитора, который получал бы для него книги и пересылал их к нему, поскольку Академия наук «за пересылку и провоз книг» не брала¹⁶⁷. То есть, пересылка («провоз») книг также была отнесена на счет Гарткноха. То, что И. Ф. Гарткноху пришлось согласиться почти на все требования Академической комиссии, несомненно, свидетельствовало о его большой заинтересованности в приобретении книг, издававшихся Петербургской Академией наук.

В письме Я. Штелину от 28.IX.1770 г. Гарткнох благодарил его за помощь («прошение» Гарткноха было передано в Академическую комиссию Штелином), но, уточняя ряд конкретных вопросов (к кому он должен непосредственно обращаться, насколько быстро он будет получать новые издания Академии наук и др.), он не мог скрыть явного разочарования: «Итак я вижу, что мое желание отчасти исполнилось...», писал он и подчеркивал, что для самой Академии наук было бы выгоднее, если бы он стал получать все напечатанные в Академии, «особливо новые книги». «При том же могу сказать, — замечал он, — что г. Юниус в Лейпциге берет не на свой счет, но по комиссии от других, и думаю, что я в состоянии приносить Академии больше прибыли, нежели г. Юниус...»¹⁶⁸.

Гарткнох считал необходимым получать «по 6, 8 и 12 экземпляров» каждой новой выпущенной книги. Еще более важным для него было добиться разрешения возвращать Академии наук все, что ему не удалось бы продать. Кроме того, Гарткнох просил, чтобы Академия наук в случае расторжения договора объявила об этом «за год наперед», а также «сняла на себя укладывание и совершенное отправление книг», поскольку в Петербурге у него не было «такого человека», которому он мог бы «поручить сие дело»¹⁶⁹. В противном случае он отказывался от сотрудничества с Академией наук.

Уже к концу октября 1770 г. были установлены условия продажи академических книг Гарткноху и удовлетворена его просьба о присылке к нему всего напечатанного в Академии наук, «а особливо новых книг». Академическая комиссия приняла решение отпустить Гарткноху столько книг, «сколько он и какая похочет». Комиссару книжной лавки Зборомирскому было отдано «повеление» отправлять в Ригу по 6 экз. каждой новой книги из вышедших на иностранных языках в 1770 г.,

со скидкой в 25 %, «не дожидаясь от его требования», а поручику Устинову было поручено «старание об отправлении» книг¹⁷⁰. Все же, несмотря на эти немалые уступки, в главном Академия наук была непреклонна — И. Ф. Гарткнох обязан был расплачиваться в конце каждого года за все книги, полученные им, как проданные, так и оставшиеся у него на руках. Последнее условие было для И. Ф. Гарткноха особенно тяжелым и невыгодным. Поэтому хотя он и стал торговать изданиями Академии наук, но делал это очень осторожно — заказывал небольшие партии книг, по несколько экземпляров каждой, преимущественно на иностранных языках. Одновременно он не переставал настойчиво добиваться улучшения условий контракта. Согласование его отдельных пунктов практически тянулось до середины 1773 г. Гарткнох настойчиво предлагал как можно шире развернуть торговлю академическими изданиями. Он всячески подчеркивал, что предоставление ему широкого ассортимента книг на комиссионных началах будет, прежде всего, выгодно для самой Академии наук, поскольку лишь в этом случае она начнет получать существенную прибыль от торговли. Несомненно, расширение книготорговых отношений было выгодно и для Гарткноха, но он не хотел, да и не мог, вкладывать в это предприятие собственный большой капитал. В одном из писем он объяснял Я. Штелину: «Я уже производил торг с Академией. Я разная ея латинские и немецкие сочинения продавал по немецкой земле, но все сие было не в большом количестве, а особливо, когда я за все выписанные книги по происшествии года, плату внести должен, что для меня очень тягостно. Но естли я латинские и немецкие сочинения, ландкарты и проч. равно как и российские книги в комиссию получить могу, и естлибы Академия хотела отказать всем своим комиссионерам, так бы я оных в Голландии, Франции и Англии гораздо больше распродавал, нежели поныне продавано было»¹⁷¹.

Планы и идеи Гарткноха относительно путей развития академической книготорговли, несомненно, вызвали интерес в Академии наук. Гарткноху было сделано новое предложение со стороны Академической комиссии. В июле 1773 г. Штелин сообщил Гарткноху: «Академия хочет вам одному уступить все латинския и другие сочинения, которые в типографии ее печатаются, для продавания оных по всей Европе, и за тем ни с нашими здешними, или чужестранными книгопродавцами в дело вступать не будет»¹⁷². Помимо предложения монопольно передать в руки Гарткноха всю академическую книготорговлю иностранной литературой, для него устанавливались новые более благоприятные сроки платежа «за покупные книги». Гарткноху предоставлялось право вносить деньги за книги «в конце другого года», т. е. рассчитываться за полученные книги через два года, а не в конце каждого года, как это было раньше. Однако отпустить ему книги «в комиссию» Академия наук по-прежнему не соглашалась, мотивируя тем, «что оное Указу противно», но, по-видимому, уже готова была пойти на дальнейшие уступки, «разве если в таковом случае Рижской Магистрат пожелает за вас поручиться, или вместо того двое из тутошных, имущих и надежных мещан с аттестатом от Магистрата, яко поруки таково комиссионного контракта между Академию и вами сделанного подпишутся»¹⁷³.

Штелин, в приписке лично от себя, настоятельно советовал Гарткноху принять новые условия, находя их очень выгодными и подчеркивая, что фактически типография ему «на откуп достанется» и продажа академических книг «не мало принесет прибыли»¹⁷⁴.

Однако Гарткнох твердо стоял на своем, он категорически отказывался впредь заказывать академические книги «на свой страх» и решительно настаивал, чтобы все издания, как на русском, так и на иностранных языках, отдавались бы ему «в комиссию»¹⁷⁵. Поясняя свою позицию, он писал: «на мой страх выписывать книги мне для того никак не возможно поелику не известно на какие книги расход будет больше, и таким образом принужден бы я был весьма великий капитал, против ожидаемого малого барыша, оставлять... мертвым, или не содержать всех книг, на которые охотники будут. Ежели непротивно казенному обыкновению и указам, когда мне русские книги даются в комиссию: для чего же оное почитается противно указать, ежели мне и немецкие книги даны будут на том же основании?»¹⁷⁶.

Свою позицию Гарткнох аргументировал и тем, что в Париже и других местах можно получать «в комиссию» необходимое количество книг¹⁷⁷. И. Ф. Гарткнох отказался представить поручителей, но в письмах к Я. Я. Штелину неоднократно подчеркивал, что его дом в Риге и книжная лавка являются надежным «залогом» и гарантией для Академии наук и что он — «здешний гражданин» (т. е. также является российским подданным), с которого было бы легко в случае необходимости взыскать задолженность¹⁷⁸.

Таким образом, Гарткнох четко определил свои условия. Он просил: ежегодно отпускать ему «в комиссию» необходимое количество книг, карт и «купферштихов» с уступкой в 25 %, документально подтвердить заключенное соглашение и ежегодно, в январе месяце «принимать от него счет».

В случае отказа Академии наук Гарткнох предлагал все оставить «на прежнем основании» и соглашался выписывать «только то, что у него заказано будет»¹⁷⁹. Кроме того, Гарткнох предлагал Академии наук упорядочить систему установки наценок на книги «для самой Академии и выгодно и полезно, когда она цену положит справедливую и умеренную». Опираясь на личную практику издателя и книготорговца, он советовал, «сделав точное исчисление, во что станут печатание, награждение и проч. расходы, прибавлять... к тому вместе известную прибыль по некоторому установленному образцу»¹⁸⁰ во избежание слишком больших расхождений в ценах на книги. Гарткнох просил также, чтобы комиссар книжной лавки Зборомирский привел бы в порядок отчетность в соответствии «с купеческим порядком», т. е. использовал бы цифры, а не буквы, указывал бы стоимость как отдельного экземпляра, так и общую, вел бы отчетность в колонках («столбцах») цифр и пр. для того, чтобы легко можно было сопоставлять взаимные расчеты.

Доводы Гарткноха в конечном счете возымели свое действие. Этому, несомненно, способствовало и то, как он зарекомендовал себя в предшествующие годы сотрудничества с Академией наук. Переписка Гарткноха со Штелином дает представление не только о его деятельности как книготорговца, но и о его личности — свойственной ему энергии, предприимчивости, его осведомленности. Имея большой книготорговый опыт, Гарткнох дал немало ценных советов Академии наук в области книготорговли с западными странами, направленных на увеличение ее эффективности: указывал наиболее благоприятные сроки отправки книг за рубеж, способы их пересылки и др. Они оказали влияние на развитие иностранной книготорговли Академии наук и способствовали ее совершенствованию.

В частности Гарткнох, исходя из местоположения Риги, предлагал Академии наук, поскольку у него были корреспонденты «в разных местах новых

губерний», продавать при его посредничестве календари на польском языке, что могло дать немалую прибыль Академии наук. Он советовал печатать их «малым заводом», учитывая число потенциальных покупателей, чтобы не оставалось дорогой макулатуры.

Гарткнох не только давал рекомендации, касавшиеся тиражей, но предлагал новые типы изданий, например дешевые календари «с обыкновенными календарными известиями» для крестьянства по 10 или 15 к. и более дорогие для зажиточных людей, с информацией о дворе, за границе, о лицах, состоящих на службе, и др.

Немалую роль играло и то, что Гарткнох имел дом и лавку в Риге, располагал обширной сетью иностранных корреспондентов — контрагентов, а главное, был связан с Лейпцигом. Для Академии наук было очень важно, чтобы ее издания попадали на ежегодные весенние и осенние знаменитые ярмарки в Лейпциге. Успех книги на ярмарке гарантировал ее быстрое распространение.

В соответствии с существовавшей традицией вопрос об иностранной литературе, необходимой для Академии наук, решался учеными. Эрудиция Гарткноха, его расторопность — он не только продавал академические издания, но и поставлял необходимую иностранную литературу в Академию наук и частным лицам¹⁸¹ — обеспечили ему поддержку со стороны ученых, заинтересованных в быстром и достаточно полном поступлении новых книг. Все вместе способствовало тому, что по решению Академической комиссии, в состав которой входили академики Румовский, Эйлеры (старший и младший), Штелин и др., в августе 1773 г. вопрос о новых «кондициях» Гарткноха был положительно решен. В протоколе Академической комиссии подчеркивалось, что Гарткнох «в продаже порученных ему в комиссию от Академии российских его книг поступал поныне весьма порядочно и справедливо, и Академия им довольна...»¹⁸². В новом заключенном с Гарткнохом договоре были приняты все его условия. Гарткнох добился очень многого: возможности получать на комиссионных началах не только русские, но и иностранные книги — «отпускать ему книжной продукции столько, сколько он пожелает», а также возвращать «на счет Академии» книги, оставшиеся непроданными. Расчеты, как и предлагал Гарткнох, было решено производить в январе каждого года. Дополнительно оговаривалось лишь, что за провоз «книг и прочаго» от Петербурга до Риги платит Гарткнох, а от Риги до Петербурга — Академия наук¹⁸³.

С этого времени Гарткнох фактически получил монопольное право на продажу за границу изданий Академии наук и поставку для нее иностранной литературы и сумел его удерживать за собой почти в течение целого десятилетия. Но в развитии иностранной книготорговли Академии наук это был новый этап — попытка централизовать продажу литературы за рубежом. В этот период Академия наук почти перестала отпускать книги Вейтбрехту, сократила отношения с лейпцигским книготорговцем Юниусом. Характерно, что почти треть распространявшихся Гарткнохом книг была на русском языке. Преимущественно это была учебная литература, различного рода справочные издания, календари, словари. В самом первом заказе Гарткноха от 1770 г. было, например, затребовано 75 экз. «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. Позднее количество книг на русском языке, забиравшихся Гарткнохом, возрастало. В конце 70-х — начале 80-х гг. он стал заказывать по 5–6 экз. каждого академического издания. И можно предположить, что большая часть подобных книг оседала в Прибалтике и соседних областях, попадала в Польшу.

Книги для Гарткноха, как правило, переправлялись с фурманами, постоянно курсировавшими между Петербургом и Ригой.

Ежегодный доход Академии наук от продажи ее изданий Гарткнохом на протяжении 70-х гг. XVIII века составлял до 700–800 р. в год и, кроме того, способствовал знакомству с изданиями Академии наук в европейских странах. С приходом к власти в 1783 г. нового директора Академии — Дашковой — Гарткноху не удалось сохранить условия, на которых ранее строились его взаимоотношения с Академией, и объем его торговых операций сократился. Дашкова энергично занялась реорганизацией всей Академии, книготорговли в первую очередь. Последовали резкие письма в адрес Гарткноха, были тщательно проверены все расчеты с ним, но в конечном счете было установлено, что не Гарткнох, а Академия наук задолжала ему более 200 р. Из отчета Гарткноха видно, что все же достаточно большая партия российских книг на большую сумму (368 р. 72 к.) скопилась у него и не была распродана. Гарткнох объяснял, что с 1781 г. он «не получал никаких новых книг, которыми охотники к покупке привлекаются»¹⁸⁴, и это привело к застою в торговле.

Из отчета Гарткноха видно, что помимо поступлений книг из Академии наук он покупал для себя календари непосредственно у комиссара книжной лавки Е. Вильковского. Все же Гарткнох пытался укрепить и расширить книготорговые отношения с Академией наук и после прихода Дашковой. Хотя в частном письме к И. Эйлеру он писал, что он не мастер по части учтивостей, однако в письме советнику О. П. Козодавлеву он выражал радость по поводу того, что «особа столь достойная», как Дашкова, «сопрягающая с обширными сведениями наисильнейшее желание споспешествовать благосостоянию академии», поставлена во главе ее¹⁸⁵. Однако возобновить связи с Академией наук на прежних условиях и в прежнем объеме Гарткноху так и не удалось. Дашкова не отказывала ему в продаже академических книг, но соглашалась отпускать их только за наличный расчет, как и другим книгопродавцам. В это время уже возникает сильная конкуренция не только среди владельцев иностранных книжных лавок в Петербурге, но и русских купцов-книгопродавцев.

В конечном итоге обиженный и уставший Гарткнох, тщетно отстаивавший свои позиции, оставил за собой лишь право «на малые услуги» для Академии наук, пожелав ей найти себе других «таких купцов», каким был он и от которых она получала бы такие же большие прибыли¹⁸⁶.

Как видно из ведомости «Прихода и расхода по российскому магазину», 15 сентября 1783 г. Гарткнох вернул Академии наук остававшиеся у него нераспроданными академические издания. Характерно, что в этой партии книг только изданий на русском языке было больше 200 названий (в ряде случаев несколько экз.). И это показывает, какой широкий подбор академических книг, в том числе и на русском языке, он предлагал западному читателю¹⁸⁷.

Гарткнох попытался использовать, и судя по всему удачно, еще один канал. Он предложил О. П. Козодавлеву возложить на него обязанность снабжать Академическую библиотеку иностранными книгами. Не без гордости он указывал: «Я не думаю, чтоб в Петербурге сыскался книгопродавец, который бы столько оными был достаточен. Сие есть не похвальба, но самая истина, и я надеюсь, что Академия предпочтет меня и потому, что я собственные ее книги продаю ежегод-

но в столь знатном количестве»¹⁸⁸. Ослабление связей с Академией наук объяснялось и внутренними преобразованиями в ее издательско-книготорговой структуре, поскольку к концу XVIII в. уже существенно изменилось соотношение выпускаемых ею книг на русском и иностранном языках. Деятельность И. Ф. Гарткноха (ум. в 1789 г.) была продолжена его сыном — И. Ф. Гарткнохом, сохранившим связи с Академией наук и ее учеными, с иностранными книготорговцами Петербурга, просто с частными лицами. Корреспонденция тех лет показывает: в 1791 г., например, из Петербурга на его имя для Лейпцигской ярмарки была отправлена партия книг. В 1803 г. от него поступило достаточно большое число иностранных книг для Библиотеки Академии наук. Можно предположить, что его контакты с Академией наук были достаточно регулярными.

Однако в конце 90-х гг., в связи со сложной внешнеполитической и внутренней обстановкой в России, со все усиливающимися цензурными запретами на ввоз книг из-за рубежа, условия для развития иностранной книготорговли были малоблагоприятными. В 1800 г., например, Академии наук не удалось добиться разрешения на получение ранее выписанной научной литературы. Поступившая на имя И. Эйлера партия иностранных книг (не исключено, что от И. Ф. Гарткноха) была отправлена «туда, откуда они прибыли». Все это сковывало книжную торговлю и, возможно, обусловило то, что Гарткнох-сын уже не занимался ею с таким размахом, как его отец.

После ареста в 1797 г. и неприятностей с цензурой, И. Ф. Гарткнох счел более благоразумным в 1798 г. навсегда покинуть пределы Российской империи и переселиться из Риги в Германию. Связей с Россией и Академией наук он не порывал и позднее, после 1804 г., когда он стал «дрезденским книгопродавцем». Благодаря известности в Петербурге и хорошей репутации, которой он пользовался: «он доставляет книги в Академию наук и известен по своей честности и знаниям»¹⁸⁹, — в 1805 г. Гарткноху было предложено Главным управлением училищ уведомлять С.-Петербургский Цензурный комитет «о выходящих за границей вредных книгах»¹⁹⁰. Письмо И. Ф. Гарткноха от 25 августа 1808 г., в котором он сообщал об отправленных им рапортах и просил выдать жалованье за три года¹⁹¹, подтверждает, что его связи с Петербургом были достаточно разнообразными и оживленными.

В целом деятельность Гарткнохов, особенно И. Ф. Гарткноха-отца, сыграла немалую роль в распространении академических книг в Прибалтике и на Западе, а также способствовала более быстрому проникновению в русскую читательскую среду новейшей иностранной литературы. Не только как издатели, но и в качестве книготорговцев, в лавках которых всегда имелись и русские книги, они сыграли роль своеобразных посредников, способствовавших взаимодействию русской и западной культур.

С начала 70-х гг. XVIII века, несмотря на успешное развитие отношений с зарубежными комиссионерами, в книготорговле Академии наук все заметнее становится ориентация на внутренний рынок. Этому способствовало культурное развитие страны, укрепление и рост издательского дела в самой Академии наук. Книготорговые процессы в Академии наук оказываются подверженными влиянию тех же сил, которые способствовали быстрому развитию частной книготорговли в Петербурге.

Определенным толчком для становления академической книготорговли стала, например, деятельность «Собрания, старающегося о переводе чужестранных книг на российский язык». Труды «Собрания», учрежденного Екатериной II и находящегося под ее покровительством, должна была печатать «на свое иждивение» Академия наук. Напомним, что одним из кураторов «Собрания» был граф В. Г. Орлов, директор Академии наук. Однако система издания и распространения трудов «Собрания» оказалась не до конца продуманной. Финансирования Екатерины II хватало лишь на оплату переводческого труда членов общества — и в результате Академия наук оказалась перед необходимостью принять на себя заботы по напечатанию и реализации выпускавшихся сочинений. Поскольку для переводов выбирались лучшие произведения западноевропейской и античной литературы, как-то само собой предполагалось, что они окажутся самокупаемыми. И первоначально Академия наук выпускала переводы, представленные членами «Собрания», большими тиражами (1200 экз.). Однако уже вскоре начали возникать затруднения. Как докладывала Комиссия Академии наук, деятельность «Собрания» оказалась настолько плодотворной, что «на непрерывное и притом многочисленное вдруг печатание книг, сообщаемых от Собрания... употребляется ныне почти большая половина типографии; а от того происходит не только медленность в печатании собственно принадлежащих до Академии и при том нужных книг, но немалое число оных и совсем уже от давнего времени оставлено»¹⁹². Это осложнение было довольно легко преодолено. По повелению Екатерины II, ревниво относившейся к деятельности «Собрания» и поддерживавшей его, Академическая типография была расширена на 4 печатных стана, предназначенных специально для выпуска трудов, подготовленных членами «Собрания». Внутри Академии наук фактор типографии Лыков получил распоряжение Комиссии: «Для отвращения таких остановок» чтобы он для печатания книг «Собрания» «употреблял только прибавленные по именному Е. И. В. повелению четыре стана... и на оных станах печатал бы единственно, сколько может, помянутого Собрания книги; но других бы станов семи книгами не занимал, выключая только те случаи, когда оные станы свободны будут от печатания академических книг»¹⁹³. К этому времени, как было сказано выше, большую часть изданий Академической типографии начали составлять труды, подготовленные членами общества. Главной же трудностью стало то, что Академия наук, заваленная рукописями членов «Собрания», вскоре столкнулась с тем, что напечатанные книги «весьма мало расходятся и полагаемое на них иждивение не возвращается, почему и печатать их Академии убыточно». Все попытки Академии наук заставить «Собрание» издавать на свой счет подготавливаемые переводы не увенчались успехом. Академия наук резко сократила тиражи этих изданий (сначала до 550–600 экз., а затем и до 300), но и они раскупались лишь частично. В конце 1773 г. в Академии наук были подведены итоги продажи этих изданий за пять лет, как свидетельствуют обнаруженные в СПбФ АРАН «Ведомости книгам сообщенным от Собрания сколько было их в приходе, из того продано и затем в остатках»¹⁹⁴. Этот документ наглядно показывает, насколько быстро и в каком объеме раскупались эти издания начиная с 1769 г., когда они стали выпускаться Академией наук. Пять экземпляров каждого издания печаталось на александрийской бумаге и предназначались для подношения Екатерине II и ко двору, 30 экз. «безвозмездно» передавались в пользу

«Собрания», остальные поступали в книжную лавку на продажу по цене, установленной Комиссией.

Из приложенной таблицы I–9 (Ведомости книгам сообщенным от Собрания...) видно, что за 5 лет разошлось немногим более четверти всех изданных книг. В целом это были недорогие издания и все зависело от того, насколько силен был интерес в обществе к тому или иному произведению. Так, «Кандид» Вольтера, изданный большим тиражом (в 1154 экз.) и продававшийся по 30 к., был почти полностью раскуплен к концу 1773 г. — оставалось всего 132 экз. Особенно хорошо раскупалось сочинение Ф. Кальера «Каким образом договариваться с государями», статьи из «Энциклопедии»: «Проект о вечном мире», «О народном воспитании», «О государственном правлении», «Разговор о трех разноравных», «Рассуждение о величестве и упадке римлян», «Рассуждения о причинах установления или отрешения законов» и др.; статьи и сочинения о Турции и Греции, о проблемах государственного и социального устройства — все то, что вызывало неизменный интерес в политизированном обществе. К концу 1773 г. стоимость выпущенных в свет сочинений «Собрания» составила 13 299 р. 20 к., а реализовано их было всего на 3057 р. 35 к. Остаток составил значительную сумму в 10 241 р. 85 к., и это не могло не волновать академическое начальство, не желавшее иметь дефицит и нести убытки еще и за счет неакадемических изданий. Относительно небольшое число раскупленных экземпляров вовсе не означало отсутствие интереса к изданиям общества со стороны читающей публики. Скорее, это свидетельствовало об узости круга той интеллигенции, для которой предназначались эти издания. Академия наук вынуждена была искать пути для выхода из кризиса. Определенную помощь ей оказало организованное Н. И. Новиковым «Общество, старающееся о напечатании книг» (см. главу III), издавшее ряд переводов, подготовленных членами «Собрания». Однако единственным реальным выходом, подсказанным Екатериной II, не утратившей интереса к деятельности «Собрания», было расширение продажи выпущенных изданий.

15 июня 1772 г. комиссией Академии наук было рассмотрено предложение — чтобы книги, появившиеся в результате деятельности «Собрания», «по напечатании больше распродавались и полагаемое бы от Академии на печатание оных иждивение возвращалось скорее, поступить в исполнение именного... Ея И. Ве. высочайшего повеления следующим образом: сверх продажи оных книг при книжной лавке, выбрать к тому еще трех или четырех человек из академических нижних служителей, состоящих на половинном жаловании, которые никакими делами больше не заняты, и поручить их в ведение комиссара Зборомирского, которому приказать, чтобы он, переплетя оных книг потребное число в простой бумажный переплет, давал их по несколько экземпляров оным служителям в разноску по городу для продажи по такой цене, по какой они обойдутся с переплетом, платя тем служителям за сии их труды из вырученных ими денег от продажи оных книг по 2% со ста; остальные же собираемые от них от продажи оных книг деньги взносил бы вместе с вырученными при книжной лавке деньгами помесечно, с показанием... на сколько именно продано будет сими людьми оных книг»¹⁹⁵. Но принятые меры не привели к желаемым результатам. Служители из отставных солдат не желали заниматься новым и хлопотным делом и плохо справлялись со своими новыми обязанностями. И для Академии наук невыгодно было продавать без ка-

кой-либо наценки книги, о которых можно было предположить, что именно они-то и будут раскупаться в первую очередь. Обычно издания продавались с «накидкой» в 25%, а то и выше. Да и частных петербургских книгопродавцев могла заставить задуматься подобная уличная продажа по «бросовым» ценам части (причем не малой и далеко не худшей!) академических книг. Подобная продажа первоклассных изданий была невыгодна для всех — для Академии наук, для начавшей вставать на ноги частной книготорговли, да и для самого Новикова, принявшего на себя издание переводов, подготавливаемых членами «Собрания», и организовавшего этот процесс на меценатских началах. Ему грозили сплошные убытки. Подобная реализация изданий не могла бы покрыть расходы, связанные с печатанием книг в казенных типографиях, даже в типографии Академии наук. Спустя два месяца, вновь вернувшись к данному вопросу, Комиссия Академии наук приняла «соломоново решение», в котором постаралась, «чтобы Высочайшее Ея И. Ве. благоволение в разсуждении продажи по городу книг, сообщаемых Академии от Собрания... не осталось без должного исполнения», а с другой стороны, были бы соблюдены интересы Академии — «за неспособностью прежних разнощиков, которые назначены были к продаже оных книг из академических служителей... приискать к сему делу вольных людей»¹⁹⁶. Это было неординарное решение. Комиссия Академии наук несколько неопределенно поясняла: «И как ныне явился к тому здешний санктпетербургский купец Матвей Никифоров, который берется не только содержать на своем иждивении потребное число разнощиков для продажи тех книг по городу, но сверх того продавать оные в собственной его книжной лавке, состоящей в Морском рынке и требует как на содержание оных разнощиков, так и за свои труды из выручаемых от продажи тех книг денег по 10% со ста»¹⁹⁷, то Академия наук и решила воспользоваться его услугами. Возможно, что это был тот самый книгопродавец Матвей Никифоров, который в 60-е гг. время от времени предлагал редкие книги Академии наук для ее Библиотеки, а в 70-е гг. владел книжной лавкой на Морском рынке и время от времени давал объявления в «Санктпетербургских ведомостях». Но в то же время, как уже указывалось выше, здесь в начале 70-х гг., в этой же лавке в овощном ряду (или в соседних, под № 7 и 12) вел книжную торговлю Андрей Малахов — «сиделец», а возможно и компаньон Н. И. Новикова. Тот самый загадочный купец, книготорговец и издатель, который в начале 70-х гг. тиражом в 500 экземпляров выпускал журнал «Старина и Новизна» (1772 г., печатался на его счет в Академии наук), делал переводы с французского — только в 1771–1772 гг. «его старанием» были переведены и напечатаны в типографии Академии наук книги «Амстердамской мещанин, беспристрастной политик» (тираж 450 экз.), «Китайский мудрец, или Наука жить благополучно в обществе» (тираж 600 экз.), комедии «Любовь учительница, или Одоление злополучий» (тираж 450 экз.), «Благодетельный грубиан» (тираж 600 экз.) Загадочный не только по характеру своей деятельности (не получившей никакого развития), репертуару переводов, Малахов вскоре бесследно исчез, и можно лишь предполагать, что он был одним из пособников, «сидельцев» или даже подставных лиц Новикова, развернувшего в это время интенсивную издательско-книготорговую деятельность в Петербурге. Как бы то ни было, связи между Новиковым и купцами-книгопродавцами с Морского рынка несомненно существовали, и вполне допустима его роль посредника в процессе установления связей между ними и Академией наук.

В протоколе комиссии Академии наук были подробно перечислены «все возможные выгоды от соглашения с М. Никифоровым: «Выручаемые же им деньги обязуются вносить в Академию по понедельно, — на первый случай требует оных книг вдруг как для разноски по городу (то есть и торговля в „разнос“ давала свои результаты), так и для продажи в его лавке суммою до 300 руб.». В качестве поручителей он представил двух купцов — «оного санктпетербургскаго Михаила Петрова сына Фомина, а другого тверскаго Михаила Федорова Тюлпина которые в случае утраты от него, Никифорова, забираемых им из Академии оных книг, по какому бы то приключению не сделалось, обязуются заплатить за него Академии». В результате Комиссия Академии наук приняла решение: «поручить Никифорову продажу оных книг по городу, также и в лавке на вышеписанном договоре» (комиссару книжной лавки Зборомирскому было предписано выдать Никифорову книги), «взяв на нем, Никифорове обязательство с представленных от него поручителей, а притом и его самого обязать подпискою, чтобы он тех книг *свыше положенной от Академии цены* (курсив мой. — А. З.) отнюдь не продавал»¹⁹⁸. Последнее очень важно — Академия наук устанавливала определенную цену на книги, которую купец не имел права превышать, в соответствии с обычным порядком. Специально было оговорено, чтобы Никифоров преимущественно забирал книги, подготавливаемые «Собранием»: «На месте же проданных, выдавать ему другия, каких он потребует, наблюдая притом, чтобы в числе оных книг по большей части были те, котория сообщаются Академии от вышепомянутого Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на российский язык»¹⁹⁹. Зборомирский был обязан принимать деньги, платить Никифорову положенные проценты, а также представлять регулярно отчеты о количестве проданных купцом Никифоровым книг.

Нужно сказать, что среди них были книги, выдержавшие по несколько изданий до конца века: «Путешествия Гулливеровы» Свифта, «Свет зримый в лицах» Я. А. Коменского и др. О сотрудничестве М. Никифорова в последующие годы с Академией наук нет данных, но можно предположить, что эта сделка послужила своеобразным толчком для развития торговых отношений между Академией наук и купцами-книгопродавцами.

С 1772 г. Академия наук все в большем объеме начинает реализовывать собственные издания как в Петербурге, так и по всей стране с помощью частных книгопродавцев. Почти одновременно Академической комиссией были заключены одинаковые («типовые») контракты с купцами Арефьем Кругловым (25.VII.1772 г.), с К. В. Миллером (11.VIII.1774 г.), Сергеем Копниным (17.XI.1774 г.). В 1775 г. такой договор был заключен с переpletчиком Московского университета Никитой Дмитриевым.

Следует отметить, что если о деловых отношениях между Н. И. Новиковым и купцом М. Никифоровым можно говорить лишь предположительно, то купцов А. Круглова, К. Миллера, С. Копнина, Н. Дмитриева с Новиковым связывало прочное сотрудничество. И вряд ли можно считать случайным, что именно они стали первыми, кто сумел добиться от Академии наук отпуска книг на комиссию и установить, как это удалось К. Миллеру, С. Копнину, Н. Дмитриеву, многолетние, продуктивные связи с Академией наук. Не исключено, что это взаимодействие между частными книготорговцами и государственным учреждением явилось следствием претворения в жизнь просветительских задач Новикова, призванных оживить

издательско-книготорговую деятельность в Петербурге. Позднее по примеру русских купцов продажей академических книг на иностранных языках с 1775 г. начали заниматься инспектор Сухопутного кадетского корпуса Бозль, а также книгопродавцы государственной Берг-коллегии и монетного департамента — К. Шейбнер и Эверс.

Поскольку Арефий Круглов был первым, с кем был подписан договор, необходимо более подробно рассмотреть условия заключенного с ним контракта. Первое, что обращает на себя внимание, — это то, что Арефий Круглов сам предложил свои услуги Академии наук. Он не был случайным лицом, его и ранее связывали деловые отношения с Академией. Он заказывал и получал из Академической типографии напечатанные для него и других лиц книги. 17 февраля 1772 г. он, например, внес 69 р. за напечатанные для капитана М. Неелова 600 экз. переведенной им книги «Похождения французского мошенника Картуша», и Академическая комиссия распорядилась «по представленному им, Кругловым, от онаго капитана Неелова верующему письму отдать ему Круглову с распискою»²⁰⁰ напечатанные экз. В 1771 А. Круглов на свой счет напечатал 200 экз. второго издания журнала «Смесь».

В своем прошении, рассмотренном Комиссией 25 июля 1772 г. (т. е. немногим более месяца после соглашения, заключенного с М. Никифоровым), Арефий Круглов принимал обязательство «напечатанных поныне и впредь печатаемых при Академии книг, ландкарт и портретов, также и календарей в круглый год перебрать за наличные деньги не менее как на тысячу рублей, ежели Академия сделает ему уступку против настоящей цены по двенадцать процентов со ста»²⁰¹. То есть, это было на два процента больше, чем в соглашении, заключенном с М. Никифоровым. Но зато Арефьев брался продавать в три раза больше книг, чем М. Никифоров. Очевидно, что это возможно было лишь при продаже академических книг в другие города (помимо Москвы и Петербурга). Вместо поручительства, в качестве гарантии, «то он верно по сему обещанию на толикую сумму оных книг и прочаго в год перекупит», А. Круглов вносил залог «наперед 25 руб. денег с тем, чтобы сии деньги 25 руб., когда он последние книги в число 1000 руб. заберет, зачесть ему в оную сумму; в противном же случае, ежели он не заберет на показанную сумму или и на пять сот рублей в год, залог сей 25 руб. за неустойку свою оставляет Академии и требовать назад не будет»²⁰². Предложение А. Круглова было принято комиссией Академии наук, и комиссар Зборомирский получил распоряжение отпустить А. Круглову книги и пр. за наличный счет, «начав от сего числа в целый год до 1000 рублей, или и более, ежели он похочет»²⁰³, полученные от Круглова деньги «вносить помесечно» и вести учет — что, когда и на какую сумму будет отпущено Круглову. Через год договор с Кругловым с первого августа 1773 г. был продолжен «на прежнем основании». Было подсчитано, что Круглов за первый год (с августа 1772 г. по август 1773 г.) «перебрал по... своему обязательству на три тысячи на шестьсот на пятьдесят семь рублей и на пятьдесят одну копейку по настоящей цене»²⁰⁴. «Чистых» денег, после вычетов причитающихся А. Круглову процентов, это составило 3216 р. 26 к. Для сравнения укажем, что доход от книжной лавки Академии наук за год составлял в среднем около 7000 р.

Сумма выручки книжной лавки с 1 января 1772 г. по 1 января 1774 г., например, равнялась 14 346 р. 53 1/2 коп.²⁰⁵ Не удивительно, что Круглову в августе 1773 г.

было объявлено, что «Комиссия им довольна и на продолжение с ним онаго договора на прежнем основании еще на год соглашается», а комиссару Зборомирскому был отдан приказ отпускать Круглову книги уже без ограничений «на толикую сумму, на коликую он Круглов похочет»²⁰⁶.

Из всего круга лиц, сотрудничавших с Академией наук в начале 70-х гг., лишь К. В. Миллеру удалось установить с ней прочные отношения. Судя по всему, он стал преемником Круглова. В августе месяце 1774 г., как раз когда кончился срок договора А. Круглова с Академией наук (сведений о продолжении контракта Круглова с Академией нет), К. В. Миллер подал «покорнейшее доношение» в Комиссию Академии наук с просьбой отпускать ему «печатающиеся при оной Академии на разных языках книги, календари и разные портреты и ландкарты с тою же подпiscoю и за готовые деньги с уступкою по двенадцати рублей со ста, как заключен был контракт с книгопродавцем Арефьем Кругловым»²⁰⁷. В свою очередь Миллер принял обязательство «перебрать в круглый год за наличные деньги не менее как на тысячу рублей»²⁰⁸ разных академических изданий (книг, ландкарт, эстампов и календарей). Вместо поручительства Миллер, точно так, как и А. Круглов, должен был внести «в залог наперед двадцать пять рублей», которые засчитывались при окончательном расчете в конце года. В противном случае, при невыполнении условий, если бы он «не перекупил на показанную сумму в год», деньги 25 р., в качестве неустойки, оставались за Академией. На этих, достаточно жестких условиях, Миллер мог приобретать за наличный расчет академические книги «чрез целый год не только до тысячи рублей, но и более, если он похочет»²⁰⁹.

У семьи «академических переплетчиков» Миллеров и раньше были достаточно разносторонние связи с Академией наук. Теперь они еще больше укрепились и расширились. Сохранившиеся в Архиве Академии наук данные за 1775 г. о «продаже книг, партретов, ландкарт и календарей вольному книгопродавцу купцу Миллеру» показывают, что Миллер смог выполнить принятые обязательства и приобрел на 1000 рублей академических изданий. Он даже превысил требовавшуюся сумму, поскольку в среднем, ежемесячно, он покупал партии книг на сто рублей. Так, в январе 1775 г. он приобрел их на 260 р., в феврале — на 104 р. 50 к., в марте — на 103 р., в мае — на 110 р. 27 к., с июня по сентябрь, когда заканчивался срок контракта, — на 57 р. 60 к. и т. д. (Данные за 1774 г., с начала заключения контракта, отсутствуют.) Как удалось установить, Миллер «в тот первый год перекупил из Академии наук на 1694 руб. 81 коп.» книг и календарей.²¹⁰ В основном он закупал в Академии наук литературу, всегда пользовавшуюся повышенным спросом: учебники — «Прописи российские» (за год им было приобретено около 40 экз. по 20 к.), «Французский букварь» (80 экз. по 25 к.), «Граматику Российскую» Ломоносова (5 экз. по 80 к.), «Граматику латинскую Лебедева» (50 к.), «Граматику французскую Рестову» (60 к.) — (каждой по 20 экз.) и др. Он покупал, и в немалом количестве, различные словари: «Целяриева лексикона» (30 экз. по 1 р.), «Польского лексикона» (3 экз. по 1 р.) и др. За год им было приобретено не менее 25 экз. «Воинского устава», всегда хорошо раскупавшегося. В большом количестве Миллер приобретал и различные карты, издававшиеся Академией наук: более 35 экз. «Карт Московской провинции», несмотря на их высокую стоимость (2 р. экз.), по 30 экз. «Планов старой Москвы» (25 к. экз.) и «Планов новой Москвы» (по 20 к. экз.) и др.

Многотомные, дорогие издания, такие, например, как «Древняя Ролленева история в 10 т.» (по 8 р. экз.), «История российская кн. Щербатова в 2-х тт.» (по 4 р. экз.), «Римская история в 16 тт.» (по 9 р. 60 к. экз.), он приобретал не более чем в одном-двух экз. Всю новую выходящую литературу он также покупал очень осторожно — не более, чем в одном-двух экз., хотя в отдельные месяцы 1775 г. им были закуплены большие партии книг. В мае — 56 названий, в декабре — 117. В первую очередь это относилось к произведениям художественной литературы. Даже пользовавшиеся успехом в эти годы у публики книги («Рабенеровы сатиры», «Повесть о малом Помпе», «Скарон», «Приключения трупа» и др.) были куплены Миллером лишь в одном экземпляре. Исключение составили получившие признание у читателей «Похождения Карла Орлеанского» (продавались по 30 к. экз.) и «Повесть о хромоногом бесе» Лесажа (по 80 к. экз.), которых Миллер приобрел по пять экз. Зато философское сочинение «Китайские мысли» (40 к. экз.) Миллер приобрел сразу в 15 экз. В наибольших количествах, и Миллер в этом не был исключением среди других книгопродавцев, он покупал календари. В январе 1775 г. он закупил 105 экз. «Российского придворного календаря» (20 к. экз.), 70 экз. «Немецкого» (20 к.) и 65 экз. «Французского» (25 к.), в марте месяце календари составили чуть ли ни четверть суммы всего заказа: Миллер приобрел 125 экз. «Адрес-календаря» (по 45 к. экз.), а в конце года — ноябре и декабре — он купил 320 экз. простого «Российского календаря» (20 к. экз.) и 350 экз. «Немецкого календаря» (15 к. экз.) уже на 1776 г. Характерно, что Миллер покупал календари без переплета, что позволяло ему сэкономить не менее 4-х к. (стоимость переплета) на каждом экземпляре.

Ассортимент книг, покупавшихся Миллером у Академии наук, и их количество (как и то, что Миллер приобретал книги небольшими партиями) показывают, что Миллер торговал этими книгами в Петербурге, а не на вывоз в другие города. Он явно не располагал большими свободными средствами (судя по его скромным заказам) и не хотел рисковать, поскольку он вынужден был сразу рассчитываться за покупки наличными деньгами. Первоначально он должен был вносить деньги ежемесячно.

Вслед за К. Миллером, спустя три месяца после заключенного им контракта, 14 ноября 1774 г. с «покорным доношением» в Академию наук обратился «Санкт-Петербургской купец и города Белова депутат Сергей Леонтьев сын Копнин». «Желаю я, — писал он в прошении, — за наличные мои деньги перебрать в целой год на разных языках печатаемых при оной Академии книг... на 1000 рублей, но с тем, чтобы мне также как книгопродавцам Круглову и Миллеру уступлены были такие же двенадцать процентов с рубля»²¹¹. Он также оставлял 25 р. в залог и давал подписку не требовать их назад в случае, если бы он не смог выполнить принятого на себя обязательства. Копнин неоднократно и раньше имел с Академией дела. В 1772 г. именно он выкупил часть тиража (по 400 экз. ч. 1–2 и по 600 экз. ч. 3–4) сочинения Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры», задержанного Академией наук, так как не были погашены расходы за его напечатание. С Копниным также был заключен договор, однако в отличие от соглашения с К. Миллером, «с таким притом условием, что он покупаемых им тех из Академии книг перепродавать здесь в Санкт-Петербурге не будет, но все оныя отсылать будет на продажу в другие города»²¹². Копнину пришлось дать подписку, что он будет покупать у Академии наук книг и иной про-

дукции не менее чем на тысячу р. в год, но продавать академические книги лишь «в прочих российских городах»²¹³. Через год, в ноябре 1775 г., расписываясь за получение 25 р., Копнин указывал, что обязательство «перебрать... разных книг, портретов, ландкарт и календарей на тысячу рублей в круглый год» им исполнено²¹⁴. Контракт, заключенный с Копниным, убедительно показывает, что Академия наук по-прежнему очень неохотно предоставляла свои издания для продажи в Петербурге и делала это в 70-е гг. лишь в исключительных случаях.

Из ведомостей о продаже книг купцам К. Миллеру и С. Копнину в 1775 г. видно, что Копнин в январе приобрел книг на 363 р. 55 к., в феврале — на 264 р., в марте на 307 р. 40 к., в мае на 135 р. 90 к., в июне — на 239 р. 15 к. и в октябре на 173 р. 70 к., всего на сумму 1483 р. 70 к., которая и была уплачена им с учетом «уступки в 12 % на протяжении года»²¹⁵. Из рапорта Зборомирского в Академическую комиссию следует, что 1 октября, например, Копниным была приобретена партия книг (всего 40 названий) — причем почти четверть из них была куплена в количестве 10 и более экз. Так, например, им было получено 20 экз. «Курасовой универсальной истории» (по 50 к.), 19 экз. «Похождений Телемака» (по 1 р.), 15 экз. «Науки счастливым быть» (по 50 к.), 15 экз. «Устава воинского» (по 1 р.), по 10 экз. «Карла Орлеанского» (по 30 к.), «Цицерона о добре и зле» (по 50 к.), «Граматики российской» (по 50 к.) и др. По казенной цене заказ составил, как указано выше, сумму 173 р. 70 к., но с учетом 12 % скидки Копниным было уплачено 152 р. 86 к. Характерно, что в заказе Копнина преобладали литературные и исторические сочинения. Помимо указанных, им были куплены, например, 5 экз. «Повести о хромоногом бесе» (по 80 к.), 5 экз. «О разуме законов» (по 1 р. 50 к.), по 5 экз. 1-й и 2-й части «Собрания од Ломоносова» (по 35 к.) и др.²¹⁶ Его сотрудничество с Академией наук продолжалось и в дальнейшем.

О контрактах петербургских купцов стало известно в Москве, и следующим, кто обратился в Академию наук с просьбой отпустить книги, был Никита Дмитриев, переплетчик Московского университета. Он, подобно своим предшественникам, просил «из напечатанных поныне и впредь из печати выходящих при Академии книг, календарей и планов» отпустить ему за наличные деньги на 1000 р. академической продукции «через круглый год в разные только времена суммой не менее как на 50, а когда потребуетя, то на 100 или на 200 рублей вдруг» с «уступкой» в 12 % «против продажных цен в Петербурге». Вместо поручительства он, как и другие купцы, оставлял Академии 25 р. в залог. Договор был заключен 27 ноября 1775 г.²¹⁷ Однако сначала Никите Дмитриеву было отказано в отпуске календарей, которые и так хорошо распродавались петербургской и московской академическими книжными лавками. Книгопродавец Н. Дмитриев продолжал настаивать, его поддержал К. Миллер, и, в конечном счете, уже в 1775 г. Комиссия была вынуждена уступить книгопродавцам и разрешить отпустить им календари без ограничения, поскольку они в противном случае не могли выбрать книг в год на условленную тысячу рублей. Комиссару Зборомирскому был отдан приказ отпустить им наряду с книгами потребное количество календарей «за наличные деньги, начав с 27 числа сего ноября впредь чрез целой год не только до тысячи рублей, но и более ежели они похотят с уступкой... в 12 коп.»²¹⁸.

Договор, заключенный в 1775 г., положил начало многолетним связям «Никиты Дмитриева сына Водопьянова», как он подписался под одним из своих проше-

ний²¹⁹, с Академией наук. Эта подпись доказывает, что Никита Дмитриев, начавший сотрудничать с Академией наук в 70-е годы, и Никита Водопьянов, закупавший крупные партии академических книг в 80–90-х гг., — одно и то же лицо.

Из прошения Никиты Дмитриева, поданного через год, 21 декабря 1776 г., видно, что в 1775 г. он «перебрал» книг «с лишком на две тысячи» и это дало ему основание обратиться к Академической комиссии с просьбой «учинить... в процентных деньгах прибавку к 12 еще по 3 и того по пятнадцати процентов». Никита Дмитриев доказывал, что «трудное иногда из Санктпетербурга доставление в Москву книг по случающимся разным обстоятельствам становится так дорого», что «все проценты» уходят на оплату «за провоз» книг и «себе за свои труды ничего не остается». Он просил поощрить его и обещал еще более расширить продажу академических книг в Москве²²⁰. В конечном счете Академия наук пошла навстречу Никите Дмитриеву (Водопьянову) «в рассуждение великих расходов, которые он принужден делать при перевозке книг к себе в Москву», и по распоряжению С. Г. Домашнева ему был добавлен еще 1 процент скидки, «но не в образец другим» и на один только год²²¹. Однако поскольку сотрудничество Н. Дмитриева с Академией наук развивалось успешно, — в 1777 г. он «перебрал оных книг... вдвое против его обязательства», то есть, больше чем на 3000 в год, — он сохранил за собой «уступку» 13 копеек с рубля. На льготных условиях им приобретались книги и позднее. Если учесть, что в Москве Академия наук имела собственную книжную лавку, то Дмитриев, несомненно, шел на определенный риск, приобретая за наличный расчет на большие суммы академические книги. И то, что он «для лучшей пользы Академии наук» все увеличивал объемы закупавшихся книг, свидетельствовало не только о его сноровке, росте его материальных возможностей, но и несомненно о расширении круга его покупателей.

К концу 70-х гг. Никита Дмитриев (Водопьянов) стал одним из самых крупных покупателей книг у Академии наук. Он намного опередил по объемам заказов и их суммам своих петербургских конкурентов — К. Миллера и др. Определенным преимуществом его было то, что он торговал академическими книгами в Москве и провинции (то есть в отдалении от Петербурга) и, кроме того, в эти годы он фактически был единственным из московских купцов, по-крупному торговавшим изданиями Академии наук. Подобно тому, как К. В. Миллер был основным распространителем новиковских изданий в Петербурге, Н. Водопьянов в эти годы монополизировал продажу академических книг в Москве.

Инспектор Сухопутного кадетского корпуса Боэль, также пожелавший с 1775 г. приобретать в Академии наук «печатаемые при ней на разных языках книги и ландкарты», ни для кого из частных книгопродавцев не являлся конкурентом. Он покупал литературу на иностранных языках, причем в небольших количествах. Это видно из его типового договора с Академией наук, которая согласилась предоставить ему «уступку в 12 % на академические издания на иностранных языках, если только он будет покупать вдруг не меньше как на 100 руб.»²²²

Академические издания на иностранных языках в больших объемах в 70-е гг. продолжал брать на комиссию для продажи за рубежом И. Я. Вейтбрехт, несмотря на постоянно возникавшие между ним и Академией наук трения из-за неаккуратности в платежах. Небольшие партии академических книг продавал Вильгельм Готлиб Корн, книгопродавец из Бреславля. С начала 70-х гг. серьезную конкурен-

цию Вейтбрехту, как было показано выше, составил И. Ф. Гарткнох. Однако и в самом Петербурге, по примеру русских купцов, к продаже академических изданий проявили интерес бывший бухгалтер и доверенное лицо Вейтбрехта (получавший для него с 1771 г. книги в Академии наук) Карл Шейбнер и его компаньон Эверс, ставшие в середине 70-х гг. книгопродавцами Государственной Берг-коллегии и Монетного департамента и открывшие в Петербурге свою собственную книжную лавку. 7 декабря 1775 г. они обратились с прошением в Академическую комиссию, где указывали: «имеем случай здешние академической печати латинские и немецкие книги, ландкарты, картины и пр. ежегодно знатным числом отсылать к нашим иностранным корреспондентам»²²³. Они просили выдавать им литературу «с обыкновенною уступкою» и с отсрочкой платежей на год, а в качестве гарантии предлагали в залог «капитал свой в имеющихся при книжной их лавке иностранных всякого звания книгах»²²⁴. Комиссия удовлетворила все их условия — они получили «уступку» в 12 % «против продажной здесь цены» и пр. С 1776 г. они начали отдавать долги Академии наук небольшими суммами (на первый раз они внесли 286 р. 23 к.), частично они расплачивались и книгами, необходимыми Академии наук, и просили отпускать им книги и впредь по списку «для поспешствования большей распродажи»²²⁵.

Отношения между Шейбнером и Эверсом и Академией наук, по-видимому, тоже развивались достаточно успешно, поскольку при расчетах в июле 1777 г. компаньоны просили предоставить им такую же уступку, какой пользовался Вейтбрехт²²⁶.

При распространении своих изданий Академия наук сталкивалась с трудно разрешимым противоречием. Она была заинтересована в возможно более широкой продаже издаваемых книг, но наладить продажу своих изданий в провинциальных городах ей не удавалось. Более удачно был решен вопрос с продажей книг за рубеж.

Среди частных книготорговцев Петербурга академические книги стремились приобретать книгопродавцы-переплетчики. Однако получая академические книги, они становились опасными конкурентами для академической книготорговли. Примером подобного столкновения может служить конфликт с переплетчиком Сухопутного кадетского корпуса М. Маркеловым. В конце 1776 г. им было переплетено в академической книжной лавке «для продажи» 700 экземпляров «Российского большого календаря» и 100 экз. «Придворного» — «итого восемь сот ценю за каждый календарь по 4 копейки, а за все... тридцать два рубля». То есть, он не был посторонним человеком для Академии наук и получал от нее иногда без какого-либо специального контракта на продажу партии книг. Однако из «репорта» в Комиссию Академии наук, поданного комиссаром книжной лавки Зборомирским 24 февраля 1778 г., видно, что их интересы довольно быстро столкнулись. «От многих здешних партикулярных книгопродавцев и переплетчиков слышно: что Сухопутного Кадетского корпуса переплетчик Михаила Маркелов, — докладывал Зборомирский, — приходя к ним, да в разныя господские дома, объявляет: что он Маркелов якоб все академические книги от Академии наук снял на себя для продажи, и чтоб желающие покупать академические книги приходили к нему Маркелову и так, не знающие его Маркелова таких хитрых и ложных вымыслов, и действительно присылают к нему Маркелову свои письменные записки о книгах, а он те записки присылает в книжную лавку и требует по оным показан-

ных книг на свой счет...». Кроме того, указывал Зборомирский, «он Маркелов приходящих в здешнюю книжную лавку за книгами потаенно переманивает к себе, и отбирает у них записки объявляя: что он продает дешевле книги нежели в академической книжной лавке»²²⁷. Зборомирский требовал немедленного вмешательства и «надежного пресечения» действий Маркелова и ставил Комиссию в известность, что директор Академии наук С. Г. Домашнев «совсем изволил склоняться хотя с самого сего времени отказать ему Маркелову — книги и прочее отпустить»²²⁸. Доводы Зборомирского были серьезными — заявление Маркелова о том, что он может продавать академические книги дешевле, чем они стоят в книжной лавке, по мнению Зборомирского, могло «всю публику отдалить от здешней книжной лавки, ибо ему легко можно от пяти рублей присланному человеку или баришнику уступить пять копеек»²²⁹. Напомним, что комиссар книжной лавки или его помощник не имели права продавать книги по цене выше или ниже той, какая на них была установлена Академической комиссией, и это, несомненно, ставило их в менее выгодные условия по сравнению с частными книгопродавцами. В подтверждение своих слов Зборомирский приводил убедительные расчеты: «нынешний адрес-календарь, которой ему за уступкою придет по 80 ко., может легко продать без переплета за 85 ко., а в переплете за девяносто копеек, ибо ево переплет собственный станет ему только в четыре копейки, и так по здешней казенной цене никто, а наипаче баришники онаго адреса в здешней лавке не станут покупать, от чего Академия может получить знатной убыток, а может быть еще и нарекание»²³⁰. В результате Комиссия Академии наук пригрозила Маркелову лишить его академических книг: «ежели он Маркелов не воздержится от таковых его вредных для казенного интереса разглашений и ежели впредь хотя один раз примечено будет, что он переманивать станет к себе приходящих за книгами в академическую лавку людей, Комиссия принуждена будет сделанный с ним в разсуждении отпускаемых ему книг договор уничтожить, и отказать ему в оных совершенно»²³¹. Случай с Маркеловым, скорее всего, был исключением, да и сам Маркелов был заинтересован в сохранении добрых отношений с Академией наук — книги ему отпускались со скидкой в 12 %, и только в 1778 г. он купил в академической лавке разных изданий на 1600 р.²³². Но очевидно, что «вольные» книгопродавцы Петербурга, тем более переплетчики, получавшие дополнительную прибыль на переплете книг, имели определенные преимущества при продаже академических книг. Создавалась ситуация, при которой книги больше и быстрее раскупались, но за счет частных книгопродавцев, а не книжной лавки Академии наук, терявшей прибыль. Именно в силу этого обстоятельства так медленно, с трудом развивались книготорговые отношения между петербургскими «вольными» книгопродавцами и Академией наук. Академическая комиссия предпочитала заключать соглашения с теми из купцов, кто готов был продавать академические книги вне пределов Петербурга, что, впрочем, и для самих книгопродавцев являлось большей гарантией их сбыта.

Перемены в академической книжной торговле назревали медленно и незаметно. Они исподволь подготавливались, но наступал момент и они решительно заявили о себе.

Сама жизнь вынуждала к тому, чтобы В. Г. Орловым были проведены реформы и пересмотрена деятельность отдельных департаментов Академии наук и их комиссаров. Постепенно с комиссара книжной лавки Зборомирского были сняты

многие обременительные обязанности, не относившиеся непосредственно к книжной торговле, и приняты меры для поддержки и создания условий для ее дальнейшего развития.

С июля 1766 г. в штате книжной лавки появилась должность помощника комиссара, на которую был принят Федот Невский. Он должен был помогать Зборомирскому в продаже книг. Позднее специальный служитель был приставлен для продажи и раздачи подписчикам «Санктпетербургских ведомостей». С 1769 г. по определению Комиссии было установлено отчислять 4 % от общей суммы, полученной от продажи академических изданий, «в награждение» книгопродавцам. Должности при Академической лавке постепенно превратились в завидные места, и не одни академические служители, но и частные лица со стороны пытались их занять при возникавших вакансиях. Однако не всегда штаты были удачно подобраны. И у Зборомирского, и, позднее, у комиссара Б. Альтмана время от времени возникали конфликты с помощниками. В 1771 г. в книжную лавку помощником «у роздачи ведомостей» был определен Дмитрий Красиков, «природою из солдатских детей»²³³. Однако он довольно скоро, уже через год, «был отрешен от Академии». На него постоянно жаловались покупатели — «множество из публики» из-за его частого отсутствия в лавке (как указывал Зборомирский, «единственно... за пьянство»), медлительности и неаккуратности в раздаче «Ведомостей». В результате Зборомирскому и состоявшему при лавке подканцеляристу Матвеем Яковлеву, оставя свои письменные дела по «шнуровым книгам», приходилось заменять Красикова, а Зборомирскому к тому же нести ответственность за «приход и расход» «ведомостей» и возникавшие «начеты»²³⁴. Нелегко приходилось Зборомирскому и с таким помощником, как Федот Невский. В 1775 г. Зборомирским был подан рапорт в Комиссию, в котором он указывал, что Невский «собираемые от продажи книг и прочаго денги не все сполна... отдает, но некоторое число остается у него под руками»²³⁵. Зборомирский составил «генеральный щот» числившимся за Невским на большую сумму книгам, запер сундук с выручкой своим ключом, но недостачу так и не получил. После смерти Ф. Невского выяснилось, что он продавал не только издания Академии наук, но книги «прочих посторонних людей». Вещи Невского были описаны и опечатаны, однако его сын Хрисанф Невский отмел все обвинения Зборомирского, поскольку комиссар книжной лавки также имел доступ в помещение, где хранились книги²³⁶.

Расширение штата было вынужденной необходимостью. К концу 60-х гг. объем книготорговли увеличился и одному человеку уже было невозможно, да и не под силу справляться со всеми делами в одиночку. После ликвидации иностранной части книжной лавки все дела по зарубежной книготорговле перешли к Зборомирскому. Он подготавливал и передавал книги Вейтбрехту, Эверсу и другим комиссионерам Академии наук, отправлял литературу И. Ф. Гарткноху, вел с ним переписку и расчеты. К середине 70-х гг. книготорговые операции Академии наук расширились и за счет развивающихся связей между русскими купцами-книготорговцами и Академией наук. Соответственно расширились и обязанности Зборомирского, который стал отпускать книги и получать деньги с купцов.

Точных данных о доходах книжной лавки за вторую половину 60-х гг. нет. В 1781 г. неожиданно выяснилось, что в эти годы Зборомирским не представлялись в Комиссию «шнуровые книги» и в результате отсутствовали сводные дан-

ные по итогам книготорговли. По требованию академических властей они были реконструированы позднее, в 1781–1782 гг. В первую половину 70-х гг. доходы Академии наук от продажи всех видов книжной продукции в обеих лавках — петербургской и московской — через купцов-комиссионеров в среднем составляли около 14 тыс. р. в год. Таким образом, с середины 70-х гг. можно говорить о начале нового этапа в книготорговой деятельности Академии наук. Под давлением внешних обстоятельств, быстрого развития петербургской культурной среды, Академия наук оказывается перед необходимостью изменения традиционных, привычных форм книжной торговли и ищет новых путей для распространения своих изданий. Благодаря деятельности комиссионеров — И. Я. Вейтбрехта, И. Ф. Гарткноха и др. — становятся более интенсивными книготорговые связи Академии наук с западными странами. Отказавшись от продажи книг, издававшихся на иностранных языках, только через собственную книжную лавку, и убедившись в эффективности передачи книжной торговли в руки специальных комиссионеров, Академия наук сделала следующий шаг и решила расширить продажу своих изданий в Петербурге и в Москве с помощью появившихся к тому времени частных книготорговцев — русских купцов. Начинает преодолевать давнее предубеждение и боязнь конкуренции (действительно существовавшей) со стороны местных вольных книгопродавцев. Через собственные лавки в Петербурге и в Москве Академия наук оказывалась не в состоянии распродать достаточное число изданий, а отдавая их в руки местным книгопродавцам, она подрывала свою собственную книготорговлю через книжную лавку. И только с расширением самого книжного рынка, установлением связей с провинцией наметилась возможность к преодолению этого противоречия.

Привлечение «вольных» книгопродавцев к продаже академических изданий (в которой сыграл роль Н. И. Новиков) стало началом нового этапа не только для книжного дела Академии наук, но и для частного предпринимательства в Петербурге. Это объединение, взаимодействие всех сил, занятых в едином процессе и частной, и государственной книготорговли, и становится характерной чертой ее развития в последней четверти XVIII века.

Примечания

- ¹ См.: *Бочагов А. Д.* Книжная палата Академии наук (1728–1740). СПб., 1893. — 24 с.; *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время: 1725–1740. Л., 1976. С. 108–116.
- ² Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1895. Т. 7. С. 269.
- ³ *Луппов С. П.* Книга в России... С. 108–109.
- ⁴ Материалы... Т. 8. 1895. С. 455.
- ⁵ Там же. Т. 7. С. 523.
- ⁶ Там же. С. 522.
- ⁷ Там же. С. 522–523.
- ⁸ Там же. С. 725.
- ⁹ Там же. С. 727.

- ¹⁰ Там же. Т. 4. С. 226–227. См. также: *Луппов С. П.* Книга в России... С. 115.
- ¹¹ ПСЗ. Т. XII. Ст. 9425 (Указ от 24 июля 1747 г.).
- ¹² Материалы... Т. 8. 1897. С. 606.
- ¹³ Там же. Т. 9. 1897. С. 586.
- ¹⁴ Там же. С. 587.
- ¹⁵ *Мартынов И. Ф.* Петербургский книготорговец и книгоиздатель XVIII века Иоганн Якоб Вейтбрехт // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979. С. 39. Противоречия самому себе, он там же указывает, что Якоб Вейтбрехт поступил «на освободившуюся после смерти Сигизмунда Прейсера должность заведующего (бухгалтера) иностранной книжной лавки Петербургской Академии наук».
- ¹⁶ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 396, л. 2.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 15.
- ¹⁹ Материалы... 1897. Т. 8. С. 389.
- ²⁰ Там же. Т. 7. С. 141.
- ²¹ Там же. Т. 8. С. 329.
- ²² Там же. Т. 10. 1900. С. 172.
- ²³ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 1084, л. 4.
- ²⁴ Там же. Л. 2.
- ²⁵ См.: История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. М., 1964. С. 91.
- ²⁶ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 1084, л. 4.
- ²⁷ Там же. Л. 2 об.
- ²⁸ Там же. Л. 4.
- ²⁹ Материалы... Т. 10. С. 434.
- ³⁰ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 1085, л. 92.
- ³¹ Материалы... Т. 10. С. 434.
- ³² Там же. С. 435.
- ³³ Там же. Т. 9. С. 145.
- ³⁴ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 1085, л. 136, 137, 186.
- ³⁵ *Тюличев Д. В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988. С. 32.
- ³⁶ Материалы... Т. 8. С. 77–78.
- ³⁷ Там же. Т. 10. С. 30.
- ³⁸ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 1087, л. 2, 61.
- ³⁹ Там же. Д. 1085, л. 96.
- ⁴⁰ Там же. Л. 96 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 99.
- ⁴² Там же. Л. 97 об.
- ⁴³ Там же. Л. 98 об.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Л. 98; Материалы... Т. 10. С. 516; СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 1085, л. 99.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. Л. 98.
- ⁴⁸ Там же. Д. 1084, л. 49, 51–58 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 50.
- ⁵⁰ Там же. Л. 59–76.
- ⁵¹ Там же. Д. 1085, л. 375–404 об.

- ⁵² Там же. Л. 1.
⁵³ Там же.
⁵⁴ Там же. Л. 14, 22.
⁵⁵ Материалы... Т. 10. С. 434.
⁵⁶ Там же. С. 505.
⁵⁷ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 1085, л. 194–194 об.
⁵⁸ Там же. Ф. 3, оп. 6, д. 393, л. 3.
⁵⁹ Материалы... Т. 10. С. 506.
⁶⁰ Там же. С. 511.
⁶¹ Там же. С. 508, 509.
⁶² СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 1087, л. 152–153; см. также: Материалы... Т. 10. С. 513.
⁶³ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 1087, л. 137; д. 1088, л. 146.
⁶⁴ Там же. Д. 1089, л. 107.
⁶⁵ Там же. Л. 170.
⁶⁶ Там же. Д. 1098, л. 391.
⁶⁷ Материалы... Т. 8. С. 718.
⁶⁸ Там же. Т. 10. С. 515.
⁶⁹ Там же. С. 516.
⁷⁰ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 1087, л. 2.
⁷¹ Там же. Л. 3, 57 об.
⁷² Там же. Л. 21 об., 34 об., 47 об., 50 об., 57 об.
⁷³ Там же. Л. 58 об., 59 об., 60 об.
⁷⁴ Там же. Л. 61 об.
⁷⁵ Там же. Д. 1089, л. 1–3.
⁷⁶ Там же.
⁷⁷ Там же. Д. 1088, л. 5.
⁷⁸ Там же. Д. 1088, л. 5–6 об.
⁷⁹ Там же. Л. 5–36 об.
⁸⁰ Там же. Д. 933, л. 28–38 об.
⁸¹ Там же. Д. 1098, л. 2.
⁸² Там же. Д. 1099, л. 2.
⁸³ Там же. Д. 301, л. 82.
⁸⁴ Там же. Д. 1088, л. 479.
⁸⁵ Там же. Д. 1088, л. 478 об.
⁸⁶ Там же.
⁸⁷ Там же. Д. 1090, л. 399 об.
⁸⁸ Там же. Л. 405 об.
⁸⁹ Там же. Д. 1091, л. 353 об.–354; д. 1094, л. 498; д. 1095, л. 448; д. 1096, л. 488 и др.
⁹⁰ Там же. Д. 1088, л. 3 об.
⁹¹ В «Щетных выписках» за 1761 г. зафиксировано, например, несколько выплат М. Никифорову за книги, которые он продал для Библиотеки Академии наук на общую сумму около 50 руб. Не меньшую сумму М. Никифоров получил и в 1762 году. Там же. Д. 1097, л. 334–334 об.; д. 1098, л. 289, 371–371 об.; л. 442 об., 444–445 об.; д. 1099, л. 226–226 об., л. 427 об., 428 и др.
⁹² Там же. Д. 1097, «Щетная выписка».
⁹³ Там же. Д. 1099, л. 465 об., 488 об., 491 об. и др.
⁹⁴ Там же. Д. 933, л. 347 об., 349, 351 об.; д. 1085, л. 1–22.

- ⁹⁵ Там же. Д. 1089, л. 348 об.
⁹⁶ Там же. Д. 1088, л. 279.
⁹⁷ Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность... С. 32.
⁹⁸ Там же. С. 87.
⁹⁹ Там же. С. 87.
¹⁰⁰ Там же. С. 61.
¹⁰¹ Там же. С. 45.
¹⁰² Бочагов А. Д. Книжная палата... С. 23.
¹⁰³ Копанев Н. А. Зарубежные издания, продававшиеся в Московской книжной лавке Академии наук в 1749–1753 гг. // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVIII — первой половине XIX века. Л., 1981. С. 22–28; *Его же*. Распространение французской книги в Москве в середине XVIII века // Французская книга в России в XVIII веке. Л., 1986. С. 55–172.
¹⁰⁴ Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность... С. 35.
¹⁰⁵ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 1085, л. 30 об.
¹⁰⁶ Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность... С. 32.
¹⁰⁷ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 396, л. 7 об.
¹⁰⁸ Там же. Л. 14.
¹⁰⁹ Там же. Оп. 1, д. 287, л. 224. См. также: Мартынов И. Ф. Петербургский книготорговец и книгоиздатель... С. 39.
¹¹⁰ СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 1, д. 24, л. 4–10. О деятельности Комиссии и проекте П. Ханина см. также: Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность... С. 40–44.
¹¹¹ СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 1, д. 24, л. 4 об.
¹¹² Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность... С. 42.
¹¹³ СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 1, д. 24, л. 6 об.
¹¹⁴ Там же. Л. 9 об.
¹¹⁵ Там же.
¹¹⁶ Там же. Л. 10.
¹¹⁷ Там же. Л. 8 об.
¹¹⁸ Там же. Л. 9 об.
¹¹⁹ Цит. по кн: Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность... С. 146.
¹²⁰ Там же.
¹²¹ СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 1, д. 24, л. 8.
¹²² Цит. по кн.: Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность... С. 43.
¹²³ СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 1, д. 24, л. 8 об.
¹²⁴ Там же.
¹²⁵ Там же. Л. 10.
¹²⁶ Там же. Л. 4.
¹²⁷ Бочагов А. Д. Книжная палата... С. 23; Луппов С. П. Книга в России... С. 115.
¹²⁸ СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 1, д. 24, л. 7.
¹²⁹ Материалы... Т. 9. С. 586.
¹³⁰ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 99, л. 55–55 об.
¹³¹ Там же. Оп. 1, д. 1099, л. 74.
¹³² Там же. Д. 521, л. 431 об. – 432.
¹³³ Там же. Д. 1099, л. 2–2 об.
¹³⁴ Там же. Д. 301, л. 79–79 об.
¹³⁵ Там же. Л. 80–87 об.

- ¹³⁶ Там же. Оп. 1, д. 301, л. 80 об.
¹³⁷ Там же. Л. 80 об.–81.
¹³⁸ Там же. Л. 81.
¹³⁹ Там же. Л. 82.
¹⁴⁰ Там же. Л. 83.
¹⁴¹ Там же. Л. 81 об.
¹⁴² Там же. Л. 83.
¹⁴³ Там же. Л. 83 об.
¹⁴⁴ Там же. Л. 84.
¹⁴⁵ Там же. Л. 84 об.
¹⁴⁶ Там же. Л. 85.
¹⁴⁷ Там же.
¹⁴⁸ Там же. Л. 87.
¹⁴⁹ Там же. Оп. 6, д. 108, л. 6.
¹⁵⁰ Там же. Д. 99, л. 51.
¹⁵¹ Там же. Д. 99, л. 54 об.
¹⁵² Там же.
¹⁵³ Там же. Л. 4–16 (о новых формах отчетности, предложенных комиссару С. Зборомирскому).
¹⁵⁴ См.: *Мартынов И. Ф.* Петербургский книготорговец и издатель... С. 39.
¹⁵⁵ Там же. С. 40.
¹⁵⁶ Там же. С. 41.
¹⁵⁷ Там же.
¹⁵⁸ Там же. См. также: СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 88, л. 1–67.
¹⁵⁹ Там же. С. 42.
¹⁶⁰ *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. СПб., 1794. Ч. 1–3.
¹⁶¹ См.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1786. Т. 1. С. 459–462, 464; *Rietz H.* Z dziejów życia żmysłowego Rygi w okresie Oświecenia. Toruń, 1977. 286 S.; *Rietz H.* Materiały biograficzne dotyczące właścicieli firmy wydawniczej i ksegarskiej. Johann Friedrich Hartknoch. 1763–1789 // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Historia XX — Nauki humanistyczno-społeczne. Zeszyt 158. Toruń, 1985. S. 159–167.
¹⁶² СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 3, д. 123, л. 2–5.
¹⁶³ *Копанев Н. А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII в. Л., 1988. С. 45–50 и др.
¹⁶⁴ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 326, л. 291. «Дело о пересылке к рижскому книгопродавцу Гарткноху для продажи разных книг». Автограф И. Ф. Гарткноха (на нем. яз.) от 21 августа 1770 г.— л. 289–289 об.
¹⁶⁵ Там же. Л. 291.
¹⁶⁶ Там же.
¹⁶⁷ Там же. Л. 291 об. «Копия с журнала академической Комиссии сентября 10 дня 1770 года».
¹⁶⁸ Там же. Л. 293.
¹⁶⁹ Там же. Л. 293, 305.
¹⁷⁰ Там же. Л. 294. Письмо Гарткноху от 22 октября 1770 г. См. также: оп. 1, д. 543, л. 92.

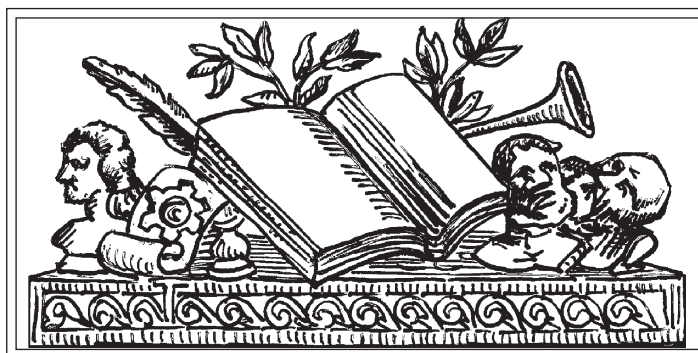
- ¹⁷¹ Там же. Л. 313 об. Копия письма Я. Штелину из Риги, июль (14 июля) 1773 г. (оригинал на нем. яз.).
- ¹⁷² Там же. Л. 315. Копия письма Я. Штелина — И. Ф. Гарткноху, июль 1773 г. (оригинал на нем. яз.)
- ¹⁷³ Там же. Л. 315 об.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 307.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 309 об.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 307, 313 об.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 310.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 310–310 об.
- ¹⁸¹ И. Ф. Гарткнох поддерживал связи с петербургскими и московскими книготорговцами — С. Шелем, Я. Вейтбрехтом, И. Ридигером и др. См., например, объявление в СПбВ. 1773 г. 22 февр. (№ 16).
- ¹⁸² СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 326, л. 321 об.
- ¹⁸³ Там же. Л. 321 об.–322.
- ¹⁸⁴ Там же. Оп. 6, д. 292, л. 17 об.
- ¹⁸⁵ Там же.
- ¹⁸⁶ Там же. Оп. 1, д. 326, л. 326 об.
- ¹⁸⁷ Там же. Д. 914, л. 2–29 об.
- ¹⁸⁸ Там же. Оп. 6, д. 292, л. 28.
- ¹⁸⁹ РГИА, ф. 733, оп. 118, д. 55, л. 1 (Из докладной Н. Н. Новосильцеву).
- ¹⁹⁰ Там же, ф. 777, оп. 1, д. 58, л. 1. «Дело о доставлении в Департамент народного просвещения сведений о выполнении дрезденским книгопродавцем Гарткнохом своего обязательства представлять в Комитет данные о противоцензурных зарубежных изданиях». Ср.: *Rietz H. Z dziejów...* S. 170, где автор высказал предположение о том, что И. Ф. Гарткнох сообщал русской цензуре о книгах, подлежащих запрету.
- ¹⁹¹ И. Ф. Гарткнох писал: «Я исполнил обязанность свою, уведомляя цензурный комитет о разных сочинениях, вышедших в Германии, коих содержание казалось мне противно законам цензуры. Война прервала сию переписку. В Дрездене уже не было ни посла, ни поверенного в делах Российского двора, но несмотря на то, я отправил в Цензурный комитет два рапорта: первый от 12 января, а последний от 16-го сентября прошлого года». Копия письма — СПбФ АРАН, ф. 733, оп. 118, д. 55, л. 9. Оригинал на немецком языке. Там же. Л. 6–6 об. Кроме того, Цензурным комитетом были получены еще два рапорта «один в 1805 году от 10 октября, а другой в 1806 году, от 14 августа» — Там же. Л. 13. Гарткнох был заинтересован в исполнении возложенных на него обязанностей в связи с высоким жалованием («книгопродавцу положить в год по 500 руб. с тем, чтобы он никогда уже не представлял счетов о своих издержках» — Там же. Л. 1) и несложными для него задачами.
- ¹⁹² СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 543, л. 204.
- ¹⁹³ Там же; см. также: д. 543, л. 25–27.
- ¹⁹⁴ СПбФ АРАН, оп. 6, д. 275, л. 25–27.
- ¹⁹⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 543, л. 139 об.
- ¹⁹⁶ Там же. Л. 198.
- ¹⁹⁷ Там же. Оп. 1, д. 1160, л. 407, 440; д. 543, л. 130, 179 об., 231 об., 254 об. и др.

- ¹⁹⁸ Там же. Л. 198 об.
¹⁹⁹ Там же.
²⁰⁰ Там же. Оп. 1, д. 543, л. 71.
²⁰¹ Там же. Д. 543, л. 169.
²⁰² Там же.
²⁰³ Там же.
²⁰⁴ Там же. Д. 544, л. 254.
²⁰⁵ Там же. Оп. 6, д. 154, л. 1.
²⁰⁶ Там же. Оп. 1, д. 544, л. 254–254 об.
²⁰⁷ См.: «Дело об отпуске вольному книгопродавцу Миллеру по учиненному с ним условию... разных академической печати книг и прочаго» — Там же. Оп. 6, д. 174, л. 2–6 об.
²⁰⁸ Там же. Л. 2 об.
²⁰⁹ Там же. Л. 6.
²¹⁰ Там же. Д. 292, л. 96 об., см. также: д. 187, л. 2–16.
²¹¹ Там же. Д. 278, л. 2.
²¹² Там же. Л. 2 об.
²¹³ Там же. Л. 6.
²¹⁴ Там же. Л. 7.
²¹⁵ Там же. Д. 187, л. 3 об.–11.
²¹⁶ Там же. Д. 199, л. 1–2.
²¹⁷ Там же. Д. 292, л. 95. См. также: ОР РНБ, ф. 1105 (Шамрай), д. 114, л. 14.
²¹⁸ Там же.
²¹⁹ Там же. Д. 241, л. 2.
²²⁰ Там же. Д. 212, л. 2 об.
²²¹ Там же. Л. 4 об.
²²² СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 546 (от 13.XII.1775 г.).
²²³ Там же. Оп. 6, д. 200, л. 2.
²²⁴ Там же. Л. 2 об.
²²⁵ Там же. Л. 9.
²²⁶ Там же. Л. 10.
²²⁷ Там же. Оп. 6, д. 236, л. 1.
²²⁸ Там же. Л. 1 об.
²²⁹ Там же.
²³⁰ Там же. Л. 1 об.–2.
²³¹ Там же. Л. 2.
²³² Там же. Д. 241, л. 6. См.: «Доношение» М. Маркелова от 22 декабря 1778 г.
²³³ Там же. Д. 394, л. 1–3.
²³⁴ Там же.
²³⁵ Там же. Д. 194, л. 51.
²³⁶ Там же. Л. 47, 51 об., 61.

II Г л а в а

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ АКАДЕМИИ НАУК В 1780–1800 гг.

к началу 80-х гг. XVIII века в стране сложились благоприятные условия для социально-экономического развития. Это не замедлило сказаться и на состоянии книжного рынка в Санкт-Петербурге. Усиливается деятельность «вольных» книгопродавцев, и первые русские купцы начинают вкладывать деньги в не считавшуюся ранее прибыльным делом торговлю книгами.

Определенная консервативность, мало в чем менявшиеся методы академической книжной торговли компенсировались надежностью, устойчивостью и стабильностью. У академической книжной лавки постепенно сложился свой круг покупателей, с развитием образованности в обществе все расширявшийся и обеспечивавший постоянный уровень доходов. С притоком «вольных» книгопродавцев и упрочиванием их связей с Академией наук доходы книжной лавки во второй половине 70-х гг., постоянно увеличиваясь, поднялись до суммы почти 20 тысяч р. в год. Однако неожиданно это ровное и спокойное течение академической книготорговли оказалось резко нарушенным. В результате обострения отношений внутри Академии наук — борьбы, развернувшейся между директором С. Г. Домашневым и Академической комиссией, представленной академиками С. Я. Румовским, С. К. Котельниковым и действительным статским советником Я. Я. Штелином, — был нанесен урон всем департаментам, причем особенно пострадала академическая книжная торговля. Непосредственным поводом для столкновения стала деятельность комиссара книжной лавки С. Зборомирского. Но более глубокие причины конфликта были обусловлены стремлением С. Г. Домашнева самовластно править Академией наук, не считаясь с ее нуждами и мнением ученых. Первые раскаты грома послышались в июне 1780 г., когда Зборомирскому был сделан строгий выговор Комиссией за то, что он не приводил итоговых сумм, что в «месячных репортах» о выданных «безденежно» книгах не было указано, были эти издания отпущены по ордеру или «по какому словесному приказанию». Комиссия «наикрепчайшим образом» потребовала, чтобы он представил подобные сведения за апрель и май 1780 г.¹ Комиссию не случайно интересовали эти данные, поскольку собирался компрометирующий материал

на С. Г. Домашнева. В свою очередь и господин директор не остался в долгу. В распоряжении по Академии наук от 17 декабря 1780 г. С. Г. Домашнев указывал: «по исследовании мною нашлось, что счета еще за 1764, 1765, 1766, 1767, 1768, 1769, 1770, 1778 и 1779 годы по книжной лавке, по сие время не кончены...»². Это дало ему основание обвинить Комиссию в нерадивости, в том, что за 15 лет своей деятельности она не привела в порядок счетов по книжной лавке, «не взирая на произшедшую от запущения некоторых из оных разстройку»³. Фактически, это был формальный повод для придирки. Кого на самом деле в 1780 г. могли интересовать «экстракты» по книжной лавке за 1764–1770 гг.? В свое время, из-за большой загруженности и громоздкости отчетов, Зборомирский стал с опозданием представлять свои выкладки по книжной лавке. В 1770 г., во времена директорства В. Г. Орлова, была проведена реформа в системе отчетности: комиссару было предложено отчитываться по количеству проданных и полученных экз. (а не по их денежному эквиваленту) и на основе проведенной в книжных магазинах в 1770 г. ревизии, уточнившей наличие академического «книжного капитала», начался новый этап в представлении «щетов» по книжной лавке. Зборомирский аккуратно представлял счета с 1770 г., а о старой, не доведенной до «экстрактов» отчетности никто и не вспоминал, да и сам Домашнев впервые обратил внимание на состояние отчетности лишь в 1780 г., в разгар борьбы с Комиссией. Ведь кроме этой годовой отчетности, которую к тому же обязаны были готовить бухгалтеры из «Счетной экспедиции», комиссар книжной лавки ежемесячно подавал «репорты» в Комиссию о количестве проданных изданий и суммах вырученных за них денег. Вероятно, если бы доходы от книжной лавки стали падать, Комиссия сразу бы забила тревогу, но выручка от книготорговли была достаточно стабильной (в среднем она составляла около 14 тыс. р. в год), а к концу 70-х гг. они стали особенно высокими (в 1778 г. доходы от книготорговли составили более 17 тыс. р., в 1779 и 1780 гг. — более 19 тыс. р.). У Домашнева были все основания сделать замечание членам Комиссии за опоздание с отчетами за 1788 и 1789 гг., но гораздо эффективнее было обвинить Комиссию в нерадивости и потребовать представление отчетов пятнадцатилетней давности. Домашнев распорядился, чтобы счета по книжной лавке были завершены не позднее, чем к 1 июля 1781 г., и возложил ответственность за исполнение этого решения на каждого из членов Комиссии (Штелин должен был заниматься счетами за 1764–1766 гг., Котельников — за 1767–1769 гг., Румовский — за 1770, 1778 и 1779 гг.). «Я надеюсь, что г. члены Комиссии найдутся весьма довольны распоряжением, — с издевкой подчеркивал Домашнев, — исполнением коего избегнут они следствий, кои столь великое запущение счетов на них навлечь могло, тем наипаче, что Комиссия не имеет дел важнее содержания, как поверки счетов»⁴. Одновременно Домашнев попытался забрать в свои руки академические деньги, назначив с 1781 г. казначеем А. Протасова и сместив с этой должности академиков Котельникова и Румовского.

Комиссия нашла распоряжение Домашнева неоправданным и незаконным, назначение Протасова не утвердила и денежную кассу передать ему отказалась. Что касалось Зборомирского, которому, по утверждению Комиссии, «как словесно, так и письменно» ежегодно «было напоминаемо» о необходимости подачи «шнуровых книг» и который в свое оправдание «показал, что он за другими делами по сие время книг своих внести не мог», Комиссия распорядилась 22 января 1781 г.

«для скорейшего сего дела окончания уволить его на время от продажи книг и препоручить оную помощнику его регистратору Вильковскому»⁵. То есть, Зборомирский был лишь временно отстранен от продажи книг, он должен был по-прежнему выдавать Вильковскому из книжного магазина необходимую литературу, получать деньги от продажи «Ведомостей» и «Академических известий» и, ежемесячно, собирая выручку от Вильковского, вносить ее в Комиссию. Зборомирский был частично освобожден для того, чтобы он мог представить к 1 июля 1781 г. (а по возможности и раньше) «шнуровые» книги за 1766–1770 гг., 1778 и 1779 г. и «чтобы Комиссия успела их рассмотреть к предписанному сроку». Проверка представленных Зборомирским «шнуровых» книг за 1764–1765 гг. показала, что каких-либо существенных расхождений в числах не было.

Надо думать, что несколько сгущены были краски С. Г. Домашневым и при описании состояния книжной лавки и магазинов: «Изтоща все средства о приведении книжной лавки в некоторой порядок, и препоруча оной г. академику Котельникову, нахожу ее теперь в совершеннейшем беспорядке, так что в ближнем при лавке магазине все книги лежат кучею беспорядку и без надписей. Я желаю, чтоб Комиссия только взглянула, дабы увидеть, что более нестройности ни в каком месте быть не может...»⁶ — указывал он. В результате Домашнев передал «главное смотрение» над книжной лавкой в руки своего ставленника, коллежского асессора Богаевского, причем и состоящие при книжной лавке комиссары были «отданы в его ведомость» и получили приказ «быть у него в должном послушании»⁷. Одновременно в его ведение перешли также типография и фигурная палата.

В конце апреля 1781 г. Домашнев распорядился не занимать больше Зборомирского приемом книг из типографии и выдачей их в лавку для продажи, «на что тратится немало времени и препятствует ему Зборомирскому делать и оканчивать те свои выписки»⁸. Теперь вместо Зборомирского этим должен был заниматься Вильковский в присутствии академика Румовского, назначенного для освидетельствования магазина. Однако Румовский категорически отклонил это предложение как не соответствовавшее его непосредственным обязанностям и предложил назначить «особливого человека», который бы и занимался приемом и отпуском книг, отправлял бы партии литературы книгопродавцам в Москву и др. места, то есть выполнял бы все то, что ранее делал Зборомирский.

В результате Домашнев 10 мая отдал распоряжение, имевшее отрицательные последствия для дальнейшей деятельности книжной лавки. Он приказал «комиссара Зборомирского от книжной лавки вовсе уволить, а на место его определить помощника его Вильковского, который во все время бытности своей при Академии довольно доказал способность свою к исправлению сей должности трезвою жизнию, ласковым обхождением с приходящими покупать книги и всегдашнею своею разторопностию, равномерно обнадёживает и данное им при вступлении его в академическую службу по себе поручительство»⁹. Комиссару Зборомирскому было приказано немедленно сдать Вильковскому книжную лавку, однако книжный «Магазин» не только до окончания расчетов с Зборомирским, но и «после для предупреждения великого начету на комиссаре» (в данном случае, по-видимому, уже имелся в виду новый комиссар — Вильковский) «должны иметь г. члены Комиссии под своим смотрением и за своими печатями», «так, как и статскую денежную казну»¹⁰. И как естественное следствие из данного распоряжения членам

Комиссии пунктом 4 предписывалось: «выдачу книг из магазина в книжную лавку производить впредь под смотрением тех, которые будут содержать оной за своими печатями, и при том выдаваемое новому комиссару число книг записывать в магазине в одну, а прием из типографии целыми заводами в другую шнуровую книгу»¹¹. Книги в книжную лавку, по мнению Домашнева, достаточно будет выдавать один раз в месяц, на основе списка, подаваемого в Комиссию комиссаром книжной лавки, с указанием, «какие книги ему надобны на следующий месяц». Комиссия же, рассмотрев ежемесячный отчет комиссара книжной лавки и список требующихся для продажи книг, будет наглядно видеть, как идет продажа книг в книжной лавке, что хорошо покупается, на что нет спроса и др. В пункте 7 распоряжения подчеркивалось, что поскольку «магазин» с хранящимся в нем огромным капиталом «никакому частному человеку безопасно поверен быть не может...», он должен находиться в ведении Комиссии, что все «гуртовые» отпуска книг в Москву и другие места также должна производить Комиссия, «а не комиссар книжной лавки, который не должен быть занят ничем другим, как только здешнюю продажу и порядочным ведением счетов»¹². В соответствии с распоряжением Домашнева Комиссия отныне должна была хранить, принимать, выдавать книги из «магазинов», готовить их к «отпускам», т. е. вести всю необходимую отчетность, подбирать большие партии книг, например для покупателей-купцов, раскладывать книги в хранилищах, «делать на оных знаки» и пр.

Решение Домашнева разгрузить комиссара книжной лавки в новых условиях, которые сложились к началу 80-х гг. (когда книготорговые обороты, благодаря начавшемуся притоку частных книгопродавцев, существенно возросли), несомненно было оправданно, академическая книжная торговля уже вновь настоятельно нуждалась в реформах, однако Домашнев не сумел должным образом подойти к их осуществлению. Возможно это произошло потому, что им двигали не столько подлинные интересы академического устройства, сколько желание досадить и расправиться с неугодными ему членами Комиссии.

Как и следовало ожидать, Комиссия не согласилась ни с одним из пунктов нового распоряжения Домашнева. Вполне резонно членами Комиссии было предложено, «для восстановления по книжной лавке лучшего порядка», чтобы комиссар Зборомирский, прежде его «свершенного увольнения» из Академии наук сначала сдал лавку своему преемнику Вильковскому. Передача книг должна была проходить под наблюдением Богаевского, назначенного самим же Домашневым, и завершиться подачей совместного рапорта в Комиссию «за общими руками», т. е. скрепленного подписями Зборомирского и Вильковского, «о числе наличных в книжной лавке книг». И только после этого Комиссия соглашалась рассмотреть данный документ. Не менее решительно Комиссия отмела все попытки Домашнева поручить ее членам весь комплекс работ, связанных с получением и выдачей академических изданий из книжного магазина, что являлось существенной частью работы в академической книготорговой деятельности. Ведь все, что С. Г. Домашнев пытался поручить Комиссии, — «всегда являлось обязанностями комиссара книжной лавки». «Вход в магазин», как это было учреждено еще В. Г. Орловым «и по сие время делалось», с полным основанием указывала Комиссия, — всегда осуществлялся комиссаром Зборомирским вместе с экзекутором комиссаром Герасимовым¹³, чтобы не допустить злоупотреблений. Отстаивая свои позиции, Ко-

миссия еще раз давала понять Домашневу, что обязанности членов Комиссии состоят «не во внесении в шнуровые книги прихода и расхода, но в освидетельствовании оных»¹⁴. Таким образом, Домашневу не удалось навязать ни С. Румовскому, ни всем членам Комиссии вместе (что ко всему прочему и не входило в обязанности академиком-ученых и ущемляло их интересы) ведение торговых операций, связанных с книжными «магазинами». Позднее члены Комиссии категорически отказывались «исправлять комиссарскую должность», мотивируя свою позицию уже не только своими служебными обязанностями, но и оскорблением, нанесенным Домашневым, назвавшем Комиссию «подозрительною». После же того, как Домашнев в конце 1781 г. в объяснениях А. А. Вяземскому объявил, что он в совете своей уверен, что сей магазин расхищен, члены Комиссии несмотря на взыскания, которыми грозил Домашнев, категорически отказались заходить в магазин, «ежели бы и нужда была»¹⁵. Положение Комиссии тоже было не из легких — в начале 1782 г., после жалобы, поданной Екатерине II Домашневым, ее члены были резко одернuty генерал-прокурором А. А. Вяземским, недвусмысленно рекомендовавшим: «от таковых прекословных начальникам приказаний воздержаться и подкомандующих двумя разными приказаниями в недоумение не приводить»¹⁶.

Пытаясь подчинить Комиссию, 3 июня 1781 г. Домашнев объявил ее членам о переводе их на «половинное» жалование «до окончания по книжной лавке и магазейне щетов», с тем, что «другая половина по окончании оных выдана будет»¹⁷. Одновременно он решил окончательно разделиться с негодным ему комиссаром книжной лавки и отдал приказ «комиссара Зборомирского за неисправность в делах более при Академии не числить в действительнoслужащих и жалованья не производить, и до окончания здачи книг и счетов содержать его в Академии под присмотром»¹⁸. Как позднее докладывала Комиссия в Сенат, занявшийся разбором дела Домашнев в генеральном списке против имени его (т. е. Зборомирского) написал: «выбыл, находится при Академии под щетом»¹⁹. Из этого же доклада видно, что Комиссия обращалась к Домашневу, отбывшему в экспедицию, с просьбой «уничтожить его приказания», однако так ничего и не добилась²⁰.

Нужно сказать, что решение Домашнева было явной несправедливостью, поскольку им самим был установлен срок представления документов к 1 июля, да и Зборомирский вряд ли заслуживал подобного обращения. Что касается Комиссии, то она была глубоко оскорблена, считая, что она никак «не подлежала» подобному «прискорбному штрафу». В поданной в конце года жалобе в Сенат Комиссия указывала, что Домашнев не имел права «власть свою распространять до того, чтобы штрафовать по воле своей целое присутственное место...»²¹. В разгоревшейся борьбе Комиссия взяла под свою защиту Зборомирского, хотя допущенная им проволочка с представлением счетов явилась причиной многих неприятностей и для Комиссии. Понимая, что без Зборомирского трудно будет разобраться с запутанной отчетностью по книжной лавке, и, видимо, ценя его заслуги, Комиссия вступилась за него и, в свою очередь, объявила, что до «окончания» дела его «отпустить от Академии невозможно». Кроме того, члены Комиссии С. Котельников, С. Румовский и Я. Штелин «по силе» Указа 1726 г. постановили, что «на пропитание комиссар имеет получать половину своего жалованья с первого сего июня»²². Поддержку Комиссии Зборомирский получил, и тогда он подал рапорт, в котором указывал, что с 15 апреля по приказу Богаевского он был занят переноской книг

из большой лавки в «малую» и «поклажей» их в шкафы, а с начала мая «самоспешно» сдавал книжную лавку Вильковскому и «не мог упражняться в окончании по книжной лавке счетов»²³. Считая, что это было сделано для того, чтобы сорвать сроки отчетности, Комиссия продлила Зборомирскому срок представления «щетов» до 15 августа. Ему было предписано оставить все дела за исключением приема книг из типографии и выдачи из «магазина» необходимой литературы для продажи в книжную лавку — операций, без которых невозможно было вести книжную торговлю. Сквозь пальцы посмотрела Комиссия и на жалобу Вильковского «о учиненном ему бою от комиссара Зборомирского» (вместо прежнего уважительного обращения комиссара к своему подчиненному, «Емельян Кириллович», дело между ними стало доходить до драки), не пожелала ее рассматривать и холодно посоветовала Вильковскому «отыскивать своего удовольствия за причиненную ему обиду»²⁴ в суде. После того как Зборомирский, наконец, в августе 1781 г. представил «шнуровые» книги в Комиссию и они были «отданы в щетное повытье для учинения из них выписки»²⁵, Комиссия распорядилась, чтобы он вместе с А. Герасимовым под начальством С. Румовского занимался «свидетельством наличных книг находящихся в главном на Бирже академическом магазине»²⁶. Книжный «магазин», таким образом, по указанию Комиссии, продолжал оставаться «в хранении комиссара Зборомирского»²⁷. Нужно отметить также, что подача «шнуровых» книг (на каждый год по 7 тетрадей!) ни для Зборомирского, ни в общей ситуации, сложившейся в Академии наук, ничего не изменила — их еще предстояло проверить бухгалтеру Кириллову, затем Комиссии, а из-за недостатка штатов работа продвигалась медленно. В середине августа 1782 г. (т. е. через год после подачи документов) Домашнев в гневе записал в академическом Журнале, что, несмотря на «многократные от него предписания о приведении счетов по книжной лавке и типографии к окончанию, и по сие время никакого конца не видится», указав при этом, что «вместо должного и основательного о сем деле ответа... Штелин вышед из пределов благочиния... кричал на самого г. директора»²⁸. Положение Зборомирского никак не изменилось и потому, что у Домашнева были и более веские причины гневаться на бывшего комиссара. Зборомирскому в конечном счете пришлось по требованию Комиссии «подать немедленно известие» по «безденежным» выдачам из лавки за 1776–1781 гг. директору Домашневу. Зборомирский показал в рапорте от 24 января 1782 г., что «некоторые книги отпускались ему по ордерам, а некоторые по словесным его г. директора приказаниям чрез разных присылаемых ко мне и такие означены на щот ево отпущены»²⁹. Эти книги передавались Домашневу «иногда чрез господина эзекутора (т. е. Герасимова), иногда чрез господина советника Алексея Протасьевича, иногда чрез господина Демида Устинова, иногда чрез вахмистра Илью, иногда чрез академических солдат...». Общая сумма в ведомости составила 2952 р. 53 1/2 к.³⁰ И Зборомирский достаточно недвусмысленно добавлял: «Ежели то невероятно Его Превосходительству, или щотной экспедиции, а более и самой Комиссии, то я под присягою объявляю, что я ни одного листика ложи или напрасно на щот его Превосходительства не написал»³¹. Надо сказать, что это свидетельство Зборомирского сыграло не последнюю роль в решении вопроса об отставке Домашнева.

Так и тянулось подобное положение до начала 1783 г. Ни одна из сторон не желала уступить, и ситуация все более обострялась. Это не могло не сказаться на со-

стоянии книжной торговли, которая постепенно оказалась почти парализованной из-за бездействия книжных «магазинов». Единственный выход Комиссия по-прежнему видела в том, чтобы принять «не подозрительного» человека, «которому бы можно было поручить магазин», тем более что по штату книжной лавки комиссару полагалось иметь двух помощников. «Неминуемая нужда» в этом наступила и потому, что, как докладывал академическим властям ассессор Герасимов и на что также указывали члены Комиссии, «комиссар Зборомирский позабывается»³². Не выдержав всех перипетий борьбы, дрызг и обвинений, кто знает, скорее всего незаслуженных, нового отстранения от дел (вернувшийся из экспедиции Домашнев, узнав, что Зборомирский по распоряжению Комиссии был оставлен при «магазине», приказал 27 октября 1782 г. «комиссару Зборомирскому выключенному из настоящей службы и состоящему под великим отчетом и обличенному в запущении, вновь сохранение вещей никак не давать...»)³³, комиссар С. В. Зборомирский скончался 22 ноября 1782 г. от апоплексического удара³⁴.

Можно ли считать, что Зборомирский находился под «следствием» и был за злоупотребления «взят под караул», как указывает исследователь И. Ф. Мартынов?³⁵ Почти до самой смерти он выполнял обязанности комиссара книжной лавки, в его ведомстве находился книжный «магазин», и он получал половинное жалованье. «Следствия» над ним никакого не велось, а когда были проверены его подсчеты и закончено (уже при Е. Р. Дашковой) освидетельствование магазина, то никаких хищений или злоупотреблений не было обнаружено. Более того, в Ведомости «по российскому книжному магазину», подготовленной С. Румовским, в которой был учтен весь состав академических изданий на 1 января 1784 г., в нескольких случаях содержатся пометы, сделанные его рукой, о том, что «Зборомирский был невинен» и что было неправильно подсчитано количество книг, выданных Зборомирскому из типографии³⁶. Он оказался жертвой в развернувшейся борьбе двух партий и, судя по всему, глубоко переживал выпавшие на его долю гонения после более чем тридцатилетней «беспорочной» службы. Ни один из комиссаров книжной лавки ни до него, ни после не выполнял такого объема работ. Ведь в его ведении находились и книжная лавка, и книжные «магазины», не только продажа книг в Петербурге, но и отправка больших партий книг в Москву, за рубеж, ведение дел со все расширявшимися закупки книг русскими купцами, забота о составлении каталогов, заказы на издание «ходовых» книг, забота о рекламе продававшейся в лавке литературы и др. Именно многолетняя деятельность Зборомирского в немалой степени способствовала расширению и успешному развитию академического книготоргового дела. Неизбежные недочеты в его работе были следствием общего хода академической жизни — застоя 70-х гг., медлительности бюрократического аппарата, большой перегруженности комиссара книжной лавки, нерешенности многих общих проблем академической книготорговли.

В июле 1781 г. Комиссия неожиданно устроила проверку книжной лавки и обнаружила у Вильковского «лишние», неучтенные экз. «Указов», «Апофегмат» и некоторых других «ходовых» изданий, врученные ему для продажи новым «главным смотрителем над книжною лавкою» ассессором Богаевским, к которому, как подчеркивала Комиссия, у Домашнева была «отменная доверенность». Богаевский был обвинен «в похищении казенного интереса» и отстранен Комиссией, а в результате расследования выяснилось, что фактор типографии А. Лыков не пред-

ставлял отчетов с 1767 г., что не было должной отчетности по расходованию бумаги, что не подсчитывались «накладные» (сверхтиражные) экз. книг и др.³⁷. Разразившийся скандал убедительно показывал, что недочеты и промахи в деятельности Зборомирского и у служителей других департаментов во многом определялись самой системой академического книжного дела.

Нельзя не остановиться и на имеющемся в литературе указании о том, что комиссар книжной лавки «был схоронен в долг», оставив престарелую жену и четырех детей «без призрения и пропитания», принадлежащем И. Ф. Мартынову³⁸.

Должность комиссара академической книжной лавки, как уже указывалось, была почетной и достаточно высоко оплачиваемой. В 1777 г. Зборомирскому было увеличено жалованье «за безпорочную службу» до 400 р.³⁹ в год, и, кроме того, он (как и его помощник Вильковский) получал 2 % с продажи книг, что при увеличившихся объемах торговли в конце 70-х гг. давало ему дополнительный заработок в 100–150 р. в год. Он имел собственный дом на Васильевском острове и мог при случае одолжить С. Котельникову сумму в 830 р.⁴⁰ Вдова Зборомирского после «внезапно случившейся в... ноябре месяце болезни лишившей языка и 22 числа того же месяца смерти» мужа обратилась 8 декабря 1782 г. в Академию наук с просьбой выдать ей «на первой случай, до двухсот или трехсот рублей» из денег, принадлежавших ее мужу и хранившихся «для безопасности при Академии» — «от несчастных случаев яко то пожара или похищения воров»⁴¹. Анна Михайлова дочь действительно утверждала, что дети после внезапной смерти Зборомирского «остались без всякого призрения и пропитания», но указывала при этом, что скопленных сбережений, по его словам, должно было хватить, чтобы «остаточную при старости своей жизнь препроводить без нужды, и что достаточно будет и на приданое дочерям и на обучение сыновьям денег»⁴². На черный день у Зборомирского действительно была отложена немалая сумма в 3755 87 1/2 к., обнаруженная в лавке, но в 1785 г. «по окончанию счетов по магазинам российскому и иностранному, також и по книжной лавке» за время деятельности не только С. Зборомирского, но и Е. Вильковского, у семьи, получившей после всех вычетов 445 р. 12 к.⁴³, были все основания пожалеть, что деньги «на черный день» хранились в сундуке, находившемся в книжной лавке, а не дома.

Академическая книжная торговля до 1780 г. успешно развивалась. Возникшие в Академии наук неурядицы быстро привели ее в кризисное состояние. Изменившиеся отношения на книжном рынке, и прежде всего начавшийся подъем русской частной книготорговли, требовали реформ и перемен в академической продаже книг. Однако С. Г. Домашнев не стал тем лицом, которое могло бы их осуществить. Его приказы и распоряжения (многое в них было разумным и безотлагательным), благодаря сопротивлению Комиссии — «саботажу», не учитывавшие реальные нужды академической книготорговли, повели к ее дезорганизации и хаосу. Замена С. Зборомирского Е. К. Вильковским, устранение от дел старого комиссара книжной лавки, блокирование книжных «магазинов» привели сначала к тому, что книги почти перестали поступать к сотрудничающим с Академией наук купцам-комиссионерам, а затем и в собственную книжную лавку. Книжная торговля оказалась почти парализованной. Надежная, налаженная система перестала работать. Доходы книжной лавки резко упали. Без помощи опытного книгопродавца, хорошо ориентировавшегося в сложном книжном хозяйстве, Вильковский просто был

не в состоянии в сложившихся условиях поддерживать, хотя бы на прежнем уровне, академическую продажу книг. И дело было не столько в личных качествах нового комиссара, сколько в объективных условиях, сложившихся в это время.

К моменту, когда Емельян Кириллович Вильковский стал комиссаром книжной лавки, он не был ни молодым, ни новым человеком для Академии наук. Как видно из его послужного списка, он родом «из малороссиян», в 1764–1769 гг. был «прокуратором Ярославской семинарии», где и получил свой первый чин коллежского регистратора. Позднее он недолго служил «казначейским помощником» в Коллегии экономии, а с января 1774 г. стал чиновником «при делах в канцелярии опекунов Иностранцев»⁴⁴. Узнав, что в Академии наук после смерти помощника комиссара Федота Невского появилось вакантное место, он 8 июня 1775 г., то есть еще до вступления С. Г. Домашнева на пост директора, подал прошение в Академию наук с просьбой принять его на службу. Вильковский представил положительные аттестаты, подтверждавшие, что он «состояния честного и добропорядочного и порученные ему дела исправлял всегда тщательно»⁴⁵, а главное, дал поручительство «до трех тысяч рублей», гарантировавшее Академию наук от материального ущерба. С 20 июля 1775 г. он был назначен помощником комиссара книжной лавки. С. Зборомирский получил распоряжение выделить Вильковскому помещение для торговли книгами, «отделив его для той продажи в совсем особенный покой», и выдать их ему «по довольному числу экземпляров», но с условием, чтобы их общее количество было «не больше, чем на три тысячи»⁴⁶. Жалованье Вильковскому было установлено «по двести рублей в год и сверх того процентных денег, каковые получал помянутый помощник Невский» (то есть, 2 % с каждого рубля). Вскоре, в 1776 г., Вильковскому, указывавшему, что его должность требует, чтобы «он ежедневно не только по утру да и после полудни был при своем деле», была предоставлена при Академии наук казенная квартира с дровами⁴⁷. В свою очередь, с него взяли подписку о том, что он книги будет продавать «точно по той цене, какая им положена от Комиссии в печатной росписи, а не свыше, и торгу бы на собственный счет академической печати книгами отнюдь не производил и на кредит бы вверенных ему от Академии книг никому не давал». Каждые четыре месяца комиссар обязан был «ревизовать» имевшиеся в лавке «наличные книги». Вырученные деньги он ежемесячно должен был сдавать Зборомирскому, с кратким отчетом о количестве проданных и оставшихся в лавке книгах. Кроме того, будучи помощником комиссара, Вильковский освоил переплетное мастерство и регулярно стал подрабатывать как переплетчик⁴⁸.

На должность комиссара книжной лавки Вильковский был назначен по решению С. Г. Домашнева, 10 мая 1781 г. потребовавшего уволить Зборомирского, «а на место его определить помощника его Вильковского, который во все время бытности своей при Академии довольно доказал способность свою к исправлению сей должности...»⁴⁹.

Не забыл Домашнев напомнить и о «поручительстве» Вильковского. Однако несмотря на то, что приказы об отстранении Зборомирского следовали один за другим, из-за сопротивления членов Комиссии Вильковский не сразу стал комиссаром книжной лавки. (В 1784 г., когда он сам попал «под счет», он указал, что лавка перешла к нему 1 августа 1781 г.). Зборомирский, пользовавшийся поддержкой Комиссии до самой смерти, оставался при лавке на половинном жалованьи,

пока рассматривались его дела. О деловых качествах Вильковского трудно судить, но вряд ли он соответствовал требованиям. Его деятельность пришлась на неблагоприятный период, в академической книготорговле наметился кризис, да и как ставленника Домашнева его не слишком-то жаловали члены Комиссии, а из отчетов 1782–1783 гг. можно предположить, что он не был удачливым коммерсантом. Не успел Вильковский принять лавку от Зборомирского (ее передача закончилась в июне—июле), как неожиданная проверка 30 июля 1781 г. выявила, что у Вильковского продаются неучтенные «накладные» академические издания, такие, как «Уложение», «Апофегматы» и др., передававшиеся ему для продажи непосредственно из типографии⁵⁰. Разразился большой скандал, в результате которого из Академии был изгнан фактор типографии Артемий Лыков, за злоупотребления с «накладными» экземплярами, а ассессор И. Богаевский, к которому, как указывали члены Комиссии, Домашнев питал «отменную доверенность», был отстранен от управления лавками и типографии, «главным смотрителем» которых он незадолго до этого был назначен. Были опечатаны магазины при типографии, Вильковскому пришлось давать неприятные объяснения по поводу допущенных злоупотреблений, но он показал, что все «лишние» книги были даны ему для продажи Богаевским⁵¹, что он вел эту незаконную продажу по распоряжению Богаевского, являвшегося его непосредственным начальником. В помощь Вильковскому был определен давно служивший в лавке Федор Яковлевич Заботин, но и имея опытного помощника, Вильковский не всегда справлялся с делами. Об этом свидетельствуют его рапорты в Канцелярию, допускавшиеся им промахи, а также и то, что из-за постоянной загруженности, как выяснилось в 1783 г., им, в свою очередь, не были представлены отчеты за 1781 и 1782 гг. Через полгода после передачи в его руки книжной лавки 6 октября 1781 г. он обратился в Комиссию за помощью, указывая: «великое число разных фигур занимает в книжной лавке место, и к каким оные книгам я, не имея прежде сего всех званий книг, не могу знать куда оные принадлежат»⁵². Без Зборомирского ему приходилось трудно. К тому же отношения у него с Заботиным не сложились. Так, в ответ на запрос Комиссии, можно ли Заботину поручить раздачу и учет «Прибавлений» к «Ведомостям», Вильковский отвечал, «как оной Заботин и нынешнюю свою должность отправляет с нерадением, за что и был он штрафован... то и впредь о себе немного обещает, разве под особливым присмотром»⁵³. Да и Заботин со своей стороны был не очень высокого мнения о Вильковском, как видно из его письма Водопьянову (см. ниже). По итогам ревизии книжной лавки, завершённой 28 ноября 1783 г., выяснилось, что по книжной лавке у Вильковского недостача в 345 р. 47 к.

Однако Дашкова и в этот раз пошла ему навстречу и, «снисходя на прошение его», согласилась принять в лавку на продажу в счет долга 300 экз. изданной Вильковским книги «Счастливыи солдат» в 2-х частях по 80 к. экз. (с тем распоряжением, чтобы продавать ее по 1 р. 20 к.), а оставшуюся сумму в 105 р. 47 к. потребовала внести в Канцелярию в непродолжительном времени⁵⁴. Разумеется, она не могла быть удовлетворена состоянием дел в книжной лавке, тем более что ревизия выявила крупную задолженность на сумму в 222 р.⁵⁵ и у помощника комиссара Григория Белого, подверженного запоям, в результате «невывившихся у него при свидетельстве книжной лавки разных книг, ландкарт и календарей». Довольно скоро

он был снова отправлен в типографию, но на этот раз на должность подъемщика, а эта сумма стала частями вычитаться из его жалованья.

Разбор книг в лавке обнаружил и «некоторое несходство в званиях книг, оттого, что в некоторых номерах найдены несоответственные им книги» — то есть, каких-то изданий не хватало, а других было больше, чем значилось по «ведомостям». Вильковский объяснял (18 декабря 1783 г.) состояние лавки тем, что «таковая не соответственная разкладка произошла... от бывшего... комиссара» из-за поспешной передачи лавки, и просил Дашкову «приказать оказывающийся недостаток от перемещения книг заменить находящимся налицо излишеством, дабы я в противном случае безвинно сугубого убытку понести не мог...»⁵⁶. Малоутешительным оказались результаты деятельности Вильковского и весной 1784 г. Проверка отчетов Вильковского на 1 марта 1784 г. показала, как установил актуариус Петр Шипунов, что Вильковским «недонесено» за продажу «Ведомостей» 28 р. 70 к.⁵⁷, и эта сумма была внесена в заведенный Дашковой «Журнал для взысканий» и уплачена Вильковским лишь в апреле 1784 г., кроме того, часть их осталась нераспроданной за 1783 г., а они и так были чуть ли не убыточными для Академии наук. Также выяснилось, что наряду с некоторыми другими изданиями в лавке недостает 300 экз. немецкого ординарного календаря за 1784 г. Характерно, что при этом отсутствовали издания, пользовавшиеся повышенным спросом у покупателей: не хватало по 10–20 экз. «Похождений Жиль Блаза» Лесажа, «Приключений маркиза Г.», «Способа Роллена как учить и обучаться», адрес-календаря и др. Реестр «не явившимся» книгам показал, что русских изданий отсутствует на 171 р. 55 к., иностранных — на 74 р. 11 к. В то же время в лавке были обнаружены «излишние» книги на русском языке на сумму в 17 р. 46 к. и особенно много на иностранных языках (которые и так с трудом распродавались) — на 57 р. 47 к. — см. «Ведомость состоящих имп. Академии наук в книжной лавке у комиссара Вильковского книгах... учиненная по освидетельствованию оной лавки сего 1783 году ноября 28 дня сколько чего марта 1 числа налицо было к тому в приход вступило и в расход вышло и затем теперь налицо по свидетельству найдено». Приблизительно в это же время (21 марта 1784 г.) бухгалтер Иван Кириллов подал Дашковой рапорт с жалобой на Вильковского, с просьбой «подтвердить» Вильковскому необходимость предоставления для освидетельствования «шнуровых книг», которые, как указывал Кириллов, несмотря на неоднократные требования, так и не были им представлены для «свидетельства» с 4 августа 1781 года, также ни за 1782, ни за 1783 гг.⁵⁸. К тому же и доход от продажи книг в лавке (не многим более 700 р. в месяц) был меньше, чем могло надеяться академическое начальство. И. Ф. Мартынов пишет о 40 547 р. 25 к.⁵⁹, но это общий итог доходов по так называемой «экономической сумме» от продажи всей книжной продукции Академии наук — книг, календарей, «Ведомостей» и пр., осуществлявшейся как через лавку, так и «безденежно», то есть розничной и оптовой академической торговли за время комиссарства Вильковского с 1 августа 1781 г. по 10 апреля 1784 г. На деле же, сумма выручки по книжной лавке (от продажи книг Вильковским и его помощниками) за этот период составила 27 430 р. 72 1/2 к. Вильковским было внесено в «экономическую сумму» 27 405 р. 54 1/2 к., и следовательно, как показала проверка, за ним оставался долг в 25 р. 18 к.⁶⁰

Трудно сказать, чем объяснялись беспорядок в лавке и постоянная нехватка денег у Вильковского — неумением торговать, безалаберностью или постоянной нехваткой средств для собственной книготоргово-издательской деятельности, где вложенный капитал далеко не сразу и не всегда себя окупал, и Вильковский, пользуясь существовавшей ранее бесконтрольностью, вносил деньги с некоторым «запозданием». Как бы то ни было, но человек менее крутой и требовательный, чем Дашкова, мог потерять терпение. После весенней проверки лавки она решила сместить комиссара. Было дано объявление в «Санктпетербургских ведомостях», и с 10 апреля 1784 г. новым комиссаром Академической книжной лавки стал Борис Альтман, одновременно был назначен и новый помощник — Максим Лабазнов. В свою очередь, Вильковским было подано заявление о том, «что он за ослаблением здоровья исправлять сей должности далее не может и просит от Академии увольнения»⁶¹. Прежде чем покинуть Академию наук, Вильковский должен был передать книжную лавку комиссару Альтману. Для того чтобы продажа книг не остановилась, Вильковскому было приказано отобрать по 10 экз. каждого издания и отдать комиссару Альтману «для выдачи помощнику Лабазнову, коему оные принять, расположить порядочно в передней помянутой лавки комнате по шкафам и производить продажу по показанным в каталоге ценам»⁶². Передача книг, тем более что и Дашкова потребовала осуществить ее без промедления, прошла на удивление быстро и была завершена к 30 апреля⁶³, о чем свидетельствует «Ведомость сколько по Санктпетербургской академической книжной лавке отдано по резолюции апреля 10-го дня г. комиссаром Емельяном Вильковским вступившему на его место комиссару г. Борису Альтману книг российских и иностранных, тако ж портретов, планов, ландкарт и календарей 1784-го года апреля 30-го дня»⁶⁴. «Ведомость» наглядно характеризует репертуар книжной лавки: более половины всей ее продукции составляли книги на «русском» языке — 459 названий (и 10 дополнителных). На следующем месте стояли издания на латыни — 118 названий. Немалое количество книг было и на немецком языке — 85 названий, несколько меньше — на французском — всего 49 названий.

В ассортименте книжной лавки было много так называемых «портретов» (гравюр) и ландкарт — 130 различных видов, имелось в ней и около десятка разного типа календарей на 1784 г. и за ранние годы, переданные Альтману уже как устаревшие, «без счету», на макулатуру. Некоторые из этих изданий были представлены большим количеством экз. — на момент передачи в лавке находилось, например, 882 экз. книги «О княжне Иерониме», 493 экз. «Генерального регламента», более 800 экз. каждого из томов «Жиль Блаза», почти по тысяче экз. «Букваря русского» на обыкновенной и «любской» бумаге и др. Однако по количеству книг, находившихся в лавке, нельзя судить о раскупаемости того или иного издания. Иногда, наоборот, большими тиражами в нее поступали как раз хорошо раскупавшиеся книги, часто прямо из типографии. Характерным для деятельности лавки со времени директорства Дашковой, когда было налажено функционирование «магазинов», стала тенденция разгружать ее от лишней литературы, держать в ней не более чем по 50–100 экз. каждой книги. Так, уже Вильковским в 1783 г. был передан ряд изданий из лавки в «магазины», подобным образом поступал и Борис Альтман, постаравшийся разгрузить лавку и уже вскоре после своего назначения передавший в «магазины» «изобиточные книги», и как правило, впрямь

заказывающий литературу для продажи только небольшими партиями по 25–50 экз. Это позволяло не захламлять лавку, гарантировало лучшую сохранность книг, давало возможность удобно размещать их в шкафах. Однако именно передача книжной лавки явилась для Вильковского источником многих неприятностей. Передаточная ведомость, в которой был учтен состав лавки на 28 ноября 1783 г., с момента ее свидетельства, включая все, что в нее поступило по 15 апреля 1784 г., когда лавка была передана Альтману, все, что из нее выбыло в «расход» и оказалось «при сдаче налицо», после подведения итогов обнаружила недостачу ряда книг. Как докладывал в июне 1784 г. занимавшийся проверкой актуариус П. Шипунов, составивший ведомость по хранившейся в Канцелярии «шнуровой книге» прихода и расхода, «оказались некоторые книги против расхода со дня свидетельства прошлого 1783 года ноября 28 дня в здаче лишними, а некоторые и недостающими»⁶⁵. Шипуновым были представлены сведения о том, «сколько не каких книг не даст, также и излишних оказалось»⁶⁶.

Ознакомившись с итогами передаточной ведомости, 22 мая Дашкова потребовала у Вильковского «письменного» объяснения почему: 1) «При сличении поданных им репортов с ноября месяца прошлаго 1783 года, то есть со дня свидетельства книжной лавки по здачу оной комиссару Альтману оказалось, что многих званий книг против прихода и расхода не явилось...», 2) «а вместо того оказались книги других званий, из коих некоторых и при свидетельствах совсем не было», и, кроме того, потребовала «немедленно представить в Канцелярию нужные к щету шнуровые прихода и расходу книги и с насылаемыми письменными повелениями и респисками 781 года с августа месяца по день здачи книжной лавки Альтману»⁶⁷. В «покорнейшем ответе» от 28 мая 1781 г. Вильковский указывал, что «будучи же чего со дня последнего свидетельства не является, оное уповательно произошло от неисправности бывшего при мне помощника... или, может быть от какой либо и моей погрешности в записке, могущей весьма легко произойти оттого, что находясь всегда почти один при непрерывной продаже и при поспешных безденежных отпусках, никак одному всего одного со всей точности исполнить было невозможно, о чем от меня неоднократно и предоставляемо было». По поводу же 2-го пункта — наличия в лавке книг, которых там ранее не было, — Вильковский замечал, что «может быть разумеются такие книги, которые вступили в лавку после свидетельства». На распоряжение же Дашковой представить в Канцелярию «шнуровые книги» и прочие документы с 1781 г. Вильковский отвечал категорическим отказом, ссылаясь на то, что «при двух свидетельствах лавки, нарочно для сего определенными господами членами с 1781 года по 28 ноября минувшего 1783 года совершенный расчет со мною кончен»⁶⁸. Нужно сказать, что ответ Вильковского, особенно по второму и третьему пунктам, не только не удовлетворил Дашкову, которую нелегко было обвести вокруг пальца, а наоборот, разгневал. В ответ ему 31 мая 1784 г. резонно было указано, что его объяснения являются «необстоятельными» и «зачиненными к единственному только продолжению времени» и что, если «лишние» книги появились после свидетельства лавки, он должен был просто указать, когда и откуда они были им получены, т. к. параллельный контроль осуществлялся и в Канцелярии — «Академия имеет о всем действительное знание». Особый гнев вызывало нежелание Вильковского представить для проверки необходимые документы. В результате Вильковскому было велено «третично пред-

писать... не принося никаких отговорок и не делая ни в чем самовластного отлагательства», немедленно представить необходимые для проверки документы с 1781 г. и «обстоятельно объяснить», откуда взялись «излишние книги». Требование Дашковой было не лишено оснований, т. к. недостача у него складывалась за счет популярных, ходовых книг, а в качестве «излишков» фигурировала неизвестно откуда появившаяся литература на иностранных языках, которая почти не раскупалась. Вследствие того, что «многих званий книг против прихода и расхода не явилось», Вильковский и попал под «счет» (а не по причине каких-либо гонений), а П. Шипунов и бухгалтер Кириллов получили от Дашковой распоряжение проверить его деятельность за все время комиссарства и выяснять, сколько и какие издания были приняты Вильковским в 1781 г. от комиссара Зборомирского, что поступило из типографии и книжного магазина, из бывшей Комиссии и Канцелярии, на какую сумму он продал литературы и что отпустил «безденежно», а также сколько денег им было внесено в Канцелярию⁶⁹. Из этих подсчетов следует, что Вильковским с 28 ноября 1783 г. по 15 августа 1784 г.— за 4 с половиной месяца — было выручено (вместе с календарями, проданными на сумму 1648 р. 82 к.) всего 4202 р. 91 к., что составляло менее 600 р. в месяц. Волей-неволей Вильковскому пришлось подчиниться и представить все требовавшиеся от него документы, и именно в это время (а не в январе 1785 г., когда все расчеты уже были окончены и он получил «увольнительный аттестат», как считает И. Ф. Мартынов)⁷⁰. С него была даже взята подписка о невыезде из Петербурга, пока не будет окончена ревизия⁷¹.

К концу 1784 г. проверка счетов Вильковского была окончена. Она не выявила каких-либо явных злоупотреблений. Дашкова резонно считала, что необходимо, наконец, убрать из лавки все лишние книги, привести наличность в соответствие с документацией. Недостача книг по лавке составляла сумму в 567 р. 53 к., «излишки» — «против неявившихся книг» — 855 р. 10 к., имелись и такие книги, которые были взяты из магазина еще Зборомирским, но «в передаче Вильковскому не указаны» — на сумму в 202 р. 10 к., их было решено «причислить к счету Зборомирского». Были книги, вообще неведомо как попавшие в лавку — на сумму в 220 р., например 198 экз. «Триумфа над пруссаками» — не академического издания и неизвестно сколько стоивших. Как подытожили члены счетной комиссии — одни книги были «несоответственные званием и с недостатком», другие «с излишеством или такие книги и ландкарты, коих и в приеме не было»⁷². В соответствии с докладом П. Шипунова, общий книготорговый оборот академической лавки с 1 августа 1781 г. по 15 апреля 1784 г. (продажа книг за деньги и «безденежно») составил 40 506 р. 63 1/2 к., Вильковским же было внесено 40 640 р. 49 к. и, как указывалось счетной комиссией, «следственно против продажи книг и прочего в приеме излишних денег 133 руб. 85 1/2 коп. да еще неполученных 37 руб. 25 1/4 коп.»⁷³

2 января 1785 г. Вильковский объяснял сложившееся в лавке положение тем, что при передаче книг Альтману он сдавал «каждое звание особо по экз., а не кипами, как оные мною были приняты от предместника моего комиссара Зборомирского, то от сего и произошло несходство против моего приему». Таким образом, Вильковский, не упоминая о своих недостачах, допущенных в 1783 и 1784 гг., возложил всю вину на Зборомирского, указав, что «таковая несоответственность против приему произошла не от меня, а от бывшего еще прежде меня комиссара, который за скорым тогда при здаче книжной лавки требованием, содержан будучи

под караулом, сдал мне оную в самом нестройнейшем состоянии, чрез что я немалой убыток понес...»⁷⁴.

Возможно, объяснения Вильковского и не вполне убедили Академическую комиссию, в окончательном документе указывалось, «как он сам Вильковский объяснил...»⁷⁵, что «в нестройнейшем состоянии», но поскольку сумма выручки за проданные книги у него оказалась на 133 р. 85 к. больше, чем он должен был внести, да и «против неявившихся излишних других званий книг» в лавке имелось книг на 855 р. 10 к., то решено было окончить затянувшиеся почти на год расчеты с Вильковским. Е. Р. Дашкова распорядилась в счет числившегося за ним долга в 567 р. 53 к. «за честь» переплаченные им в казну 133 р. 85 $\frac{1}{2}$ к., «заменить» излишними книгами недостачу на 433 р., а оставшийся долг в 67 $\frac{1}{2}$ к. удержать при выплате положенного ему жалованья за первую треть 1784 г. Неизвестно кому принадлежавшие 198 экз. «Триумфа над пруссаками» были отданы Вильковскому.

Таким образом, Вильковский не только не являлся объектом травли со стороны Дашковой, но, наоборот, в расчетах с ним она проявила терпимость, пошла ему навстречу, позволив частично принять в счет погашения долга «лишние» книги. 13 сентября 1784 г., при уходе из Академии наук, он был «удовольствован жалованьем» и даже был произведен в чин «коллежского секретаря», получил выпускное свидетельство, в котором указывалось, что «во время бытности своей при оной Академии вел себя добropорядочно и порученную ему должность исправлял с прилежанием и поспешностию»⁷⁶. В 1790 г. внук Вильковского — Д. Галченков (Дмитрий — сын умершего зятя и компаньона Федора Галченкова) по распоряжению Дашковой был принят на казенный счет в академическую гимназию⁷⁷. В докладе Екатерине II Дашкова указала лишь, что комиссар книжной лавки был заменен, поскольку он не владел иностранными языками. Однако во всех расчетах с Вильковским существовала небольшая деталь: счетная комиссия пыталась беспристрастно определить, какие суммы должны были быть отнесены на счет бывшего комиссара Зборомирского, а какие — на счет Вильковского, и хотя комиссия старалась соблюсти интересы Зборомирского, по-видимому, существующие недостачи по лавке были списаны за счет последнего. Как видно из приведенных выше документов, благодаря распоряжениям Домашнева, Вильковский перестал подчиняться С. Зборомирскому еще в мае 1781 г. Сам Зборомирский окончательно был отстранен от дел с 1 июня 1781 г. и сохранен «на половинном жалованье» лишь благодаря стараниям и заступничеству членов Комиссии, а все книготорговые операции уже вел Вильковский. Спустя три года, в 1783 г., было непосто разобраться в запутанной отчетности книжной лавки, в 1781 г. находившейся «под дирекцией Домашнева». Вильковский утверждал, что в момент передачи лавки в июне–июле 1781 г. поступившая выручка, внесенная им в «экономическую сумму», составившая 2060 р. 35 к., а также «Ведомости» и книги для купца Керзина, отпущенные им «по особым приказаниям» и составившие сумму в 1131 р. 48 к., всего 3191 р. 83 к.— «принадлежат к щету Зборомирского»⁷⁸. В результате сумма в 3054 р. 24 $\frac{1}{2}$ к. была удержана из денег С. Зборомирского, хранившихся в лавке, «за неявившиеся книги и прочее», а жене переданы «достальные» 101 р. 63 к.⁷⁹. С окончанием расчетов с Вильковским было закрыто и дело Зборомирского. По приказу Дашковой, летом 1785 г. вдове Зборомирского было выдано его так и не выплаченное «половинное жалованье» с 1781 г. по день смерти — в размере

168 р. 49 к., «да в рассуждении крайнего ея неимущества в награждение за долговременную того мужа ее службу» Дашкова, чувствуя вину, распорядилась прибавить еще 175 р.— всего 343 р. 49 к. В июле 1785 г. деньги получил сын Зборомирского: «Те деньги 343 руб. 49 копеек мать моя Анна Михайлова дочь получила, а вместо ея за неумением грамоте по ее велению расписался сын ея родной Иван Зборомирский»⁸⁰. (В итоге семья получила всего 445 р. 12 к.)

Занявшийся самостоятельной книготорговой и издательской деятельностью Вильковский так и не вошел в число деятелей, оказавших заметное влияние на развитие книжного рынка Петербурга.

В период с 1781 по 1783 г. до минимума сократились, а в ряде случаев и просто распались только начавшие успешно развиваться книготорговые связи между частными книгопродавцами и Академией наук. Прежде всего, это сказалось на зарубежных связях Академии наук. С 1781 г. перестали, например, поступать новые академические издания к Гарткноху, и это привело к тому, что стал падать интерес к русским книгам. Сократился объем книготорговых операций с Я. Вейтбрехтом, который к тому же жаловался, что в ряде случаев ему были посланы за границу дефектные экз.— без должного количества гравюр, «фигур», неправильно сброшюрованные и т. п. Не все обстояло благополучно и во взаимоотношениях с русскими купцами, заметно сократились объемы закупок К. Миллера и др. оптовых покупателей. Н. Водопьянов, к 80-м гг. ставший одним из самых солидных клиентов Академии наук, в первой половине 1782 г. приобрел книг всего лишь на 550 р., в то время как почти за тот же срок в 1780 г. он их купил почти на 1500 р.⁸¹, а в конце ноября, когда книгопродавцы, как правило, закупали в Академии наук крупные партии календарей и книг, он был вынужден обратиться к С. Домашневу с жалобой, в которой указывал, что он «приехав сюда для покупки книг от Академии, проживается здесь напрасно, не получив оных и по сие время»⁸². Н. Водопьянов расплачивался наличными деньгами, но и он не мог получить требовавшиеся ему издания. В конце 1782 г. С. Г. Домашнев вынужден был констатировать после осмотра типографии и книжной лавки: «разные старые и нового издания книги более нежели за год до сего напечатанные... еще и по сие время из типографии в книжный магазин... не приняты и в книжную лавку для продажи не даны; от чего экономическая сумма претерпевает чувствительный ущерб и клонится к таковому истощению, от которого, ежели сей беспорядок долее продолжится, должны будут разрушиться все те департаменты, кои содержатся доходами от книжной лавки...»⁸³.

Сложившееся в Академии наук положение не могло продолжаться долго. Жалоба, поданная С. Г. Домашневым Екатерине II, и рассмотрение дела генерал-прокурором Сената А. А. Вяземским привели к отставке Домашнева. Этому способствовало многое — открытое неподчинение ему академических ученых, возмущенных его самовластным правлением и отношением к Академии наук, как к собственной вотчине, где он «раздирал» документы и со служителями академическими поступал «как со своими собственными»⁸⁴. Домашневу, которому «правление Академии поручено было с 3 июля 1775 года и состоял он в сем звании по 24 января... 1783 года»⁸⁵ (нужно сказать, что ни в одном из современных источников эта дата не приводится точно), как указывали члены академического Собрания, на свои нужды за пять лет издержал более 83 тыс. р.— «на украшение покоев», занятых им в Волковом доме, из которого он выселил академические службы,

на сооружение балкона и бани, вода в которую подавалась прямо из Невы, на торжественные приемы и иллюминации, и др.⁸⁶, в то время как в Академии наук не было средств на самые необходимые расходы — содержание училища, мастерских, Библиотеки и Кунсткамеры. Во время директорства Домашнева выписывалось немало книг из-за границы, через Вейтбрехта, пенсионера Академии наук Р. Саншеса, но, как правило, это делалось без согласования с членами Комиссии, и многие из этих книг и гравюр предназначались для личной библиотеки директора. О содержании некоторых из них можно лишь догадываться, но, как указывалось в записи от 13 марта 1783 г. в журнале Канцелярии, «по имянному Ея Имп. Величества повелению книги не пристойные и развратного содержания, выписанные бывшим Академии директором Домашневым, сожжены»⁸⁷. Екатерина II, заинтересовавшаяся состоянием Академии наук, повелела проверить счета по всей «Экономической сумме» (т. е. по типографии, книжной лавке и книжным магазинам) за все время правления С. Г. Домашнева (кстати, она распорядилась представлять их и в дальнейшем, уже при Дашковой) и потребовала указать, какие издержки были произведены «сверх штата» и составляли ли они «честь и славу Академии, или же были вовсе ненужны»⁸⁸. Ревизион-контуре было предложено выделить для этих целей двух человек, но из-за малого штата и того, что за ней самой числилось «дел во оной нерешенных... 12 357»⁸⁹, ревизоров срочно пришлось подбирать из других учреждений. Их деятельность по проверке не только документации, но и наличного книжного «капитала», в свою очередь, осложнила, пока шла проверка, нормальное функционирование книжной торговли. Думается, что главной причиной отставки Домашнева («set animal» — по замечанию Екатерины II) и одновременно роспуска Академической комиссии, послужило начавшееся падение международного престижа Академии наук в результате поглощавших все силы внутренних распрей.

Задача возродить академическую жизнь, придать ей новое направление, поднять значение Академии наук, навести в ней общий порядок выпала на долю ее нового директора — княгини Е. Р. Дашковой, вступившей на этот пост 24 января 1783 года. Чем было вызвано ее назначение? Был ли это просто красивый жест, которые так любила Екатерина II? В конце XVIII века, пожалуй, трудно найти другую историческую фигуру, о которой и современники, а позднее и потомки, высказывали бы столь противоположные, нередко исключавшие друг друга суждения. Единственное, в чем ей никто не отказывал — это в уме. Секретарь Дашковой И. Посников писал о ней: «великой... была она человек, имела ум гениальный, европейский».

Княгиня Дашкова вернулась на родину осенью 1782 г. после многолетнего вынужденного пребывания за границей в результате ее обострившихся отношений с Екатериной Великой. Годы изгнания стали для нее годами учения, знакомства со многими крупнейшими, выдающимися деятелями европейской культуры того времени — писателями, учеными, политиками. Ее интересовало все, она вдумчиво анализировала общественное, научное, государственное устройство западных стран. Находясь в оппозиции, с обостренным патриотическим чувством она следила за всем, происходящим на родине. И, несомненно, ее возвращение внесло новые веяния в устоявшиеся нормы и представления неторопливой русской жизни, обширную информацию о западном укладе и способствовало новой волне мощного западного влияния.

Именно этими обстоятельствами и можно объяснить новый период ее сближения с Екатериной II, «уставшей от дураков», по выражению Потемкина, неожиданное для общества, да и для самой княгини Дашковой ее высокое назначение. Однако выбор Екатерины II был не только смелым, но и точным, вряд ли в своем окружении она могла бы найти более подходящую кандидатуру — человека просвещенного, одушевленного высокими идеалами, патриотически настроенного и в то же время ответственного, способного видеть и решать насущные практические задачи, важные не только для Академии наук, но и для жизни страны в целом. И в этом смысле, возможно, не случайно, не без ее влияния, был принят 15 января почти одновременно с назначением Дашковой такой важный, давно назревший, необходимый закон о печати. Указ Екатерины II положил конец государственной монополии на издательскую деятельность, уже не справлявшуюся с неотложными задачами общества.

Он открывал широкие возможности для частного предпринимательства в этой области — «типографии для печатания книг» были приравнены к «прочим фабрикам и рукоделиям». Примечательно было и последовавшее распоряжение — «для сведения ж об оном в публице, припечатать в ведомостях обеих столиц»⁹⁰: Екатерина II желала широко оповестить о новом законе страны.

Одновременно был принят и связанный с законом о печати указ об обязательном экземпляре. Отныне, на основе этого указа, каждая из типографий в стране была обязана направлять экземпляр любого своего издания в Библиотеку Академии наук. Принятие подобного закона, давно практиковавшегося в Европе, очень важного во многих аспектах для культурного развития страны, в частности для накопления и сохранения создаваемых культурных ценностей, безусловно, может быть соотнесено с тем опытом, который приобрела Дашкова во время своего пребывания на Западе.

Е. Р. Дашкова приняла в свои руки бразды правления в момент, когда Академия наук находилась в запустении и переживала разного рода трудности. По ее собственным словам, она «очутилась запряженной в воз, совершенно развалившийся...»⁹¹. Общий кризис не мог не затронуть и академическую книготорговлю, книжное дело Академии наук в целом. Налаживание его было особенно важным. Академия наук могла существовать лишь за счет самоокупаемости — «штатная» сумма была недостаточна для ее функционирования, и доходы от продажи книг были главной статьей приращения ее капиталов, так называемой «экономической суммы». Твердая рука и умение хозяйничать, присущее Дашковой, способствовали довольно быстрому установлению порядка, оживлению и расширению книжной торговли Академии наук. В отличие от предшественников, Дашкова начала не с каких-либо больших реформ или преобразований. Она постаралась реализовать все положительное, что уже было накоплено традициями академической жизни, что уже назрело, было подготовлено новым этапом культурного развития. Пожалуй, самым большим новшеством было то, как новый директор, по существу располагавший неограниченной властью, повел управление академической деятельностью. В литературе нередко можно встретить упоминания о скупости Дашковой. Однако несмотря на пошатнувшийся академический бюджет, Дашкова начала с того, что увеличила жалованье всем служащим Академии наук, начиная с самых малооплачиваемых должностей — мастеровых, типографских работников и др.

Она не оставила без внимания ни одной жалобы или прошения, поступивших к ней. Улучшила содержание академических учащихся, заказала для всех новую одежду, распорядилась приобрести «хорошие» тулупы и теплые сапоги — «кеньги» — для всех тех, кому приходилось трудиться на улице, — сторожей, солдат, сопровождавших подводы с книгами в Москву, и др. И в дальнейшем, пользуясь системой премий, вознаграждения, повышения жалованья, она стремилась поощрять всех тех, кто старательно и добросовестно выполнял свои обязанности. Она прибавила жалованье «комиссарскому» помощнику по книжной лавке Федору Заботину «за долговременную службу и за порядочное исправление возложенной на него обязанности...»⁹², занимавшимся приведением академических книжных «магазинов» в порядок А. Герасимову, И. Богаевскому и многим другим. В отличие от Домашнева, который мог распорядиться «задержать под караулом до окончания... дела»⁹³ комиссара типографии Артемия Лыкова, замешкавшегося с выполнением заказа для Екатерины II, Дашкова при случавшихся срочных работах предпочитала действовать путем материального поощрения. В одном из ее первых приказов гравировальщикам, работавшим над изготовлением новых эстампов к книге «Зрелище природы», было обещано: «если они поспешно и лучше оригинальных выгравируют, то они от ея сиятельства за труды получают такое награждение, какого они еще не получали»⁹⁴. Не удивительно, что уже вскоре она располагала штатом людей, не только старательно выполнявших работу, но и проявлявших собственную инициативу, и это явилось одной из причин быстрого восстановления подорванного академического хозяйства. Подобное отношение к людям вытекало из ее общей просветительской концепции. Вместе с тем щедрость у нее сочеталась с большой строгостью, требовательностью, она не терпела небрежного отношения к делу, и любая недобросовестность, тем более прогулы или пьянство, «неупустительно» влекли за собой «вычет жалованья» или даже изгнание из Академии наук. Но и для себя Дашкова не делала исключения. Она очень ответственно относилась и к собственным обязанностям — без уважительных причин не пропускала заседаний Конференции, как правило, она постоянно принимала участие в рассмотрении текущих хозяйственно-административных вопросов вместе со своими советниками В. А. Ушаковым и О. П. Козодавлевым. Дашкова ввела обычай приезжать в Академию наук к 9 часам утра. Все это позволило ей безраздельно управлять всеми сторонами академической жизни, свидетельствовало о неповторимости и уникальности ее директорства, а ее нетерпеливые (а подчас и грозные) приказы: «начиная с сего дня впредь...», «немедля», «навсегда» и др., отдаваемые со знанием дела, требовавшие точности исполнения, заставляли трепетать всю Академию и способствовали быстрой и уверенной работе в ее стенах.

Книжная торговля к моменту вступления Е. Р. Дашковой на пост директора находилась, как и другие стороны деятельности Академии наук, в упадке. Но таким ли уж плохим было ее состояние? Существовал солидный «книжный капитал», издания Академии наук пользовались спросом у себя в стране и за рубежом, имелись налицо достаточно развитые книжные связи, был отлажен процесс продажи книг через петербургскую и московскую книжные лавки Академии наук, во главе которых стояли комиссары Е. К. Вильковский и М. Борисяков. Она скорее напоминала остановившийся механизм, и нужен был лишь толчок, чтобы снова запустить его в действие. Казалось бы, потребуются годы, чтобы вновь можно

было начать пользоваться книжными «магазинами», опечатанными с 1783 г., к тому же еще и екатерининскими ревизорами. Однако «магазин российских книг» (в первую очередь необходимых для книготорговых операций) уже был «освидетельствован» С. Румовским, к концу 1782 г. книги в нем были разобраны и описаны. При С. Г. Домашневе «магазин» не удавалось открыть прежде всего потому, что никто не хотел брать на себя ответственность за хранящиеся в нем огромные материальные ценности. Кроме того, члены Комиссии принципиально не желали непосредственно заниматься торговыми операциями, считая, что это не входит в их должностные обязанности.

Большинство приказов и распоряжений по Академии наук в первый год правления Дашковой (заметим попутно, что все это время она находилась в Петербурге и впервые позволила себе взять отпуск и уехать «в свои деревни» лишь в середине 1784 г.) были направлены на улучшение книготоргово-издательской деятельности, охватывали в комплексе функционирование всех важнейших департаментов. Что было конкретно осуществлено? Реформаторством было то, что Дашкова разделила департаменты и четко определила функции каждого из них. Раз и навсегда Дашкова отделила книжную лавку от книгохранилищ-складов, создав два независимых ведомства. Это облегчило, упростило и ускорило процесс оборачиваемости книжного «капитала», да и застраховало его на будущее от возможных злоупотреблений, а главное — позволило наладить продажу книг. Дашкова была в курсе разных имевших место в типографии махинаций: «излишнего напечатания книг», «непоказания... накладных книг», «показание излишней бумаги» и др.⁹⁵ То, чего в течение двух лет не могли добиться от С. Г. Домашнева члены бывшей Комиссии, Дашкова реализовала без промедления. Едва вступив в должность, она сумела мгновенно сориентироваться в большом объеме дел, связанных с содержанием книжных «магазинов», увидеть все «неудобства» и возможность злоупотреблений, происходивших от управления ими комиссаром книжной лавки. Проведению давно назревшей реформы способствовало общее состояние книготоргового дела в Академии наук, где к моменту прихода Дашковой все магазины-склады были опечатаны, и для того, чтобы продажа книг вообще не прекратилась (о чем предостерегал Домашнев), единственным разумным выходом было срочное отделение книжной лавки и одновременное «распечатание» книжных магазинов. Дашкова приложила все силы, чтобы ускорить этот процесс. Проявив настойчивость, используя личные связи и влияние, обратившись за помощью непосредственно к генерал-прокурору А. А. Вяземскому, она сумела доказать ненужность новой проверки ревизорами книжной лавки, которая была «освидетельствована по день ее вступления в Академию»⁹⁶, и ускорить ревизию магазина российских и иностранных книг. Она сразу, без проволочек, еще в феврале 1783 г. назначила А. Герасимова и И. Богаевского (уже ранее занимавшихся книжными «магазинами») и, для присмотра над ними, еще и адъюнкта Головина, чтобы начать работу в книжных «магазинах».

Им было поручено «имеющийся при Бирже в Гостином дворе магазин с иностранными книгами освидетельствовать и привести оныя книги в такой порядок, как учинено с российскими книгами»⁹⁷, а главное, провести все необходимые операции по «магазину» русских книг. Они получили распоряжение временно хранить книжный магазин «за печатями своими» (то есть всех троих)

и обязаны были все операции по магазину производить совместно: «вход иметь троим как для выему из онаго, так «для поклажи в него напечатанных в типографии книг». Спустя некоторое время Дашкова, убедившись в деловых качествах А. Герасимова, назначила его комиссаром «книжных магазинов», и эту должность он исполнял до 1786 г., после чего его заменил секретарь Шипунов. Все операции осуществлялись только по «ордерам» и строго фиксировались в «шнуровых книгах». Возможно, подобный процесс приема и отпуска книг был не самым удобным, но против него не могли возражать ревизоры и он позволил, наконец, снять «печати» ревизоров и открыть склады. Нужно сказать, что деятельность ревизоров, продолжавшаяся, несмотря на все старания Дашковой, до 1786 г., была немалой помехой для нормального функционирования и требовалось немало усилий, чтобы ее нейтрализовать. Быстро и решительно она устранила все, что являлось помехами в книготорговле, обращая внимание даже на мелочи. Для ускорения инвентаризации в «магазинах», вместо писания вручную «надписей, кои на книгах класть будет должно», она распорядилась, чтобы в типографии «тителы книг печатаемы были по приказаниям господина асессора Герасимова, как на иностранных, так и на российском языках»⁹⁸. Обнаружив, что в лавке продаются издания, не принадлежавшие Академии наук (скорее всего, это были книги, напечатанные Вильковским на свой счет), она строгой наказала, чтобы «ни он, ни подчиненные его в академической лавке частных книг не держали и не продавали»⁹⁹, хотя сама время от времени и нарушала это правило. Почти до конца 1783 г. велась работа по приведению в порядок академического книжного хозяйства: в один магазин, по примеру магазина русских книг, вместо ранее существовавших двух были переведены и разложены все книги на иностранных языках, чтобы не платить лишних денег за наем помещения; описывались и инвентаризировались книги, скопившиеся при типографиях Канцелярии (как академические, так и напечатанные по «партикулярным» заказам); все перестраивалось; то, что извлекалось из многочисленных чуланов, шкафов, даже ящиков столов, немедленно регистрировалось и передавалось затем в книжную лавку на продажу или в соответствующие книжные «магазины» для хранения. Одновременно с инвентаризацией, проводившейся в Петербурге, Дашковой был отдан приказ об «освидетельствовании» московской книжной лавки, которое было поручено адъютанту Ивану Стриттеру. Приказы и распоряжения по Академии наук показывают, что серьезному пересмотру были подвергнуты принципы организации петербургской Академической лавки, во главе которой в это время находился Вильковский.

В Архиве Российской Академии наук сохранился черновой документ (по предположению Б. Л. Модзалевского, написанный рукой О. П. Козодавлева), содержащий наброски первоочередных мероприятий, которые необходимо было предпринять в книжной лавке. Судя по его содержанию, это были первые решения, направленные на улучшение академической книжной торговли, относившиеся по времени к весне 1783 г., участие в которых несомненно принимала сама Дашкова. В основном смысл предлагаемых реформ сводился к необходимости усиления контроля деятельности комиссара книжной лавки и более продуманной организации самого процесса продажи книг. В целях «точнейшего и удобнейшего производства книжной продажи» комиссару книжной

лавки Вильковскому было «повелено подавать... еженедельные ведомости о приходе и расходе книг и о выручаемых деньгах»¹⁰⁰. Для того чтобы он мог справляться с продажей книг и представлением счетов, в помощь комиссару было решено дать двух помощников — «одного для продажи книг, а другого для роздачи ведомостей», а один день в неделю (субботу), объявив об этом через «Ведомости», было решено «назначить для составления счетов». В документе подчеркивалось, что «от хорошего порядка книжной лавки» (т. е. от хорошей организации торговли) «зависит и доход книжной лавки»¹⁰¹. Более тщательно был продуман и сам порядок ведения торговли: каждую субботу Вильковский должен был выдавать «в переднюю лавку» своему первому помощнику Ф. Я. Заботину по несколько экз. каждой книги, забирать у него полученные деньги и проверять количество оставшихся непроданными книг. Все выдачи больших партий книг за деньги или «безденежно», точно так как и прием их в лавку, вменялись в обязанность исключительно самому комиссару, «равно как и попечение обо всем, что до книжной лавки касается». В связи с возраставшим значением фигуры комиссара помощники отдавались ему «в совершенную команду»¹⁰². Практически, все намеченные в документе меры были осуществлены. В конце марта 1783 г. «рисовальщик Григорей Белой» был определен вторым помощником комиссара в книжную лавку. Был установлен новый порядок работ и отчетности по лавке, комиссар и его помощник в «награждение» за продажу книг получали 4 % от вырученной суммы. Теперь, исходя из разной степени обязанности и ответственности, установленной для комиссара и его помощников, Дашкова назначила и разную сумму процентного «награждения»: с апреля 1783 г. помощник комиссара книжной лавки стал получать лишь один процент с суммы, вырученной от продажи книг. Таким образом, были четко распределены обязанности комиссара книжной лавки и его помощников.

Принимаемые решения в основном сводились к упорядочиванию уже практиковавшихся ранее принципов книжной торговли, строго регламентирован был и порядок отчетности, причем в течение 1783 г. он уточнялся и совершенствовался. Сохранился документ — черновик приказа Дашковой, написанный ее рукой, — в соответствии с которым она распорядилась «подавать с... апреля месяца еженедельные ведомости в академическую Канцелярию в каждый понедельник по утру, подводя перечни и сумму, как числу экземпляров, так и денег, вырученных за книги»¹⁰³. Таким образом, была максимально усилена отчетность, с этих пор (и до конца века) она стала еженедельной, начал учитываться «приход» и «расход» книг, причем и в количественном, и в денежном выражении.

Новые формы учета стали следующими:¹⁰⁴
для поступивших книг:

№ книг	Ведомость еженедельная, сколько каких книг и откуда вступило в книжную лавку для продажи от числа-месяца — по число	Сколько экземпляров	Цена каждого экземпляра
		руб.	коп.

для проданных книг:

№ книг	Ведомость еженедельная, сколько экземпляров какой книги выбыло от числа месяца — по число	Сколько экземпляров отпущено безденежно	Сколько экземпляров продано	Цена каждого экземпляра		Сколько экземпляров налицо осталось
				руб.	коп.	

Главным стало то, что эти нормы отчетности теперь были едины для всех департаментов, то есть стал подсчитываться не только «книжный капитал», но и реальные суммы от продажи книг. Самым трудным оказалось добиться исполнения этой отчетности. Ввести ее и утвердить после нескольких лет ослабленного контроля было непросто. Комиссар Вильковский, который попробовал было уклониться от выполнения новых правил в апреле 1783 г., тут же был оштрафован на 15 р. «за неисправные ведомости и непослушание».¹⁰⁵

Дашкова распорядилась, чтобы любое движение, перемещение книги сразу же фиксировалось документально — прием их из типографии, выдача в Канцелярию, продажа покупателям и др. Все должно было производиться только «по ордерам», записываться в «шнуровые книги», причем данные дублировались в Канцелярии для контроля. Вильковскому было выдано три «шнуровые книги», куда он должен был заносить все о поступлении и продаже книг, ведомостей и пр. По приказу Е. Р. Дашковой часть тиража каждой новой книги, минуя «магазины», сразу стала передаваться в книжную лавку¹⁰⁶. Однако если в лавку требовались книги из «магазина», Вильковский должен был подавать «рапорт» в Канцелярию, на его основе Герасимов и Богаевский «вынимали» книги, в свою очередь передавали их в Канцелярию, «при репорте», и лишь затем книги отдавались Вильковскому под расписку с приказанием «записать по книжной лавке в приход»¹⁰⁷. Таков же был и порядок выдачи книг из лавки (только по «ордерам» Канцелярии, только под расписку и с занесением данных в «шнуровую книгу»). Причем все эти перемещения, будь то из «магазина» или из книжной лавки, должны были быть скреплены подписями Е. Р. Дашковой и ее двух советников — В. А. Ушакова и О. П. Козодавлева. Можно было предположить, что подобный порядок хотя и позволяет вести учет каждому изданию, осложнит, во всяком случае, замедлит процесс необходимых торговых операций. С. В. Зборомирскому, когда у него подходил к концу тираж какой-либо книги, достаточно было пойти в «магазин» и взять в лавку на продажу необходимое число изданий. Однако Дашкова уже вскоре добилась точности, распорядительности и оперативности. Сохранился, например, автограф Дашковой — ее распоряжение от 4 мая 1783 г., отданное Герасимову и Богаевскому: «вынуть означенное число тех книг в реестре из магазейна и взнести завтрашнего же числа в Канцелярию, что исполнив, г. Богаевскому притти ко мне отрепортовать. Княгиня Дашкава»¹⁰⁸. Вряд ли кому из академических служителей, независимо от места, которое он занимал, могло прийти в голову ослушаться и не выполнить какой-либо из приказов Дашковой, всегда отличавшихся конкретностью и четкостью. К тому же именно со времени Дашковой секретарем прямо на документах стали делаться пометы типа: «исполнено, репортовано 5 мая».

Однако если Дашкова требовала точного и незамедлительного выполнения своих распоряжений, то и в свою очередь она сразу решала все возникавшие проблемы. В начале сентября 1783 г. А. Герасимов докладывал Дашковой о завершении работ по перемещению книг, изданных на иностранных языках, в один общий склад, находившийся на Бирже в Гостином дворе и принадлежавший ведомству портовой таможни. Он сообщал: «а вынутые из под книг сосновые и еловые 60 досок» (и это позволяет представить, как хранились книги в «магазинах»), «...один вос подкладок, да канату нового ручных 47... сажен» и другое имущество он передал ведавшему хозяйственными делами порутчику Устинову. В сделанном «представлении» он указывал: «в магазейнах на бирже, где хранится академический капитал, неотменно надлежит в окошках стекла и рамы починить, чтоб в осеннее от дождей, а зимнее время от снегу не могло последовать книгам повреждение...».

Герасимов выражал опасение, что оказавшийся в излишках «овес мыши передают», он просил снабдить его каталогами на русском и иностранных языках, «дабы при выдаче книг не могло происходить замешательства», предлагал отдельные листы от книг использовать при напечатании новых тиражей, пересмотреть и «отобрать гнилые, порченые и неполные» экз. «в магазейне российских книг» и др.¹⁰⁹ В ответ не замедлила последовать резолюция — распоряжение Дашковой, в которой приказывалось: стекла вставить, овес продать, каталоги выдать, лишние листы использовать при печати, дать людей в помощь для «пересмотра» книг и т. д.¹¹⁰ И этот принцип — сразу же решать любую проблему, не откладывая ее на долгий срок, Дашкова проводила на протяжении всего своего директорства.

В конце 1783 г., после полугодовой деятельности Вильковского, была проведена ревизия книжной лавки, и выяснилось, что комиссар Вильковский не сразу сдает в Канцелярию деньги, вырученные от продажи книг. Дашкова 1 декабря распорядилась еще более усилить отчетность по всем департаментам, связанным с академическим книжным делом. Вильковскому вновь было приказано, чтобы он «записывал впредь приход и расход книгам и проч. со всякою точностию, чистотою и исправностию без наималейшего ж запущения сообразно с канцелярскою таковою же книгою». Для того чтобы на будущее избежать злоупотреблений (это правило затем действовало и при сменившем Вильковского комиссаре Б. Альтмане), Дашковой пришлось усилить строгость: комиссар отныне должен был «взносить» деньги в Канцелярию «каждый понедельник при кратком репорте», а по окончании каждого месяца к первому числу «подавать обстоятельную уже ведомость сколько... каких именно книг и проч. продано и сколько в Канцелярию по резолюции внесено», и после сверки этих данных в Канцелярии — «без отлагательства расход оный записывать в шнуровую свою книгу по форме»¹¹¹. Одновременно Дашкова распорядилась, чтобы и «начальники других департаментов» (А. Герасимов, М. Григорьев) — книжного «магазина», «книжной портретной» типографии, так называемого «географического» департамента «для лучшего и яснейшаго впредь сведения о приходе и расходе всяких книг, ландкарт и куперштихов, и начиная с нынешнего декабря месяца впредь каждый месяц к первому числу подавали в Канцелярию ведомости» о количестве всего напечатанного (или полуценного), выданного и размерах остатка. В конце «предписания» и «для точного сему исполнения» комиссарам департаментов сообщалось, что «естли кто 1 числа каждого месяца (начав с 1 будущего генваря), [т. е. с 1784 г.] за истекающий

ныне декабрь месяц в Канцелярию не представит, того неисправность неупустительно наказана будет вычетом жалования»¹¹².

Состояние книжной лавки во многом зависело от энергии и умения возглавлявшего ее комиссара. Естественно, что Дашкова, налаживая академическое книжное хозяйство, неизбежно должна была обратить самое пристальное внимание на деятельность Е. К. Вильковского, являвшегося комиссаром книжной лавки с конца 1781 года. В единственной работе о Вильковском указывается, что Дашкова, «женщина крутая и властная», приняв в свои руки «бразды правления», решительно «очистила храм наук» от «креатур» бывшего директора и одной из ее первых жертв оказался Вильковский. Несмотря на то, что «все попытки изобличить Вильковского в недобросовестном или халатном отношении к служебным обязанностям оказались безуспешными», ему пришлось, как указывает Мартынов, весной 1784 г. уведомить Академическую канцелярию о том, что «за ослабевшим здоровьем исправлять должность комиссара книжной лавки далее не может» и что в 1785 г. «скрепя сердце» Дашкова, наконец, «распорядилась выдать ему в январе 1785 г. увольнительный аттестат», с одной оговоркой, «чтобы он из Санктпетербурга ни в какой другой город не выезжал, куда ревизия над господина Домашнева счетами не кончится»¹¹³. Нужно сказать, что высказанное мнение является не точным в отношении Вильковского и не справедливым в отношении Дашковой и не соответствует действительности. Вступив в Академию наук, Дашкова постаралась самостоятельно разобраться в деловых качествах ее сотрудников, не основываясь на чужих суждениях, — первоначально она оставила на своих местах и членов бывшей Комиссии, и их противников, постаралась организовать их совместную работу. Так, основными «креатурами» Домашнева были А. Протасов и, особенно, вызывавший возмущение членов Комиссии И. Богаевский. Дашкова сохранила за А. Протасовым «смотрение» за типографиями, причем на много лет, а И. Богаевского, который также был назначен Домашневым в качестве лица, ответственного за деятельность книжной лавки, она первоначально использовала для наведения порядка в «книжных магазинах», разных неотложных делах: при «распечатывании» и «освидетельствовании» — причем уже 6 апреля 1783 г. ему было повышено жалование до 700 р. (суммы, которую получали ее главные советники — Ушаков и Козодавлев). Вскоре ему была поручена работа по составлению «Санктпетербургских ведомостей», и Дашкова настолько ценила его деятельность в Академии наук, что в 1786 г., когда Богаевского затребовал в свою канцелярию могущественный А. А. Безбородко, Дашкова предложила Богаевскому остаться «на половинном жаловании» в 400 р. при Академии, мотивируя свое предложение тем, что его нечем заменить¹¹⁴.

По сравнению с академиком А. Протасовым или Богаевским Е. Вильковский был несравненно меньшей фигурой, да и с чего бы Дашкова занялась травлей неизвестного ей комиссара книжной лавки, когда неотложной первоочередной задачей для нее было наладить продажу книг? К тому же, приведенные выше документы о проекте реорганизации книжной лавки не дают повода для подобного предположения. В одном из первых приказов Дашковой по книжной лавке, отданном 28 февраля 1783 г., вскоре после ее вступления в Академию, к моменту, когда она уже успела лично ознакомиться с книжной лавкой и обнаружить там продажу чужих изданий, существовал строжайший запрет: «чтобы ни комиссар, ни подчи-

ненные его в академической лавке частных книг не держали и не продавали»¹¹⁵. Скорее всего это были издания, напечатанные Вильковским на свой счет, поскольку к этому времени он уже начал заниматься издательским делом. При существовавших патриархальных условиях книжной торговли, авторы-издатели иногда меняли свои книги на академические издания или просто оставляли часть тиража для продажи его в книжной лавке, особенно если книга была напечатана в Академической типографии. Из писем А. П. Сумарокова видно, что с просьбой о продаже своих произведений он обращался не только к переплетчику Школярию¹¹⁶. В письме от 25 сентября 1770 г. к Г. В. Козицкому Сумароков просил его приказать Школярию переплести экз. «Оды на день коронации 4 октября 1770 г.» для поднесения императрице и наследнику, а «двести отдать Школярию ради публики, продать по его рассмотрению, а он бы ко мне о том написал...»¹¹⁷. В конце 1776 — начале 1777 г. он передал С. В. Зборомирскому в Академическую лавку ряд своих изданий для продажи в Петербурге, с просьбой включить их в академический каталог и продавать по указанной цене. Он писал С. В. Зборомирскому, чтобы тот «отдал деньги за проданные мои книги» — слуге и уведомлял его о ходе продажи книг; одновременно Сумароков просил Домашнева приказать «сверх того на двести рублей моих книг взять в «казенную продажу»¹¹⁸. После смерти Зборомирского в его сундуке была обнаружена партия «партикулярных» книг, изданных Н. И. Новиковым. То есть, несмотря на то, что продажа посторонних книг была запрещена, в Академической книжной лавке помимо «казенной» продажи книг служителями лавки постоянно велась торговля «посторонними» книгами в их собственных интересах, по договоренности с авторами или издателями. Вильковский, кроме всего прочего, с конца 70-х гг. сам начал заниматься изданием книг и, естественно, продавал свои издания в Академической лавке. Об этом свидетельствует каталог «Роспись российским книгам и портретам...» за 1782 г., составленный самим Вильковским, к которому он присоединил «маленький реестр собственных и взятых на комиссию из других типографий изданий»¹¹⁹. Характерно, что распоряжение Дашковой (о продаже «чужих» книг) касалось лишь комиссара и его подчиненных, сама же она неоднократно отдавала в лавку на продажу «партикулярные» издания, однако в этом случае доход поступал в академическую казну, а не книгопродавцам. Дашкова решила положить конец частной книготорговой практике. Именно она (а не Домашнев, как ошибочно считает И. Ф. Мартынов)¹²⁰ распорядилась, чтобы изданные Вильковским книги (в разных типографиях) были приобретены Академией наук. Дело было вовсе не в «оказании помощи» Вильковскому, как пишет Мартынов: «ломая сложившуюся традицию, она хотела, чтобы Вильковский прекратил продажу своих книг через лавку, а Академия наук, приобретая книги Вильковского по низкой цене, получила бы от этого выгоду», — так была бы соблюдена определенная справедливость. Было подсчитано, что продажа книг принесет 1033 р. 61 к. прибыли Академии наук.

В приказе Дашковой указывалось, чтобы книги Вильковского, напечатанные на его счет, «стоящие... 3560 р. 30 коп. ... купить у него за 1500 руб. и отдать для продажи в книжную лавку»¹²¹. (Нужно сказать, что это была не такая уж выгодная для Вильковского сделка!) Всего 9 названий, 10 000 экз. и среди них «Священная история на пяти языках» и грамматика Шарпантье по 2400 экз. каждого. Однако Дашкова, возможно, переоценила способности Вильковского как издателя — не все

из этих изданий хорошо раскупались. Через месяц, 27 марта 1783 г., этот приказ был дополнен распоряжением Дашковой продавать книги только по ценам, указанным в Каталоге, а также никому не давать их в долг¹²² и еженедельно представлять в Канцелярию, в соответствии с новыми формами отчетности, «счет» вновь поступившим книгам. Одновременно в помощь Вильковскому вторым помощником комиссара в книжную лавку был назначен рисовальщик «Григорей Белой», ранее служивший при типографии.

Несмотря на то, что в лавке к апрелю 1783 г. была закончена инвентаризация — «поверка и счет» и данные по ним представлены Дашковой, разработаны новые формы отчетности, строго определены сроки представления «счетов», расширен штат лавки, в конце марта регламентирован порядок продажи книг, — все же организовать продажу книг надлежащим образом, по-видимому, не удалось.

В эти первые месяцы деятельности Дашкова столкнулась и с таким явлением, как наличие в книжной лавке дефектных и иных книг, не только из-за плохого хранения (попорченных мышами и от сырости), но и по причине типографского брака. Жаловались комиссионеры Академии наук И. Вейтбрехт и И. Ф. Гарткнох и на то, что в партиях книг, отправленных за границу, оказывались экземпляры неполные, без гравюр, неправильно сброшюрованные и с другими дефектами. Возвращали книги и требовали их замены купцы-оптовики (Н. Д. Водопьянов и др.), да и просто покупатели книжной лавки. Жаловался и комиссар книжной лавки Е. К. Вильковский. В рапорте от 10 мая 1783 г. на имя Е. Р. Дашковой он просил принять в книжный «магазин» и заменить все дефектные экз., «подтвердя подъемщикам подымать исправные книги, дабы публику избавить от беспокойства приходиться в другой раз за той же книгой, получа оную неполную или перемешанную, а меня недопустить до нареkania и убытку, по тому что разбивая в пополнение недостаточных книг целья сгибы, выходят иногда на разбивку целья экземпляры книг, за которые я всегда безвинно отвечать принужден»¹²³. Меры были приняты немедленно. Уже 16 мая Е. Р. Дашкова отдала распоряжение академику А. Протасову, контролировавшему деятельность типографий, и фактору «книжной типографии» М. Григорьеву «наблюдать, чтобы на всякой поднятой и в отдачу следующей книге на каждом экземпляре помечен был первый лист именем того подъемщика, который листы в экземпляре проверял». То есть, была установлена личная ответственность за выполненную работу, в случае дефекта отныне книга должна была быть возвращена «подъемщику», причем «с вычетом за оную положенной цены из его жалованья». Одновременно было отдано распоряжение и А. Герасимову, чтобы он «при приеме книг из типографии в магазины принимал надлежащие предосторожности». Но поскольку в процессе создания книги брак мог быть допущен и типографскими работниками, то и «печатникам было строго-настроено указано, что ежели они при печатании в листах прочтутся или сделают листы... негодными, и от того явятся книги неполными, то таковые экземпляры будут отданы тому, кто листов не допечатал, с вычетом положенной за книгу цены из его жалованья»¹²⁴.

Любую проблему Дашкова стремилась решать комплексно, увязывая деятельность сразу всех подразделений. Она не могла не обратить внимания на то, что нередко автор или издатель книги после ее напечатания оказывался не в состоянии выкупить ее тираж в течение длительного времени. Так, в Академии наук оставались не раскупленными некоторые из изданий «Собрания», а также Новиковского общества,—

обществ особенно активных в начале 70-х гг. В 1785 г. Дашкова непосредственно обратилась к Н. И. Новикову, он погасил свой долг Академии наук и забрал нераспроданные издания. В 1785 г. в Академической типографии были напечатаны «Похождения Ивана Гостиного сына» в трех частях, заказчиком которых выступал «обер-провиантмейстер Новиков», но поскольку у издателя не было средств, чтобы оплатить счет типографии в 192 р. (тираж книги был 812 экз.), он обратился в Академию наук с просьбой продавать его книгу по 60 к. «до тех пор, пока вся оная сумма в казну возвращена будет»: По распоряжению Дашковой в Книжную лавку «на первый случай» было передано 50 экз., а остальные, за исключением трех авторских экз., были отданы на хранение при типографии и в магазин. Аналогичным образом распродавались 2-я и 3-я части этой книги, с тем, чтобы когда «показанные деньги все сполна в Академии выручены будут, тогда из оной остальные от продажи экземпляры выдать реченному Новикову по учинению с ним верного расчету»¹²⁵.

Характерно, что и после того, как долг был погашен, Академия наук продолжала торговать этой книгой — так, 4 ноября 1785 г. по распоряжению Дашковой «обер-провиантмейстеру Новикову» было уплачено 21 р. 12 к., «следующих за требуемые от него на продажу в книжной лавке 40 экз. книги „Похождения Ивана Гостиного сына“¹²⁶. Дашкова и в дальнейшем допускала продажу «чужих» изданий, даже не Академической типографии, но только со своего разрешения и с оформлением всех документов.

Так на всех уровнях создания книги, на всех этапах, которые предвляли ее продажу, Дашкова последовательно, неуклонно, твердо (пожалуй, даже терпеливо) убирала все помехи, и «личный фактор» играл не последнюю роль в этой работе. Дело было не в штрафах или награждениях (разумеется, и они играли свою роль) — Дашкова сумела внести новый дух в затхлые академические стены, ее желание все исправить, все наладить, улучшить было заразительным, и это отражалось в многочисленных рапортах, которые она получала от своих подчиненных, с конкретными предложениями о необходимости тех или иных нововведений.

Без каких-либо особых реформ и радикальных изменений за короткий срок (самым главным стало отделение книжных «магазинов» от лавки), лишь путем наведения порядка и дисциплины, были созданы условия для беспрепятственного функционирования «внутренней» академической книжной торговли. Остановившийся было механизм мог начать работать в полную силу.

Трудно переоценить все сделанное Дашковой в эти первые недели и месяцы, что было так или иначе связано с книжной торговлей. Она ликвидирует накопившуюся чуть не за два года задолженность переплетчикам — вдове Миллера, И. Попову, Рихтеру, Р. Зенгбушу и др. и распоряжается, чтобы впредь за переплетные работы для Академии деньги выплачивались бы каждые два месяца. В свою очередь она требует уплаты долгов со всех, в том числе и самых именитых должников Академии наук — А. А. Безбородко и др. В начале апреля 1783 г. она заключает большой выгодный контракт на два года с содержательницей Красносельской бумажной фабрики Ириной Хлебниковой на поставку бумаги для Академии наук. Характерно, что Дашкова гарантировала оплату «без задержки», но требовала, чтобы бумага поставлялась «по временам года» — по 1000 стоп «в точности и без малейшей остановки»¹²⁷ под угрозой выплаты в противном случае владелицей фабрики неустойки. Она организует под-

писку на готовившееся к выходу «Собрание сочинений» М. В. Ломоносова, уделяет внимание рекламе новых академических изданий в «Санктпетербургских ведомостях», выпуску каталогов. Дашкова никогда не забывает откликнуться «благодарительным» письмом в ответ на поступающие дары для Библиотеки Академии наук, а когда дело касается Екатерины Великой, то и широко оповестить о монаршей милости и оставить об этом собственноручную запись на форзаце подаренной книги¹²⁸.

Многочисленные пометы на документах, сделанные ее рукой, содержание многих приказов, отданных ею, убедительно свидетельствуют, что всю книготорговую деятельность Академии наук она взяла под свой контроль. И в этом нет ничего удивительного — так было и с другими направлениями академической деятельности. Разительные перемены наступили в оптовой продаже, которая начала развиваться с середины 70-х гг. и которую теперь княгиня Дашкова взяла в собственные руки. Лавка давала лишь часть доходов от продажи — вскоре основной стала оптовая торговля в кредит и под векселя.

Ранее и розничной, и оптовой продажей книг занимался комиссар книжной лавки. Купцы заключали, как правило, типовой договор на год, где была оговорена процентная скидка (обычно она составляла 10 % от общей стоимости книг). В свою очередь они представляли поручительство, залог в 25 р. в качестве гарантии и принимали на себя обязательство выкупить за год книг не менее чем на 1000 р. А далее они уже обычным порядком получали книги от комиссара Зборомирского. Дашкова изменила этот порядок. Она отказалась от заключения типовых контрактов с купцами. В марте 1783 г., по-видимому, уже приняв решение о новом порядке академической оптовой продажи, она отдала приказание, чтобы Вильковский «ни Водопьянову, ни другому кому с уступкою противу положенной в каталоге цены книг не продавал, також и в долг никому не давал...»¹²⁹.

Обнаруженные в Архиве Российской Академии наук, частично сохранившиеся за разные годы реестры заказы купцов с многочисленными записями и пометами, сделанными прямо на этих заказах рукой Дашковой, убедительно показывают, что она непосредственно стала заниматься оптовой продажей академических изданий. В числе ее советников был опытный финансист, в прошлом директор банка В. А. Ушаков, и если бы ее интересовали лишь прибыль от продажи книг, она вполне могла положиться на своих подчиненных и ограничиться лишь общими указаниями и контролем. Несомненно, что ее заинтересованность была более глубокой, возможно, порожденной соприкосновением с новым, неизвестным ей или, во всяком случае, мало известным, только еще формирующимся в России «третьим сословием», а главное, ей была не безразлична дальнейшая судьба выпускавшихся Академической типографией книг. И кто знает, может быть, ей самой не был чужд предпринимательский азарт. Не забудем, что помимо всего прочего, она имела дело с комиссионерами Новикова, его приказчиками и компаньонами. Именно они — Водопьянов, Миллер, Овчинников, позднее Полежаев и Глазунов и др. в 80-е годы являлись основными оптовыми покупателями Академии наук, и пути и просветительские задачи, осуществлявшиеся (каждым по-своему) Новиковым и Дашковой в области книжного дела, во многом пересекались.

Е. Р. Дашкова

Первым из русских купцов, обратившимся в Академию наук при новом директоре, был один из наиболее крупных ее прежних заказчиков, переплетчик Московского университета — Никита Дмитриев, который с 1783 г. стал фигурировать в академических документах под собственной фамилией как Никита Дмитриевич Водопьянов. В мае по двум реестрам он приобрел в Академии наук большую партию книг и календарей, причем часть из них он должен был получить прямо в Москве у Борисякова «по настоящей цене» почти на 2000 р. Ему удалось получить скидку в 14 % на книги и 10 % на календари. Из письма, которое Н. Водопьянов направил Е. Р. Дашковой по возвращении в Москву 17 мая, видно, что он встречался с Дашковой, и скорее всего это произошло при заключении сделки. Свободно и раскованно, можно сказать, запросто обращаясь к ней: «Ваше Сиятельство, милостивая государыня, Екатерина Романовна!», он сообщал, что не все из заказанных книг он смог получить в Москве.

Прилагая их список, он объяснял: «потому что в Санктпетербургской в Москве книжной лавке книги очень худо положены и присмотру за ними никакого нет...». Нужные ему экз. он «не получил, потому что в них великия неполности и все разбиты и способу нет их принять...». Прилагая к письму список уже оплаченных, но не полученных им книг, он писал: «весьма сожалею, что я не принял от Вашего Сиятельства», и просил передать эти книги помощнику комиссара книжной лавки Ф. Заботину для пересылки к нему в Москву. Кроме того, он добавлял: «денег посылаю 50 руб. Вашему сиятельству ис которых изволите взять на потписание сочинения Ломоносова 24 руб.», т. е. на три комплекта, на всякий случай деликатно напоминая: «Соизволили написать в свою книшку при мне». И далее указывал: «а на остальные прикажите отпустить штатного календаря 25 и книгу языка 50 книг». В заключение он жаловался, что и среди полученных им книг — в 15 экз. камчатской истории — «недостает фигур», а также во 2-м, 4-м и 8-м томах Роленовой истории не хватает в каждом по «6 фигур»¹³⁰. Письмо не только свидетельствует о несомненном личном знакомстве Водопьянова с Дашковой, в нем удивляет та свобода, с которой купец при огромной дистанции, которая их разделяла, мог «на равных» написать о своих заботах, претензиях и жалобах директору Академии наук. И это тоже было результатом и выражением нового духа, установившегося в Академии наук. Свообразным подтверждением этого стало и письмо, направленное Федором Заботиным Водопьянову: «Государь мой Никита Дмитриевич, здравствуй на множество лет. Письмо ваше с почты получил от Матфея Авчиногова и по требованию вашему книги получил от комиссии и послал чрез подрядчика Илию Бабонина, июня 2-го числа посланы, за провос заплати четыре рубля, три кипы». Он посылает Водопьянову книги, о которых тот писал Дашковой (письмо купца сыграло свою роль), но советует Водопьянову пожаловаться Дашковой на Вильковского для того, чтобы, наконец, получить весь свой заказ полностью. «Азовской савсем нет и камчатской нет, а фигуры просил — Емельян Кирилович савсем на тебя осердилиса и он мне не дает малятуры и веревки и салдатам не велит ни за что принимаца и вы отпишите княгине прямо, чтобы он очуствовался, покорной слуга ваш Федор Заботин 1783 года июня 2-го дня»¹³¹. Адрес, указанный на письме, подтверждает, что Водопьянов к этому времени уже был солидным клиентом: «Отдать сие письмо в Москве Московского унверситета переплетчику Никите Дмитриеву

у Кузнецкого мосту в доме его из Санкт-Петербурга от Федора Яковлева — подателю три копейки»¹³². Письмо в то же время показывает, как непросто было наладить и организовать широкую торговлю, сколько было трудностей — и дефектные книги, и неполные комплекты, а главное, еще и сопротивление комиссаров книжных лавок — М. Борисякова, Е. К. Вильковского, для которых оптовая продажа книг была лишь помехой, более того, создавала конкуренцию, так как лично они от нее выгоды не имели: процентов при продаже книг, которая шла помимо лавки, они не получали.

Сохранилось еще письмо Н. Водопьянова к О. П. Козодавлеву, советнику Дашковой, от 10 июля 1783 г., также связанное с закупкой книг в мае 1783 г. И это письмо раскрывает самосознание купца, его независимость, деловитость. Свободно и непринужденно он обращается к высокому сановнику: «желаю вам многолетнего здравия и всякова благополучия» — и, посылая 125 р., просит отпустить ему книги по приложенному реестру. Он прилагает список книг, которые так и не были еще по майскому заказу ему выданы М. Борисяковым, и просит их заменить другими. Кроме того, указывает, что в полученной им копии счета за май месяц «в щету и в цифири ошибки постановлены и неверен щет» и просит его «милостивно рассмотреть». С весны 1783 г. в Академии наук начал выпускаться литературный журнал «Собеседник любителей русского слова», организованный Дашковой. Она придавала очень большое значение этому изданию и не желала продавать его со скидкой. И Водопьянов обращается к О. П. Козодавлеву с просьбой о помощи и поддержке: «пишут ко мне о Собеседнике, что с него уступки нет, яш к вам наличные денги посылал и старался как услужить вам в продажи книг, ежели уступки не будит то мне убыток в провозе и хто мне их пересылает надобно за труды заплатить. А вы изволите посылать в Москву комиссару за провоз платив, также жалованье ему даете, по пяти копеек с рубля даете (речь идет о «наградных» процентах за продажу книг.— А..З.), а я без всякой пользы, притом жа и убыток будит, всепокорно прошу ваше высококородие Осип Петрович зделать со мною отеческою свою милость». Письмо Водопьянова показывает, что связи с купцами были важны не только для распространения академических книг (свое значение в этом процессе купцы прекрасно понимали), но и являлись своеобразной школой торговли, приобретения нового опыта. Купцы знали себе цену, отстаивали свои интересы, настойчиво добивались поставленных целей. Из письма видно, что купцы оказывали определенное давление и на академическую издательскую политику. Книги, пользовавшиеся спросом, Академия наук переиздавала, дорепечатывала. Так было, например, с «Жиль Блазом». Водопьянов указывает, что он оставил 100 р. в Канцелярии «на Жилблаза», и просит, если последняя часть уже вышла из печати, приказать отпустить 50 экз. Купца не могла не волновать судьба отправленных им в Академию денег, он был заинтересован в быстрейшей оборачиваемости «книжного капитала», аккуратном и быстром осуществлении сделок. Он пишет: «послана была посылка Ея сиятельству княгини из денег 50 руб. получено ли, об оном я неизвестен и дошло ли Ея сиятельству оных денег». Любопытно, что это письмо Водопьянова — ответ на неизвестное несохранившееся письмо Козодавлева. В постскриптуме купец добавляет: «изволите писать, что Собеседника отдали Федору Яковлеву Заботину, то я ниизвестен об оном, посланы ли от Заботина в Москву. 16 дней прошло ни книг, ни писем нивижу и опасаяся ждать... и если он здоров

прошу батюшка призвати и поговорити ему, чтоб он у себя не удерживал и в книгах крайняя надобность»¹³³.

Случайно сохранившиеся три письма — Водопьянова к Дашковой и О. П. Козодавлеву и Ф. Я. Заботина к Водопьянову, — посвященные первой большой оптовой покупке академических книг, совершенной при Дашковой, свидетельствуют о многом, и прежде всего о деловых, но в то же время, не побоимся этого слова, человеческих отношениях, которые установились в Академии наук и при которых купцы могли открыто высказывать свои пожелания, замечания и даже претензии своему высокому партнеру. В летописях торгового дома Глазуновых приводится семейное предание о том, что княгиня Дашкова любила присутствовать при выдаче книг купцам¹³⁴. Письма Водопьянова и Заботина позволяют думать, что это не было одной из легенд о княгине, что ее на самом деле интересовал этот открывшийся для нее новый мир. Разговоры с купцами могли для нее иметь познавательный смысл, и она могла почерпнуть из них немало для себя полезного. Надо сказать, что даже рассеянные в письмах Водопьянова замечания о Московской книжной лавке — царившем в ней беспорядке, путанице с выдачей книг, малой рентабельности ее содержания — не прошли мимо внимания Дашковой и могли сыграть свою роль в решении ее ликвидировать, несмотря на все старания ее комиссара М. Борисякова заслужить расположение Дашковой. Указом от 4 августа 1783 г. Екатерина II разрешила продать дом в Москве, занимаемый Академической книжной лавкой, «и деньги за него выручаемые обратить в пользу Академии»¹³⁵. Как видно из распоряжения Дашковой от 25 сентября 1784 г., передавшей деньги и векселя в «Экономическую сумму», «находящийся в Москве казенной академический дом, в котором состояла книжная лавка со всеми в оной имевшимися книгами, картами и прочим», был продан за 6500 р. (2300 р. было уплачено наличными), а на остальную сумму Академия наук получила два векселя по 2100 р. со сроком уплаты «один в 12 месяцев, а другой в два года» московскому купцу «Никите Никифорову сыну Калчугину»¹³⁶. Если учесть, что Никита Колчугин, ранее торговавший москательным товаром, только начинал заниматься книжным делом и подобная сумма для него была очень большой, что он был приказчиком Новикова, а в ряде случаев играл роль его подставного лица (сам Новиков как дворянин не имел права заниматься торговлей), что Новиков остро нуждался в лавках для распространения своих книг, то имеются все основания предположить, что Академическая книжная лавка перешла не к кому иному, как Н. И. Новикову. Подобная сделка для него была бы выгодной: он получал лавку в центре Москвы, куда привыкли ходить покупатели, фактически оплатив лишь стоимость (да еще в рассрочку) находившихся в ней книг. Новиков и Дашкова — эти две вершины, два полюса русского книжного дела конца XVIII века — постоянно существовали, имея в виду друг друга.

В отношениях Е. Р. Дашковой к купцам был замечен дифференцированный подход. Даже одному и тому же покупателю, в зависимости от того, что он приобретал и на какую сумму, платил ли наличными или приобретал книги в кредит и т. д., представлялась различная процентная скидка — «уступка», давались на разный срок векселя. Чаще всего можно лишь предполагать, чем руководствовалась Дашкова, ставя условия продажи академических изданий для оптовых покупателей.

Однако она сама понимала, что необходимы единые критерии и правила для расчетов с купцами, и в мае 1784 г. Дашкова издает распоряжение «о порядке отпуска

книг вольным книгопродавцам: Ежели кто из них возьмет всех книг русских и иностранных по два экземпляра, и потом на выбор из оных сколько похочет, таковым просителям чинить уступку в 15 % на сто, и за отпущенные книги брать половинное число наличными деньгами, а в другой половине вещь на год. Если же требовать будут на большую сумму, как то на 1000 рублей и более, то денег наличных получать только третью часть, а в оставшихся до 16 месяцев сроку давать.

Иностранные книги выдавать с уступкою 12 % со ста, и в той сумме на которую имеет быть отпущено, принимать половину денег, а в другой половине 1 год сроку давать.

Русские книги, когда потребуют на выбор, уступку делать только по 10 % со ста, за которые книги получать денег половинное число наличных, а в половине оставшей год сроку давать»¹³⁷.

Таким образом, Дашкова пыталась так организовать продажу академических книг, чтобы максимально раскупались все издания, ничего не залеживалось и действовала гибкая система скидок. Добиться приоритетных для Академии условий было не просто: купцы выставляли свои требования, не желая приобретать плохо раскупавшиеся книги и умели отстаивать свои интересы. Русские книгопродавцы, например, отказывались покупать литературу на иностранных языках, за исключением учебных книг, а предпочитали приобретать книги «на выбор», да и иностранные купцы покупали книги на русском языке и более популярные издания, а не печатавшуюся на иностранных языках научную литературу. В результате самой Дашковой приходилось нарушать разработанные ею же правила продажи книг, проводя более гибкую политику, — увеличивать процентные скидки, сроки платежей по вексям, сохранять индивидуальный подход к покупателям.

В 1783 г. наиболее значительными оптовыми покупателями Академии наук были Н. Водопьянов и К. Миллер, причем каждый из них приобретал академических изданий не менее чем на 4000 р. в год. В конце 1783 г. число оптовиков пополнилось купцом М. Овчинниковым, закупившим книги и календарей у Академии наук почти на 2000 р. Сохранившиеся документы показывают, насколько индивидуально подходила к каждому Дашкова. Водопьянов и Миллер были старыми покупателями Академии наук, и, кроме того, они покупали большие партии книг и календарей. Видимо, поэтому и процентная скидка им предоставлялась выше, чем другим. По сделанному Водопьяновым в мае большому заказу, когда многие книги были приобретены в количестве 100 и более экз. (такие, например, как «История Иерусалимская», «Апофегматы», «Азбуки» — всего более 50 названий), ему была дана скидка 15 % на книги и 10 % на календари. Кроме того, Дашкова предоставила ему и другую большую льготу. На одном из заказов ее рукой написано: «все оные книги отпустить. За оные треть деньгами наличными взять, а в двух третях дать срок, одну треть — 1-го апреля, а другую 1-го октября 1784 года от него получить. Княгиня Дашкава»¹³⁸. Таким образом, Водопьянов, заказав книг «по настоящей цене» на 1522 р. 25 к., платил за них с учетом «уступки» всего около 40 р., а за остальную часть должен был расплатиться по вексям, выданным на год и на полтора года, т. е. тогда, когда он уже мог реализовать приобретенную книжную продукцию. Причем Дашкова поставила дело таким образом, что осуществленная сделка не препятствовала заключению нового договора и покупатель по желанию или платил за книги сразу наличными (при покупке небольших

партий книг), или же уплачивал часть суммы, а за остальное рассчитывался векселями, предоставлявшимися на разные сроки. Купец, пользовавшийся доверием Академии наук, мог постоянно забирать значительные партии книг, платя за это относительно небольшие деньги. Это было выгодно и для Академии, и для купцов. Единственно за чем Академия наук зорко следила — это чтобы векселя не были просрочены. И деньги, и векселя передавались в «Экономическую сумму», и Дашкова требовала в случае неуплаты в срок немедленно предъявлять векселя к взысканию. Нужно сказать, что купцы всячески старались вовремя платить и переписывать векселя на новый срок, не доводя дела до конфликта. В противном случае им приходилось не только оплачивать векселя, но и платить штрафные (немалые) проценты, как это видно на примере сделок, заключенных еще в 1783 г. с Водопьяновым, Миллером, Овчинниковым и др. Водопьянов, как видно из его писем в Академию наук, приобретя партию книг под векселя, одновременно за наличные деньги купил по 50 экз. «Жиль Блаза», книги «Язык», 20 экз. «Наказа» и др. и далее до конца года продолжал покупать на тех условиях, которые устанавливала Дашкова, все новые и новые партии книг. О том, что княгиня следила за расчетами, свидетельствуют ее многочисленные записи-распоряжения, делавшиеся прямо на этих купеческих реестрах-заказах. Так, на майском заказе Водопьянова, на полях, напротив книг, по поводу которых он жаловался в Академию, что они ему не выданы, она написала: «шестца с нимъ, естли недоданы то добавить»¹³⁹.

На другом реестре Водопьянова (без даты, по-видимому, относившемся к концу года: в нем была указана большая партия календарей — 2600 экз.) Дашкова указала: «за все оное чистые деньги с нево здесь получить. Севодни отобрать оные книги, а завтра их ему и отпустить»¹⁴⁰. То, что подобные замечания Дашковой не были случайностью, исключением, доказывают принадлежащие ей пометы на реестрах других купцов. В ноябре 1783 г. в записке Ушакову она пишет: «прикажете, чтоб в пятницу неотменно из магазина отпустили те книги, господину Миллеру о коих он уже записку подал в Канцелярию», и далее она указывает, чтобы «на тех же основаниях» к ним была добавлена еще партия книг. Она собственной рукой пишет довольно большой перечень литературы и добавляет: «взять с него вещь, считая сроком от 20 ноября»¹⁴¹. Новое распоряжение об отпуске книг и календарей Миллеру последовало от Дашковой 15 декабря 1783 г. Из него видно, что он получил еще большую скидку, чем Водопьянов — 15 % (за книги и «ландкарты»), хотя и покупал, в основном, книги под векселя (видимо, потому, что в его заказах присутствовали и книги на иностранных языках, труднее распродававшиеся, чем книги на русском языке). Однако на календари ему была дана намного меньшая, чем Водопьянову, «уступка» — всего 6 %. Скорее всего это объяснялось тем, что был конец года и на календари стоял большой спрос. Не случайно в записке Ушакову, в постскриптуме Дашкова указывала: «Стенных немецких календарей велите поскорее отпечатать такое число, каковое прошлого году распродали»¹⁴². Обычно эти продолжающиеся счета купцов «выравнивались», то есть они уплачивали рубли и копейки (иногда и сотни) для того, чтобы суммы округлялись, а к полученным результатам уже присчитывались новые суммы. В том же распоряжении от 15 декабря Дашкова писала: «последний же щет сегодня окончить, и к оному приписать ландкарты кои сегодня господину Миллеру отпустятся; также Щербатова история 15 экзмп. как отпустить сегодня, так и в щет внести»¹⁴³. В фев-

рале 1784 г. Миллер получил новый вексель на 135 р. 30 к., вновь на большой срок в 15 месяцев, хотя Дашкова не преминула напомнить Канцелярии о «неупустительном взыскании» в случае чего¹⁴⁴.

С конца 1783 г. у Академии наук появился новый оптовый покупатель — петербургский купец Матвей Овчинников. Возможно, поэтому и процентная скидка, установленная для него Дашковой (да и заказывал он не такие большие партии книг, как Водопьянов или Миллер), была гораздо меньшей, чем для Водопьянова или Миллера. Так, к небольшому заказу Овчинникова (преимущественно календари) на 459 р. 40 к., относившемуся к началу 1784 г., Дашкова приписала: «Сверх сего всех имеющихся книг, речей и од по два экземпляра отпустить. Денег же с него взять при отпуске 259 руб. 40 коп., а оставших 200 и в сумме, которая произойдет от всех званий сочинений по два экземпляра, взять с него вексель от севоднишнего, то есть 10 генваря впредь на год. С книг процентов вычитать по-прежнему, то есть по 12 процентов с рубля, а с календарей по 5 ко. Княгиня Дашкава». Кроме того, как следует из приписки на продолжении листа заказов, она приказала отпустить Овчинникову 50 экз. «Собеседника», но без скидки, и распорядилась «сии книги все, сверх того, что всех книг по два экземпляра, ему также отпустить на сей неделе и счет мне представить. Княгиня Дашкава». И далее добавляла: «Также ландкарт и портретов отпустить на том же основании, исключая только что, не по 12 проц., но по 10 проц. только ему вычитать. Не забыть Святого Сьюлпиция, Платона и Наказов, как четырехязычных, так и одинаких»¹⁴⁵. Таким образом, книги Овчинникову обходились дороже, чем его конкурентам, у которых были давние связи с Академией наук. Да и векселя Дашкова старалась ему предоставлять на меньшие сроки — от трех до шести месяцев, а при большом заказе — на год. Вместе с тем, пометы и другие документы свидетельствуют и о том, с каким вниманием Дашкова относилась к просьбам купцов-книгопродавцев. В письме В. А. Ушакову (без даты), посвященном исключительно делам с Овчинниковым, Дашкова писала: «Государь мой Василей Андреевич! По причине свидетельства книжной лавки как невозможно всех книг Овчинникову теперь отпустить, то разочтите с ним ныне, и возьмите завтра с него трехмесячной вецель. Календарей ему в будущей вторник отпустите 200 экз., из коих 100 с уступкою семи ко. с рубля, а 100 экз. по настоящей цене по 26 ко.— и за все оные календари чистые деньги с него получить. Он желает в газетах напечатать о книгах, то и прикажите в завтрашних газетах у нас в известиях напечатать, и за оное с него положенное взять, а о календарях во вторнишних газетах напечатать для него на таком же основании. Когда же свидетельство книжной лавки кончите, тогда достальные книги ему Овчинникову также и 7-ю часть Собеседника не мешкая отпустить, и половинное число денег взять, а в другой половине вецель. Доброжелательная вам К. Дашкава»¹⁴⁶. Немного позднее, она, обращаясь к Ушакову (речь, по-видимому, снова шла об Овчинникове), писала: «вручителю сего прикажите выдать 200 экземпляров календарей с уступкою с каждого рубля по 7 копеек, что всего придется 48 руб. 36 ко., да без уступки 10 стенных календарей, а оставшие недоданные ему книги велите немедленно отдать, и взять с него росписку в трехмесячный срок с того числа, с которого он получил первые книги, с тем разсмотрением, чтоб он за половинное число книг внес к 230 руб. все деньги сполна; чтож касается до вышеписанных календарей, то оныя выдайте ему по получении от не-

го за них денег, и чтоб он отдал теперь также 8 руб., которые он должен. Княгиня Дашкава»¹⁴⁷.

Приведенные документы и многие другие ее записи на реестрах купцов (иногда это даже черновые списки, написанные карандашом, корявым почерком, и, представляя автографы купцов, они сами по себе являются ценным свидетельством эпохи) убедительно показывают, что Дашкова сама занялась академической оптовой торговлей, самолично устанавливала процентные скидки купцам, охотно предоставляла книги под векселя (можно сказать, что именно она утвердила этот вид книготорговли для Академии наук), добилась того, что все операции с купцами совершались быстро и точно, но и в свою очередь требовала большой аккуратности в платежах и всех расчетах с Академией наук. И хотя условия продажи академических книг были жесткими (не только на вышедшие календари, но и на некоторые новые книги Дашкова вообще не давала никакой скидки), тем не менее интерес к академическим изданиям был настолько велик, а сама Академия наук была настолько надежным поставщиком книг, что число покупателей год от года увеличивалось. Деятельность Академии наук, обладавшей солидной издательской базой, снабжавшей книжный рынок высококачественной литературой, способствовала появлению все новых и новых купцов, решавших заняться книжной торговлей. В 1783 г. Академия наук возобновляет ослабевшие было связи со своими прежними оптовыми покупателями — Водопьяновым, Миллером. В 1784 г. у нее расширяются связи с петербургскими и «вольными» книгопродавцами. Помимо Овчинникова, который начал приобретать большие партии книг, к Академии наук потянулись иностранные книгопродавцы Петербурга — Логан, Торно, Мейер, содержатель «библиотеки для чтения» Дальгрэн и др. Они приобретали небольшие партии книг, но Дашкова предоставляла им высокую скидку: от 18 до 25 %. Через этих более мелких покупателей распродавались академические издания на иностранных языках, скопившиеся на академических складах в больших количествах. Однако новый этап в академической оптовой книжной торговле начался позднее, когда у Академии наук установились связи с московскими и провинциальными книгопродавцами. Никита Кольчугин и Тимофей Полежаев с исполнявшим роль их приказчика Иваном Глазуновым, «купец ростовской» Семен Михайлович Рахманов, посредником которого выступал Никита Водопьянов и др., начав сотрудничать с Академией наук в середине 80-х гг., постепенно стали ее крупнейшими оптовыми заказчиками. Дошедшие до нашего времени реестры убедительно показывают, что завоевание петербургского книжного рынка московскими купцами (являвшимися к тому же комиссионерами Н. И. Новикова) началось с установления связей с Академией наук.

Тимофей Полежаев обратился в Академию наук в августе 1784 г. Неизвестно, насколько велик был сделанный им заказ, но он получил «уступку» в 15 % и книги под вексель сроком на год. Сделка для него была явно выгодной. Однако когда Полежаев в январе 1785 г. приобрел большую партию (более 1200 экз.) календарей и книг, то Дашкова распорядилась «за календари настоящую цену взять, но с сроком всей суммы на два месяца»¹⁴⁸. Книги ему были проданы с «уступкой» в 10 %. Возможно, впоследствии ему удалось улучшить условия, на которых ему отпускались академические книги, так как за 1785 г. он приобрел их не менее чем на 3000 р. Судя по всему, Дашкова новым, еще не известным ей покупателям старалась про-

давать книги за наличные деньги, векселя предоставляла на малый срок и давала меньшие скидки. Ростовскому купцу Рахманову она установила скидку на книги всего лишь в 9 % и распорядилась: «а с календаря уступки не давать, и деньги на адрес-календарь вперед принять так, как и за книги деньги принять ныне наличные. К. Дашкава»¹⁴⁹. Но поскольку Рахманов преимущественно расплачивался наличными деньгами (как правило, он приобретал небольшие партии книг), то ему Дашкова в ответ на его просьбы с середины 1786 г. увеличила «уступку» до 10 %. Понимая, что купцам, не имевшим больших капиталов, было легко разориться, при постоянных заказах она соглашалась на частичную уплату долга по процентам. Расчеты были сложными. В середине 1786 г. она разрешила, например, переписать векселя Рахманову и выдать ему новые — один сроком на три месяца, другой на шесть месяцев, указывая: «Таковые вецели вновь присланы, старые выдать, а проценты принять со дня, миновавшего срока по срочной день новых векселей». Поскольку Рахманов вел дела с Академией наук преимущественно через своих посредников, то иногда в конце своих реестров он писал о своих просьбах: «и на все вышеписанное прошу уступки, половину денег отдаю, а другую, чтоб в 6 месяцев... и что из ланкарт будет потребно и на оные прошу уступку-с»¹⁵⁰. Из помет Дашковой на данном реестре видно, что она внимательно изучала все эти записи и на основании них принимала свои решения. В частности, по данному заказу Рахманова она распорядилась получить с купца половину денег наличными, но дать ему уступку в 8 % с книг и 5 % с карт, а «на 4 месяца взять вецель». То есть, в каждом отдельном случае, в зависимости от того, кто был покупателем, что именно покупалось, в каких количествах, как расплачивался купец и т. д., Дашкова ставила условия продажи.

Становясь комиссионерами Академии наук, купцы старались уже не терять с ней связей. И насколько эти связи были основательными, свидетельствует хотя бы такой факт: в 1792 г., когда в ходе процесса по делу Н. И. Новикова многие из книгопродавцев оказались под следствием и книги в московских лавках были опечатаны, Дашкова потребовала у московского главнокомандующего А. А. Прозоровского, возглавлявшего следствие, освободить из-под ареста академические книги. В этом вмешательстве в «дело» книгопродавцев сказались не только черты характера Дашковой и свойственные ей убеждения, но и желание помочь попавшим в беду купцам.

После смерти Дашковой в ее бумагах были обнаружены «обязательства» серпуховского купца А. Заикина, Т. Полежаева и др. И это свидетельствует о том, что она не порывала отношений с книгопродавцами и после своего ухода из Академии наук.

Реестры книг представляют интерес еще в одном аспекте: Дашкова дополняла по своему усмотрению заказы купцов. Сплошь и рядом своей рукой она вписывает в купеческие перечни книги, вышедшие новые издания, по ее мнению, заслуживающие широкого распространения: сочинения Екатерины II, начавшие издаваться Академией наук литературные журналы: «Собеседник», «Ежемесячные сочинения» и др. В одни из реестров она вписывает по несколько книг, в другие (чаще всего это были новые покупатели Академии наук) она добавляла один—два экз. «всех книг», как это было с М. Овчинниковым или Т. Полежаевым. В заказе Водопьянова 1783 г. своей рукой она приписывает: «Малетовой истории дацкой, второй части — 2 и по 1 экз.— Трагедии Дружество, Нашла коса на камень (пьесу

О. П. Козодавлева), Речи Румовского, и Душиньки». Один из реестров Овчинникова она собственноручно дополняет рядом сочинений (на сумму в 13 р. 80 к.), среди которых по 2 экз. трагедий «Рослав» и «Дружество», 1 экз. «Монтескюия о разуме законов», 1 экз. «Наказа Ея И. В. на четырех языках», 2 экз. «Святого Сюльпиция» и др. Купцу С. Рахманову в разные реестры она постоянно вписывает по несколько экз. комедий Екатерины II «Обольщенный» и «Обманщик», ее оперу «Февей», по 2 экз. «Истории князя Щербатова», «Пословиц» И. Богдановича, «Сочинений Козельского», «Святого Сюльпиция» и др. Не забывает она добавить в реестры и по несколько экз. «Каталога нашего», который она стала продавать по 15 к. и который быстро расхотился в Академической книжной лавке и особенно должен был интересовать иногороднего оптового покупателя¹⁵¹. И вряд ли кому из купцов могло прийти в голову возразить или отказаться, когда она добавляла в реестр 1–2 экз. своей комедии «Тоисиоков» (правда, в один из реестров Овчинникова она приписала 26 экз. этой трагедии, но это был исключительный случай), екатерининского «Шамана сибирского» или «речи моей», произнесенной на открытии Российской Академии. Ведь это были произведения актуальные (не случайно она продавала их «без вычета»), отражавшие новейшие события и мнения, живо обсуждавшиеся в обществе.

Деятельность Дашковой способствовала тому, что уже через два года академическая книжная торговля стала приносить доход, как это видно из ее записки Екатерине II: «Состояние, в котором находилась императорская Академия наук, когда я вступила в управление ею в 1783 г., и в котором она находится ныне, в 1786 г.». Из записки видно, что была упорядочена отчетность по книжной лавке, что были предприняты энергичные меры для распродажи скопившейся продукции Академии наук, книги, карты и альманахи стали «продаваться за половину их прежней цены», кроме того, было строго запрещено продавать в лавке какие-либо издания, кроме академических, а также был смещен комиссар книжной лавки¹⁵².

Как показывают архивные материалы, новым комиссаром книжной лавки с 10 апреля 1784 г. стал «иноземец» Борис Альтман. Он сменил на этом посту Емельяна Вильковского, неугодного Дашковой и заподозренного ею в различных злоупотреблениях. В прошении, поданном в Канцелярию Академии наук в марте 1784 г., «вольный учитель» Борис Иоганн Альтман писал: «Уведомился я чрез газеты, что в академическую книжную лавку к продаже книг потребен комиссар, в которую должность я по знанию моему как российского, так и иностранных языков вступить желаю»¹⁵³. Последнее обстоятельство было немаловажным для Академии наук¹⁵⁴. Подбор нужной кандидатуры был нелегким делом, поскольку на комиссара (директора) книжной лавки ложилось множество обязанностей — от ведения сложной отчетности, занимавшей много времени, составления каталогов продававшихся книг, умелого их рекламирования, постоянных забот о пополнении книжного ассортимента лавки и т. п. до подписки на «Ведомости» и распространения их.

Комиссар Борис Альтман был принят в Академию наук на тех же условиях, на которых до него служил Емельян Вильковский. Альтману было назначено «по двести рублей на год» и в поощрение — «с каждого рубля по 2 копейки процентных денег» с проданных книг¹⁵⁵. Позднее этот процент существенно увеличился (до 4, а затем и до 8 копеек с рубля за книги и до 2 копеек с рубля — за календари). Да и

жалование уже вскоре ему было повышено Дашковой. Одновременно в помощники к Альтману был определен «находящийся при типографии подъемщик Максим Лабазнов с жалованьем по сту двадцати рублей в год» с получением процентов по одной копейке с рубля «от тех книг, ландкарт и прочаго какие ему в продажу от комиссара Альтмана поручены будут»¹⁵⁶. Альтман должен был вносить деньги в Канцелярию каждые два дня, еженедельно отчитываться о числе проданных книг и ежемесячно представлять отчет об остатке книг в лавке. Позднее эти требования были несколько ослаблены и облегчены.

Борис Альтман прослужил комиссаром книжной лавки до 14 ноября 1799 г. В выданном ему при увольнении аттестате (за подписью директора Академии наук барона Николаи) отмечалась его «усердная и беспорочная... 15-летняя при Академии служба», а также и то, что «в бытность же свою при Академии вел он себя всегда добropорядочно и должность свою исправлял с особенным усердием и успехом»¹⁵⁷. Подобный аттестат не был ординарным явлением, у всех предшественников Альтмана (включая и Кланнера) уход со службы был обусловлен конфликтом с академическими властями и завершался расследованием злоупотреблений или даже следственным делом. Любопытным свидетельством как о круге обязанностей комиссара книжной лавки, так и о его положении в Академии наук является «покорнейшее прошение», поданное Альтманом в Канцелярию Академии при уходе со службы. В прошении, рассчитанном на получение денежной компенсации, были намеренно сгущены краски. «Служив долгое время Императорской Академии наук комиссаром,— писал Альтман 31 октября 1799 г., покидая свой пост,— и просив, наконец, от оной увольнения за слабостию здоровья, я осмеливаюсь покорнейше просить Императорскую Академию Наук воззреть милостивым оком на мое неимущество и вознаградить мое служение денежным награждением, снисходя на то, что я чрез шесть лет за продажу газет и календарей не получил процентов, да во все время должности моею не взял полного жалованья назначенного комиссару и помощнику, при том интерес Императорской Академии наук всегда ревностно наблюдая, взял публикацию книг на себя и сделал тем продаже знатное приращение». В результате Альтману было выдано из канцелярии вознаграждение в 200 р.¹⁵⁸

Различные документы, связанные с уходом Альтмана, в частности «Опись покоям, где жительство имел комиссар Борис Альтман, с показанием, сколько в них находится разных вещей»¹⁵⁹, сделанная при передаче его квартиры Дрехслеру, вносит уточнения в вопрос о местонахождении и устройстве академической книжной лавки в 1798 г., которая еще при Дашковой, после окончания строительства нового здания Академии наук, была в него переведена. Квартира комиссара, как следует из описи, состояла из 5 «покоев» внизу и 4 комнат на антресолях и находилась, как можно судить по расположению окон в комнатах, в левом крыле академического здания, стоящего на Неве. Книжная лавка, размещавшаяся рядом с квартирой, состояла из двух комнат, в каждой из которых было по два окна. В первой комнате имелись антресоли с деревянной лестницей и чулан. Книги были расставлены по полкам в шкафах. Во второй комнате стоял киот с образом св. Николая в серебряном окладе. Лавка отапливалась дровами. В первой комнате была «печь голландская кирпичная», во второй — «печь голландская изразцовая». Как и ранее было заведено, лавка охранялась солдатами.

Сохранившиеся до нашего времени архивные материалы по книжной лавке (различного рода ведомости, отчеты, рапорты и другие документы) хотя и не дают полного представления о ее деятельности, но все же позволяют судить о характере и общем объеме ее торговых операций в конце XVIII века. В частности, представляется возможным более или менее точно установить, какое количество книг (по названиям и по количеству томов) имелось в книжной лавке в отдельные годы и насколько разнообразным был ее книжный репертуар. Так, например, передаточная ведомость книг, поступивших от Емельяна Вильковского к Борису Альтману, от 30 апреля 1784 г.¹⁶⁰ включала более 850 названий книг. Наибольшее количество книг было на «российском» языке (469 названий), причем многие из этих изданий (более четверти) были представлены большим числом экз. Например, «Жиль Блаз», т. 1–4, имелся в количестве 3207 экз. (т. е. каждого тома более чем 800 экз.), «Букварь» (российский) — на простой бумаге 873 экз. и на «любской» 984 экз., «Вексельного устава» было 753 экз., «Катехизиса» — 356 экз., «О сотворении мира» — 604 экз. Немалое количество составляли книги на иностранных языках — на латыни (118 названий), на немецком (85 названий), на французском (49 названий), портреты и ландкарты (130 названий), календари на 1784 г. (9 названий). Устаревшие календари были переданы в макулатуру «без щету».

В денежном выражении, как указывал сам Альтман, «карт, книг и прочего... имелось на его руках ежегодно не менее как на 6000 р.»¹⁶¹. В отдельные годы это число было еще больше. Так, например, из «рапорта» секретаря Петра Волкова об освидетельствовании книжной лавки и ее состояния на 1 июня 1794 г. следует, что «книг разного звания и на разных языках, також карт, планов и протчаго» в лавке имелось: «книг российских на 3027 р. 24 к.; французских прежней выписки из чужих краев на 161 р. 30 к.; здешней печати французских на 395 р. 36 к.; латинских на 327 р. 48 к.; немецких на 598 р. 10 к.; французских же последней выписки из Лейдена на 3676 р. 45 к.; партикулярных на 22 р. 11 к.; каталогов на 23 р. 25 к.; разных календарей на 27 р. 50 к.; карт, портретов, планов и протчаго на 4791 р. 95 к.; а всего вообще на тринадцать тысяч четыреста девяносто рублей семьдесят четыре копейки...»¹⁶².

В обязанности комиссара книжной лавки входило строго следить за тем, чтобы, как только тираж той или иной книги полностью распродался, заказывать это издание из книжного магазина или же, при отсутствии данной книги в магазине, подавать требование на его допечатку в типографии Академии наук¹⁶³, а также, разумеется, заказывать все новые изданные типографией Академии наук книги. Благодаря сохранившимся «Месячным ведомостям по книжному магазину» за 1789–1792 гг., можно точно подсчитать, какое количество книг (по названиям и по количеству экз.) и в какие сроки поступало в книжную лавку (см. таблицу П–1). Таблица показывает, что в среднем ежемесячно Альтман получал около 10 новых изданий (130 томов). Изучение месячных ведомостей (на основе которых составлена таблица и в которых тщательно учитывались все поступления в «книжный магазин») убедительно показывает, что, как только из типографии Академии наук (или какого-либо другого источника) в «магазин» поступало новое издание, оно сразу же в небольшом количестве экз. передавалось и в книжную лавку¹⁶⁴. Характерно, что комиссар книжной лавки не только получал необходимую литературу из книжного магазина, но в отдельных случаях сам сдавал в «магазин» книги.

Так, например, в 1783, 1792 гг. и др. Альтманом была передана в «магазин» большая партия разных книг¹⁶⁵. Книги из лавки передавались в «магазин» и в тех случаях, когда в ней скапливались дефектные экз., некомплектные многотомные издания или просто залеживался и не раскупался тираж какой-нибудь книги. Так, например, 6 февраля 1789 г. Альтманом в книжный магазин была сдана большая партия книг — 52 названия (7202 экз.)¹⁶⁶. В их числе, например, имелись: 121 экз. «Истории Азовской», 50 экз. «Света зримаго», 125 экз. «Истории священной на 5-ти языках» и т. д.— количество примеров можно было бы существенно увеличить. Характерно, что в передаточной «Ведомости» Вильковского эти издания были представлены большим числом экз. В 1784 г. Альтманом от него было, например, получено 154 экз. «Азовской истории», 96 экз. «Света зримаго», 957 экз. «Священной истории на 5-ти языках»¹⁶⁷. Таким образом, эти издания так и не были распроданы за 5 лет. «Месячные ведомости по книжному магазину» показывают, что подобные поступления литературы от комиссара Альтмана, заботившегося о том, чтобы в лавке не скапливались мертвым грузом плохо расходившиеся книги, были довольно часты¹⁶⁸.

Хранящиеся в СПбФ АРАН архивные материалы позволяют также подсчитать, какие суммы в отдельные годы выручала книжная лавка от продажи книг. И хотя мы не располагаем данными за все годы, но имеющиеся материалы позволяют составить представление о товарооборотах академической книжной лавки в конце XVIII века. Особую важность для подобных подсчетов представляют такие документы, как «Краткая ведомость» — отчет Бориса Альтмана о вырученных деньгах за продажу книг, портретов, карт и календарей за 1785 г., «Репорты комиссара книжной лавки Альтмана о взносе денег за проданные книги и календари», содержащие еженедельные отчеты о вновь поступивших в лавку, а также о проданных книгах и других изданиях, в которых указываются цены на книги, а также общая сумма вырученных за них денег¹⁶⁹. Кроме того, сохранился ряд документов, содержащих данные по проверке отчетов Альтмана, и представлявших им в Канцелярию Академии наук так называемых «шнуровых книг», отражавших весь торговый баланс книжной лавки за год (т. е. количество поступивших в лавку книг, сумму, на которую они были проданы, сумму, на которую книги были отпущены из лавки «безденежно» по указанию Канцелярии, величину процента, положенного книгопродавцу, и др.). В результате и «шнуровые книги», и данные по их ревизии представляют ценный «итоговый» материал для статистических подсчетов¹⁷⁰. На основе использования этих документов и была составлена таблица П–2.

Таблица П–2 дает наглядное представление о товарооборотах книжной лавки с конца 80-х гг. XVIII века. Она показывает, что в конце 80-х гг. обороты ее лавки были несколько выше, чем в 90-е, когда общий кризис затронул и книжную лавку. В последнее пятилетие XVIII века доход от книжной лавки в среднем составлял 6000 р. в год. Так, например, в 1795 г. общая сумма выручки за книги и прочее составила 7065 р. 70 к., а «за исключением безденежной суммы и процентов» — 6115 р. 98 к.¹⁷¹.

Данные за конец 1798-го и 1799-й год недостаточно полны, но если сопоставить выручку книжной лавки за три четверти года, то числа будут приблизительно одинаковыми: в 1798 г.— 3263 р. 19 к.; в 1799 г.— 3561 р. 83 к.; в 1800 г.— 3364 р. 77 к. Необходимо сразу отметить, что реальный доход был гораздо выше,

чем это указано в таблице 2, в которой подсчитана общая сумма от продажи книг, карт, гравюр и календарей. Ведь большую прибыль давала и продажа «Санктпетербургских ведомостей», учет которой производился отдельно.

Некоторое уменьшение общей суммы товарооборота книжной лавки в 90-е годы по сравнению с 80-ми было связано, по-видимому, с начавшимся застоєм в общественной жизни, а также с тем, что в распространении академических книг все большую роль стали играть частные книготорговцы, книги которым отпускались с большими скидками, причем не только за наличные деньги, но и под векселя¹⁷². Возрастание товарооборота в 1800 г. связано с тем, что это был первый год деятельности комиссара Фридриха Дрехслера, которому удалось увеличить общую сумму товарооборота за счет расширения продажи календарей¹⁷³. Не случайно на этой почве у него возникали трения с частными книгопродавцами, жаловавшимися на то, что он стремился монопольно продавать календари в Петербурге.

С ассортиментом книжной лавки в конце XVIII века знакомит сохранившаяся «Счетная выписка» из «шнуровой книги», представленной комиссаром Альтманом за 1798 г.¹⁷⁴ (см. таблицу П–3).

Данные, приведенные в таблице П–3, убедительно показывают, что, вопреки принятому мнению, Академическая книжная лавка и в конце XVIII века торговала не только «российскими», но и иностранными книгами, причем не только «здешней печати», но и выписывавшимися из-за границы. Так, например, академических книг на русском языке было продано и отпущено «безденежно» на 1163 р. 05 к., на иностранных языках — на 312 р. 55 к. и полученных из-за границы французских книг — на 116 р. 20 к. Из таблицы видно, какую большую сумму давала продажа календарей (всего на 3082 р. 14 к.). Если учесть, что в конце XVIII века каталог стоил 20 к., а всего их было продано и роздано на 8 р. 10 к., то за год было распространено около 40 каталогов. Характерно, что в лавке и в эти годы продавались не только книги, но и приборы — барометры, термометры, приносившие приличную выручку.

В заключение приведены для сравнения некоторые данные по книжному магазину Академии наук. Сохранившиеся в делах Архива Академии наук «Ведомости» по книжным магазинам позволяют произвести подсчет количества находившихся в магазинах русских и иностранных книг и их общей стоимости за отдельные годы (см. таблицы П–4 и П–5). Таблицы наглядно показывают, какое огромное количество книг и на какие большие суммы скопилось в Академии наук к концу XVIII века, причем общее число их непрерывно увеличивалось.

Таким образом, книжная лавка Академии наук в конце XVIII века функционировала устойчиво и стабильно, реализуя ежегодно продукции в среднем на 6000 р. Если учесть, что стоимость одной книги для того времени в среднем составляла 1 р., то продавалось примерно 6000 книг в год. Это число, по-видимому, отражало возможность насыщения книжного рынка изданиями Академии наук, тем более что они успешно распространялись и частными книготорговцами. Однако деятельность книжной лавки не могла изменить существовавшую диспропорцию между количеством реализуемой книжной продукции Академии наук и числом изданий, постепенно, чуть ли не с момента основания академической книжной лавки накапливавшихся на складах (магазинах) Академии наук, достигшим к концу XVIII века, как это видно из таблиц П–4 и П–5, внушительных чисел. Невоз-

возможность реализации всей продукции через книжную лавку, убытки, которые терпела Академия наук от затоваривания, возможно, и были одной из причин, обусловивших в дальнейшем ее ликвидацию.

Вопрос о роли книжной лавки Академии наук в процессе распространения книг в конце XVIII века и ее месте в социально-культурной жизни страны только становится предметом изучения. При рассмотрении этой проблемы важны не только чисто количественные показатели — сведения и числа, характеризующие ежегодные торговые обороты лавки, количество поступавших в нее книг, общую стоимость хранящейся в ней продукции и др., — но и данные о том, каким был ассортимент книжной лавки Академии наук в конце XVIII века, сколько изданий, хотя бы приблизительно, он насчитывал. Установление книжного репертуара важно потому, что позволяет судить, на какие слои читателей он был рассчитан, а в конечном итоге, какову роль он объективно выполнял в социально-культурной жизни того времени.

В этой связи большой интерес представляет обнаруженный нами в СПбФ АРАН документ, содержащий сводные данные о продаже книг в Академической лавке почти за 4 года — с августа 1794 г. по начало 1798 г. включительно¹⁷⁵. Документ этот, несмотря на то что он сохранился не полностью (его конец отсутствует), важен своей «емкостью», поскольку он обобщает целый ряд разнообразных ценных сведений о продаже академических книг указанного периода. Это перечень книг на русском языке, составленный в алфавитном порядке. Названия книг приведены в описи сокращенно, но каждая из них обозначена специальным учетным номером, под которым она хранилась в книжном магазине и лавке, заменявшим для простоты ее название¹⁷⁶. Подсчеты сделаны на листах грубой, серой бумаги с неровными краями, имеются помарки и переделки — нет никакого сомнения, что это черновой, «рабочий» документ, составленный лицом, имевшим непосредственное отношение к книжной лавке. Скорее всего, это черновые бумаги комиссара книжной лавки Бориса Альтмана, приводившего в порядок отчетность перед своим уходом с этого поста в 1796 г.

Этот документ (таблица II–6) наглядно показывает, сколько экземпляров книг было продано за каждый из указанных годов. Кроме того, в нем приведена цена каждой книги (в тех случаях, когда книга печаталась на разной бумаге — то и стоимость ее отдельных экз.), стоимость многотомных изданий, продававшихся со скидкой. В нем указано также число книг, скопившихся в лавке к августу 1794 г., подсчитаны книги, проданные за все эти годы, и вырученная за них сумма, а в ряде случаев и общее количество оставшихся в лавке книг и их стоимость. В нижней части каждого листа подведен итог, учитывающий как сумму, на которую были проданы книги, так и стоимость оставшихся нераспроданными книг.

Для удобства пользования документом и расширения его значения он публикуется в виде таблицы, в которую введены три дополнительных столбца (13–15), отделенные от основного текста двойной чертой.

В связи с тем, что названия книг в описи даны сокращенно, они, насколько это было возможно, были нами атрибутированы, и в целях экономии места в столбце 13 вместо их полных названий указаны том и номер, под которым они значатся в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века»¹⁷⁷. Кроме того, в столбцах 14 и 15 указаны также последний год издания продававшейся в лавке книги и ее тираж, в тех случаях, когда это было возможно установить.

Публикуемая опись наглядно показывает, каким ассортиментом книг располагала Академическая лавка, сколько названий приблизительно насчитывалось и каков был спрос на каждую из книг в конце XVIII века. Сопоставление данных, содержащихся в описи, со «Сводным каталогом» позволяет установить, насколько быстро распродавались отдельные академические издания. Так, например, 2-е издание книги Балтазара Грациана «Придворный человек», вышедшее в 1760 г., тираж которого составлял 1433 экз., продолжало распродаваться еще в конце XVIII века. Несмотря на то что эта книга стоила относительно недорого — 55 к., в 1794 г. в книжной лавке Академии наук ее оставалось еще 318 экз. и на протяжении четырех лет было продано только 22 экз. В начале 1798 г., как видно из таблицы, в лавке оставалось еще 296 экз. этого издания. Еще медленнее раскупались, например, сочинения А. Ф. Бюшинга по географии. В лавке продавалось более десяти его книг, однако каждой из них за четыре года было куплено всего лишь 1–2 экз. Так, изданное в 1770 г. тиражом 1200 экз. «Османское государство в Европе и Республика Рагузская», стоившее 35 к., имелось в лавке к 1794 г. в количестве 773 экз., и на протяжении четырех лет был продан всего лишь 1 экз. Не пользовались успехом, например, и комедии именитых сочинителей. Так, за 4 года было куплено всего 2 экз. комедии Екатерины II «Шаман сибирской» и не продано ни одного экз. комедии Е. Р. Дашковой «Тоисиоков» (25 к. за экз.), 528 экз. которой лежало в лавке мертвым грузом (хотя и не исключено, что была допечатка этого издания). Вместе с тем, можно говорить и об определенной устойчивости читательских вкусов. Были книги, которые неоднократно переиздавались с середины XVIII века и, тем не менее, продолжали хорошо раскупаться. Так, например, как видно из таблицы, вышедшая в 1789 г. 4-м изданием книга «Житие и дела Марка Аврелия Антонина цесаря римскаго, с собственными премудрыми его рассуждениями о себе самом», имевшаяся в лавке в 1794 г. в количестве 1666 экз., была полностью раскуплена в 1798 г.¹⁷⁸ Многократно переиздавались, например, «Квинта Курция История о Александре Великом царе Македонском», «Езоповы басни», учебная литература и др. Хорошо раскупалась, например, книга «О разуме законов сочинение г. Монтескюия», почти весь запас которой был распродан в книжной лавке к 1798 г., несмотря на то, что она стоила 1 р. 30 к.

Из сопоставления описи со «Сводным каталогом» видно, что не все из продававшихся в лавке книг фигурируют в «Сводном каталоге» как издания Академии наук. Это означает, что, по-видимому, не все издания Академии наук в нем учтены. Возможно также, что в отдельных случаях в книжной лавке продавались и неакадемические издания.

В тех случаях, когда в «Сводном каталоге» отсутствуют данные о тиражах академических изданий, содержащиеся в таблице сведения о количестве книг, имевшихся в лавке, дают представление хотя бы о части тиража.

Главное же значение публикуемой таблицы в том, что она наглядно показывает способность поглощения рынком академических изданий. Вместе с тем, она отчасти отвечает и на вопрос, почему, несмотря на то, что комиссар книжной лавки Б. Альтман забирал в книжный магазин на продажу книги небольшими партиями, в лавке год от года скапливалось все большее количество нераспроданных изданий.

Предлагаемая публикация показывает, какое количество книг Альтман ежегодно забирал в книжную лавку на продажу и какие именно это были книги, сколько каждая из них стоила и как быстро они раскупались.

О читательском спросе на академические издания в конце XVIII века свидетельствуют дошедшие до наших дней списки-заказы частных книготорговцев на издания Академии наук. В Архиве Российской Академии наук сохранились такие материалы за ряд лет, и в том числе за 1790–1792 и 1794–1795 гг. (Отсутствие материалов за 1793 г., возможно, объясняется гонениями на книгопродавцев и процессом 1792 года над книготорговцами, «арестом» принадлежавших им академических книг и тем, что в 1793 г. покупка ими книг в Академии наук не производилась, а также в связи с последовавшей к 1793 г. отставкой Дашковой.)

Таблица II–7 показывает, какие из академических изданий преимущественно покупались книготорговцами в начале 90-х гг. XVIII века. Учтены книги, приобретенные купцами не менее чем в 10 экз.

Анализ оптовых закупок за 5 лет позволил выявить круг изданий, пользовавшихся устойчивым спросом у читателей. Помимо календарей, всегда раскупавшихся в больших количествах, как показывает таблица II–7, в наибольшем объеме купцы приобретали учебную литературу, детскую, научно-познавательную — книги исторического содержания, описания путешествий и т. п., книги по законодательству, о военном искусстве и др.

В этих закупках книготорговцев можно установить ряд интересных закономерностей. Характерно, что в большом количестве экз. приобретался сравнительно ограниченный круг «апробированных» во времени изданий. Таблица показывает, что подобных книг было немногим более 50. Купцы не хотели рисковать и покупали лишь то, что гарантировало прибыль. В результате из года в год это были почти одни и те же книги. Напомним, что как только книга раскупалась, тираж ее оперативно допечатывался Академией наук или выпускалось повторное издание пользовавшейся спросом книги. Новые же книги, как правило, приобретались в одном — трех экз. Таким образом, подавляющая часть академических изданий (около $\frac{3}{4}$ всех книг) покупалась книготорговцами лишь в малых количествах.

Однако тот факт, что отдельные книги пользовались повышенным спросом в течение чуть ли не всего XVIII века, свидетельствует не только об их долгой актуальности или же об устойчивости и определенной консервативности читательских вкусов. В ряде случаев на протяжении длительного времени можно проследить изменения в читательском восприятии тех или иных пластов литературы. Нередко можно наблюдать факт перехода книги из научной категории в «популярную», «учебную», как это было, например, с «Синописом», Квинтом Курцием, «Историей Иерусалимской» и др., когда серьезное историческое сочинение с течением времени начинало восприниматься как «книга для чтения» или даже могло попасть в ранг «детской» книги.

К концу XVIII века рынок сбыта книг становится все более емким и широким, и в первую очередь за счет количественного роста и демократизации читательской аудитории. Можно предположить, что все увеличивавшиеся оптовые закупки и были предназначены для распространения книг в провинции среди читателей с низшим и средним образованием.

Изучение «Месячных ведомостей по книжному магазину», в которых учтены все как поступавшие, так и расходившиеся книги, позволило проследить характерные особенности торговли академическими книгами в 1789–1792 гг., поскольку «Ведомости» показывают, когда, кем и сколько было приобретено академических книг (см. таблицу II–8).

Таблица показывает, какая часть книжной продукции Академии наук ежемесячно на протяжении четырех лет (1789–1792) продавалась в Академической лавке Альтманом, какая доля приходилась на закупки частных книготорговцев и каков был общий объем книжной продукции, поступавшей в «книжный магазин». Количество книг, распространявшихся по другим каналам, в таблице особо не выделено (оно составляет разницу между общим расходом книг и количеством продукции, реализовавшейся Альтманом и купцами совместно).

Если сопоставить данные таблицы III–8 за четыре года, то видно, что количество издававшихся Академией наук книг (по названиям) в это время было примерно одинаковым и составляло в среднем 53 книги в год. Большие расхождения в количестве экз. поступавших за год книг объясняются тем, что Академическая типография в случае, если партия книг быстро раскупалась, допечатывала новую часть тиража. Большие тиражи давали и календари (ординарные, стенные, исторические, придворные и другие, издававшиеся на русском, немецком и французском языках), выпускавшиеся Академией наук в больших количествах. Например, 17 октября 1790 г. в «книжный магазин» поступило из типографии сразу 16 387 ординарных российских календарей и 4793 немецких; в октябре 1792 г. — 18 392 российских и 5265 немецких. Кроме того, таблица II–8 показывает, что известной стабильностью отличалось количество книг, ежегодно запрашивавшихся комиссаром Альтманом для продажи в лавке, хотя с 1791 г. и наметилась некоторая тенденция к его сокращению. В 1799 г. Альтман при уходе с должности указывал в прошении, что «вверенных ему казенных книг, карт и прочаго... имелось на его руках ежегодно не менее как на 6000 р.»¹⁷⁹. В среднем в книжную лавку к Альтману (см. таблицу II–8 — ее общий итог за все 4 года) попадала приблизительно только шестнадцатая часть от всех поступлений в «книжный магазин», а продажа книг Академической лавкой составляла примерно лишь десятую часть от всей реализуемой Академией наук продукции. В то же время закупки частных книгопродавцев, хотя и носили периодический характер, но зато делались на крупные суммы. В летние месяцы, как показывает таблица, в книготорговле наступал мертвый сезон. В это время сокращалась книготорговля и в Академической лавке, и, тем более, у частных книгопродавцев. Более благоприятным для книготорговли были февраль–март и особенно конец года, с сентября–октября, когда в Академии наук начинали продаваться календари, на издание которых она имела монополию. Подсчет приобретаемых купцами изданий показывает, что они покупали почти в 10 раз больше книг, чем заказывал Альтман для продаж в Академическую лавку. Доля купцов в общем объеме реализуемой Академией наук продукции составляла более $\frac{3}{4}$. Таблица II–9 наглядно свидетельствует о том, какую большую роль в книготорговле Академии наук играли частные книгопродавцы в конце 80-х — начале 90-х гг. XVIII века.

Из таблицы II–9 также видно, что начиная с 1790 г. резко возросло количество приобретаемых комиссионерами книг. И это было не случайно. Как известно, большое значение для развития книжного рынка в России имела издательско-книготорговая деятельность Н. И. Новикова. Она способствовала быстрому развитию частного предпринимательства (уже в конце 80-х гг. в Петербурге вели книжную торговлю Т. А. Полежаев, И. П. Глазунов, В. С. Сопиков и др., первоначально выступавшие как комиссионеры Новикова), а также оказала влияние и на государственную книготорговлю, в частности и Академии наук.

Оживление торговой деятельности Академии наук в конце 80-х гг. XVIII века было обусловлено не только административными и коммерческими способностями Дашковой, но, в первую очередь, появлением в самом обществе экономических условий, позволявших реализовать академическую продукцию, возрастанием потребности в академических книгах. Меры Академии наук по расширению сбыта своей продукции отвечали интересам купцов-книготорговцев, стремившихся к увеличению оборотов. Характерно, что Академия наук в конце 80-х — начале 90-х гг. стала предоставлять все более крупные льготы сотрудничавшим с ней купцам. Так, книги отпускались им в кредит — «по обязательствам» на длительные сроки и большие суммы, скидка на некоторые издания к 1790 г. достигала 25–30 % с 1 рубля¹⁸⁰, иногда купцы расплачивались не только векселями, но и собственными книгами, отсутствовавшими в Академии. Стремясь привлечь купцов, Академия наук предоставляла им не только материальные выгоды, но и оказывала честь купцам, позволяя иметь над лавкой «академический казенный герб». Первым в 1790 г. этой чести удостоился Т. А. Полежаев, позднее И. П. Глазунов¹⁸¹. Необходимо отметить, что «протекционизм» Академии наук в отношении частных книготорговцев в какой-то степени наносил ущерб ее собственной лавке, и она так и не смогла окончательно разрешить этого противоречия. Академия наук была вынуждена налагать различные ограничения на продажу своих книг комиссионерами, оговаривая, например, сроки и условия продажи календарей и др. Возможно, что позднее это противоречие, наряду с другими причинами, также способствовало закрытию лавки Академии наук.

Изучение «Месячных ведомостей» позволяет установить, кто именно из частных книгопродавцев был основным распространителем изданий Академии наук. Таблица II–9 показывает, что, хотя состав купцов и менялся на протяжении 1789–1792 гг., основной костяк все же составляли одни и те же лица: Водопьянов, Глазунов, Зверев, Кольчугин, Полежаев, Сопиков. Доля иностранных купцов в закупках академических книг (см. таблицу II–9) в эти годы была совсем незначительной. Иностранные книготорговцы (Торно, Гей, Шубоц, Клостерман и др.) лишь изредка (один, от силы по два раза за четыре года) приобретали в «книжном магазине» небольшие партии книг. Одновременно таблица II–9 дает представление о состоянии дел того или иного книготорговца и «месте», которое он занимал в книготорговой иерархии, поскольку продажа изданий Академии наук составляла значительную долю в их торговле.

В 1789–1792 гг. наиболее крупные партии книг приобретали Водопьянов, Зверев и Глазунов, позднее, в 1794–1795 гг., — Глазунов и Сопиков. Возможно, что именно надежная основа для книготорговли, какой являлись академические книги, позволила русским частным книгопродавцам Петербурга, по существу только вступавшим на книготорговое поприще, утвердиться и выстоять в конкурентной борьбе с иностранными книготорговцами, многие из которых, как, например, И. Вейтбрехт и И. Клостерман, имели солидный капитал.

Не менее примечательно и другое. Перечень оптовых книготорговцев показывает, что и в 1789–1792 гг. большинство из них являлись московскими купцами или имели прочные, хорошо налаженные связи с Москвой (укажем, например, что старший брат петербургского книгопродавца И. П. Глазунова — М. П. Глазунов торговал книгами в Москве) и некоторые из них были непосредственными комис-

сионерами и сотрудниками Новикова. Так, московский книгопродавец Н. Н. Кольчугин был приказчиком Н. И. Новикова и фиктивно числился владельцем книжной лавки, принадлежавшей Новикову, утратившему с мая 1789 г. право на ее аренду¹⁸². Университетский переплетчик Н. Д. Водопьянов, купцы Т. А. Полежаев и И. П. Глазунов были привлечены к книготорговле Новиковым, купец Г. К. Зотов был компаньоном Полежаева, московский купец А. Зверев являлся комиссионером Водопьянова, а петербургский купец В. С. Сопиков в эти годы был приказчиком Н. Н. Кольчугина. Если сопоставить рост закупок в Академии с тем, что с мая 1789 г. Н. И. Новиков был отстранен от заведования типографией Московского университета и возникла опасность сокращения объема выпускаемой им книжной продукции, то возможно, что за счет расширения связей с Академией наук Новиков намеревался предотвратить сокращение книгооборота. Примечательно, например, что (как показывает таблица II–9) большая, тщательно подобранная партия академических книг (214 названий по 1 экз.) была приобретена его компаньоном Г. М. Походяшиным 13 декабря 1789 г. Как бы то ни было, немалый интерес представляет сам факт постоянного наличия связей между Н. И. Новиковым и Академией наук. Можно предположить, что большая часть покупавшихся в Академии наук книг попадала затем в Москву. Их покупали и другие московские дельцы. Из таблицы II–9 видно, что 8 марта 1789 г. большая партия академических книг (121 названий, 702 экз.) была приобретена преемником Новикова, новым арендатором Университетской типографии ассессором А. А. Светушкиным, а в 1791 г. из «книжного магазина» дважды забирал книги г-н Ридигер (возможно, это был Хр. Ридигер, преемник Светушкина и Огорокова). О большой величине стоимости, отправлявшихся в Москву академических книг, можно судить по прошению Герасима Зотова, поданному им на имя императрицы после ареста московских книгопродавцев в 1792 г. «В разные времена,— писал Зотов,— переслал я в Москву отсюда академических и прочих книг купленных мною как на мои собственные деньги, так и на кредиторские, более, нежели чем на 25 000 р.»¹⁸³. А закупки книг Зотовым были относительно скромными по сравнению, например, с количеством книг, забиравшихся в Академии наук А. Зверевым или И. Глазуновым. Небольшое количество книг попадало и в провинцию — из таблицы II–9 видно, что ряд покупок был сделан «иногородними купцами», в частности, например, купцом Ситниковым.

Начавшийся с конца 80-х гг. упадок деятельности Н. И. Новикова объективно способствовал усилению роли Академии наук как книготоргового и издательского комплекса. Как показывает таблица II–9 с 1790 г. количество книг, покупавшихся в Академии наук, все увеличивалось. Характерно, что даже в 1792 г., когда многие московские купцы находились под арестом, а среди них и основные покупатели академических книг — Т. А. Полежаев, Н. Д. Водопьянов, М. П. Глазунов и др.,— количество купленных книг (не по ассортименту, а по числу экз.) возросло чуть не в два раза. Это обстоятельство подтверждает и таблица II–9. В 1792 г. Водопьяновым, Зверевым и Полежаевым были приобретены во много раз большие партии книг, чем в 1791 г. (Так, в 1791 г. Водопьяновым было куплено 217 книг, а в 1792 г.— 3017; Зверевым — соответственно 13 и 3600; Полежаевым — 700 и 1055). Увеличилось количество книг, приобретенных В. С. Сопиковым, и более чем в два раза подскочили закупки книг и календарей, сделанные И. П. Глазуновым. И это не-

смотря на то, что в 1792 г. не только Г. Зотов, но и другие петербургские купцы, в частности, например, Глазунов «с товарищи», находились в тяжелом положении — при опечатывании московских книжных лавок под арест попали и многие купленные или напечатанные на их счет в Академии наук книги¹⁸⁴. На большие суммы покупались купцами (например, Глазуновым и Сопиковым) книги и в последующие годы.

В этой связи представляется интересной попытка Дашковой помочь попавшим в беду купцам и освободить из-под ареста академические книги, «наименьшему запрещению и сомнению не подвергающие»¹⁸⁵. В ее вмешательстве в «дело» книготорговцев не только сказались черты характера Дашковой и свойственные ей убеждения, в соответствии с которыми она не могла сочувствовать предпринятому «процессу над книгами», но в еще большей степени оно свидетельствовало о том, что в конце XVIII века сотрудничество с купцами-комиссионерами уже стало необходимым Академии наук для реализации ее книжной продукции.

Е. Р. Дашкова сумела преобразовать книжное дело Академии наук. Появился даже новый термин: «канцелярская продажа книг», характеризовавший оптовую торговлю, которая, благодаря деятельности Дашковой, развернулась в Академии наук с 1783 г. и стала с этих пор основой ее книготорговых процессов. Во «всеподданнейшем докладе» на имя Екатерины II, относящемся к началу 90-х гг., Дашкова подчеркивала, что быстрый рост капитала Академии наук (к этому времени его сумма достигла 161 тыс. р.) был связан с крупномасштабными операциями, осуществлявшимися с купцами. Причем, благодаря торговле под векселя, годовые обороты Академии наук составляли значительные суммы. Как она указывала: «Пятнадцать тысяч рублей состоят в данных Академии от книгопродавцев векселях, ибо на наличные деньги не можно б такое количество книг продавать».

На этих принципах и развивалась академическая книготорговля до конца XVIII века и позднее. Собственная книжная лавка играла все меньшую роль и, в итоге, была ликвидирована в 1830-х гг.

Успешное развитие академической книготорговли в конце XVIII века стало возможным благодаря тому, что Дашкова сумела увидеть и понять роль русского купечества, опереться на него и использовать его энергию для распространения академических изданий.

Важно и другое. Основываясь на просветительских взглядах, Дашкова придавала исключительное значение развитию науки, ее гуманитарных дисциплин. Она сумела опереться на лучшие традиции отечественной науки и культуры — ломоносовские, новиковские и дать им развитие. Дашкова дала новое направление деятельности Академии наук, поставив задачу «хранить и утверждать язык», развивать отечественную литературу. С этой целью по образцу Французской Академии была создана своеобразная «Ученая республика» — Российская академия, которая и объединила «российских» писателей.

Четкую направленность в отношении книг на русском языке приобретает издательская деятельность Академии наук. В 70-е гг., в силу проводившейся государственной политики издавалось много переводов из западноевропейской и классической литературы. В 80-е гг. издательская политика Академии наук заметно меняется, наряду с выпуском переводных произведений (особенно английских авторов) большое значение придается изданию сочинений отечественных авторов,

публикации современных драматических произведений, трудов по истории России и ее географии, пособий, нормативных трудов по русскому языку и др., выпускаются литературные журналы.

В журнале «Собеседник», в котором принимала участие и Екатерина II, в качестве основных задач указывалось «приведение наук в России в цветущее состояние» и старание о «доставлении публике хороших российских сочинений». Не случаен был и избранный Дашковой псевдоним «Россиянка», которым она подписывала собственные сочинения. Да и конец блистательной карьеры Дашковой был вызван неосторожным опубликованием ею трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский».

Этот поворот к изданию отечественных авторов, который осуществила Дашкова, также способствовал возрастанию интереса к чтению, рождал спрос на книгу в более широких кругах, повышал распространенность академических изданий. Об объеме издательской деятельности Академии наук в это время свидетельствует хотя бы тот факт, что за 11 лет директорства Дашковой типографией Академии наук было выпущено печатной продукции более чем на 215 тыс. р. Она расходилась в обществе, влияла не только на петербургский, но и на общероссийский рынок, формировала его.

Примечания

- ¹ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 551, л. 244 об.
- ² Там же. Д. 552, л. 55.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. Л. 56.
- ⁵ Там же. Л. 78 об., 79.
- ⁶ Там же. Оп. 6, д. 292, л. 14.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. Д. 552, л. 185–185 об.
- ⁹ Там же. Л. 226–226 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 226 об.
- ¹¹ Там же. Л. 227.
- ¹² Там же. Л. 227–227 об.
- ¹³ Там же. Л. 228–229 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 448.
- ¹⁵ Там же. Д. 553, л. 348 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 76.
- ¹⁷ Там же. Д. 552, л. 446–446 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 279 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 448 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 446 об.
- ²² Там же. Л. 280.
- ²³ Там же. Л. 256–256 об.
- ²⁴ Там же. Л. 244.

- ²⁵ Там же. Л. 448 об.
²⁶ Там же. Л. 384.
²⁷ Там же. Д. 553, л. 299 об., 306 об.
²⁸ Там же. Д. 553, л. 241.
²⁹ Там же. Оп. 6, д. 282, л. 18 об.
³⁰ Там же. Л. 3 об.
³¹ Там же. Л. 18 об.
³² Там же. Д. 553, л. 348 об.
³³ Там же. Л. 308.
³⁴ Там же. Л. 354.
³⁵ См.: *Мартынова М. И., Мартынов И. Ф.* Петербургский издатель и книготорговец XVIII в. Е. К. Вильковский и издание учебных пособий для народных училищ // История книги и издательского дела. Л., 1977. С. 64.
³⁶ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 914. л. 8 об. и др.
³⁷ Там же. Д. 552, л. 356–362 об.
³⁸ См.: *Мартынова М. И., Мартынов И. Ф.* Петербургский издатель... С. 65.
³⁹ СПбФ АРАН, оп. 6, д. 393, л. 1 об.
⁴⁰ Там же. Оп. 1, д. 554, л. 68 об.
⁴¹ Там же. Оп. 6, д. 393, л. 3; оп. 1, д. 553, л. 406 об.–407.
⁴² Там же. Д. 393, л. 3–3 об.
⁴³ Там же. Д. 306, л. 14.
⁴⁴ Там же. Ф. 3, оп. 6, д. 389, л. 6–8 об. См. также: *Мартынова М. И., Мартынов И. Ф.* Петербургский издатель... С. 63.
⁴⁵ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 389, л. 3.
⁴⁶ Там же. Л. 3.
⁴⁷ Там же. Л. 10.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ Там же. Оп. 1, д. 552, л. 226 об.
⁵⁰ Там же. Оп. 1, д. 552, л. 226, л. 448 об.
⁵¹ Там же. Д. 552, л. 356–358 об.
⁵² Там же. Оп. 6, д. 280, л. 36.
⁵³ Там же. Оп. 6, д. 285, л. 5.
⁵⁴ Там же. Оп. 1, д. 554, л. 69.
⁵⁵ Там же. Д. 338, л. 85 об.
⁵⁶ Там же. Д. 1115, л. 50–51, д. 338, л. 23–26.
⁵⁷ 18 декабря 1783 г.— СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 1155, л. 303.
⁵⁸ СПбФ АРАН, оп. 6, д. 292, л. 12.
⁵⁹ *Мартынова М. И., Мартынов И. Ф.* Петербургский издатель... С. 68.
⁶⁰ СПбФ АРАН, оп. 1, д. 1155, л. 270 об.
⁶¹ Там же. Д. 339, л. 40 об.
⁶² Там же. Л. 41.
⁶³ СПбФ АРАН, оп. 1, д. 339, л. 46.
⁶⁴ СПбФ АРАН, л. 46–107 об.
⁶⁵ СПбФ АРАН, оп. 1, д. 339, л. 116.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Там же. Л. 112.
⁶⁸ Там же. Л. 113–113 об.

- ⁶⁹ Там же. Л. 109.
- ⁷⁰ СПбФ АРАН, оп. 1, д. 339, л. 109 об.
- ⁷¹ Мартынова М.И., Мартынов И. Ф. Петербургский издатель... С. 73.
- ⁷² СПбФ АРАН, оп. 1, д. 1155, л. 306.
- ⁷³ Там же. Л. 304 об.
- ⁷⁴ СПбФ АРАН, оп. 1, д. 339, л. 127.
- ⁷⁵ СПбФ АРАН, д. 389, оп. 6, л. 9 об.
- ⁷⁶ СПбФ АРАН, оп. 1, д. 557, л. 104 об.
- ⁷⁷ СПбФ АРАН, оп. 1, д. 562, л. 269.
- ⁷⁸ СПбФ АРАН, оп. 1, д. 557, л. 103 об., д. 1155, л. 304 об.
- ⁷⁹ СПбФ АРАН, д. 557, л. 467.
- ⁸⁰ СПбФ АРАН, оп. 1, д. 2076, л. 99 об.
- ⁸¹ Там же. Д. 264, л. 2–20.
- ⁸² Там же. Д. 553, л. 359 об.
- ⁸³ Там же. Д. 553, л. 373.
- ⁸⁴ Там же. Д. 552, л. 449 об.
- ⁸⁵ Там же. Д. 554, л. 124.
- ⁸⁶ Там же. Д. 552, л. 449–451 об.
- ⁸⁷ Там же. Д. 554, л. 158.
- ⁸⁸ Там же. Л. 67.
- ⁸⁹ Цит. по: Краснобаев Б. И. Глава двух Академий // Вопросы истории. 1971. № 12. С. 85.
- ⁹⁰ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 554, л. 69.
- ⁹¹ Цит. по.: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1979. С. 73.
- ⁹² СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 554, л. 144.
- ⁹³ Там же. Д. 553, л. 77.
- ⁹⁴ Там же. Д. 554, л. 112.
- ⁹⁵ Там же. Д. 554, л. 67.
- ⁹⁶ Там же. Л. 126.
- ⁹⁷ Там же. Л. 87.
- ⁹⁸ Там же. Л. 87 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 112 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Оп. 6, д. 297, л. 1.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 1–1 об.
- ¹⁰² Там же. Л. 1 об.–2.
- ¹⁰³ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 292, л. 8.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 9–10.
- ¹⁰⁵ Там же. Д. 554, л. 240 об.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 275.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 267 об.–268.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 914, л. 88.
- ¹⁰⁹ Там же. Д. 335, л. 41–41 об.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 42.
- ¹¹¹ Там же. Д. 555, л. 355 об.
- ¹¹² Там же. Д. 2061, л. 1 об.
- ¹¹³ Мартынова М. И., Мартынов И. Ф. Петербургский издатель... С. 72–73.
- ¹¹⁴ СПбФ АРАН, журнал, д. 558, л. 345.

- ¹¹⁵ СПбФ АРАН, д. 554, л. 112 об.
- ¹¹⁶ Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 213.
- ¹¹⁷ Там же. С. 142.
- ¹¹⁸ Там же. С. 180–181.
- ¹¹⁹ *Мартынова М. И., Мартынов И. Ф.* Петербургский издатель... С. 67.
- ¹²⁰ Там же. С. 72.
- ¹²¹ СПбФ АРАН, д. 554, л. 329, см. также оп. 1, д. 333, л. 234 об.–235.
- ¹²² СПбФ АРАН, д. 554, л. 187 об.
- ¹²³ Там же. Д. 333, л. 179–179 об. См. также: *Мартынова М. И., Мартынов И. Ф.* Петербургский издатель... С. 65.
- ¹²⁴ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 554, л. 276 об.
- ¹²⁵ Там же. Д. 558, л. 236.
- ¹²⁶ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 2076, соч. Княжнина, л. 160.
- ¹²⁷ Там же. Л. 193 об., л. 211; д. 555, л. 202; д. 1168, л. 16–16 об.
- ¹²⁸ См. о некоторых подаренных Екатериной II изданиях в статье: *Савельева Е. А.* Первые издания памятников скандинавской истории // Книжные сокровища. К 275-летию АН СССР. Л., 1990. С. 264–265.
- ¹²⁹ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 554, л. 187 об.
- ¹³⁰ Там же. Д. 333, л. 157–158 об.
- ¹³¹ Там же. Оп. 6, д. 292, л. 87–87 об.
- ¹³² Там же. Л. 87 об.
- ¹³³ Там же. Л. 51–51 об.
- ¹³⁴ Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за 100 лет. СПб., 1883. С. 6.
- ¹³⁵ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 555, л. 131 об.
- ¹³⁶ Там же. Д. 1168, л. 335–335 об.
- ¹³⁷ Там же. Оп. 1, д. 556, л. 282.
- ¹³⁸ Там же. Оп. 6, д. 307, л. 1–1 об., 51–51 об.
- ¹³⁹ Там же. Л. 51 об.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 39.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 41.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ Там же. Л. 42.
- ¹⁴⁴ Там же. Оп. 1, д. 1168, л. 206, л. 224.
- ¹⁴⁵ Там же. Оп. 6, д. 307, л. 3–5.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 34–34 об.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 35.
- ¹⁴⁸ Там же. Л. 9.
- ¹⁴⁹ Там же. Л. 17.
- ¹⁵⁰ Там же. Л. 22.
- ¹⁵¹ Материал приводится по: СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 307, л. 1–70 об.
- ¹⁵² Цит. по кн.: *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. С. 124–134.
- ¹⁵³ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 339, л. 40. Поручителем Бориса Альтмана выступил иностранный купец Христиан Геббельт.
- ¹⁵⁴ Е. Р. Дашкова писала: «Служитель, которому поручена была продажа книг, знал только русский язык и не был знаком даже с арифметикой; он не мог соблюдать порядок в счетах и к неудовольствию публики выдавал книги в перепутанном или разрозненном

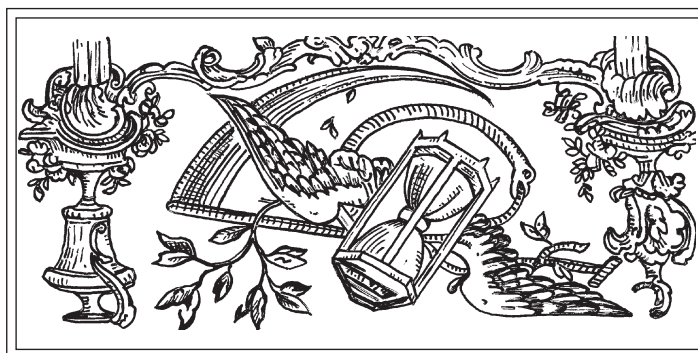

- виде. Я приставила к этому делу человека, знающего бухгалтерию и иностранные языки; сбыт книг увеличился». Цит по кн.: *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. С. 132.
- ¹⁵⁵ СПбФ АРАН, оп. 1, д. 339, л. 40 об.
- ¹⁵⁶ Там же. С помощниками Альтману не везло. Максим Лабазнов, который просил перевести его «за долгуго беспорочную службу» из типографии в помощники комиссара, умер 4 марта 1785 г., и Канцелярия Академии наук некоторое время пыталась взыскать с Альтмана задолженность по книжной лавке, допущенную Лабазовым (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 301, л. 1–20). С новым помощником — прапорщиком Степаном Лутвиновым — у Альтмана не сложились отношения. Жалуясь на Лутвинова, Альтман писал в 1787 г., что он неаккуратно собирает плату за «Ведомости», не раздает вовремя газеты, не сдает полностью вырученные деньги, не приходит в положенное время в лавку и т. п., «от того в книжной лавке всегда большой шум с публикой происходит» (Там же. Л. 238). Офицер Лутвинов не только не желал подчиняться Альтману, но, как явствует из жалобы комиссара, как-то даже избил его (Там же, ф. 3, оп. 1, д. 358, л. 238–238 об.).
- ¹⁵⁷ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 387, л. 14 («Дело о увольнении от Академии комиссара Альтмана и определении на место его Дрехслера» см.: Там же. Л. 1–21).
- ¹⁵⁸ Там же. Л. 21. Альтман писал о своем состоянии: «ртутные пары, выходящие из словолитной палаты, которая находится под моею квартирою, расстроили совершенно мое здоровье». — Там же. Л. 8, 12.
- ¹⁵⁹ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 387, л. 17–18.
- ¹⁶⁰ Ведомость «Сколько по Санкт-Петербургской Академической книжной лавке отдано по резолюции апреля 10-го дня г. комиссаром Емельяном Вильковским вступившему на его место комиссару г. Борису Альтману книг российских и иностранных, также портретов, планов, ландкарт и календарей 1784 года апреля 30-го дня» — СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 339, л. 47–107.
- ¹⁶¹ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6.
- ¹⁶² СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 323, л. 129.
- ¹⁶³ В распоряжении от 1784 г. Альтману при поступлении на службу в Академию наук вменялось в обязанность «наблюдать ежели какого звания книги или чего другого при продаже оставаться будет весьма малое число экземпляров, то не упуская ни мало времени, дабы не последовало остановки, а чрез то публике неудовольствия, смотря по расходу сколько чего потребно будет представлять об отпуске...» (СПбФ АРАН, оп. 11, л. 339, л. 111–111 об.).
- ¹⁶⁴ Как показывают отчеты Альтмана, и позднее в 1795, 1798–1799 гг. в книжную лавку каждый месяц в среднем поступало 5–10 новых книг (по названиям). Обычно поступления в книжную лавку были связаны с выходом из типографии нового издания. И из каждого тиража Альтман забирал в лавку на продажу несколько экземпляров новой книги в зависимости от ее стоимости и содержания.
- ¹⁶⁵ СПбФ АРАН, оп. 1, д. 925, л. 216.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 33–35.
- ¹⁶⁷ СПбФ АРАН, оп. 6, д. 339, л. 47–106 об.
- ¹⁶⁸ См., например: СПбФ АРАН, оп. 1, д. 925. Данные за 1790 г.: л. 78, 106, 114, 123; данные за 1792 г.: л. 213–214, 216–216 об., 221 и др.
- ¹⁶⁹ СПбФ АРАН, оп. 6, д. 326, л. 1–102; д. 331, л. 61–70; д. 347, л. 1–57; д. 350, л. 1–26; д. 356, л. 1–30 об.; д. 359, л. 1–69. См. также: оп. 1, д. 350, л. 526.
- ¹⁷⁰ См., например, данные по ревизии представленного Альтманом отчета за 1787 г.

- (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 365, л. 494–494 об.) или «Дело о освидетельствовании шнуровой книги за 1795 год о приходе и расходе по книжной лавке книг и прочего. 1796-го марта 27-го». (Там же. Оп. 6, д. 336, л. 2–3).
- ¹⁷¹ СПбФ АРАН, оп. 6, д. 336, л. 2.
- ¹⁷² Во «всепоподданнейшем докладе» на имя Екатерины II, относящемся к началу 90-х гг., Е. Р. Дашкова указывала, что «экономическая сумма» Академии наук (складывавшаяся в основном от продажи книг) возросла до 161 тыс. р. Дашкова подчеркивала: «Пятнадцать тысяч рублей состоят в данных Академии от книгопродавцев векселях, ибо на наличные деньги не можно б такое количество книг продавать». Цит по кн.: Записки княгини Дашковой. СПб., 1907. С. 300.
- ¹⁷³ Необходимо отметить, что Ф. Дрехслер не был новичком в книготорговле. Его поручитель, владелец типографии Ф. Брейткопф, указывал в выданном Дрехслеру свидетельстве, что «податель сего г. Дрехслер управлял тринадцать лет моею книгопечатнею, и что он не только о делах типографических, но о книжной торговле имеет все потребные знания и искусство, приобретенные самим опытом, упражнявшись в оной и прежде своего приезда в Санктпетербург» (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 387, л. 10).
- ¹⁷⁴ См.: СПбФ АРАН, оп. 6, д. 356, л. 40–41.
- ¹⁷⁵ СПбФ АРАН, оп. 6, д. 350, л. 27–41. Вторая часть документа, обнаруженная позднее, среди архивных материалов за 1781–1783 гг. Дело не датировано, листы в деле перепутаны.— Там же. Оп. 6, д. 279, л. 74–106 об.
- ¹⁷⁶ Нередко вместо названий книг указывались только заменявшие их номера, например, при заказах книг частными книготорговцами, поэтому в ряде случаев важно знать, что обозначали эти номера. Кроме того, по регистрационным номерам можно судить о том, сколько изданий (по названиям) было выпущено типографией Академии наук.
- ¹⁷⁷ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1962–1967. Т. I–V.
- ¹⁷⁸ Данные о тираже книги неизвестны. Однако нам удалось установить, что в 1789 г. в книжный магазин Академии наук из типографии было передано 18 экз. на белой и 494 экз. на простой бумаге.— СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 925, л. 39.
- ¹⁷⁹ СПбФ АРАН, оп. 6, д. 387, л. 14.
- ¹⁸⁰ Так, например, 16 февраля 1792 г. партия книг была продана на следующих условиях: «за уступкою с книг по 30-ти с карт по 20-ти с календарей по 5-ти копеек с рубля» (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 317, л. 9). И это был не единичный случай. Скидка в 30 %, например, неоднократно предоставлялась в эти годы И. П. Глазунову.
- ¹⁸¹ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 383.
- ¹⁸² См.: Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 111.
- ¹⁸³ Там же. С. 145.
- ¹⁸⁴ В июле 1792 г. Е. Р. Дашкова направила письмо московскому главнокомандующему А. А. Прозоровскому, возглавлявшему следствие по делу Новикова: «По случаю требования в Академию наук от санктпетербургских книгопродавцев Ивана Глазунова с товарищами должных ими за отпущенные им из оной разного звания книги и календари денег, объявлено от них, чтоб многия из оных книги с календарями и с печатными в академии на счет их книгами для скорейшей выручки и уплаты за них денег пересланы в Москву к тамошним книгопродавцам: но все оныя в лавках их запечатаны и остаются без всякой продажи» (Русский архив. 1864. № 5–6. С. 580–581).
- ¹⁸⁵ Там же. С. 581.

III глава

ЧАСТНАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 60–70 гг. XVIII ВЕКА

олгое время издательское дело и книжная торговля в Санкт-Петербурге, а по существу и во всей России, была монополией государства. Однако уже с конца 50-х гг. XVIII века, в связи с общим развитием русского общества, стали сказываться, пусть еще малозаметные, подспудные изменения в привычной системе книготоргово-издательских отношений. Постепенно все отчетливее начинает заявлять о себе частная книготорговля. Она начала развиваться в Петербурге гораздо раньше, чем обычно принято считать. Характерной, специфической чертой петербургской книжной торговли стало то, что ее начало было положено переплетчиками и купцами, являвшимися иностранцами по своему происхождению.

Россия испытывала большое влияние западноевропейской культуры. Знание западноевропейских, и особенно французского, языков было необходимой принадлежностью дворянской образованности. Приверженность к западной культуре, блеск русского двора способствовали все более широкому проникновению и распространению зарубежной книги в России, и Петербург уже к середине XVIII века становится одним из наиболее надежных рынков для иностранной книги. С другой стороны, наблюдался постоянный приток в северную столицу различных колонистов и переселенцев с Запада. В Петербурге, например, к середине XVIII века уже сложились достаточно многочисленные немецкая и английская колонии, проживало немалое число французов, и это не могло не оказывать влияния на культурную жизнь города. Преимущественно это были небогатые ремесленники и купцы из немецких вольных городов и княжеств, из Австрии, из соседних прибалтийских земель, стремившиеся, в надежде преуспеть, в далекую прославленную Северную Пальмиру.

Именно из этой среды традиционно выходило немалое число представителей таких профессий, как гувернеры и учителя, бухгалтеры, разного рода предприниматели. Достаточно напомнить о кассирах и «факторах» Петербургской Академии наук и ее книжной лавки, которым она была обязана хорошо поставленной отчетностью, порядком и налаженностью книжной торговли. И когда с середины

XVIII века в России наметилось оживление книжного дела, оказалось, что большинство переплетчиков и книгопродавцев в Петербурге — иностранцы.

История сохранила для нас далеко не все имена достаточно многочисленных переплетчиков и книгопродавцев Петербурга, среди которых особенно много было немцев. Не все давали объявления в «Санктпетербургских ведомостях», не всем удавалось выйти в люди. Почти ничего не известно, например, даже о таких крупных типографах и книжных торговцах второй половины XVIII века, как Иоганн Гартунг или Иоганн Карл Шнор. Можно сказать лишь одно — немецкое «начало», степень участия переплетчиков, книгопродавцев и издателей из немцев в общем книжном процессе Петербурга того времени были значительны.

Другим характерным моментом раннего этапа развития частной книжной торговли в Петербурге была жесткая связанность переплетчиков (как правило, не только переплетавших книги, но и торговавших ими) с тем или иным государственным учреждением. Крупнейшим издательским центром не только Петербурга, но и всей России была Петербургская Академия наук. Выпускавшаяся ею литература распространялась до середины XVIII века через Книжную палату, позднее — академические книжные лавки. С 1721 г. в Петербурге действовала Сенатская типография, в которой издавались указы и другие правительственные документы. Во второй половине 50-х — начале 60-х гг. в Петербурге при государственных учреждениях с просветительскими целями был организован ряд типографий: типография Морского кадетского корпуса (1753), типография Сухопутного кадетского корпуса (1757), типография Государственной военной коллегии (1763), Синодальная типография (1764), типография Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса (1765). Состоявшие на службе при этих учреждениях переплетчики и факторы, а иногда и арендаторы типографий занимались продажей издававшихся здесь книг, превращаясь постепенно, под влиянием формировавшегося книжного рынка, в книгопродавцев. Таким образом, первоначально книжный ассортимент того или иного книгопродавца определялся характером «присутственного места», при котором он состоял, и число переплетчиков, торгующих книгами, при общей неразвитости и малых объемах петербургского книжного рынка, фактически соответствовало количеству этих учреждений. С развитием книжного дела книготорговые отношения приобретали своеобразные «промежуточные», «переходные» формы — от государственной к частной книготорговле. И частная книготорговля в ранний период своего возникновения как бы вырастала из ведомственных учреждений. Эта связанность, «закрепленность» книготорговцев за учреждениями и определяла механизм книготорговли в Петербурге в середине XVIII века. Так, первые петербургские продавцы книг Вильгельм Конрат Миллер и Фридрих Розенберг были «академическими» переплетчиками; Иоганн Якоб Вейтбрехт долгое время являлся комиссионером Академии наук; Иоганн Гексбре, Иоганн Генрих Миллер, Карл Тидцелиус, Самуил Шель, Михаила Маркелов были переплетчиками Сухопутного кадетского корпуса; Иосиф Школярый, Христиан Вевер — «книгосодержателями» Московского университета в Петербурге; Матвей Свечинский — фактором типографии Военной коллегии; Иван Ноак — фактором типографии Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, позднее арендатором этой же типографии был книгопродавец Х. Ф. Клезн; Артемий Федоров был переплетчиком Коллегии иностранных дел.

Подобная книготорговая структура стала характерной для раннего этапа развития книжной торговли в Петербурге. Переплетчики и факторы государственных учреждений, торгуя «ведомственной» литературой, постепенно, с развитием книжного рынка, приобретали все большую самостоятельность. Необходимо отметить, что само понятие «ведомственной» литературы было относительным — государственные учреждения нередко выпускали издания очень далекие от своего непосредственного профиля, как под влиянием собственных представлений о просветительских задачах, так и просто в результате выпуска заказных, со стороны, изданий. В результате подобная модель книгораспространения способствовала тому, что все книгопродавцы и переплетчики Петербурга, будучи иностранцами по своему происхождению, наряду с иностранной литературой торговали и книгами на русском языке.

Открытие в 1756 г. типографии Московского университета, возникновение ряда новых типографий в Петербурге, помимо типографии Петербургской Академии наук, неуклонный рост образованности русского общества — все это способствовало постепенному развитию книжного рынка¹. В середине 50-х гг. книгопродавческие объявления на страницах «Санктпетербургских ведомостей» давались лишь одним Вильгельмом Конратом Миллером, а к концу 60-х гг. в Петербурге книжной торговлей уже регулярно занималось около десятка переплетчиков-книгопродавцев.

Основное место в книготорговой рекламе конца 50-х гг. принадлежало объявлениям, выпускавшей «Санктпетербургские ведомости» Академии наук, в которых сообщалось о продаже собственных книг. Однако и этих публикаций было еще немного: они давались далеко не в каждом номере. Появившиеся на петербургском книжном рынке первые издания типографии Московского университета (как, например, «Венецианская монахиня» М. Хераскова (1758) и др.) не только продавались в книжной лавке Академии наук, но и объявления о них давались вместе с академическими книгами². К концу 50-х гг. выпустившая несколько собственных первых изданий типография Сухопутного кадетского корпуса вместе с тем сообщала и о продаваемых «разных на иностранных языках книгах»³. Стоит упомянуть и об объявлениях о продаже такого издания, как «Савариев лексикон о коммерции на российском языке», рекламировавшегося в Коммерц-коллегии «по 3 рубли 48 ³/₄ копеек»⁴ ее переплетчиком Артемием Федоровым. В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» это раннее издание отсутствует. Указан лишь «Словарь коммерческий» в переводе с французского языка В. Левшина, выпущенный Типографической компанией в 1787–1792 гг.⁵

В 1759 г. на петербургский книжный рынок уже начала поступать продукция новых типографий, и за этот год было выпущено из печати 36 изданий (не считая периодических). Академия наук в «Санктпетербургских ведомостях» рекламировала 16 разных книг, из них несколько сочинений на иностранных языках: речи профессоров на латыни и французском языке, 4-й том Комментариев на латинском языке, Пошлинный тариф на немецком языке и др. Но все же это были еще одиночные объявления о книгах — В. К. Миллера, Коммерц-коллегии, Синодальной типографии. Так сообщалось, например, что «при канцелярии Святейшего Правительствующего Синода продаваться имеют от утра до второго часа по полудни книги Патерик Печерской, по рублю по 89 ¹/₂ копеек»⁶.

Нередко сами учреждения через собственные конторы и канцелярии, своих переплетчиков распространяли изданные книги, и путь книги от издания и до продажи легко прослеживается. Отечественный книжный репертуар в конце 50-х гг. был небогатым — поздравительные оды, духовные поучения и речи, военные реплики, небольшой круг исторических сочинений. Малосодержательные «увеселительные драммы» представляли основную массу издаваемой литературы, преобладали над прочими жанрами, отражая состояние книжного рынка.

Одно из первых упоминаний о переплетчике Миллере встречается в «Санкт-петербургских ведомостях» за 1755 г., где было дано объявление о том, что «у вольного переплетного художества мастера Вильгельма Миллера желающим купить коляску, явиться у него на Адмиралтейской стороне в Миллионной улице в доме действительного камергера и кавалера Алексея Григорьевича господина Жеребцова»⁷, то есть сообщалось о «вольном переплетчике» и указывался его адрес, что и позволило выделить его в дальнейшем из круга однофамильцев. Начиная с 1756 г. переплетчик Вильгельм Конрат Миллер, хотя и не часто, но уже систематически стал помещать объявления в «Санкт-петербургских ведомостях», и именно его с полным основанием можно считать первым частным книгопродавцем Петербурга.

В конце 1756 г. Миллер дал три объявления подряд о готовящемся выходе двух первых частей романа Э. Прево «Приключения маркиза Г..., или жизнь благородного человека оставившего свет». В объявлении указывалось: «В Миллионной улице, в доме... Алексея Григорьевича Жеребцова, у переплетчика Миллера продаваться будут первые две части переведенной на российский язык книги: Приключения маркиза Г... каждая часть по семидесяти копеек, о чем охотникам объявляется»⁸. (Роман был напечатан в Типографии Академии наук большим для того времени тиражом в 1500 экз. Первые четыре части вышли в переводе И. П. Елагина, две последние (5 и 6) были подготовлены В. И. Лукиным. Публикация романа, печатавшегося на счет переводчика, была закончена в 1765 г.) Книга для рекламы и продажи была выбрана удачно. Выход романа стал большим событием — благодаря не только прекрасному переводу, что отмечалось современниками, но и тем новым веяниям, которые он нес — иронически-философскому отношению к миру традиционных ценностей, углубленному вниманию к духовному миру человека. За 2–3 месяца весь тираж романа был раскуплен и допечатано еще 500 экз.⁹ И позднее он пользовался неизменным спросом у читателей и неоднократно переиздавался и допечатывался (например, в 1767, 1769, 1780, 1781, 1793 гг.)¹⁰. В 1757–1758 гг. Миллер рекламировал уже три части романа, продавая их по 70 к. без переплета на «простой бумаге» и по 1 р. на «александрийской бумаге»¹¹. О том, что роман пользовался спросом, свидетельствовало и то, что через несколько лет, в 1764 г., Миллер продавал каждую из частей уже по 1 р.¹² Продажа частным книгопродавцем книги, выпущенной типографией Академией наук, стала возможной, поскольку это было заказное издание. Однако основной интерес представляет то, что в Петербурге именно Миллер стал распространителем сочинения, переведенного И. П. Елагиным. Из «Санктпетербургских ведомостей» видно, что в 1757 г. помимо Миллера роман продавался в Москве «у портнова Кистенмахера» и в «Нарве у переплетчика Иона»¹³, правда, уже несколько дороже — по 75 к. за каждую часть без переплета, поскольку он был издан в Петербурге.

Книготорговая деятельность Миллера не была случайной, о чем свидетельствовали его дальнейшие объявления в «Санктпетербургских ведомостях». Именно он стал первым книгопродавцем в Петербурге, занявшимся подпиской и распространением журналов. Так, в пяти номерах «Санктпетербургских ведомостей» за 1759 г. (№ 9–11, 13 и 114) было объявлено о подписке и продаже «Трудолюбивой Пчелы» — одного из первых русских литературных журналов, выпускавшегося в 1759 г. А. П. Сумароковым. Позднее, в конце 60-х — начале 70-х гг., переплетчики Миллеры, отец и сын, продолжили подобную практику и распространяли по предварительной подписке новиковские издания и другие литературные журналы того времени. О том, что в 1759 г. подобная предварительная подписка была новым делом для петербургских читателей, свидетельствовало подробное объявление, помещенное Миллером в «Санктпетербургских ведомостях», в котором объяснялись условия подписки: «От начала сего 1759 года по прошествии каждого месяца будет выходить на русском языке журнальная книжка на четырех листах. Цена в год сего журнала по два рубли с полтиною. Все книжки на равно чистой бумаге. Продаваться будут они в Миллионной улице, на дворе... Его превосходительства, генерал-поручика и действительного камергера Жеребцова, у книгопродавца Миллера. Инако продаваны не будут, как тем, которые подпишутся, на весь год, заплатив деньги. Журнал сей называется Трудолюбивая Пчела. Кто похочет оныя книжки брать, так потребно при отдаче денег годовой платы взять у книгопродавца билет, в котором означено будет имя подписавшегося и число, сколько оный билет станет; а присланной за книшкой должен каждый месяц оный билет книгопродавцу показать. А кто потребует того, чтобы сии книжки были к ним приношены на дом, так потребно за год заплаты по три рубли»¹⁴. Объявление было несколько раз повторено на страницах «Санктпетербургских ведомостей»¹⁵, но в конце года сам издатель — А. П. Сумароков, ощутив преждевременность подобного начинания, вынужден был отказаться от выпуска журнала, и не только из-за денежных затруднений. В приложении к последнему декабрьскому номеру, в рубрике «Для известия» Сумароков недвусмысленно указывал: «Я имел намерение в удовольствие моих сограждан издаваемый мною журнал еще продолжати; но неисчисленные мне по Академии препятствия и несносные озлобления сие мое намерение присекли. Довольны для показания учиненных озлоблений автору одни приложенные при издании последнего месяца от фактора и комисара мне объявления. Я отдаю сие на суд общества и на размышление моих сограждан, могут ли на таком основании быть у нас писатели»¹⁶. Характерно, что и в последующие годы у Миллера продавались все сочинения А. П. Сумарокова по мере их выхода из печати. Примечательно, что почти через 20 лет журнал Сумарокова был переиздан, снова продавался в лавке у Миллеров и, судя по всему, находил своих читателей. В объявлении Академической книжной лавки от 1783 г. указывалось, что экз. «Трудолюбивой Пчелы» стоит «на белой бумаге по 3 рубля, на ординарной 2 рубл. 50 коп.»¹⁷, то есть, комплект журнала, переизданный уже в годы директорства Е. Р. Дашковой, в 1783 г. отнюдь не подешевел. В 1780 г., когда одним из первых шагов нового владельца Типографии императорского Московского университета Н. И. Новикова стало намерение издать «Славнаго Российскаго Стихотворца, Александра Петровича Сумарокова, Полное собрание всех его сочинений и переводов, в стихах и прозе... в 8-и частях, с приобщением описания жизни Сочинителя, с портретом

ево, и с росписью всех его творений и переводов; на самой лучшей бумаге, в 8 долю листа с пристойными украшениями», то развернутая реклама подготавливаемого издания была опубликована именно К. В. Миллером-сыном. При этом сообщалось, что «подобный же план сего издания можно получить у него же г. книгопродавца Миллера безденежно»¹⁸.

Ранние объявления Вильгельма Конрата Миллера в Санктпетербургских ведомостях свидетельствовали о начавшемся превращении «государственного» переплетчика в частного книгопродавца. Кроме того, они свидетельствуют, что книгопродавец с первых шагов своей деятельности был связан с лучшими силами русской интеллигенции. И эта черта стала характерной для деятельности торгового предприятия Миллеров и в дальнейшем.

Вильгельм Конрат Миллер и его сын Карл Вильгельм Миллер были одними из основных петербургских книгопродавцев, и их деятельность во многом определяла характер частной книжной торговли в Петербурге на протяжении более чем 30 лет. Однако до последнего времени о ней было мало известно. Историк П. Н. Столпянский считал, например, что в Петербурге с 1751 г. до конца первого десятилетия XIX века занимался продажей книг Иван Миллер, и даже в трудах последнего времени достаточно многочисленные представители семьи Миллеров и их однофамильцы, являвшиеся переплетчиками и торговавшие книгами, сливаются в одно лицо¹⁹. Изучение книгопродавческих объявлений в «Санктпетербургских ведомостях» и некоторые архивные материалы помогают прояснить многое²⁰.

Судьба семьи Миллеров во многом была типичной. Подобно многим переселенцам, нашедшим в России вторую родину, Вильгельм Конрат Миллер-старший, «переплетного дела подмастерье... из Любека»²¹, обосновался в Петербурге в 1741 г. Ему повезло, он сумел стать «придворным переплетчиком», а с начала 1767 г. ему удалось, как свидетельствуют архивные материалы, заключить контракт с Академией наук на почти монопольное выполнение для нее переплетных работ. В соответствии с достаточно жесткими условиями договора от 1 февраля 1767 г., Миллер не только должен был «во всякое время лучшую ставить работу, на какой конец и выдать ему в образец переплетные книги из Императорской Академии наук», но и «без всякой отговорки» выполнять, если потребуются, «всегда и особливо, когда что срочно требуется». Кроме того, Миллер был обязан «на академические работы употреблять лучшие и прочнейшие материалы, особливо настоящее золото, хорошую телячью, а не овечью кожу, лучший сафиан... да не спорить против того, что работа его наперед пересмотрена будет, прежде нежели за оную получит деньги». То есть, он должен был исправно и в срок выполнять все необходимые для Академии наук работы. В случае невыполнения Миллером какого-либо из условий Комиссия Академии наук оставляла за собой право «сей контракт тотчас вовсе уничтожить»²². Вместе с тем, контракт содержал важный для Миллера пункт — Комиссия Академии наук гарантировала, что «все академические работы, которые академический переплетчик Фридрих Розенберг... исправлять не возможет, доставить ему Миллеру и не давать посторонним переплетчикам»²³. Кроме того, он получил привилегию, «покуда он Вильгельм Конрат Миллер старший на Императорскую Академию наук по тому работать будет контракту, по все сие время называться ему академическим переплетчиком». Для выполнения работ в качестве академического переплетчика он «безденежно» получил от Академии специ-

ально для него вырезанный «употребляемый на академические книги Герб или Академический штемпель»²⁴. Такса за переплетные работы устанавливалась Академией наук.

Несомненно, что контракт устраивал обе стороны: через 10 лет, в 1778 г., после смерти В. К. Миллера, переплетные работы так и остались за семьей Миллеров — «продолжение переплета книг и другие по переплетному делу случающиеся работы для Императорской Академии наук» были переданы вдове Миллера на тех же условиях, на каких ранее их осуществлял ее муж²⁵. Мария Миллер также принимала на себя обязательство с надлежащим качеством и в срок выполнять работу, «всегда, а особливо когда что в скорости потребует, ставить в обещанное время без наималейшего медления и без всякой отговорки»²⁶. Однако спустя десятилетие появились и новые пункты: Миллер обязана была в случае допущенного брака исправлять его «без всяких отговорок» за свой счет. Вдова Миллера просила «все случающиеся по переплетному делу, особливо лучшие работы для Академии» доставлять ей, а «другим посторонним переплетчикам оных не давать...», позволить ей пользоваться «теми же выгодами», как ее покойный муж, и оставить за ней «употребляемый для академических книг казенной с академическим гербом штемпель, который дан был от Академии» Миллеру-старшему²⁷. Характерно, что плата за работу, несмотря на произошедшее за 10 лет общее подорожание бумаги и материалов, оставалась прежней, поскольку Миллер отдельным пунктом в контракте оговаривала, чтобы Академия ей платила столько же, сколько ее мужу. По распоряжению директора Академии наук С. Г. Домашнева переплетные работы были оставлены за вдовой Миллера «на том же договоре и с платой ей... по той же таксе, по которой оные книги переплетал и другие переплетные работы исправлял для Академии... муж ея Вильгельм Конрат Миллер»²⁸. Таким образом, Вильгельм Конрат Миллер принадлежал еще к тому поколению ремесленников, которое с трудом, имея «промысел разными товарами», постепенно начинало торговать книгами. В 60-е гг. он прилагал немало усилий для расширения своего книоторгового дела и пытался привлечь помощников²⁹. Миллер торговал книгами Московского университета (в частности, например, сочинением по коммерции «Торг Амстердамской»), изданиями Сухопутного кадетского корпуса, рекламировал в «Санкт-петербургских ведомостях» «Похождения Неоптолема сына Ахиллесова», несколько позднее — «Рабенеровы сатиры», сочинения Владимира Лукина и др. Именно продажа книг на русском языке стала для него основной, причем довольно рано. Также он продавал «печатные нотные книги» и календари.

Однако если пристальнее взглянуть на круг писателей, чьи произведения продавал и рекламировал В. К. Миллер, то невольно возникает вопрос: не была ли его переплетная мастерская-лавка не только коммерческим предприятием, но и небольшим очагом культуры, объединявшим определенную часть петербургской интеллигенции, подобно тому, как это было с книжным магазином И. Ф. Гарткноха в Риге? И. П. Елагин, А. П. Сумароков, позднее Н. И. Новиков, были ли они просто заказчиками В. К. Миллера, или это был круг людей, имевших общие убеждения, разделявших единые просветительские взгляды? А сам Миллер стремился ли только к получению прибыли, но и к распространению книг, полезных обществу? Как бы то ни было, в «донесении о масонах» начала 40-х гг. М. Алсуфьева купец В. К. Миллер значился как масон³⁰.

Со второй половины 1771 г. в «Санктпетербургских ведомостях» резко возросло число книгопродавческих объявлений, публикуемых «академическим переплетчиком» Миллером. Можно предположить, что именно с 1771 г. Миллеры начали более широко заниматься книготорговлей, и в ней уже принимал деятельное участие и Карл Вильгельм Миллер-младший, которому к этому времени было немногим более 20 лет³¹. Впервые объявление от имени «книгопродавца Миллера» (т. е. Миллера-младшего) появилось в начале июля 1773 г.³² Скорее всего именно тогда и был открыт книжный магазин Миллера. Об этом событии сохранилось любопытное свидетельство современника, относящееся к 1774 г. и отразившее новые веяния в книжной торговле Петербурга. В своем журнале «Russische Bibliothek» Г.-Л.-Х. Бакмейстер под рубрикой «Смешанные новости из Петербурга» писал: «Состояние русской книжной торговли до сих пор было совершенно иным, чем в других странах. Каждая типография держала свою книжную лавку, в которой обычно продавались только ее собственные книги. Многие произведения, которые частные лица печатали на свой „кошт“, отдавались затем на комиссию тому или иному переплетчику: в обоих случаях к большому неудобству покупателя! Казалось бы — еще совсем недавно количества русских книг было совершенно недостаточным для открытия настоящей книжной лавки и для надежд на подлинный успех дела. Но так как Ее Имп. Величество, наша великая покровительница муз, не только охотно дозволяет, поощряет и даже предписывает издание книг и определила ежегодно сумму в 5000 рублей на вознаграждение переводчикам³³, то теперь, при подобной ободряющей щедрости и возросшей свободе печати, мы видим, что число русских книг, равно как и периодических изданий, весьма возросло. Вероятно, следствием этого и явилась порядочная книжная лавка, недавно открытая книгопродавцем Карлом Вильгельмом Миллером, которую он старается пополнять как старыми, так и новыми, частично здесь, частично в Москве напечатанными книгами. Его нынешний запас состоит примерно из 700–800 больших и малых изданий. Каталог, недавно им опубликованный (как и сама лавка), является чем-то совершенно новым для России, поскольку в нем не только точнее и в лучшем порядке, чем здесь обычно принято, перечислены названия книг, так что их легче найти, как правило, указаны еще помимо цены, формат и год издания»³⁴.

Небольшая заметка Бакмейстера довольно точно передавала состояние книготорговли в начале 70-х гг., хотя и несколько субъективно (лишь в связи с деятельностью Екатерины II) объясняла причины, обусловившие ее подъем. Как о важном событии в жизни Петербурга Бакмейстер говорит об открытии книжного магазина К. В. Миллера. И действительно, открытый в 1-й Адмиралтейской части, в Луговой Миллионной под номером 77, он был замечателен тем, что по существу являлся первым частным книжным магазином Петербурга, образованным на европейский лад, в котором продавались книги на русском языке. Книжный магазин, открытый в Петербурге в 1768 г. комиссионером Академии наук И. Я. Вейтбрехтом, представлял собой скорее перевалочную контору по закупке и продаже книг на иностранных языках. Вейтбрехт продавал книги, напечатанные в Академии наук на иностранных языках, за границу и привозил оттуда необходимую для нее иностранную литературу.

Встает вопрос: каким образом Миллеру-младшему удалось опередить достаточно многочисленных конкурентов и стать «иностранным гостем» 1-й гильдии,

«владевшим собственным каменным домом в 1 Адмиралтейской части, в первом квартале под № 77»?

Карл Вильгельм Миллер начинал не на пустом месте. По объявлениям в «Санктпетербургских ведомостях», которые давались в начале 70-х гг. одновременно и от имени «академического переплетчика», и от «книготорговца», невозможно установить, вел ли он книготорговлю совместно с отцом, был ли просто его помощником, или, наоборот, уже в эти годы самостоятельно открыл книжную лавку. Скорее всего, это был первый случай в книготорговой практике Петербурга перехода «дела» по наследству «от отца к сыну». Несомненно одно, вместе с первоначальным капиталом — необходимой материальной основой — К. В. Миллер «получил в наследство» и тот круг литераторов и издателей, которые уже ранее сгруппировались и сотрудничали с книжно-переплетным предприятием Вильгельма Конрата Миллера.

К. В. Миллер занялся книжной торговлей в период ее заметного оживления. В это время более или менее регулярно уже около десятка переплетчиков занимались книжной торговлей. Среди них — Иоганн Гексбре, Иоганн Фридрих Берлин, Иоганн Шубоц, Конрад Фохтер, Карл Тидцелиус, Иоганн Якоб Вейтбрехт, Иоганн Гетц и др., которые и утверждались на этом поприще. С начала 70-х гг. их числополнили Самуил Шель, Христиан Торно, Лоцау и др. (см. таблицу III–1).

Более или менее регулярно объявления о продаже отдельных книг давал и переплетчик Сухопутного кадетского корпуса Михайла Маркелов. И хотя книжная торговля по-прежнему в основном велась переплетчиками при государственных учреждениях, уже само непрерывное увеличение числа мелких книгопродавцев свидетельствовало о наступивших изменениях.

И не случайно начало 70-х гг. XVIII века стало своеобразным рубежом в развитии книжной торговли в Петербурге. Росту книжного дела способствовал ряд факторов, определявших издательскую политику того времени и само состояние книжной торговли.

Значительное влияние на становление русского общества оказали идеи Просвещения, получившие в России широкое распространение со второй половины XVIII века. Спецификой русского развития явилось то, что они декларативно насаждались правительством Екатерины II «сверху», разделялись образованной верхушкой общества, определяли культурную направленность жизни страны. Идеи Просвещения оказали влияние на все стороны русской духовной жизни и способствовали ее подъему. Не случайно с конца 60-х гг. просветительство стало общим движением, охватившим все слои русского общества.

Просвещение, официально провозглашенное основной государственной политикой, не только способствовало более быстрому культурному развитию страны, но вместе с тем позволяло правительству держать под контролем интеллектуальную жизнь общества. «Просвещенная терпимость», покровительство наукам и искусствам, «правительственное вольтеррианство» сочетались с «наблюдением за правильным ходом развития понятий общества». Известно, например, как быстро Екатерина II приостановила сатирическую журналистику начала 70-х гг., не желавшую ограничиваться рекомендованной критикой «в улыбатальном духе».

Политика просвещенного абсолютизма создала исключительные условия для быстрого культурного развития страны. Увеличился приток литературы, посту-

павшей на книжный рынок. Важным, однако, было не только увеличение издательских объемов — наращивание издательских мощностей типографиями Академии наук, Московского университета и другими новозаведенными типографиями, а то, что к началу 70-х гг. существенно изменяется характер выпускавшейся литературы. Никогда ранее в России не выходило столько сочинений по вопросам экономики, юриспруденции, государственного управления, социальным проблемам, интерес к которым был пробужден реформами и общей политикой, осуществлявшейся Екатериной II. Характерно, что выпуск ряда подобных актуальных сочинений был инспирирован самой императрицей. По ее непосредственному распоряжению переводятся, например, и издаются «Записки Максимилиана Бетюна герцога Сялли» (Московский университет, 1772–1776), «Истолкование аглинских законов г. Блакстона...», подготовленные к печати в начале 70-х гг. (опубликованы Н. И. Новиковым в 1780–1782 гг.) и др. Политика просвещенного абсолютизма, объединявшая разные общественные слои, открыла широкую возможность для проникновения в Россию самой современной литературы. И в начале 70-х гг. некоторые из этих произведений, отмеченных «философским» духом, начали переводиться на «русский» язык. Большую роль в этом процессе формирования новой идеологии и культуры сыграло русское дворянство, освобожденное Екатериной II от службы и осознавшее свою ответственность за судьбы всего общества. Все были едины в стремлении «просвещать» и служить делу Просвещения. Любое из государственных учреждений, владевших типографиями, помимо непосредственных ведомственных задач ставило и цели «просвещения разумов». При учреждении типографии Сухопутного кадетского корпуса в 1757 г. в Сенатском указе подчеркивалось, что она учреждена не только для нужд корпуса, но что это «и для пользы общества весьма нужно». Контора Сенатской типографии, публикуя в 1763 г. (11 июня) пространный список нераспроданных изданий, сообщала: «Для одобрения народа к чтению полезных ему книг, и ради отнятия у него мнимаго недовольства о дороговизне цены, и о худобе бумаге печатанных в Сенатской типографии книг, учинена с них... убавка цены». Именно 60–70-е годы и определили главные черты века Просвещения в том виде, в каком они вошли в сознание последующих поколений.

Большое значение для приобщения России к культурному наследию Запада сыграла деятельность учрежденного (и финансируемого) Екатериной II в 1768 г. «Собрания старающегося о переводе чужестранных книг на российский язык»³⁵. Если в предшествующие десятилетия образованная часть русского общества, его привилегированные слои знакомилась с достижениями западной мысли преимущественно в оригиналах, то теперь уже гораздо более широкий круг читателей мог приобщиться к наследию античной и западноевропейской культуры, определенное место в котором принадлежит сочинениям французских мыслителей. В известной степени это была утопическая попытка быстро поднять образованность и нравственность общества, предоставив ему прекрасные образцы античной и западноевропейской литературы, исходя из вкусов и представлений некоего гипотетического просвещенного читателя.

Возможно, что идея создания подобного просветительско-филантропического общества возникла у Екатерины II еще во время путешествия по Волге, когда императрица вместе с приближенными перевела запрещенный во Франции извест-

ный роман Мармонтеля «Велисарий». Среди переводчиков были директор Академии наук — граф В. Г. Орлов, личный секретарь императрицы — коллежский советник Г. В. Козицкий, граф А. П. Шувалов, т. е. лица, которым позднее было поручено руководить деятельностью «Собрания старающегося о переводе чужестранных книг на российский язык». Характерно, что список намеченных для перевода произведений «апробировался» самой императрицей, а некоторые сочинения, как, например, «Истолкование английских законов» Блэкстона, были переведены по ее повелению. Выбор книг для перевода во многом зависел от стоявших во главе общества людей, но иногда и от инициативы членов «Собрания». Образованное при Академии наук «Собрание» фактически ей не подчинялось, поскольку финансировалось из личных средств Екатерины II, ежегодно отпускавшей 5000 р. «на российские переводы хороших иноязычных книг».

Довольно быстро деятельность этого общества переводчиков объединила большое, не только по тому времени, число людей — более ста литераторов и ученых. По словам Новикова, они «приобрели чрез сие честное и довольно приумножение своих доходов», и тем самым «были поощрены ко прилепению к наукам»³⁶. В нем приняли участие многие в дальнейшем известные русские писатели и литераторы — Богданович, Дмитревский, Княжнин, Радищев и др. Общий характер умонастроенный способствовал тому, что был переведен целый ряд сочинений французских просветителей, в том числе некоторые сочинения Вольтера, Монтескье, Мабли, ряд статей из «Энциклопедии». Правительство не видело для себя большой опасности в распространении «философских книг». И все же наиболее радикальные из сочинений не переводились, соблюдалась известная осторожность. В. Г. Орлов следовал совету архимандрита Платона, рекомендовавшего не допускать соблазна «для людей не вдаль просвещенных», и в ряде случаев острые места при переводе смягчались или вообще опускались. Переводились классические произведения мировой литературы: «Путешествия Гулливеровы» Свифта, трагедии Корнеля, «Освобожденный Иерусалим» Тассо, «Свет зримый» Коменского и многие др. Немалое место среди переводов занимали писатели античности. В письме к Вольтеру в октябре 1770 г. Екатерина II с гордостью отмечала, что в Петербурге «переводят по-русски Гомера, и это что-нибудь да значит, в особенности для начала»³⁷.

Переводились и научные произведения. В результате деятельности «Собрания» было издано более 100 произведений, переводов же было осуществлено гораздо больше и некоторые из них публиковались позднее в 80-е гг. Н. И. Новиковым. Издания «Собрания», печатавшиеся в Академии наук и составлявшие почти треть выпускаемой ею печатной продукции, стали наиболее значительной частью книжного репертуара 70-х годов. Списки напечатанных, подготовленных к публикации и переведившихся членами «Собрания» сочинений печатались в «Санктпетербургских ведомостях» в 1773 и 1774 гг.³⁸

В результате этой направленной деятельности «сверху», этого лихорадочного освоения западной культуры, осуществляемого небольшим кругом интеллигенции, про-

Н. И. Новиков

водившей целенаправленную издательскую политику, ассортимент литературы на книжном рынке существенно расширился.

Большую роль в этом процессе сыграла литературно-издательская деятельность Новикова. И значение ее для формирования петербургского книжного рынка в конце 60–70-х гг. было не менее важным, чем деятельность Новикова в московский период жизни. С 1769 г., выйдя в отставку, он занялся литературной и издательской деятельностью. Еще находясь на службе, в 1766 г. он недолгое время являлся комиссионером по продаже книг Московского университета в Петербурге³⁹, к 70-м гг. он имел уже книгоиздательский опыт.

Объявления в «Санктпетербургских ведомостях» показывают, что с начала 70-х гг. (а может быть, еще ранее) К. В. Миллер устанавливает деловые отношения с Новиковым. Здесь значительный интерес представляет объявление в «Санктпетербургских ведомостях» от 1 марта 1771 г. «академического переплетчика» (Миллера), сообщавшего, что у него «продаются как все те книги, которые прежде продавались у переплетчика Веге, так и вновь вышедшие»⁴⁰. Поскольку ранее (в 1769–1771 гг.) именно М. Веге осуществлял подписку на издания Новикова и занимался их продажей (в частности, журнала «Трутень»), то очевидно, что уже с этого времени К. В. Миллер сотрудничал с Новиковым.

Кроме того, большое количество объявлений в «Санктпетербургских ведомостях» в начале 70-х гг. подтверждает, что именно К. В. Миллер становится с этого времени одним из основных распространителей изданий Новикова — его сатирических журналов «Трутень», «Живописец», «Кошелек», «Опыта исторического словаря о российских писателях...» и др. Миллер распространяет книги, изданные Новиковым, но при этом их реклама в «Санктпетербургских ведомостях» явно принадлежит Новикову. Издатель иногда давал ее прямо от своего лица, указывая условия подписки и адрес книгопродавца⁴¹.

Несомненно, что сотрудничество К. В. Миллера с Н. И. Новиковым, начало издательской деятельности которого относится к концу 60-х гг., способствовало более быстрому укреплению позиций Миллера-сына, возможно, даже содействовало освоению им новых методов и форм книжной торговли, таких, как предварительная подписка, развернутая реклама и др. Издания самого Н. И. Новикова, как правило, продавались по предварительной подписке и нередко сопровождалась подробными аннотациями в «Санктпетербургских ведомостях».

Вполне возможно, что само открытие книжного магазина в Петербурге в начале 70-х гг. и явилось прямым следствием этого альянса. Не исключено, что интересы, объединившие К. В. Миллера и Новикова были более глубокими, основанными на близости взглядов, целей, возраста (Новикову в 1771 г. было 27 лет, а Миллеру 22 года), носили дружеский характер. И. Ф. Мартынов считает, например (правда, без ссылки на источник), что К. В. Миллер был «друг и компаньон» Новикова, что «десятки старинных рукописей и документов из Эрмитажной библиотеки, Патриаршей ризницы, древлехранилищ Успенского собора и Киево-Печерской лавры были скопированы в мастерской новиковского комиссионера-переплетчика К. В. Миллера»⁴² что «Новиков и К. В. Миллер задумали организовать первый русский критико-библиографический журнал», что Миллер был компаньоном Новикова по организованному им «Обществу, старающемуся о напечатании книг» и принимал в нем участие на паевых началах⁴³. Судя по всему,

Миллер действительно принимал участие в некоторых начинаниях Новикова и поддерживал их. Подтверждается, например, его участие в деятельности «Общества, старающегося о напечатании книг». Его инициатором и учредителем был Новиков. Об «Обществе» мало известно, но возникло оно в 1772 г. как продолжение и развитие идей и задач, выдвинутых «Собранием, старающимся о переводе иностранных книг на российский язык», хотя и не было ограничено лишь задачей «дополнять деятельность Собрания переводчиков», как считал В. П. Семенников. Оно носило просветительский характер, и в его задачи входило не столько получение прибыли, сколько забота о «просвещении разумов», широко задуманная программа деятельности «онаго в рассуждении народного просвещения». Его устав неизвестен, но в «Живописце» было опубликовано письмо «Любомудрова из Ярославля», автором которого Семенников считал Екатерину II, и в котором подчеркивалось «их (т. е. статуты „Общества“. – А. З.) доброе намерение и должествующую из оного учреждения истекати пользу для всего российского народа»⁴⁴. Поясняя задачи «Общества», Новиков, отвечая на письмо «Любомудрова», подчеркивал: «Торговля книгами, по существу своему, весьма достойна того, чтобы о ней лучшее имели понятие и большее бы прилагалось старание о распространении оных в нашем отечестве, нежели как было доньше... не довольно сего, чтобы только печатать книги, как то понимаю я из наименования сего Общества, а надобно иметь попечение о продаже напечатанных книг. Петербург и Москва имеют способы покупать книги... лишь только была бы у покупающих охота. Но... петербургские и московские жители имеют много увеселений; есть у них различные зрелища, забавы и собрания; следовательно, весьма не у великого числа людей остается время для чтения книг; а сверх того и просвещение наше или, так сказать, слепое пристрастие ко французским книгам не позволяет покупать российских. В российской типографии напечатанное редко молодыми нашими господчиками приемлется за посредственное, а за хорошее почти никогда. Напротив того, живущие в отдаленных провинциях дворяне и купцы лишены способов покупать книги и употреблять их в свою пользу. Напечатанная в Петербурге книга через трою или четверо руки дойдет, например, в малую Россию; всякий накладывает неумеренный барыш, для того что производит сию торговлю весьма малым числом денег: итак, продающаяся в Петербурге книга по рублю приходит туда почти всегда в три рубли, а иногда и больше. Через сие охотники покупать книги уменьшаются, книг расходуется меньше, а печатающие оные вместо награждения за свои труды часто терпят убыток. Вот, государь мой, цель, куда должно стремиться намерение сего Общества; и если Общество сие будет в состоянии привести торговлю книжную в цветущее состояние, то по справедливости заслужит похвалу». И Новиков добавляет многозначительную фразу, свидетельствующую о больших амбициях и надеждах, возлагаемых на это «Общество»: «Сего еще не довольно, я бы поговорил с вами о сем веществе поболее, но не прииде час»⁴⁵. Но и так Новиков выдвигает грандиозную задачу — охватить книжной торговлей всю Россию. Подчеркивая важность переводческой деятельности «Собрания», он вновь и вновь повторяет: «Но сколь большей пользы надлежит от сих книг тогда, когда посредством торговли доставляться будут они в отдаленных наших провинциях живущим дворянам и мещанам?»⁴⁶ То есть, Новиков уже в эти годы в Петербурге пытался претворять на практике те основные принципы книготоргово-издатель-

ской политики, которые ему удалось осуществить позднее в Москве. В том случае, если письмо «Любомудрова» действительно принадлежало Екатерине II (а для этого предположения имеются все основания), — то она поддержала начинание Новикова, отозвавшись о нем, как «о наиболее полезнейшем нашего века учреждении частных людей», поскольку ей были близки идеи необходимости развития торговли как основы для процветания государства. «Дай Бог, чтобы, просвещая все разумные, пример сего Общества просветил разумы наших торгующих и явил им истинные их прибитки, — указывалось в письме. — Сами они были бы богаче, а государство могущественнее и счастливее»⁴⁷. Для характеристики отношения императрицы к «Обществу, старающемуся о напечатании книг» важно, как отметил еще Семенников, что она пожаловала Новиковскому обществу все экземпляры отпечатанного в 1773 году издания романа Мармонтеля «Велисарий»⁴⁸.

Встает вопрос — насколько были осуществлены планы Новикова?

Судя по сохранившейся книгопродавческой росписи изданий «Общества», продававшихся у К. В. Миллера, напечатанных в сочинении А. Гевары «Золотые часы Государей...» (изданном «Обществом»), наибольшего размаха издательская деятельность этого объединения достигла к 1773 г. В 1772 г. «Общество...» выпустило три сочинения: драму «Россы в Архипелаге», «Освобожденный Иерусалим» — «ироическую Тассову поему» и две части «Путешествий Гулливеровых». В 1773 г. их было издано уже более десяти сочинений. Среди них такие издания, как «Золотые часы Государей...», «О народах, издревле в России обитавших», «Мещанская трагедия Беверлей», «Описание Корсики, с приобщением известия о славном корсиканском генерале Паолие», две последние части Гулливера и др. Кроме того, было объявлено еще о пятнадцати «книгах печатающихся», большая часть которых была посвящена античной истории и литературе: «Омировы творения», «Тита Ливия летописи», «Светония жизни XII первых римских кесарей», «Юлия Кесаря о походах его в Галлию», «Размышления о греческой истории» и др.

Эта книгопродавческая роспись, содержащая 22 названия, дает достаточно полное представление о деятельности «Общества» — обо всем том, что было издано и что еще предполагалось выпустить. Поскольку все сочинения, изданные «Обществом», с 1773 г. рекламировались в «Санктпетербургских ведомостях» К. В. Миллером (как продававшиеся у него), то на основе этих книгопродавческих объявлений можно судить, насколько был осуществлен замысел Новикова.

Сравнение книгопродавческой росписи новиковского «Общества» со списком изданий «Собрания, старающегося о переводе чужестранных книг на российский язык», опубликованным в 1773 г.,⁴⁹ показывает, что почти половина книг, указанных в росписи, была подготовлена членами «Собрания», что свидетельствует о тесном сотрудничестве этих двух обществ. Интересны также и росписи продававшихся у К. В. Миллера книг, печатавшиеся в ряде изданий 1772–1773 гг. В «Золотых часах Государей...» помимо книгопродавческой росписи «Общества» на двух страницах на титульном листе под гравюрой было помещено рекламное объявление: «Иждивением Общества старающегося о напечатании книг. Цена 100 коп. Продается у Луг. Мил. улице у книгопродавца К. В. Миллера». Разумеется, что подобного рода объявление, да еще на титульном листе, мог поместить скорее издатель книги, нежели книгопродавец (разве что он сам являлся пайщиком-издателем). Так, роспись книг, продававшихся у Миллера, была помещена также и на двух

страницах в издании Новикова «Древняя российская гидрография...» (СПб., 1778), в книге У. Уолша «Гошпиталь дураков» (СПб., 1773), переводчиком которой был Н. И. Новиков. Она была напечатана также в конце книги И. А. Дмитриевского «Непостижимость судьбы аллегорический пролог» (СПб., 1772), в «Повести о господине де ла Бедуаре и его супруге, писаной его другом» (СПб., 1773), в сочинении «Китайский мудрец...» (СПб., 1773), изданном В. Рубаном. Поскольку во всех этих книгопродавческих росписях рекламировались издания, выпущенные Новиковым, остается предположить, что он так или иначе был причастен к изданию всех указанных сочинений, даже в тех случаях, когда не было названо его имя⁵⁰. Точно так и книгопродавческие росписи с указанием книг, продававшихся у Миллера, включались в них не случайно — между книгопродавцем и издателями существовали определенные связи. Все эти издания, кроме книги А. Гевары, были напечатаны в типографии Академии наук.

Однако о том, как возникло и на каких принципах было организовано «Общество, старающееся о напечатании книг», ничего не известно. Вряд ли можно согласиться с исследователем И. Ф. Мартыновым, который без каких-либо документальных обоснований рассматривает новиковское объединение как пример «первого в России кооперативного издательства»⁵¹. Он пишет: «Фурьеру Измайловского полка (то есть, Новикову.— А. З.) не раз приходилось наблюдать, как при заключении крупного подряда несколько купцов объединяли свои капиталы, заранее условившись распределять будущие прибыли в зависимости от внесенного в общую казну пая. Что мешало книгоиздателям последовать их примеру? Так родился проект первого в России кооперативного издательства — „Общества, старающегося о напечатании книг“»⁵². Не совсем точно цитируя девиз «Общества», он замечал: «Дальнейшие архивные разыскания, возможно, помогут уточнить имена тех, кто по призыву неумолимого просветителя соединили капиталы и умы „в согласии и трудах“»⁵³. Представляется, что как раз этот девиз «согласием и трудами», венчавший гравюру на титульных листах изданий «Общества», служившую типографской маркой «Общества», в известной степени и является ответом на вопрос о его характере. На гравюре изображена пирамида, две выступающие из облаков руки, соединенные в пожатии в соответствии с масонским ритуалом и окруженные свившейся в кольцо змеей, кусающей свой хвост; под ними — монеты, сыпавшиеся из мешка или рога изобилия на расположенные у подножия пирамиды щит, ритуальный жезл, скрижали, распахнутую книгу и тюк с товаром; вверху, в сиянии лучей — вензель Екатерины (буква «Е»). Не говоря уже об этих традиционных элементах масонской эмблематики, сам девиз «согласием и трудами» выражал принципы и задачи скорее вольных каменщиков, нежели кооперативных пайщиков. Все это намекало на просветительско-филантропический характер «Общества». Типографская марка «Общества» позволяет предположить, что Новиков получил поддержку своим планам со стороны масонских деятелей (а возможно, и Екатерины II) в начале 70-х гг. Его широкие просветительские планы в области издательства и книжной торговли были встречены сочувствием со стороны как Екатерины II, так и масонов.

Связи Новикова уже в начале 70-х гг. с масонскими кругами не вызывают сомнения. Напомним, что первым петербургским изданием Новикова было сочинение «Дух Пифагоров, или Нравоучения его...» (1766), напечатанное на счет изда-

теля в типографии Сухопутного кадетского корпуса, тиражом в 1000 экз. и отличавшееся характерной для масонства проблематикой. И то, как издатель в «Предупреждении», интригуя читателя, сообщал об истории выхода книги, очень похоже на литературную мистификацию и позволяет предположить собственное авторство Новикова: «Я нашел сие сочинение у некоторого моего приятеля между старыми тетрадами, без имени переводчика. Усмотря его превосходство, принял попечение выправить находящиеся в нем погрешности, касающиеся до слога и правописания, и потом выдать в свет для пользы и увеселения общества»⁵⁴. Одно за другим он издавал в 60-е годы сочинения масонов: М. И. Попова, В. И. Майкова, И. А. Дмитриевского и др., которые затем продавались в лавке у К. В. Миллера. Да и программа сатирических журналов Новикова конца 60-х — начала 70-х гг. (тем более «Утреннего света») вполне соответствовала нравственно-просветительской направленности масонства.

В России в середине XVIII века масонство, опиравшееся на лозунги Свободы, Равенства и Братства, «поднимавшееся над всеми сословными различиями», являвшееся своеобразной формой общественного служения, захватило широкие круги русского общества. Трудно найти крупного литератора, общественного деятеля того времени, который не был бы причастен к этому движению, в подавляющем большинстве своих направлений отмеченному в эти годы просветительским характером. Подобное «просветительское» масонство сочетало в себе отрицание крайностей атеистических течений, «вольтерианства», с поисками истины, утопическими мечтами о свободном человеке, утверждением высокого нравственного идеала. Поддерживая культурно-просветительские мероприятия, каким, например, была деятельность новиковского «Общества...», принимая участие непосредственно в литературном творчестве, финансируя издания отдельных сочинений, масоны играли заметную роль в формировании книжного репертуара. И так как влияние масонства распространялось на все сферы деятельности общества, с известными оговорками можно говорить о его непосредственном влиянии на процессы издательства и книжной торговли в Петербурге.

Возможно, влиянием масонства объясняется и тот факт, что в эти годы преимущественно переводились (и не только членами «Собрания») произведения с подчеркнуто нравственной тематикой, а разъедающий скепсис и сокрушительная ирония «соблазнительных» и наиболее резких «философских» книг отпугивали переводчиков.

Картина состояния книжной торговли в Петербурге в конце 60-х — начале 70-х гг. не была бы полной без характеристики тех связей, которые существовали между Петербургом и Москвой. Рекламные объявления в «Санктпетербургских ведомостях» и публикации об «отъезжающих» лицах показывают, что в Петербург нередко приезжали московские купцы, знакомившиеся с конъюнктурой петербургского книжного рынка — устанавливались первые связи частных книгопродавцев Москвы и Петербурга. Первоначально книги, издававшиеся Московским университетом, как уже указывалось, не только рекламировались Академией наук, но и продавались в Академической книжной лавке. Ведавший книжной лавкой Христиан Вевер (а возможно, и университетское начальство) уже вскоре попытался наладить собственную продажу книг в Петербурге. И. Ф. Мартынов указывает, что книжная лавка Московского университета была открыта в Петербурге в 1766 г.,

а петербургским комиссионером Х. Л. Вевера стал Новиков, доставивший книги в Петербург, опубликовавший их каталог и организовавший открытие лавки в доме купца Петра Кнутсона⁵⁵. Однако лавка «в Большой Морской улице в доме купца Кнутсона», в которой продавались книги Московского университета на русском и немецком языках, была открыта еще в 1764 г.⁵⁶, а с 1765 г. становится известно имя ее книгопродавца — Иосиф Школярый⁵⁷. Остается предположить, что или Новиков уже и до 1766 г. способствовал продаже книг Московского университета (сам он, как дворянин, не мог заниматься торговлей, не нарушая сословных прав купечества), или же, что менее вероятно, его посредничество в 1766 г. было случайным эпизодом его деятельности. Вопреки мнению И. Ф. Мартынова, считавшего, что «к концу мая книги, привезенные из Москвы, были распроданы, и новиковская лавка в доме купца Петра Кнутсона прекратила свое существование»⁵⁸, Школярый и в дальнейшем продолжал продавать в этой лавке книги Московского университета. Тем более что в объявлении в «Санктпетербургских ведомостях» от 28 марта 1766 г. (на которое ссылается и Мартынов) говорилось «о вновь напечатанных книгах, которым и реестр получить можно», а вовсе не «об открытии новой книжной лавки».

В конце 1768 г. Школярый сообщил о другом адресе, по которому стали продаваться книги Московского университета «в Новой Исаакиевской улице в доме его сиятельства графа Ягужинского»⁵⁹, и здесь он торговал ими до 1770 г.

Позднее, некоторое время книги Московского университета продавались «в Новоисаакиевской в Топорковом доме»⁶⁰, а с конца 1773 г. «в лавке под домом купца Шарова против Суrowsкой линии»⁶¹ (судя по адресу, возможно, кем-то из русских купцов), а в 1774 г. — «у самого Зеленого моста в доме... полицмейстера Николая Ивановича Чичерина»⁶². Реестры продававшихся московских книг предлагались бесплатно. В конце 60-х гг. в Петербурге неоднократно бывали «книгосодержатель» Московского университета Х. Л. Вевер⁶³, «университетский переплетчик» Хр. Ридигер, и можно предположить, что после 1774 г. лавка была ликвидирована, а книги Московского университета стали распространяться петербургскими книгопродавцами.

Необходимо упомянуть и о заезжих «гостях» — иностранцах. За двадцатилетие — 1755–1775 гг. в Петербурге побывало немало иностранных купцов-книгопродавцев. Их приезд нередко был связан с периодом весенне-летней навигации — доставлять книги морским путем было дешевле. Они селились в центре города — в Малой и Луговой Миллионных, Большой Морской, на Невском проспекте у знакомых петербургских ремесленников и купцов — и оставались в Петербурге, пока не распродавали привезенные партии книг или отдавали оставшуюся часть для распродажи на аукционах или местным купцам.

Так, в 1763 г. переплетчик Готфрид Шарнецке (фамилия Шарнецке позволяет предположить в нем уроженца Богемии), поселившийся «в большой Луговой улице в доме седельника Сеглина» продавал разные «немецкие и французские книги», по большей части во «французском переплете»⁶⁴. Периодически, например, в 1763 и 1765 гг. в Петербурге «разными переплетенными французскими и немецкими книгами» торговал Иоганн Фридрих Берлин, проживавший «в доме капитана Воиненберга в Большой Морской на Мойке». Летом 1763 г. он сообщил об их распродаже «дешевыми ценами», поскольку он «желал отъехать за море»⁶⁵. И так

как в 1765 г. он вновь оказался в Петербурге (на этот раз он остановился «в Малой Миллионной в Неймановом доме») ⁶⁶, то торговые дела, по-видимому, у него шли достаточно успешно. В 1768 г. в Петербурге находился «французский купец Иоганн Виард», торговавший «на дворе католической церкви», в конце декабря 1769 г. в числе отъезжавших числился «парижский книгопродавец» Шварц ⁶⁷. А уже весной 1770 г. иностранцы-книгопродавцы Гибаль и Шварц опубликовали сообщение «о разных французских книгах», продававшихся ими «в Малой Миллионной в новом каменном доме... генерал-поручика Овцына в первом жилье» ⁶⁸. Через год, летом 1771 г., в «Санктпетербургских ведомостях» появилось объявление о том, что «в доме Его превосходительства... Ивана Ивановича Шувалова продаются остальные французские книги книгопродавца Шварца» ⁶⁹.

Иностранцам купцам, видимо, не всегда сразу удавалось распродать весь свой товар, и партии книг «на разных языках» время от времени продавались в Большой Миллионной в Эковом доме, где проводились петербургские публичные торги ⁷⁰. В 1766 г. «в доме купца Губина состоящем в 13 линии» можно было получить каталог продававшихся «с публичного торгу» книг: французских, немецких и латинских купферштихов и др. ⁷¹, и точно также «в доме графа Гендрикова» для продажи «с публичного торгу» каталоги английских, немецких, французских и итальянских книг ⁷². Аукционы нередко устраивались на Малой Миллионной в Скворцовом доме, в доме архитектора Квасова, с продававшимися книгами знакомили каталоги на французском языке. Весной 1773 г. в Гостином дворе, в лавке под № 13, после смерти французского купца Александра Поше распродавались оставшиеся товары, а также «французские книги в переплете и без переплета» ⁷³.

Приезжие иностранцы не всегда привозили большие партии книг, — иногда читающей публике в рекламном объявлении предлагалась лишь одна какая-либо новинка. В 1771–1772 г. остановившийся в Неймановом доме г. Шарпантье предлагал петербуржцам «новонапечатанную книжку» — «Письма некоего свободного и лояльного скифа или опровержение на Путешествие в Сибирь, опубликованное аббатом Шапом» ⁷⁴ — «Lettres d'un Scyte franc et loyal ou réfutation du voyage de Sibérie publié par Mr. L'Abbé Charpe, по 25 коп. экз.», сочинение — французский отклик на развернувшуюся в России полемику (в которой активное участие приняла сама императрица), вызванную сочинением аббата Ж. Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь», оскорбившим патриотические чувства русских читателей. В 1774 г. Пьер Ивер Гримм сообщал о продаже сочинения Г. Т. Рейналя «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. 6 Vol. In 8 nouvelle édition corrigée & augmentée. Amsterdam, 1700» ⁷⁵. Напомним, что во Франции резко критическое сочинение Рейналя было запрещено и в 1781 г. сожжено, но и в России при жизни Екатерины II оно не было издано. А приезжие голландские купцы Блом и Фан Цантен, остановившиеся «в Большой Морской в доме г. камергера Александра Нарышкина», продавали книгу, напечатанную за границей, «Житие Государя Императора Петра Великого на российском языке» ⁷⁶. Судя по всему, это было дорогое роскошное двухтомное издание, напечатанное на «славенском» языке в Венеции в 1772 г., автором которого являлся Захарий Орфелин. Однако, как правило, приезжие иностранные книгопродавцы не торговали книгами на русском языке. В конце 1772 и самом начале 1773 г. это издание продавалось по цене 10 р. петербургскими книгопродавцами

Миллером и Торно. Книга, видимо, раскупалась, поскольку в начале 1774 г. цена ее возросла, в объявлении от 14 января сообщалось, что она продается «в рынке против хрустальной линии в шкафу под № 7» уже «по 16 руб. в переплете», а К. В. Миллер 9 мая рекламировал ее по цене 15 р. Одновременно в Петербурге продавалось еще две «нововышедшие» книги о Петре I: («История Имп. Петра Великого от рождения его и до окончания Полтавской баталии...» (СК, № 7334), Т. III (по цене 1 р. без переплета — книгопродавцем Торно: первое объявление о продаже книги он дал 13 августа 1773 г. и повторил еще восемь раз до конца года). Кроме того, Шубоц, ведущий торговлю отдельными книгами, с 19 октября 1772 г. начал рекламировать книгу «Житие Петра Великого...» — сочинение А. Катифоро в переводе с греческого С. Писарева (СК, № 2878). (Он продавал ее по 2 р. 50 к. без переплета, во французском переплете по 3 р. 30 к., а в коже — по 3 р.) Это же сочинение он рекламировал на протяжении всего 1773 г. «в переплетах разноценных с прочими еще неколикими мелкими книжками недорогой цень»⁷⁷, продавал он его и позднее, в 1774 г.

К началу 70-х гг. в Петербурге сложился круг постоянных частных книгопродавцев, но на книжном рынке Петербурга по-прежнему продолжали господствовать переплетчики и книгопродавцы иностранного происхождения. Русские купцы в книготорговом процессе почти не участвовали. Исключение составлял лишь переплетчик Сухопутного кадетского корпуса Михайла Маркелов, понемногу распространявший с 1770 г. печатавшиеся корпусной типографией издания. Русские купцы пока еще не решаются вкладывать капитал в такое ненадежное дело, как книготорговля. В Гостином дворе «в окошках», на Морском рынке все чаще начинают продавать книги, но, как правило, ими торгуют наряду с каким-нибудь другим, основным товаром. Да и не всегда и в этих исконно российских местах торговли книги продавались русскими купцами. При ближайшем рассмотрении, лавка под № 13 в Гостином дворе, в которой наряду с мебелью и дорожными картинами продавались французские книги, как видно из объявления от 22 января 1773 г., некоторое время принадлежала купцу-французу Александру Поше.

Время от времени петербургский купец Сергей Копнин (его имя известно благодаря его контактам с Академией наук), никогда не дававший объявлений в «Санктпетербургских ведомостях», покупал по случаю партии книг. В 1772 г., например, им была приобретена часть тиража (400 экз. ч. 1–2 и по 600 экз. ч. 3–4) «Писем Эрнеста и Доравры» Ф. Эмина по доверенности его вдовы, Ульяны Эминой. Книга вышла в 1766 г. в Академии наук, тиражом 1420 экз., но Эмин не смог полностью расплатиться за ее напечатание, и часть тиража (по 800 экз. ч. 1–2 и по 1200 экз. ч. 3–4) оставалась в Академии наук⁷⁸. Это сочинение Эмина (перделка «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо), по-видимому, одновременно было приобретено и переплетчиками Тидцелиусом и Белке. В совместном рекламном объявлении от 20 марта 1772 г. они сообщали о продаже «писем Эрнеста и Доравры, сочинения покойного Эмина, в четырех частях, каждая по 50 коп.; а естли кто изволит взять и более, то уступлено будет от каждого рубля по 4 коп.».

С 1771 г. начали появляться редкие объявления о продаже книг на церковно-славянском языке — часословов, псалтырей — «в рынке против малой хрустальной линии у лавки № 7 в шкафу». Одновременно в лавке продавались также «разные немецкие книги», «Портреты и картинки в рамках за стеклами, книги

во французском переплете... и многия другия книги, которых печатной реестр... видеть можно». Лавка эта находилась в Морском рынке, и ее сидельцем был, как видно из объявления от 31 мая 1773 г., Малахов⁷⁹. В сочинении В. Г. Рубана «Краткия географическия, политическия и историческия известия о Малой России...» (1773 г.) была помещена книгопродавческая роспись (обрывающаяся на букве «Е») Андрея Малахова. Несомненно, что это одно и то же лицо, и это был еще один из первых русских книгопродавцев, о которых так мало известно. В 1773 г. владелец этой лавки дал 24 объявления в «Санктпетербургских ведомостях», и, кроме того, еще 6 объявлений было дано совместно Миллером и лицом, торговавшим при этой же лавке еще в 1772 г. Перечислив продававшиеся у него книги, К. В. Миллер сообщал в «Санктпетербургских ведомостях» 31 января: «Оныя ж книги и листы продаются еще в малой овощной линии у лавки № 7 в шкафу». Читателям предлагалось еженедельное издание «Вечера», книги Московского университета и напечатанная в типографии Академии наук «История о славном Французском мошеннике Картуше с его портретом» и др., в том числе «Реестр продажным (у Миллера) книгам по 50 коп.». Заодно сообщалось, что «продается лошадь, карей мерин».

Совпадение книжного репертуара особенно важно, так как оно несомненно свидетельствует о существовавшей между книгопродавцами связи. Это могло означать, что с 1773 г. купец А. Малахов стал сидельцем Новикова. Это подтверждает и следующий факт. В книге «Китайский мудрец» (1773), напечатанной на счет купца Андрея Малахова, на последней странице была опубликована книгопродавческая роспись К. В. Миллера.

В 1773 г. появилось еще одно объявление (от 19 апреля), сообщавшее о том, что «На Морском рынке в шорном ряду в лавке под № 12 продается книга под именем честной человек и плут, в двух томах, оба на любской бумаге 80 к.». В Морском рынке с момента его существования всегда продавались книги — «в развал», «на рогоже», но чаще всего это была какая-нибудь «случайная» литература. Новым с начала 70-х годов становится то, что эти торговые люди, имена которых остались неизвестными, начинают давать объявления в «Санктпетербургских ведомостях», заводят специальные «лари» и «шкафы» для продажи книг. Все это являлось прямым свидетельством расширявшихся книготорговых отношений, возросшего интереса к книге.

О том, как выглядела эта торговля, сохранился рассказ очевидца, относящийся к концу XVIII века: «За весьма немного пред сим лет торговать книгами у купечествующих не почиталось торгом. Если ими и перебивались некоторые частные лица, то без всякой коммерческой дальновидности, и где ж? Стыдно сказать, в толкучем, вместе с железными обломками, наряду с подовыми, на рогожах или на тех самых ларях, в ком на день цепных собак запирали, так что и подойти бывало страшно. Да какие же и книги были? Коли не сплошь, то большей частью розница — иноземщина — старь — запачканные — ну, сущий дрязг, — иная без начала, другая без конца, третья и без того и другого, у четвертой брюхо как ножом выпорото, словом, всякая всячина, лишь бы лавочнику попалась походнее, коли ни на то, так на другое. И господа купечествующие, имея в виду какой-нибудь главный промысел, на продажу книг глядели сквозь пальцы. Не говоря уже о другом: блинами, кислыми щами и другими сим подобными мелочами торговать они считали для себя выгоднее, нежели сею духовною пищею»⁸⁰.

Стоит упомянуть также о начавших появляться с 1770 г. довольно редких объявлениях о торговле книгами и в Гостином дворе: в «суровской линии от перспективы в первой лавке под № 146 в окошке» (от 22 октября, № 85), в 1773 г. (8 ноября) было дано объявление о продаже «В табашной и шерстяной линии под № 1» сочинения Иоанна Локценция «Общество пчел», напечатанного в Академии наук в 1772 г., а главное, в «Санктпетербургских ведомостях» от 19 февраля появилось анонимное сообщение о продаже книг «В кафтанной линии под № 11». Судя по рекламе, содержащей серьезный подбор книг, читателю предлагались 3 тома «Истории российской» Щербатова, два тома «Истории польской» П. Ж. Солиньяка в переводе Ф. Эмина, четыре тома «Ернеста и Доравры» Эмина, «Три рассуждения о трех главнейших российских...» В. Трелиаковского, сочинения Ж.-Ж. Руссо, комедии В. Лукина и др. В Гостином дворе появилась книжная лавка, претендовавшая на серьезный репертуар, продававшая издания Сухопутного кадетского корпуса, Академии наук, и можно считать, что неизвестный купец, дававший эти объявления в Гостином дворе в 70-е гг., позднее заявил о себе на книжном рынке.

Пока же, в начале 70-х гг., петербургский книжный рынок принадлежал небольшому кругу книгопродавцев, почти исключительно состоявших по купеческой иностранной гильдии. В конце 50-х — начале 60-х гг. все они начинали с продажи небольших партий литературы или даже отдельных книг, но к началу 70-х гг. в их среде постепенно происходит расслоение — одни так и остаются переплетчиками, другие становятся книгопродавцами, а семья Миллеров открывает первый книжный магазин в Петербурге. Большая часть из них по-прежнему торговала в границах определенного книжного репертуара. При узости, неразвитости книжного рынка ассортимент было трудно расширить, тем более что до 1774 г. Академия наук, как правило, не предоставляла частным книготорговцам Петербурга своих книг на комиссию (то есть книг, выпущенных Академической типографией на счет Академии наук) — она их продавала в собственных книжных лавках. Частными книгопродавцами продавались лишь «заказные» издания, выполненные в Академической типографии на счет автора или издателя, который затем, выкупив заказ у Академии наук, волен был ими распорядиться по своему усмотрению. Переплетчики, служившие при типографиях, выпускавших небольшой круг специальной, «ведомственной» литературы, как правило, и в начале 70-х гг. вели скромные торговые операции и предлагали ограниченный книжный репертуар. Так, переплетчик Государственной военной коллегии Лоцау продавал издания этой типографии: подносные оды, воинские реляции, заказные издания — стихи В. Майкова и др.; «полицейский переплетчик» Иоган Гетц вел совсем небольшую торговлю, продавая отдельные издания Сухопутного кадетского корпуса. Сугубо специальным был и репертуар типографии Правительствующего Сената, в которой продавались «разные указы, регламенты, штаты, уставы, указные книжки, рекрутское учреждение, наказ депутатской, табель о рангах 1722 года, таможенный устав, и прочие касающиеся до вечности законы»⁸¹.

И все же каждый из книжных торговцев Петербурга, независимо от масштабов продажи книг, пытался найти «свой» книжный репертуар. Так, например, в 1773 г. преимущественно продававший книги на иностранных языках переплетчик Андрей Томас, «живущий в Мещанской против банку», в рекламном объявлении от 8 октября предлагал актуальное сочинение на французском языке: «Lettre à

Monseigneur Visconti, sur la Révolution arrivée en Suede le 19 Août 1772 avec les harangues du Roi, et autres pièces y relatives» («Письма монсеньеру Висконти о революции, происшедшей в Швеции 19 августа 1772 г. с торжественными речами короля и другими сочинениями, к тому относящимися»), «во французском переплете по 1 р., в турецкой бумаге по 75 к., и без переплету по 65 к. экземпляр». Переплетчик Фохтер, поселившийся «в Большой Морской в Кнуцовом доме», там, где ранее находилась книжная лавка Московского университета, и, в свою очередь, установивший связи с Москвой, предлагал читателям в объявлении от 22 января «на Российском и Немецком языках новомодного обращения календари с картинками, каждой по 40 к.», указывая, что «оныя ж в Москве продаются у университетскаго переплетчика Ридигера». Кроме того, совместно с московским книгопродавцем Кресом он продавал карманные календари. Наряду с книгами он торговал и «скрыпочными струнами». Пастор Грот и учитель Шульц, при лютеранской кирхе на Васильевском острове, предлагали шесть учебных книг на немецком языке.

Переплетчики-книгопродавцы — Шубарт, Штихлер, Вебер — лишь изредка, эпизодически сообщали о продававшихся у них книгах. Не отличалась размахом и книготорговая деятельность переплетчика Иогана Шубоца, несмотря на то, что он торговал книгами с начала 60-х гг. и его переплетная находилась в центре города «на берегу Мьи реки против главной полиции» (адрес дан по объявлению в «Санктпетербургских ведомостях» от 11 июня 1773 г.). Он понемногу продавал «в разноценных переплетах» серьезные исторические труды, стихотворения и оды «к случаю», панегирики Екатерине II и другие книги, выпускавшиеся типографиями Сухопутного и Морского кадетских корпусов. Переплетчик Белке, лишь изредка дававший рекламные объявления и живший «по Невской перспективе в третьем от Адмиралтейства принадлежащем господину майору Скворцову доме», в начале 1772 г., 24 января, сообщал о том, что у него «продаются всякие на Латинском и Немецком языке философические, математические, исторические и юридические книги, коим у него находится каталог». Наличие каталога, несомненно, свидетельствовало о более широком книжном репертуаре и более «культурных» формах торговли книгами. Кроме того, у Белке (Белка) продавались «Рижския псалмы, новая Рижская арифметика, Лифляндский Земской устав и Шведския, Земския права по умеренной цене», — то есть набор книг, которые он мог получить скорее всего от известного рижского издателя и книгопродавца — масона Иоганна Фридриха Гарткноха, имевшего связи с петербургскими читателями — учеными и собратями по ремеслу. Белке был одним из немногих петербургских переплетчиков, продававших наряду с К. В. Миллером «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новикова, плохо расходившийся среди петербургских читателей. Кроме того, Белке иногда выступал совместно с переплетчиками Сухопутного кадетского корпуса К. Тидцелиусом и С. Шелем и продавал книги этой типографии.

Большими возможностями располагали переплетчики, состоявшие при Сухопутном кадетском корпусе, — Иоганн Гексбре, затем Карл Тидцелиус, а позднее, с 1771 г., Самойла Шель. Из объявления об отъезжающих от 7 июня видно, что «Карл Тидцелиус, переплетчик с женою и двумя детьми», проживавший «у трактирщика Ейделя подле биржи», покинул Петербург в 1773 году.

В начале 70-х гг. типография Сухопутного кадетского корпуса выпускала ежегодно не менее 12–13 изданий и в то время по мощности была второй, после Академии наук, типографией страны. Она выпускала учебную литературу, словари и тому подобные книги, соответствовавшие профилю этого заведения, но большое место в репертуаре занимали и художественные произведения. В типографии печаталось много заказных изданий, и все это создавало достаточно разнообразный репертуар, за которым охотились не только петербургские купцы, но и книжные торговцы из других городов. Документ (на 99 страницах) «Генерального плана Императорского воспитательного дома исполнительное учреждение вдовьей судной и сохранной казны, в пользу всего общества», изданный в 1772 г. одновременно при Сенате и в типографии Сухопутного кадетского корпуса, продавался «в Санкт-Петербурге при воспитательном доме, а на Васильевском острове при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе у переплетчика Шеля, цена 20 коп. Тому же учреждению Немецкой перевод продается у книгопродавцов в Санкт-Петербурге у Вейтбрехта, в Москве у Ридигера, в Риге у Гарткноха, в Ревеле у Болта, цена в Санкт-Петербурге 30 коп.». Разница в ценах давала С. Шелю существенное преимущество при распродаже брошюры, как это видно из объявления в «Санктпетербургских ведомостях» от 19 февраля 1773 г. Кроме того, объявление свидетельствует об устанавливавшихся связях между крупными книготорговцами Петербурга и других городов. В Петербурге С. Шель нередко выступал при распродаже новых книг совместно с кем-либо из других переплетчиков — К. В. Миллером, Х. Торно, Белке, Вебером. Сам Шель преимущественно торговал книгами, выпускавшими «кадетской» типографией, но изредка он продавал также отдельные издания Морской типографии, а иногда торговал и «разными манускриптами», как это видно из его сообщения в газете от 4 сентября 1772 г.

В 1773 г. Шелем совместно с Торно было дано 11 объявлений в «Санктпетербургских ведомостях» о продававшихся четырех книгах из типографии Сухопутного кадетского корпуса (по одной и той же цене). А вот состоявший в течение многих лет при Сухопутном кадетском корпусе переплетчик Маркелов продавал преимущественно небольшие издания — оды, «подносные» стихи, напечатанные к тому же в типографии Академии наук, для которой он также выполнял переплетные работы.

Заметной фигурой среди книгопродавцев был переплетчик Михайла Веге, проживавший с 1763 г. «на Адмиралтейской стороне в малой Миллионной в доме обердиректора Савы Яковлева», что известно из его рекламного объявления от 29 июля. Он торговал в Петербурге около десяти лет и имел довольно разнообразный подбор русских книг. С 1769 г. он (возможно, первым) стал сотрудничать с Н. И. Новиковым — продавал журнал «Трутень» и другие новиковские издания. С 1770 г. существенно расширился круг рекламировавшихся им книг — он стал давать много объявлений в «Санктпетербургских ведомостях», но весной 1771 г. он или умер, или покинул Петербург, поскольку 1 марта К. В. Миллер, наряду с новыми книгами, предлагал читателям и «все те книги, которые прежде продавались у переплетчика Веге».

В период наступившего оживления книжной торговли в начале 70-х гг. в Петербурге начал продавать книги еще один купец — Христиан Торно. Можно предполагать у него наличие капитала, поскольку он сразу стал одним из основных

конкурентов К. В. Миллера. Его рекламные объявления отличались широким подбором литературы — он продавал «Московской университетской печати книги», издания типографии Сухопутного кадетского корпуса, рекламировал журнал «Ни то ни Сиво» (за 1769 г.), сочинения Сумарокова и др., и даже издание Новикова — «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д. Фонвизина по цене 30 к., которое, впрочем, как пользовавшееся большим спросом, продавалось почти у всех петербургских книготорговцев.

Ближайший сосед, поселившийся с 1772 г. «в Луговой Миллионной в новопостроенном доме архитектора Квасова»⁸², Торно постоянно сотрудничал с Карлом Вильгельмом Миллером. В 1773 г. он один дал 58 объявлений в «Санктпетербургских ведомостях» и еще 11 совместно с С. Шелем. Одним из первых он начал печатать пространные объявления об имевшихся у него книгах, иногда по два в одном и том же номере газеты. Из них видно, что репертуар продаваемых им книг был широк — от сочинений по медицине, сельскому хозяйству, трудов по истории до модных романов, популярных сказок, злободневных брошюр, поздравительных од в честь императрицы и членов царской семьи. Торно иногда указывал, что у него продаются «многие как Московския, так и здешней печати книги»⁸³, предлагая читателям «печатной реестр безденежно». Судя по объявлению от 16 августа 1773 г., иногда он оперировал большими партиями книг. Так «Руководство к географии с употреблением земного шара и ландкарт... в трех частях с приложением генеральных правил арифметики», предназначенное для преподавания в училищах и стоившее 40 к. экз., при покупке сразу большого количества он готов был отдавать с большой скидкой: «А естли кто изволит взять 50 книг, тому уступлено будет по 10 коп. с рубля», — и это было для частного книгопродавца определенным новшеством. Продажа книги большими партиями позволяет предположить, что она была издана на счет самого Торно.

Несмотря на успехи в книготорговле, Торно не имел книжного магазина и собственного дома, что видно из его объявления от 5 июля 1773 г., в котором он сообщал петербуржцам об изменении адреса: «Книгопродавец и переплетчик Христиан Торно переменил свою квартиру, которой прежде жил в доме архитектора Квасова в Луговой Миллионной, а ныне живет подле того дома, от Луга в крайнем г. директора Трифона Познякова доме в третьем этаже, у котораго продаются разные Российския московской и здешней печати книги; о чем чрез сие дается знать публике, а продажным книгам у него можно получить печатный реестр безденежно»⁸⁴.

Таким образом, в Петербурге в начале 70-х гг. было два книжных магазина: открытый Миллером и существовавшая с 1768 года книжная лавка И. Я. Вейтбрехта, находившаяся «на Адмиралтейской стороне у Синяго мосту в доме купца Попова»⁸⁵. Количество объявлений в «Санктпетербургских ведомостях» обычно возрастало в начале и конце каждого года. Некоторые книгопродавцы считали достаточным лишь изредка напоминать о себе и продававшихся книгах. К их числу принадлежал и Вейтбрехт. В «Санктпетербургских ведомостях» он давал рекламу не чаще одного-двух раз в год и сообщал в ней лишь о выходе очередного каталога имевшихся у него книг и своем адресе: «Новой печатной каталог Французских, Немецких и Латинских книг можно получить в книжной лавке книгопродавца Вейтбрехта подле Синяго мосту в доме купца Посникова», — указывал он, напри-

мер, 21 февраля 1772 г. И этот адрес, в отличие от многих петербургских книгопродавцев, оставался неизменным почти на протяжении 40 лет, до смерти Вейтбрехта. Будучи сначала бухгалтером, а затем в течение многих лет иностранным комиссионером Академии наук (он специализировался на торговле иностранными книгами, закупал их за рубежом, а также продавал за границу издания Академии наук и Академической типографии), он монополизировал в Петербурге торговлю иностранной литературой.

Книжный магазин Миллера в начале 70-х гг. был уникальным явлением в петербургской жизни. Все его конкуренты начинали торговать на Миллионной улице или соседней с ней и находились приблизительно в равных условиях. И то, что Миллеру удалось открыть книжный магазин «европеизированного» типа, было обусловлено не только тем, что семья Миллеров поддерживала связь с Академией наук (академический переплетчик Розенберг был предшественником Вильгельма Конрата Миллера-старшего, но так и не стал книгопродавцем), но и общим оживлением культурной жизни и расширением читательской среды. Решающим стало то, что семья Миллеров с самого начала своей деятельности была связана с литературной интеллигенцией Петербурга, с передовой писательской средой, что лавка стала своеобразным объединяющим культурным центром Петербурга, в какой ее превратило сотрудничество Н. И. Новикова с Карлом Вильгельмом Миллером, ставшим основным распространителем новиковских изданий в Петербурге, о чем свидетельствуют рекламные объявления в «Санктпетербургских ведомостях». Возможно, этим было обусловлено и само появление лавки.

Первые издания Новикова — небольшая книжечка «Дух Пифагоров», «Аристотелевы приключения», «Рождение людей Промифеевых», стихи В. И. Майкова и др. — вряд ли могли принести существенный доход книгопродавцу или издателю. А вот новиковские сатирические журналы, подпиской и продажей которых почти монопольно занимался в Петербурге К. В. Миллер, успешно раскупались. Весь тираж (626 экз.) первых 12 номеров «Трутня» быстро разошелся, и спустя три месяца тираж был удвоен (возрос до 1240 экз.). И если в 1769 г. стоимость годового комплекта была 1 р. 40 к., то в 1770 г. она уже составляла 2 р., а в 1771–1772 г. — 4 р. По подсчетам В. П. Семенникова, доход издателя только за первый год выпуска журнала составил более 1000 р.⁸⁶. Пользовались успехом у читателей и новые сатирические журналы Новикова — «Пустомеля», в котором было опубликовано знаменитое «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (1770 г.), и «Живописец», каждая часть которого также продавалась по 1 р., годовой комплект 4 р. (1772–1773), особенно его третье издание (1775 г.), отличавшееся большой остротой. Однако стоило какому-либо журналу утратить свою злободневность, как он тут же терял читателя. «Что тебе сделалось?» — задавали читатели вопрос издателю «Трутня» на второй год существования журнала. — «Ты совсем стал не тот... Твой книгопродавец сказывал, что нынешнего года листов не покупают и в десятую долю против прежнего». (В 1770 г. тираж «Трутня» упал до 750 экз.)⁸⁷. Журналы Новикова мелькнули как метеор на небосводе русской журналистики, пик их расцвета пришелся на 1769–1772 гг., но при всей недолговечности они успели принести и издателю, и книгопродавцу не только славу, но и доходы.

С 1772 г. в числе книжного ассортимента К. В. Миллера появились издания «Общества, старающегося о напечатании книг» — т. е. книги, печатавшиеся Ака-

демической типографией, стали с 1773 г. продаваться частным книгопродавцам Петербурга. Книжный магазин Миллера был и позднее оставался основным местом в Петербурге, где продавались издания Новикова и его единомышленников. 24 апреля 1772 г. Миллер сообщал о появлении у него биографического труда Новикова — «Опыт исторического словаря о Российских писателях» (по 1 р. 50 к. экземпляр). С 30 октября он начал рекламировать «новонапечатанную книжонку, под заглавием „Французская философия нынешнего времени“, по 30 коп. экземпляр» (трактат Ф. Шампиона де Понталье), переведенную и изданную Новиковым как полемический отклик на сочинение Ж. Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь», содержавшее оскорбительные выпады в адрес России. 4 декабря Миллер объявил о продаже сочинения Дмитревского «Непостижимость судьбы. Аллегоричный пролог», несомненно, также изданного Новиковым, поскольку на последней странице этой книги, выпущенной типографией Академии наук, была помещена книгопродавческая роспись К. В. Миллера.

Еще большее количество изданий Новикова продавалось у Миллера в 1773 г. 8 января он объявил о продаже 1 части «Повести о господине и госпоже де ла Бедуаер» (по 30 к.), также напечатанной типографией Академии наук и содержавшей книгопродавческую роспись Миллера. 11 января он начал подписку (продолжавшуюся весь январь) на ежемесячное издание «Древняя Российская Вивлиофика» и продажу его за январь (по 40 к. каждый месяц). С 5 февраля Миллер начал рекламировать вышедшие в Сухопутном кадетском корпусе «вновь изданные басни стихами» (по 25 к. экз.), автором которых был фурьер лейб-гвардии Измайловского полка Михайла Муравьев. Через месяц Миллер вновь сообщал о выходе новой книги «Досуги, или Собрание разных сочинений г. Попова, состоящей в двух частях, каждый экземпляр по 1 р. 50 к.», напечатанной в типографии Академии наук, изданной, скорее всего, также Новиковым. В том же месяце (8 марта) в «Санктпетербургских ведомостях» уже сам «Издатель древней Российской Вивлиофики» сообщал о скором выходе двух новых исторических трудов: «Древней Российской Идрографии» и «Истории о невинном заточении боярина Артемона Сергиевича Матвеева в Пустозерском остроге». Читателям сообщалось: «Обе сии книги начаты уже тиснением, и отпечатаются в непродолжительном времени; но чтобы не иметь напрасного убытка, то издатель вознамерился сделать на сии книги подписку, которая и начнется с 10 числа сего месяца, у переплетчика Миллера, живущаго в луговой Миллионной улице». Чтобы застраховать себя (да и книгопродавца!) от возможных убытков, Новиков предлагал льготную подписку (2 к. скидки с каждого листа, напечатанного на простой бумаге) «любителям Российских древностей, которым во угождение сии книги издаются» и ставил читателей в известность, что «порознь же целыми книгами на хороших бумагах продаваться не будут», что книги будут украшены «виньетами», и, что также было известным новшеством и было направлено на усиление покупательной активности, обещал напечатать «имена подписавшихся особ... в начале каждой книги». Кроме того, для лучшей информации читателей в конце «Древней российской идрографии» на двух страницах была напечатана книгопродавческая роспись Миллера. Несомненно, что подобные меры способствовали тому, чтобы книги быстро раскупались. Несмотря на их высокую стоимость (1 р. уплачивался при подписке и 9 к. за каждый лист на александрийской бумаге, 6 к. — на «любской» и 5 к. — на простой;

в случае покупки без подписки — каждый лист на простой бумаге стоил 7 к.), только список подписавшихся на «Древнюю российскую гидрографию» (достаточно специальное издание) включал 75 человек. В том же марте (12) Миллер рекламировал новые издания «Общества» — третью часть «Гулливеровых путешествий» (по 45 к., а последнюю, четвертую — по 60 к. (7 июня), первая и вторая часть к этому времени продавались уже по 35 к.) и сочинение Б. Ж. Сореля «Беверлей, мещанская трагедия» (19 марта), в переводе с французского Д. И. Дмитриевского (тираж 320 экз.) по 50 к. экз., 26 марта — «Выписки о чревоугодниках, или Чревоугодниках», сочинение аббата Ла Шапеля в переводе М. Попова (по 15 к.), 17 мая сочинение маркиза Д'Аржанса «Своевольство счастья и любви, или Похождения Россалины» (45 к.), 7 июня — «Похождения дикаго американца» И. Пфейля и др.

Как только изданная Новиковым книга выходила из печати, она сразу же начинала рекламироваться в магазине Миллера. Так, 12 июля было объявлено сразу о трех новых изданиях «Общества старающегося о напечатании книг»: «Золотые часы государей» А. Гевары, часть первая (продавалась по 1 р.), пьеса К. Гольдони «Домашние несогласия, забавное зрелище» (по 30 к.), сочинение Г. Ф. Миллера «О народах издревле в России обитавших» (по 35 к.), а 21 июня К. В. Миллер рекламировал новое издание «Общества» — «Елиана различные повести» (по 35 к., тираж 450 экз.). В конце лета (27 августа) Миллер объявил о продаже сочинения У. Уолша «Госпиталь дураков» (по 20 к.), напечатанного почти одновременно в типографиях Академии наук и Артиллерийского и инженерного корпуса. Г. В. Вернадский высказал предположение о том, что сочинение было переведено с французского языка Н. И. Новиковым. (На титульном листе имя переводчика значится Д. Новиков.) Н. И. Новиков был несомненно причастен к изданию, не случайно в конце книги была помещена книгопродавческая роспись Миллера, что было обычным для изданий Новикова этого времени.

Часто Миллер давал обширные книгопродавческие объявления, рекламируя сразу несколько изданий (иногда и за предыдущие годы), но, как правило, начинал с какой-либо нововышедшей книги. Так, 24 сентября 1773 г. он сообщил о продающейся у него драме «Филемон и Бавкида» одновременно с изданными ранее и другими (выше упоминавшимися) изданиями Новикова. 19 ноября, вместе с подборкой книг Московского университета, он сообщил о поступившей в продажу 2-й части повести Г. Филдинга «Амелия», в издании «Собрания». Вторая часть, также вышедшая тиражом в 300 экз., стоила 30 к., первая, как уже указывалось, продавалась по 25 к.

Таким образом, все книги, известные как издания Новикова, вышедшие в начале 70-х гг., продавались у Миллера. Более того, можно предположить, что некоторые издания, выходные данные которых недостаточно ясны, как, например, «Разные стихотворения г. Майкова, содержащие в себе оды духовныя, оды торжественныя, стихи на разные случаи, и разные письма к некоторым особам» (продававшиеся по 1 р. в том случае, когда они рекламировались Миллером), были выпущены Новиковым.

И наоборот, можно с уверенностью предположить, что если издание Новикова не рекламировалось Миллером, это означало, что, несмотря на выходные данные на титульном листе, по тем или иным причинам выход книги из печати был задержан. Так, например, изданное новиковским «Обществом, старающимся о на-

печатании книг» сочинение Мабли «Размышления о греческой истории, или О причинах благоденствия и несчастья греков», переведенное с французского А. Н. Радищевым, ни разу не было упомянуто Миллером в книгопродавческих объявлениях за 1773 г. (В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» указывается (на основании титульного листа), что книга была напечатана в типографии Академии наук в 1773 г.) Точно так же и другой перевод А. Н. Радищева, — также издание «Общества» — «Офицерские упражнения» А. Л. Эльсница, на титульном листе которого указан 1773 г., фактически вышел из печати лишь в 1777 г.

О тесном сотрудничестве Новикова — Миллера свидетельствовали не только книгопродавческие объявления переплетчика, но и те рекламные аннотации, которые публиковал в «Санктпетербургских ведомостях» сам Новиков. В конце 1773 г. Новиков сообщал читателям о своем намерении продолжить издание «Древней Российской Вивлиофики», поскольку оно «приобрело благоволение» у читателей. «Сим ободрен будучи, — писал он, — предпринял я, по желанию и требованию многих любителей Российских Древностей, в их удовольствие и к пользе Российския истории, продолжить сие издание...», и сообщал, что и подписка на «Древнюю Российскую Вивлиофику» будет производиться «у книгопродавца К. В. Миллера, живущего в луговой Миллионной улице, где и продажа будет сему ежемесячному изданию» (5 ноября). Характерно, что когда летом 1773 г. изменились условия подписки на «Древнюю Российскую Идрографию» и за часть тиража, напечатанного на более дешевых сортах бумаги, Новиков возвращал деньги подписчикам, то подписавшиеся могли на выбор или получить деньги, «или если пожелаю, то могут оныя деньги оставить у книгопродавца Миллера до получения „Истории о невинном заточении боярина Матвеева“» (5 июля 1773 г.).

Более того, начав выпускать в 1769 г. «Трутенъ», Новиков в предисловии предлагал присылать сочинения для журнала «к переплетчику, у которого продаваться будут сии листки, с надписанием: «Г. издателю „Трутня“». (Что, кстати, точно определяет функции Миллера именно как книгопродавца, а не издателя.) Позднее в предисловии к журналу «Санктпетербургские ученые ведомости» (1777) Новиков точно так же просил присылать материалы «в СПб. ко книгопродавцу К. В. Миллеру, живущему в Луговой Миллионной улице»⁸⁸.

Разумеется, Миллер торговал не только изданиями Новикова — у него всегда был большой выбор книг Московского университета. Не гнушался Миллер в конце года продавать «Гадательные календари», «Оракулы». В объявлении от 3 декабря 1772 г. он предлагал «портрет г. Дидерота, деланной в Париже по 1 руб., визитные билеты 50 коп. дюжина», «Календари столетние, называемые Брюсовы, большой по 50 коп., малой по 25 коп.» (25 января 1773 г.) и др. Миллер предлагал читателям сочинение Л. И. Бакмейстера на немецком языке «Российская Библиотека, служащая к познанию теперешнего состояния ученых дел в России» (по 20 к. часть, а весь том по 1 р. 20 к.), хотя книги на иностранных языках он, как правило, не рекламировал. Продавал он иногда и книги, выпущенные типографиями Сухопутного кадетского корпуса, артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, Государственной военной коллегии и др., но и это, как правило, не были случайные книги — чаще всего это оказывались издания Новикова и близкого к нему круга литераторов: сочинения и издания В. Г. Рубана (выпущенный им «Китай-

ский мудрец»), нравоучительная сказка Мармонтеля «Добрый муж» (в переводе Рубана) и др. Возможно, Новиков был причастен к выходу опубликованных в типографии Военной коллегии «Оды и сонета» В. Майкова, рекламируемых Миллером вместе с изданиями Новикова, «Описания Корсики с разными при том важными по сие время неизвестными приключениями о Паскале Паоле», типография Сухопутного кадетского корпуса (имя переводчика неизвестно).

Существенно отметить и подчеркнуть то обстоятельство, что, хотя значительную часть книжного ассортимента лавки Миллера в начале 70-х гг. и составляли книги, напечатанные в Академической типографии, в типографиях Сухопутного, Морского и Артиллерийского кадетских корпусов, фактически это были издания Новикова и организованного им «Общества, старающегося о напечатании книг», а также некоторые переводы, подготовленные и опубликованные «Собранием, старающимся о переводе иностранных книг». В результате Миллер располагал наиболее актуальными книгами, выражавшими интересы и устремления передовой интеллигенции. Книжную политику начала 70-х гг. стала определять деятельность Новикова и его окружения, сотрудничавших с ним лиц, а не книжная продукция государственных учреждений. Поэтому чисто формальный подсчет количества изданий, выпущенных типографиями и продававшихся отдельными книгопродавцами, может привести лишь к ошибочным выводам⁸⁹. В каждом конкретном случае необходимо отличать заказные издания, печатавшиеся типографиями, от их собственной продукции. То есть, книгу, напечатанную в Академической типографии как частный заказ, нельзя рассматривать в качестве издания Академии наук. В этом смысле напечатанные в Академической типографии «труды» членов «Собрания» не являлись изданиями Академии наук. Точно так, вряд ли можно отнести к продукции типографии Сухопутного кадетского корпуса вышедшие в ней в 1773 г. такие сочинения, как «Любовные утехи, сочиненные для графини де Ж... графом де С... на счет прекрасного пола» или «Развращенный, а потом исправленный любовью Флорикурт». Очевидно, что это были чьи-то заказные издания. Не случайно подобные далекие от профиля учебной литературы сочинения дали Новикову повод для насмешек в «Трутне», заметившему: «У г. Искушателева продается сочиненная им в пользу юношества книжка под заглавием: „Атака сердца кокеткина, или Краткий и весьма ясный способ к достижению сердец прекрасного пола“, ценою по 5 рубл.»⁹⁰.

В начале 70-х гг. Миллер, да и другие частные книгопродавцы Петербурга (как уже указывалось выше), продавали академические издания лишь как исключение. В 1772 г. у многих из них можно было купить «Наказ Ея Величества к сочинению проекта нового уложения на Рос., Франц., Немец., и Латинском языках» по 2 р. (издание Академии наук 1771 г.). «Наказ» неоднократно переиздавался, выпускался большими тиражами, как документ большой важности распространялся и через частных книгопродавцев. В конце 1773 г. книгопродавец объявил о продаже новой книги: «Велизер, соч. г. Мармонтеля, переведенный на Волге, вновь напечатанный в Санктпетербурге, на алекс. бум. 75 к., на любской 60 к., на простой 50 к.» (29 октября). Это второе издание было напечатано на счет «Кабинета Е. И. В.» тиражом в 1200 экз., но, напомним, часть тиража Екатериной II была пожертвована в пользу новиковского «Общества» и попала в книжный магазин Миллера. Как видим, каждый раз это не было случайностью.

Книгопродавческая реклама Миллера настолько полно отражала издательскую деятельность Новикова и его окружения, что на основе ее можно в необходимых случаях указать год и время выхода отдельных изданий. В отдельных номерах «Санктпетербургских ведомостей» в 1773 г. Миллер иногда давал сразу до пяти объявлений о продававшихся у него книгах. Однако с 1774 г. количество новиковских изданий стало сокращаться. Книжное дело в Петербурге, едва начав успешно развиваться, оказалось в состоянии кризиса. Сказались трудности внутриполитического состояния страны, ввергнутой в борьбу с пугачевским бунтом (сокращается покупательная способность, падает интерес к книге).

Активная издательская деятельность начала 70-х гг., важное место в которой принадлежало Новикову (многое было издано при его поддержке или по его инициативе), способствовала созданию достаточно разнообразного и высококачественного книжного ассортимента — основы для возникновения петербургского книжного рынка. Определенный книжный фонд был создан. Однако возможности этого рынка были еще очень ограниченными — выходявшие из печати книги, при всех своих достоинствах, плохо раскупались. И издатели, и книготорговцы столкнулись с отсутствием, по выражению Новикова, «у покупающих охоты». «Что касается подлинных наших книг, то они никогда не были в моде и совсем не расходятся, да и кому их покупать? — сетовал Новиков. — Просвещенным нашим господчикам они не нужны, а невежам и совсем не годятся... Какой бы лондонский книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся».

По признанию Новикова, к 1775 г. не только сократилось число подписчиков «на Вивлиофику» и остальные его издания, «но и других книг почти совсем не покупают...». Это было вызвано рядом причин. Более образованные слои предпочитали читать иностранную литературу в оригиналах, а читателя попроще многое из печатавшегося просто отпугивало серьезностью и сложностью проблематики. Иронизируя по поводу увлечения французской книгой, Новиков предлагал в «Живописце» надежный способ для привлечения «ко чтению русских книг. Оный в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими буквами»⁹¹. Вместе с тем, не кто иной, как Новиков, уже в эти годы (в петербургский период деятельности) сформулировал один из основных принципов успешного развития книготорговли. Он считал, что читателя необходимо воспитывать: «Не должны ли мы... все наши старания с большим предвидением и благоразумием учреждать, дабы читающим согражданам доставлять удовольствие, а не читающих привлекать к собственной их пользе?» Но в то же время Новиков понимал, что «все с непрестанными бдениями издаваемые ученые труды были бы тщетны и бесполезны, если б они читателям не понравились». В обращении «К читателю» в 3-м издании «Живописца» 1775 г. он скромно объяснял успех журнала тем, что «сие сочинение попало на вкус мещан наших», подчеркивая уже выношенное к тому времени убеждение, «что у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся... В подтверждении сего моего мнения служат те книги, кои от просвещенных людей никакого уважения не заслуживают и читаются одними только мещанами; сии книги суть: „Троянская история“, „Синопис“, „Юности честное зерцало“, „Совершенное воспита-

ние детей“, „Азовская история“ и другие некоторые. Напротив того, книги, на вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных. Сожалеть должно о том, что в число сих последних многие весьма хорошие и полезные книги попались...»⁹². В этом полшутливом, полуироничном обращении «К читателю» Новиков выразил глубоко назревшую проблему.

Издательская политика, в частности, например, членов «Собрания», была ориентирована на интеллигенцию, а книжная торговля могла развиваться лишь в случае более широкого охвата читательского круга. Нередко это вело к возникновению своеобразной литературы «для избранных». Положение усугублялось малой емкостью книжного рынка. Это хорошо прослеживается на судьбе изданий, подготовленных членами «Собрания»⁹³. Сначала они выпускались тиражами в 1200 экз., позднее их тираж упал до 300 и даже 250 экз. Более того, далеко не все из книг, напечатанных новиковским «Обществом», пользовались успехом. И если «Робинзон Крузо» или «Путешествие Гулливера» неоднократно переиздавались и допечатывались, то были и такие, которые совсем не раскупались.

Наступивший кризис книжного дела отразился на состоянии частной книготорговли. С 1774 г. сократилось число частных книгопродавцев. Покинул Петербург вместе с семьей переплетчик Сухопутного кадетского корпуса Тидцелиус. Перестали давать книгопродавческие объявления (также уехали или отошли от книготоргового дела) Школярый, Шубоц, Фоггер, Розенберг, И. Гетц, Лоцау, Вебер. Почти полностью прекратились публикации в «Санктпетербургских ведомостях» о торговле книгами в Морском рынке и Гостином дворе. В течение нескольких лет, до конца 70-х гг., в Петербурге не возникло ни одного нового места книготорговли.

Трудности с реализацией собственной продукции все более остро начала испытывать и Академия наук. Это послужило своеобразным толчком для развития торговых отношений между Академией наук и купцами, торговавшими книгами. Не случайно начиная с 1774 г. Академия наук была вынуждена все в большем объеме привлекать частных книгопродавцев — сначала для распространения сочинений, подготовленных «Собранием», а позднее и других своих изданий. Заметное оживление в книжном деле Петербурга наступило лишь с конца 70-х гг. XVIII века.

С 1777–1779 гг. можно говорить о новом притоке иностранных книгопродавцев в Россию, в Петербург. Но в отличие от 50–60-х гг. теперь в Петербург ехали не мелкие ремесленники и переплетчики, а зажиточные купцы, заведомо намеревавшиеся «производить книжный торг». Прежде чем обосноваться в Петербурге, многие из них заранее, по несколько раз посещали русскую столицу, знакомились с местными условиями, конъюнктурой рынка, некоторые из них владели русским языком. Так, Адольф Людвиг Балтц, родом из Пернова (Пярну), как показывают отметки в его паспорте, неоднократно бывал в Петербурге, прежде чем там поселиться. Книгопродавец Гансландт посетил Петербург в 1768 г., Иоганн Клостерман с сыном приезжали в Петербург в 1768 и в 1770 гг., Фридрих Мейер — в 1771 и 1774 гг., А. Роспини — в 1779 г. Приехав осенью 1779 г. в Петербург, он дал объявление в газете о продаже альбомов, книг по архитектуре, садоводству, рекламу купферштихов, эстампов и картин: «и прочее примечания достойные собрания

Гугтона, Скородумова и других славных мастеров как тушеванной, так и новейшей миниатурной работы», «Сей итальянец проживет здесь не долее 4-х недель»⁹⁴.

Из сообщений, публиковавшихся в «Санктпетербургских ведомостях» (рубрика «отъезжающие»), видно, что постоянно кто-нибудь из иностранцев-переплетчиков или книгопродавцев останавливался у К. В. Миллера, Б. Т. Брейткопфа, на Малой Миллионной в доме Валецкого, у Неймана и в других местах, где постоянно жили петербургские книгопродавцы. Нередко вслед за обосновавшимся в Петербурге переплетчиком или книгопродавцем приезжали его родственники или земляки. Так, например, родом из Любека (Любиха) были Вильгельм Миллер и его родственники; книгопродавцы Фридрих Шубоц, Иоганн Клостерман, Якоб Гей. Из Линдау — Христиан Торно и, позднее, его зять Иоганн Логан; из Страсбурга — Франсуа Рис и его компаньон И. Соссе; обосновавшийся в Москве купец Куртене. Постепенно возникали династии иностранных купцов. Помимо книгопродавцев Миллеров (отца и сына) — Вильгельма Конрата, Карла Вильгельма, а возможно, и внука Карла Вильгельма (меньшого), в Петербурге вели торговлю Христиан Торно и его зять И. З. Логан; с конца 70-х гг. XVIII века по 1812 г. — отец и сын Роспини, с родственниками; Клостерман — отец и сын, а затем и зять Клостермана — Шарль Вейс, братья Гей и др. Многие владели русским языком. Так, переплетчик Фридрих Готлиб Шубоц из Любека, книгопродавец Иван Герстенберг из Дрездена, «пруссский уроженец» Иоганн Мейснер, как показывают их подписи на документах, знали русский язык. Иоганн Герстенберг подписывался, например, как «Иван Данило Герстенберг», Иоганн Якоб Вейтбрехт — «Иван Иванович» и т. д.⁹⁵

Немалое число ремесленников и купцов приезжали в Петербург из Австрийской империи, в том числе из Богемии. Так, судя по документам Франца Риза, приехавшего в качестве приказчика книгопродавца Гея, он проживал в чешских землях, и характерно, что его поручителями в Петербурге были купцы-чехи. Из Австрии были и «итальянские» купцы Роспини, причем младший Роспини носил чешское имя — Ян Непомук. А книгопродавец Карел Лиснер был «прагским уроженцем». Присутствие среди иностранных книготорговцев славян или купцов других наций из славянских земель примечательно тем, что им было легче преодолеть языковой барьер. В Петербурге они открывали книжные магазины, оборудованные на европейский манер и рассчитанные на аристократическую публику. В этих магазинах помимо книг продавались предметы роскоши, произведения искусства — картины, скульптура и пр.

Новое поколение иностранных книготорговцев, подобно своим предшественникам, также предпочитало «публичные места» Петербурга, где издавна селились и открывали лавки купцы-иностранцы — на Невском проспекте от Адмиралтейства до Казанского собора; в районе Исаакиевской площади у Синего моста; на Большой и Малой Морских; на Миллионной и Васильевском острове. С середины XVIII века существовали дома, где постоянно жили или имели книжные лавки иностранные книготорговцы и переплетчики: в домах Валецкого, Неймана, Ланга, Познякова, Скворцова и др. — на Малой и Луговой Миллионных, в Поггенполево-доме; в домах барона д'Аша, Шишмарева — у Исаакиевской площади; в домах купцов Кнутсена, Иванова, Антонова и др. — на Большой Морской; в доме Вольного Экономического общества в начале Невского проспекта; в доме Косиковского — на углу Большой Морской и Невского, в доме графа Строганова и в

доме князя Куракина у Полицейского моста; в доме Кусовникова, напротив Казанской церкви; в домах, принадлежавших голландской, реформаторской и католической церквам и др.

С конца 1776 г. арендатором типографии Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса стал Х. Ф. Клеэн (первоначально совместно с Б. Л. Гейке (до мая 1777 г.), а потом один) и начал торговать печатавшейся им продукцией. А с 1779 г. сразу несколько иностранных купцов развернули книготорговлю: И. З. Логан, «берлинский книгопродавец» И. Паули, «почтамтский переплетчик» Г. Х. Рихтер, переплетные мастера Р. Зенгбуш и Г. Бузанкет, «итальянский» книгопродавец А. Роспини. Несколько позднее их число дополнили переплетчики С. Лакс, Беер, открывший «библиотеку для чтения», К. Дальгрэн, книжные торговцы Г. Клостерман, А. Л. Балтц, И. Вогак. В отличие от предыдущего поколения книгопродавцев, обязательно сообщавших об открытии «новозаведенной» книжной лавки, купцы-иностранцы не всегда это делали. Некоторые из иностранных переплетчиков и даже книгопродавцев, как, например, Иоахим Паули, позднее Тестенберг или Тейлен, редко давали объявления в «Санктпетербургских ведомостях», и об их деятельности можно судить лишь на основании других источников. Большинство из них сумело закрепиться в Петербурге на достаточно продолжительное время. Характерно, что эти иностранцы-книгопродавцы, ориентированные на аристократического читателя, открывая новые магазины, в первую очередь предлагали ассортимент иностранных книг.

С особым размахом было начато книготорговое дело Антуаном Роспини, обосновавшимся в выигрышном месте «на Невской перспективе супротив самой Казанской Церкви в наугольном доме к Екатерининском каналу в нижнем этаже на улицу». Он стал продавать «самые новые и редкие разного рода эстампы», «разные украшения» и «разные архитектурные и прочия до художеств, древностей, также и до натуральной истории касающиеся книги». Характерно, что объявления на французском языке, которые он нередко давал в «Санктпетербургских ведомостях» параллельно с рекламой на русском языке, были более развернутыми и содержательными. Так, 30 октября 1780 г., открывая книжный магазин, он несколько высокопарно сообщал: «Le Sieur Rospini a l'honneur de faire part aux amateurs qu'il a un Cabinet d'Estampes Angloises, Françaises & Italiennes, livres d'Architecture d'Antiquitéz, d'Histoire Naturelle; et l'on peut les acheter tant en grandes collections separement; (курсив мой.— А. З.)... il demeure à la Grande Perspective vis-a-vis de l'Eglise de Notre Dame de Kasin au rez de chaussée, sur la rue»⁹⁶.

Близким по профилю был и несколько позже открытый магазин Германа Клостермана, также крупного книгопродавца, несомненно располагавшего средствами. Несколько неожиданно, начав с продажи комедии «Недоросль» — «по 80 коп., а в Турецкой бумашке по 1 рублю», как сообщалось в объявлении в «Санктпетербургских ведомостях» от 28 февраля 1783 г., Клостерман уже 14 марта указывал, что в его магазине, находившемся «против Адмиралтейства, в доме Мещанского Клуба под № 106», «продаются картины и рисунки знатных мастеров, эстампы Аглинские и Французские, старинные и новые черные, красные и цветные, и до истории натуральной принадлежащие книги архитектурные, мраморы, терквиты музыкальные, ноты и французские книги»⁹⁷. То есть, по ассортименту (за исключением «мраморов» и «терквитов») эти два петербургских магазина, претендовав-

ших на роскошь и предназначенных для богатых покупателей, были похожи. Клостерман также, особенно вначале, преимущественно торговал книгами на французском языке. Продажей книг на иностранных языках в основном занимался И. З. Логан, зять книгопродавца Хр. Торно. Как показывает его книгопродавческое объявление от 14 февраля 1783 г., у него продавались «многия... иностранные книги на разных языках». Кроме того, он предлагал покупателям реестры новых французских и латинских книг, торговал Геттингенскими календарями «с хорошими картинками и новыми модами для дам и господ» на французском и немецком языках. 9 июня 1783 г. он сообщал о продаже у него сочинений «г. Шведенборга о чудесах небес, ада и планет на французском языке в двух томах».

Книгопродавцы К. Шейбнер и Эверс первоначально сотрудничали с И. Вейтбрехтом — вели у него бухгалтерский учет и представляли его интересы во время его отсутствия в Петербурге. С середины 70-х гг. они стали книгопродавцами государственной Берг-коллегии и Монетного департамента и занялись продажей книг, «касающихся до горного и заводского дела». В Петербурге они проживали неподалеку от Вейтбрехта «У Синяго мосту в Шелевом доме» и торговлю преимущественно вели немецкими и французскими книгами. Иногда, по случаю, они продавали и отдельные книги на русском языке. В 1780 г. компаньоны разошлись. В начале 80-х гг. Эверс, возможно под влиянием все усиливавшейся конкуренции, стал одним из первых торговцев нотами в Петербурге. В объявлении от 14 января 1782 г. он сообщал, что у него «можно получить безденежно новой каталог музыкальным пьесам».

С 1777 г. в Петербурге обосновался «вольный иноземец» Фридрих Август Мейер, вскоре с 1779 г. занявший место придворного переплетчика.

«Кабинетский» переплетчик Мейер вел не очень большую торговлю. Он не выпускал каталогов, давал мало рекламных объявлений и, в основном, торговал книгами, которые он печатал «на свое иждивение» в типографии Вейтбрехта и Шнора. При случае и он был не прочь заработать на каком-нибудь ходовом издании типа «История двух мошенников Ваньки Каина и Каргуша» по 1 р. (он ее рекламировал 11 октября 1782 г.), продавал «Русские песни с нотами» (каждая часть по 80 к.), «визитные и маскарадные билеты», но в целом предпочитал спокойную, серьезную литературу — духовные размышления, нравоучительные повести и поэмы.

Это особенно заметно по тем книгам, которые он печатал на заказ. Так, на его счет была издана религиозно-мистическая поэма К. М. Виланда «Искушение Авраамово» (1780), продавалась по 40 к. (в 1787 г. было конфисковано 22 экз. этого издания), сочинение Ж. Л. Молле «София или Письма двух приятельниц, собранные и изданные гражданином Женевским» ч. 1–2, в бумажном переплете 1 р. 10 к., во франц. перепл. 1 р. 30 к., а без переплета 1 р. — объявление от 27 ноября 1780 г., сочинение М. Лепренс де Бомон «Бедной филозоф» (1780) — 30 к., роман де Фурке «Зели, или Трудность быть щастливым» (1780) и др.

Помимо собственных изданий он распространял печатавшиеся Новиковым: в 1782 г. он продавал все 10 частей «Древней Российской Вивлиофики» (за 15 р.), «Душеспасительные размышления о познании Бога» — 3 части 2 р. (1779) — (в 1787 г. было конфисковано 134 экз. этого издания, «Вальмор» (1781) — повесть Лоззеля де Треогата (по 50 к.), «Новой Робинсон Крузе» (1781) по 60 к. — переработку И. К. Венцеля романа Дефо и др.

В 1781 г. в «Санктпетербургских ведомостях» было объявлено о «судебном деле» между «вольным иноземцем Августом Мейером и Академии наук переплетчиком Миллером», и возможно, что именно продажа изданий Новикова послужила поводом для столкновения их интересов.

Помимо книг, полученных от Н. И. Новикова, и собственных изданий Мейер продавал издания Московской Сенатской типографии: трактат Д. Беньяна «Любопытное и достопамятное путешествие христианина к вечности...» (1782) 2 части 2 р., «Злощастное замужество девицы Гарвы» (1781) — 60 к. и др., а также книги из типографии Вейтбрехта и Шнора (помимо тех, что были напечатаны самим Мейером): «Слово о продерзости неверия» — 20 к. (1779); в 1787 г. было конфисковано 47 экз., трагедия Ф. Ю. Бертуха «Ельфрида» — 50 к. (1780), «Дамоново сновидение» — 20 к. (1779), и, в небольшом числе, иногда книги других петербургских типографий. Книжный ассортимент А. Мейера убедительно свидетельствует о том, что он (наряду с К. В. Миллером) был распространителем масонской литературы в Петербурге.

Из числа иностранных книгопродавцев и переплетчиков, которые лишь изредка давали книгопродавческие объявления, а тем более действовали лишь непродолжительное время в Петербурге, не всегда можно выделить тех, кто действительно был петербургским жителем, и тех, кто, пользуясь весенней и осенней навигацией (морской путь был самым дешевым для перевозки книг), приезжал сюда на сезон и, распродав привезенные книги, уезжал обратно на родину.

Некоторые новые, появившиеся в Петербурге в конце 70-х — начале 80-х гг., книгопродавцы и переплетчики, такие, например, как Г. Х. Рихтер, Бузанкет, Лакс, или были случайными лицами, быстро отошедшими от книжного торгова, или вели незначительную торговлю. Так, можно с уверенностью сказать, что переплетчик Лакс, хотя редкие упоминания о нем попадаются лишь в 1781–1782 гг., был местным купцом, поскольку он (наряду с переплетчиком главной провиантской канцелярии Ермолаевым) продавал «китайские книги», т. е. переведенные с китайского языка надворным советником Леонтьевым и напечатанные «по Всевысочайшему повелению» «Законы и установления Китайского правительства», «Великое учение философии», «Поучении естественныя», «Букварь с пословицами» и др. Рихтер был переплетчиком «Санктпетербургского почтъ-амта» и в течение многих лет продавал одиночные издания петербургских типографий. В 1780 г. он, например, предлагал книгу «Анти-Махиавель, сочинение Короля Прускаго, по 1 р. экз.», в том же 1780 г., совместно с Е. Вильковским — комиссаром книжной лавки Академии наук — он распространял новую книгу А. И. Богданова — «Описание Санкт-Петербурга», ценою по 2 р. экз., напечатанную в 1779 г. в типографии Военной коллегии. В 1783 г. (28 марта) он предлагал покупателям «новоизданную на Российском языке книгу „О положении в Америке Аглинских селений и о торгах“», отмечая, что она «весьма любопытная для каждого, а особливо для читателей ведомостей и полезная для купечества, цена без переплета 50 коп.». Также Рихтер и Лакс выполняли и переплетные работы для Академии наук.

А вот был ли Иоахим Паули иностранным «гостем» или петербургским книгопродавцем, установить трудно. Он давал одиночные книгопродавческие объявления в «Санктпетербургских ведомостях» в 1779, 1780 и 1783 гг. В рекламном объявлении от 1 сентября 1780 г. говорилось о «Паулевой книжной лавке», находившейся

в доме, где он жил на углу Большой Морской «неподалеку от Невской перспективы». Некоторое время он торговал в Новоисаакиевской улице в доме барона фон Аша и др. Однако сам он себя называл «берлинским книгопродавцем» (например, в объявлении, которое он дал в «Санктпетербургских ведомостях» 4 октября 1779 г.). Он продавал книги на немецком и французском языках. В 1780 г. он, например, рекламировал сочинение Бомарше «Observations sur le mémoire justificatif de la cour de Londres» (по 60 к.). В его лавке можно было купить «портрет Его Королевского Высочества принца Пруссаго, на котором и изображен он верхом едущий». Все желающие могли «безденежно получить росписи новым книгам». Примечательно, что Паули предлагал каталоги английских, итальянских и польских книг.

Купец Бузанкет, торговавший в Петербурге в 1780, 1782–1783 гг. «Готскими календарями... с купферштихами, так же разными новыми книгами и портретами славных людей», живший на Большой Морской в доме г. Лакруа, также, скорее всего, был заезжим «гостем», тем более что он не рекламировал книг на русском языке. А вот переплетчики Боллин, живший на Луговой Миллионной под № 60 и дававший одиночные объявления в 1782–1783, 1784 гг., а также Беер, помещавшийся на «Большой Морской, на супротив Кабинета в Обуховом доме под № 125», скорее всего, были петербургскими переплетчиками, несмотря на то, что в 1783 г. оба они распродала большие партии книг на французском языке. Оба, и Боллин, и особенно Беер, продавали наряду с иностранными и «российские сочинения», например, 7 марта 1783 г. среди прочих книг он предлагал «нотную пиесу» Бортнянского «Да исправится молитва моя». Кроме того, подобно Лаксу и Рихтеру, он также периодически выполнял переплетные работы для Академии наук. То обстоятельство, что Беер 17 февраля того же года сообщал, что у него продаются «Российския и иностранныя сочинения Вольтера, Руссо, Томаса, Мабля, Локка и другия книги в переплете по уступочной цене», а Боллин 5 мая объявил о продаже «разных французских книг в переплете за весьма сходную цену», могло объясняться тем, что в начале 80-х гг. в Петербурге на аукционах и приезжими коммерсантами-купцами продавалось немало иностранных книг. В 1782 г. после смерти академика Гюльденштедта была продана его библиотека, «состоящая большею частию из медицинских, физических, ботанических, экономических, схоластических и других книг», в том числе и на шведском языке; в начале 1783 г. продавались «оставшиеся после пастора Герольда богословския и философическия книги и многия другия сочинения»; в том же 1783 г. «в Большой Конюшенной улице, в доме под № 25 в третьем этаже», вместе с дворовыми людьми, лошадьми и «поезженной каретой» продавалась библиотека, в которой имелось «более тысячи волюмов, Латинских, Французских, Италианских и Русских книг, самых лучших авторов и большею частию юристических и политических»⁹⁸.

В 1782 г. Петербург посетили и книгопродавцы из Франции. Это был не первый их визит в северную столицу — представитель торгового объединения «Жак Франсуа Фабр и компания» извещал в объявлении от 26 августа «господ подписавшихся на сочинения Ж. Ж. Руссо... что как 3-й и последний том оных ныне получен, то благоволили бы взять к себе свои экземпляры: остальное же число оных сверх подписки и в розницу продаваться будет, по тому что сочинения онаго выписано более против числа подписавшихся». В том же году мадам Розет, прибывшая из Франции, сообщала 1 ноября: «Г. подписавшимся на издание книги

под титулом „Histoire de Russie par Mr. Levesque“ объявляется, чтобы они благоволили прислать за книгами к мадам Розет, живущей в доме Г. Тайного Советника Александра Федоровича Талызина»⁹⁹. Оба эти объявления замечательны тем, что показывают, насколько далеко простирались книжные связи (Петербург включался в сферу европейской книготорговли), и зарубежные купцы пытались расширить рынок сбыта (в том числе с помощью предварительной подписки, гарантировавшей продажу издания), предлагая самую современную литературу. Кроме того, очевидно, что купцы из Франции, привезя на продажу популярные сочинения Руссо и «Историю России» Левека, вряд ли ограничились только этими книгами. В 1783 г., как видно из объявления в «Санктпетербургских ведомостях» от 23 июня, живший «в немазаном доме купца Милютина, близ Казанского мосту, под № 66, по перспективе» французский книгопродавец Жоли предлагал покупателям изысканный подбор книг на французском языке, отвечавший самому требовательному вкусу: «Nouvelle Histoire de Russie», 7 vol., «Les Liaisons dangereuses», 4 part., «Le Tableau de Paris», 4 vol., «La Destruction de la Ligue», 1 vol., «Les 5 tesises et les folies Parisiennes», 2 vol.¹⁰⁰, то есть, наряду с «Опасными связями» Шодерло де Лакло и запрещенную во Франции литературу — «Картины Парижа» Л. С. Мерсье и другие сочинения.

Характерно, что приблизительно в это же самое время К. В. Миллер рекламировал ряд книг на французском языке (8 июня 1782 г.), несомненно приобретенных у кого-нибудь из этих купцов: «2) La Destruction de la Ligue, ou la réduction de Paris, drame par M. Mercier, 70 cop.; 3) Pièces intéressantes à peu connues de l'histoire, 70 cop.; 4) Le train de Paris, ou le bourgeois du tems, comédie, 40 cop.».

Несколько раньше, в 1778 г., в Петербурге находился голландский книгопродавец Этьенн Леруа, торговавший французскими книгами и располагавший каталогом.

Из прежних книготорговцев Петербурга свои позиции сумели сохранить и продолжали вести книготорговлю К. В. Миллер, соперничавший с ним Христиан Торно, а также торговавший понемногу Белке. Имел книжную лавку И. Я. Вейтбрехт, ставший с 1776 г. совместно с К. Шнором владельцем типографии. Продажей книг по-прежнему продолжали заниматься переpletчики Сухопутного кадетского корпуса С. Шель и М. Маркелов. С 1777 г. продавал книги собственной печати Х. Ф. Клеэн, арендовавший типографию Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса.

Иоганн Якоб Вейтбрехт был одним из крупнейших книгопродавцев Петербурга, и все же о нем почти ничего не известно¹⁰¹. В «Санктпетербургских ведомостях» он лишь изредка извещал о поступлении новых каталогов книг на иностранных языках. Магазин Вейтбрехта играл, по-видимому, роль своеобразного «коллектора», и розничной торговлей как таковой Вейтбрехт не занимался. Вейтбрехт вел крупномасштабные торговые операции. В качестве комиссионера Академии наук он отправлял за рубеж большие партии академических книг и, наоборот, поставлял в Академию наук иностранные книги. С середины 70-х гг. он стал поставщиком императрицы и ее двора. Он выполнял заказы Екатерины II на иностранную литературу, комплектовал парадные библиотеки для фаворитов и знати, наследника престола, нередко играл роль посредника при закупках двором произведений искусства — картин, камей, эстампов, скульптур, дорогой мебели и пр. — на Западе. Он, безусловно, имел самые широкие связи с западными антикварами

и книжными комиссионерами¹⁰². По словам И. Ф. Мартынова, «более десяти лет Вейтбрехт сохранял практически неограниченную монополию на торговлю иностранными книгами»¹⁰³. Став владельцем типографии (первоначально вместе с К. Шнором), Вейтбрехт преимущественно печатал заказные издания правительственных учреждений или частных лиц. Небольшое количество изданий, выпущенных Вейтбрехтом и Шнором «на свое иждивение», отражали скорее стремление типографщиков заработать, чем проводить какую-либо собственную отчетливую линию книжной политики. Печатавая в своей типографии сочинения А. Галлера «Свойства забав и увеселений человеческих» (1781), С. Геснера «Авелева смерть» (1781) и др., они выпустили и полемическое антимасонское сочинение Екатерины II «Тайна противо-нелепого Общества» (1780), хотя, как отмечает И. Ф. Мартынов, «сами типографы явно тяготели к братству вольных каменщиков»¹⁰⁴.

При всех изменениях, наметившихся или уже наступивших в книжном деле Петербурга к началу 80-х гг., лавка К. В. Миллера по-прежнему оставалась средоточием культурной жизни города, основным местом продажи новейшей литературы. В этом с Миллером соперничал книгопродавец Хр. Торно, но он часто менял место жительства и ему, по-видимому, так и не удалось обзавестись солидным магазином с разнообразным книжным репертуаром. В основном он торговал изданиями Сухопутного, Морского и Артиллерийского кадетского корпуса. Отсутствуют данные и о его принадлежности к какой-либо из купеческих гильдий. К 80-м годам масштабы его торговли даже сократились. Он так и не вошел в ряды крупных книгопродавцев Петербурга и продавал «разныя российския книги коим и каталог у него получить можно», изданные в типографии Академии наук (жил он «в Луговой Миллионной в доме Познякова под № 72»)¹⁰⁵.

Количество книгопродавческих объявлений, которые давал Миллер и другие книгопродавцы в 1780 г., сократилось, но Миллер по-прежнему продолжал оставаться лидером. Для сравнения укажем, что в 1780 г. Академией наук было дано 59 рекламных объявлений, Миллером — 47, а продавцом Торно — всего 12.

Со второй половины 70-х гг. среди книг, которыми торговал Миллер, было немало изданий типографии Вейтбрехта и Шнора, тем более что с ней сотрудничал — печатал свои издания — Н. И. Новиков. (Возможно, это было вызвано тем, что в типографии Академии наук были арестованы некоторые из его изданий, за которые он долгое время не мог расплатиться.) Из типографии Вейтбрехта и Шнора вышли, например, такие книги, продававшиеся у Миллера, как сочинение Ф. Ю. Бертуха «Ельфрида» (1780), трагедия И. В. Гёте «Клэвиго» (1780), сочинение М. Попова «Старинные диковинки, или Приключения славенских князей» (1778), изданное «иждивением книгопродавца К. В. Миллера», «Приключение Елизы», «Тайна противо-нелепого Общества» и другие.

На протяжении всех этих лет Миллер продолжал оставаться основным распространителем изданий Новикова (а к началу 80-х гг. и почти единственным), и его книжный ассортимент наглядно отражал направленность и эволюцию в книгоиздательской деятельности Новикова, покинувшего в 1779 г. Петербург и ставшего, как известно, арендатором типографии Московского университета. О продолжавшихся связях Миллера с Новиковым после переезда последнего в Москву свидетельствуют публикуемые К. В. Миллером книгопродавческие объявления в «Санктпетербургских ведомостях», в частности от 28 января 1780 г. Одним из первых

изданий типографии Московского университета, после того как она перешла под начало Новикова, стал выпуск «Полного собрания всех сочинений и переводов» А. П. Сумарокова в 8 частях «с приобщением описания жизни сочинителя, с портретом его, и с росписью всех его творений и переводов; на самой лучшей бумаге, в 8 долю листа с пристойными украшениями», которое было задумано как великолепное издание. «Любители Российских писмен» приглашались к подписке на это издание, производившейся в «Луговой Миллионной улице в доме у книгопродавца К. В. Миллера». В объявлении были подробно оговорены условия подписки: «Подписывающиеся имеют наперед заплатить 10 р. и получать билет. Если при отпечатании сего издания прибавятся еще один или два тома, то при получении книг имеют внести подписавшиеся еще за каждую часть по 1 р. по 25 к.», и указывалось, что «подробный же план сего издания можно получить у него же г. книгопродавца Миллера безденежно»¹⁰⁶. Книги, изданные в типографии Московского университета, то есть новиковские издания, становятся основой книжного репертуара Миллера, и в новых условиях они составляют более $\frac{3}{4}$ всей продававшейся им книжной продукции. Миллер начиная с 1783 года стал продавать в Петербурге «Московские ведомости с прибавлениями», издание которых также перешло к Новикову¹⁰⁷.

Изданий типографии Академии наук Миллер по-прежнему не рекламировал и почти не продавал. Тем больший интерес представляет книгопродавческое объявление Миллера, в котором извещалось о «вступившей в продажу новой книге, именуемой „Человек в 40 талеров“, с искусно гравированным портретом славного его сочинителя г. Вольтера по 1 р. 20 к. экземпляр». Одно из наиболее острых сочинений Вольтера (попавшее на родине в разряд преследуемых, тайно распространявшихся книг), может быть, для того, чтобы отвести подозрения в неблагонадежности книги, было снабжено развернутой аннотацией. «Сей философ, — указывалось в рекламе, — приобретший глубоким своим проныцанием, редкими дарованиями и многими благоприятствующими ему обстоятельствами наиточнейшее сведение о характерах разного состояния людей, и описывая оныя в разных местах сего сочинения свойственным ему и самым безпристрастнейшим образом, воздает тут достойнейшую хвалу великой нашей Государыне, устраивающей толь премудро ко удивлению вселенныя благоденствие своего народа»¹⁰⁸. Неожиданна и сама аннотация. Обычно Миллер просто перечислял, какие из новых книг появились у него в лавке, и неизвестно, кто мог быть автором этой аннотации. Книгопродавец, заинтересованный в продаже сочинения? Его переводчик, которым, по одной из версий, был П. И. Богданович? Или это было заказное издание и автором аннотации, скорее всего, был издатель. Как бы то ни было, в 1780–1783 гг. подобная книжная реклама — не только для Миллера, но и вообще в это время — была редкостью.

В 1780 г. Новиков выпустил анонимное сочинение И. В. Лопухина «Разсуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями, и опровержение их вредных правил. Сочиненное россианином». Этот манифест масонства тоже продавался у Миллера.

Показателем существенных изменений в расстановке сил на книжном рынке Петербурга стал и такой факт, как открытие первой книжной лавки русским купцом М. К. Овчинниковым¹⁰⁹. 27 мая 1772 г. в «Санктпетербургских ведомостях» появилось объявление о том, что «в Гостином дворе в каменных лавках под № 44 у

Овчинникова продаются разные книги в переплете и без переплету по реестру, также повесть о двух турках. 1 р. 50 к.». Речь шла о популярном сочинении «Повесть забавная о двух турках в бытность их во Франции» (перевод с французского В. И. Лукина), напечатанном в 1764 г. в типографии Академии наук и вышедшем вторым изданием в 1781 г. в типографии Вейтбрехта и Шнора. В начале 90-х гг. оно было еще дважды переиздано.

Немалая заслуга Новикова заключается в том, что именно он начал активно вовлекать русских купцов в книготорговлю, будучи заинтересован в распространении своей продукции. Он находил купцов и сидельцев, создавал им льготные условия для торговли книгами — приплачивал, предоставлял книги в кредит, со скидкой и др. И русские купцы понемногу втягивались в книжную торговлю. Об этом свидетельствовали редкие, большей частью анонимные, объявления о продаже книг в Морском рынке, в Гостином дворе наряду с другими товарами, в расположенных напротив «каменных Ниренбергских лавках». Надо думать, что и М. Овчинников, прежде чем начать самостоятельный торг, прошел путь ученичества, служа приказчиком или сидельцем в какой-нибудь из этих лавок. Овчинников открывал лавку в выигрышном для книжной торговли месте — в Гостином дворе, он располагал каталогом продававшихся у него книг, то есть, с первых шагов стремился организовать книготорговлю наиболее современным образом. Овчинников давал не очень много объявлений. С мая 1782 г., когда была открыта лавка, и до конца года он лишь раз напомнил о своей лавке. Но зато из круга петербургских книгопродавцев Овчинникова заметно выделяла широта предлагаемого им книжного ассортимента. Он был ориентирован не только на читателя-интеллигента, но и предназначен для более широких демократических слоев, вплоть до самого непритязательного читателя. В какой-то степени это было обусловлено самим местоположением лавки, купеческо-мещанской средой Гостиного двора, где публика была совсем иной, нежели в Луговой, Малой Миллионной или Большой Морской. И это становится характерной особенностью начавшей развиваться русской частной книготорговли. Из книгопродавческой рекламы М. К. Овчинникова видно, что он располагал широким выбором «московских книг». Он продавал издания Московской Сенатской типографии и книжную продукцию Новикова, книги, выпущенные петербургскими типографиями, в первую очередь Вейтбрехтом и Шнором. Однако и здесь прослеживается определенная закономерность. Некоторые из предлагаемых им «новинок» были известными изданиями предыдущих лет: сочинение Фридриха II «Анти-Махиабель», выпущенное типографией Государственной военной коллегии в 1779 г., «Человек в сорок талеров» Вольтера (1780), «Описание города С.-Петербурга с планами» (2 р.), «Описание града Москвы» (80 к.), «Зели, или Трудность быть щастливым» (1780, тип. Вейтбрехта и Шнора, 50 к.), «Эклоги Сумароковы» (1774 г., типография Академии наук, 1 р.) и другие. Это была уже не самая новая литература, и Овчинников мог получить эти книги от своих собратьев по ремеслу. Он продавал, например, книги, изданные «на иждивение» Ф. Мейера: М. С. Сервантеса «Ревнивой естрамадурец» (1781), Ж. Л. Молле «София, или Письма двух приятельниц» (1780), 2 части — 1 р., «Искушение Авраамово» (1780) Виланда (40 к.) и др., напечатанные в типографии Вейтбрехта и Шнора. Возможно, эти издания не достаточно быстро раскупались в петербургских книжных лавках.

Среди того, что М. К. Овчинников предлагал своим покупателям, были и книги, выпущенные Новиковым. Однако в основном это были издания предыдущих лет — комплект «Живописца» по цене 2 р.— скорее всего издание 1775 года, «История о невинном заточении боярина А. С. Матвеева» (1776) по цене 1 р. 75 к., «Философа Конфуция» (1780) — 30 к.

Возможно, под давлением конкуренции и из-за трудностей с книжным ассортиментом лавка Овчинникова приобрела скорее букинистический характер. Здесь продавались редкие издания, книги церковной печати, как указывал сам книгопродавец — «разныя Киевские книги». В начале 1783 г. (13 января) он рекламировал, например, «Патерик Киевской», стоивший достаточно дорого — 5 р. 75 к.

Духовная литература занимала большое место в ассортименте книжной лавки. Наряду с церковными книгами («Священная история в лицах», 2 р. 80 к., «Сто четыре Священных Историй», 1 р. 25 к.) у него продавались и мasonicкие сочинения: «Письмо к приятелю о размышлении и бытии Божии» (20 к.), неоднократно переиздававшееся «Златое сочинение Самуила Равина» (2-е изд. 1782 г., тип. Шнора, 50 к.), «Мысленный вертоград, или Христианское упражнение, служащее ко утешению благочестивых христиан в божественном наставлении, которое содержит в себе пятьдесят и одно священных размышлений, касающихся до исправления внутренняго и внешняго человека» И. Гергарда (М., тип. Мейера, 1783) — многократно издававшееся, излюбленное мasonicкое сочинение (в переплете — 1 р., без переплета — 80 к.). У Овчинникова можно было купить и сочинение «Сенеки христианствующего нравственные лекарства, составленные из кратких здравых разсуждений, которыми каждый без помощи другаго может уврачевать душу свою страждущую пороками...» (М., тип. Мейера, 1783, 80 к. в переплете). В 1783 г. он предлагал читателям сочинение Блаженного Августина, само название которого проясняло покупателю его содержание: «Зерцало мысленнаго с Богом собеседования, или Дерзновенное благочестивых душ на небеса парение, показывающее ясно, как истинной христианин теплою своею верою мысленно пребывает с Богом, и смиренно дерзает с ним беседовать и испрашивать его милосердие...» (1783 г., по 60 к.).

О том, что продажа подобной литературы для Овчинникова не была случайностью, свидетельствует тот факт, что Овчинников позднее, в 1786 г., издал в собственной типографии книгу «Блаженнаго Августина епископа Иппоннискаго Богословския размышления о благодати Божией и о воле человеческой, в пользу христиан, хотящих спастися и в разум истинны приити».

Наряду с другими петербургскими купцами (К. В. Миллером, С. Л. Копниным) Овчинников в 1783 г. в своей лавке имел сочинение Ф. Эмина «Путь к спасению, или Разные набожные размышления» (80 к.). О популярности этой книги свидетельствует то, что к этому времени она уже была трижды переиздана в типографии Сухопутного кадетского корпуса (2 издания в 1780 г. и одно — в 1781 г.) владельцем рукописи, петербургским купцом С. Л. Копниным. Характерно, что «3-е тиснение» (фактически, 4-е) было осуществлено в 1784 г. «ижидвением» книгопродавца М. Овчинникова, а 4-е напечатано в его собственной типографии в 1787 г. На обороте титульного листа издания 1784 г. указывалось, что все права на печатание сочинения Ф. А. Эмина были переданы С. Л. Копниным вместе с оригиналом рукописи М. К. Овчинникову, в «вечное и потомственное владение».

В 1790-е гг. сочинение Эмина было издано еще три раза — дважды в петербургской типографии Священного Синода (несмотря на то, что в 1787 г. в московских книжных лавках было конфисковано 278 экз. этой книги) и в 1798 г. — изданием Ивана Глазунова.

Несомненно, что данная литература пользовалась спросом — все эти сочинения неоднократно переиздавались. В 1787 г. в книжных лавках была изъята ма-сонская литература, но количество конфискованных книг в среднем составило не более 5–7 % от общего тиража (обычно 1200 экз.) каждого из сочинений, и это также свидетельствовало о раскупаемости изданий. Вряд ли кто-либо из купцов стал бы заказывать издания, в прибыли от продажи которых он не был уверен.

Не вызывает сомнений также и то, что Овчинников подбирал книжный ассортимент, исходя из вкусов и интересов своего покупателя. 28 марта 1783 г. он рекламировал «новонапечатанную» книгу «Трифона Коробейникова, московского купца, с товарищи, путешествие во Иерусалим, Египет и к Синайской горе в 1583 году». Книга была «издана для пользы общества», судя по предисловию и посвящению в стихах, подписанному инициалами «В. Р.» — В. Г. Рубаном, — «на кошт» самого М. Овчинникова, в типографии Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса. «Путешествие во Иерусалим...», продававшееся по 30 к. (т. е. стоившее недорого), было быстро раскуплено, поскольку уже в 1786 г. Овчинников выпустил его вторым тиражом — в собственной типографии. Характерно, что, стремясь сделать то или иное издание более доступным для покупателя, Овчинников в отдельных случаях пояснял его содержание. О «Путешествии во Иерусалим...» он указывал в книгопродавческой рекламе, что в книге «описывается путь к Иерусалиму от Царя града; описание Иерусалима; обряд в день великия субботы, о доме Давидове, о монастырях окрес Иерусалима, о селе скудельниче, о Вифании и о Египте»¹¹⁰. В случаях, когда название той или иной книги ему казалось слишком громоздким и непонятным, он упрощал его, оставляя то, что считал наиболее важным донести до читателя. Так, 31 января 1783 г. он сообщал о выходе новой книги: «Роспись Царских панихид всех Царей и Цариц, кто и где царствовал, сколь лет и где скончался и где погребен, цена 25 к.». Для сравнения укажем, что речь шла о сочинении В. Рубана «Российский царский памятник, содержащий, по порядку алфавита, краткое описание жизни в Бозе почивающих благочастивейших российских Государей, их супруг и чад обоего пола, всех, кои имена внесены в реестры царских панихид; с показанием времени и места рождения, пребывания, кончины и погребения оных, с изъявлением дней их памяти и с приобщением панихидной росписи по дням и месяцам всего лета». Сочинение было настолько важным и нужным, что только в год своего выхода — 1783 — оно было «издано третично 1783 года октября 5 дня», то есть почти одновременно было выпущено типографиями Государственной военной коллегии, Сухопутного кадетского корпуса и открывшейся типографией Брейткопфа. Из приложенного к этому последнему изданию «Известия», содержавшего список архиепископов и епископов с указанием количества взятых ими для своих епархий экз. «Памятника» видно, что только в 1783 г. и только для церковных нужд

Б. Брейткопф

потребовалось 4210 экз.¹¹¹. Поскольку М. Овчинников сообщал о выходе этого издания еще 31 января 1783 г., то очевидно, что он получил книги самого первого тиража, изданного Рубаном в Государственной военной коллегии, которые и были им быстро распроданы. В 1784–1785 гг. вышло еще три издания «Российского царского памятника...», причем пятое издание — 1785 года — было напечатано Овчинниковым уже в его собственной типографии.

Явно ориентированным на купеческо-мещанскую аудиторию было сочинение Герасима, патриарха Александрийского, — «Описание святой и богошественной горы Синайской», выпущенное в Москве, в типографии Мейера, в 1783 г. и рекламировавшееся Овчинниковым 23 июня 1783 г. Эта книга, видимо, раскупалась хуже: в 1787 г. в московских книжных лавках через 4 года было конфисковано 217 экз.¹¹².

Тенденция как-то приблизить книгу к читателю заметна у Овчинникова не только на примере рекламы книг, названия которых действительно нуждались в комментариях. У Овчинникова, например, достаточно широко была представлена учебная литература: азбуки, грамматики, буквари, в частности он предлагал покупателям в 1782 г. даже «букварь Китайской за 25 коп.». Сообщая о продаже новой «Российской грамматики с французским» по 50 к., он пояснял: «то есть, французам учиться по-русски». Так, например, он предлагал (25 октября) «Краткое понятие о всех науках на Немецком и Российском языках 1 р. 40 коп., на одном Российском 80 коп.» — речь шла о сочинении И. Г. Зульцера «Сокращение всех наук и других частей учености, в коем содержание, польза о совершенстве каждой части сокращенно описываются», выпущенное Новиковым в 1781 г. и предназначенное для обучения юношества немецкому языку. Эта манера популяризовать предлагаемую литературу у Овчинникова очень заметна: к названию «Словаря русских суеверий» М. Д. Чулкова, напечатанного в типографии Шнора в 1782 г., в объявлении от 2 декабря 1782 г. Овчинников добавляет: «и разных веселых и чудных вещей»; несколько позже (20 декабря) в одной из следующих реклам он раскрывает новые достоинства продававшейся достаточно дорого — по 1 р. 50 к. — книги: «Словарь русских суеверий, в котором описывает многих народов свадебные поведения». Известная упрощенность, наивность, даже безграмотность некоторых из этих комментариев позволяет предположить, что они принадлежали самому купцу, но даже при всех недостатках они отражали хорошее понимание психологии покупателя.

В конце 1782 г. Овчинников рекламировал книгу «Кабинет любомудрия, или Названные от некоторых руном орошенным росю мудрости...». В начале 1783 г. он несколько изменил название: «Кабинет любомудрия, или Александрийская библиотеки редкости» (по 1 р. 80 к. в переплете, без переплета 1 р. 50 к.). Речь шла об изданном в Московской Сенатской типографии в 1782 г. сочинении «Кабинет любомудрия, в котором точно изъясняется общее всех древних языческих любомудрцев понятие о Боге, о добродетели и пороке, и о средствах прямо ведущих человека к истинному благополучию, или Александрийской библиотеки редкости, названные от некоторых руном, орошенным росю мудрости и нетленным сокровищем учености...» (имеются издания 1782 и 1783 гг.).

М. К. Овчинников был первым книгопродавцем, у которого книжный ассортимент был рассчитан на разные круги читателей, и особенно на покупателя попроще. Поэтому реклама, которую можно было бы охарактеризовать как «тематичес-

кая», занимала у него с самого начала определенное место. Так, он в рекламных книгопродавческих объявлениях предлагал покупателям в специальных подборках религиозно-мистическую литературу (например, 5 мая 1783 г.), учебники, «московские книги» (6 декабря 1782 г.), серьезные сочинения, рассчитанные на специалистов. Одним из первых Овчинников стал рекламировать «Описание Скандербега Короля Албанского» (15 к.) — сочинение Белена де Монтерзи «Сокращенное описание жизни и дел Скандербега, короля албанского и князя эпирского» (1782) и «Польский летописец» — труд Ф. А. Шмида «Польский летописец с 964 по 1764 год, или Хронологическое изображение происшествий Королевства Польского, со включением как Российской, так и других сопредельных Польше держав, краткой истории. С приобщением табелей, содержащих супруг и детей королевских, как и кончину владетелей, также современных государей всей Европы, польских архиепископов и епископов, государственных министров, полководцев и ученых людей». (Обе книги были напечатаны в типографии Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса в 1782 г.)

Он первым из книгопродавцев в Петербурге стал давать публикации о продаже лубочной книги. В объявлении от 22 ноября 1782 г. Овчинников предлагал сочинения, которые до него никто никогда не рекламировал: «об Илье Муромце 15 к.; о Бове королевиче 15 к.; о принце Адольфе 15 к.; о петухе и курах 15 к.; Шемякин суд 15 к.; Мартына Зодиака 15 к.». В этом же ряду предлагалась и книга «о Петре Златых Ключах 15 к.» — не что иное, как изданный Новиковым рыцарский роман Ж. Кастилона «История о славном рыцаре Златых Ключей Петре Прованском и о прекрасной Магелоне» (1780).

То есть, в продаже у Овчинникова были лубочные издания. Это была самая дешевая и доступная литература «для всех», книга, рассчитанная на самого демократического читателя. Не случайно большое место в книжном ассортименте Овчинникова занимали сказки, басни, гадательные книги и др.: «Хиромантия» 85 к., «Сказка о золотой горе» 25 к.; «Сказки совы ночной птицы» 50 к.; 2 новиковских издания сказок С. В. Пруковцова (1781); «Басни и сказки», 60 к., И. И. Хемницера (2 изд.: СПб., 1782 г., тип. Шнора); «Сказки о волшебницах» 60 к., (2 изд.: СПб., Сенатская тип., 1781) знаменитых сказок Ш. Перро; «4 тома Могольских сказок 2 р. 50 к.» и др. В числе книг, продававшихся у Овчинникова, был и «бестселлер», многократно издававшийся и позднее обработанный М. Комаровым — существовавший в разных вариантах, под разными названиями авантюрный роман «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов...» (в СК начиная с 1777 г. зафиксировано 15 изданий). Судя по объявлению М. Овчинникова «О двух мошенниках Ваньки Каина и Картуша» (от 4 октября 1782 г.) он продавал издание Петербургской Сенатской типографии 1779 г.— «Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками, сумозбродною свадьбою, забавными разными его песнями, и портретом его. Второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей». То есть, у Овчинникова продавалось издание, в котором хорошо известная читателям история о Ваньке Каине была объединена с сочинением о французском мошеннике Картуше, послужившем прототипом для авантюрного романа.

Уже само объявление Овчинникова показывает, что книга не нуждалась в развернутых комментариях — она была хорошо известна читателю (в том числе и в рукописных списках), была одной из самых читаемых книг не только конца XVIII, но и XIX века, перейдя постепенно в лубочную литературу. «Ванька Каин» увлекал читателя не только своим авантюрным сюжетом, но и тем духом бунтарства, отрицания традиционных представлений и норм, издевки, который он нес в себе. Это был раскрепощавший сознание вариант трансформации идей Свободы, Братства и Равенства для народа. Первые «биографии» Ваньки Каина были опубликованы в 1777 г. в типографии Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса и в Сенатской типографии (неизвестно — в Петербургской или Московской), т. е. достаточно «нейтральных» типографиях, где, не привлекая внимания, можно было напечатать любое сочинение. Впервые этот сюжет с указанием на авторство М. Комарова был напечатан в 1779 г., в Петербурге, предположительно в Сенатской типографии. Однако на титульном листе романа указывалось: «В Москве 1775 года». Тогда же, в 1779 г., к книге была добавлена вторая часть — «История славного французского вора и мошенника Картуша и товарищей его» (перепечатка «Подлинного описания жизни французского мошенника Картуша и его сотоварищей», вышедшего в 1771 г. в переводе с немецкого М. Неелова). Вскоре роман был дополнен «Собранием разных Каиновых песен», затем снабжен портретами — сначала Ваньки Каина, а затем, в издании И. Сытина, и Картуша, в последнем же издании XVIII века, напечатанном в типографии А. Решетникова, в книге помимо портретов (портрет «Ванька Каин славный вор и мошенник» был гравирован Л. Фроловым) появилась и гравюра «Каин вынимает из грязи брошенные им покраденные вещи». Количество изданий к концу века лавинообразно разрасталось. Пять изданий вышло только с 1792 по 1794 г., что наглядно свидетельствует о немурьшавшемся спросе на книгу. Кем были напечатаны первые шесть изданий, неизвестно. Седьмое издание под заглавием «Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каина...» было напечатано не кем иным, как Овчинниковым в его собственной типографии в 1786 г. Любопытно, что Овчинниковым было переиздано не комаровское издание, а анонимная биография Ваньки Каина, впервые опубликованная в 1777 г. в типографии Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса. Следующие два издания (или одно издание с допечаткой — имеется вариант титульного листа с указанием «издание второе») были осуществлены Новиковым в типографии Компании типографической в 1788 г.

Овчинников, начиная книжную торговлю, не чувствовал себя еще достаточно уверенно — наряду с книгами он продавал «скрипки и балалайки», «также рамы золоченые для картин» и др. В рекламе о продаже книги «Антимахиавель, или Образ государственного правления 75 к.» указывалось: «да у негож продаются краски, ящик по 60 к., туши китайской лот 25 к., кармину лот 3 р., яри венецианской лот 10 к., гуммигуту лот 10 к.»¹¹³.

Характерно, что в рекламных объявлениях Овчинникова почти отсутствовали пьесы и либретто, являвшиеся неременной частью книжного ассортимента всех книжных торговцев этих лет. Возможно, это объяснялось тем, что их основным потребителем была аристократия.

За 25 лет с момента, когда в «Санктпетербургских ведомостях» появились первые книгопродавецкие объявления, в книжном деле Петербурга многое измени-

лось. Многократно возросло число книг, возникла профессия книгопродавца, существенно расширился круг читающей публики.

Культурное развитие общества, рост образованности способствовали углублению интереса к книге, как на иностранных языках, так и отечественной. Культурная политика способствовала тому, что книга стала неременным предметом повседневного обихода. Этот процесс отразил расширение книготорговли в Петербурге (открытие первой русской книжной лавки в Гостином дворе, появившиеся в конце 70-х — начале 80-х гг. новые европеизированные иностранные книжные магазины).

Изменилась и сама структура книготорговли в Петербурге. Привязанность книготорговца-переpletчика к определенному учреждению отошла в прошлое, во всяком случае утратила то значение, которое она имела в 50–60-е гг.

Книготорговля в конце 70-х гг. была сосредоточена в нескольких книжных лавках, представлявших собой небольшие, независимые островки культуры. Владелец каждой из них пытался найти свой репертуар и свой круг покупателей. Однако, как показывает процесс Миллера с Мейером в начале 80-х гг., их интересы иногда уже сталкивались на почве конкуренции. И если продажа книг на иностранных языках была монополизирована И. Я. Вейтбрехтом, то основным центром по распространению русской книги был и продолжал оставаться книжный магазин К. В. Миллера, возникший, развившийся и окрепший благодаря сотрудничеству Миллера с Н. И. Новиковым и реализации его идей в области книжного дела.

Примечания

- ¹ Таблица III–2 в хронологии наглядно показывает появление в «Санктпетербургских ведомостях» (далее СПбВ) первых объявлений о продаже книг; как на протяжении 15 лет (с 1755 по 1770 г.) все в убыстрявшемся темпе возрастало число частных книгопродавцев в Петербурге.
- ² СПбВ. 1759. № 59 (23 июля). С. 470; то же. № 63 (6 авг.). С. 504; № 64 (10 авг.). С. 512.
- ³ Там же. № 27 (2 апр.). С. 215: «В шляхетном сухопутном Кадетском корпусе продаются разныя на иностранных языках книги, и желающие оныя покупать, являться могут по понедельникам, вторникам и пятницам по полудни у порутчика князя Дондукова». То же. № 42 (25 мая). С. 335–336; № 43 (28 мая). С. 344.
- ⁴ Там же. № 42 (25 мая). С. 334.
- ⁵ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1962–1967. Т. 1–5. (далее — СК), см. № 6546.
- ⁶ СПбВ. 1759. № 41 (21 мая). С. 326.
- ⁷ Там же. 1755. № 40 (19 мая). Б. с.
- ⁸ Там же. 1756. № 88 (1 нояб.). Б. с. См. также № 89–90.
- ⁹ СПбФ АРАН, ф. 3, оп.1, д. 101, л. 331.
- ¹⁰ См.: СК, № 5615–5619.
- ¹¹ СПбВ. 1757. № 28 (29 апр.). Б. с. Правда, в 1757 г. Академия наук в связи с тем, что И. П. Елагин полностью не рассчитался за издание романа, приняла решение ото-

- брат у Миллера книги и продавать их в собственной книжной лавке или же потребовать, чтобы он возместил недостающую сумму в 480 руб. 20 коп. — СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 101, л. 341.
- ¹² СПбВ. 1764. № 64 (10 авг.). Б. с.
- ¹³ Там же. 1757. № 10 (4 февр.). Б. с.
- ¹⁴ Там же. 1759. № 9 (29 янв.). С. 70–71.
- ¹⁵ Там же. 1759. См. № 11, 13, 14.
- ¹⁶ Цитируется по кн.: СК. Т. IV. М., 1966. С. 196.
- ¹⁷ СПбВ. 1783. № 21 (14 марта).
- ¹⁸ Там же. 1780. № 8 (28 янв.). С. 81.
- ¹⁹ См.: *Столянский П. Н.* Книга в старом Петербурге: Русское прошлое. Пг.; М., 1921. Т. 1. С. 114. См. также: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в. Л., 1986. Т. 3. С. 183. (Здесь не разграничена деятельность В. К. Миллера и К. В. Миллера-сына).
- ²⁰ *Зайцева А. А., Фундаминский М. И.* Книгопродавцы Миллеры и начало частной книжной торговли в С.-Петербурге // Книга в России XVI — середины XIX в. Материалы и исследования: Сб. научных трудов. Л., 1990. С. 139–153.
- ²¹ См.: *Зайцева А. А.* Иностранные книготорговцы в С.-Петербурге в конце XVIII — начале XIX в. // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 29–51.
- ²² СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 244, л. 8.
- ²³ Там же, л. 8 об. Аналогичный контракт был заключен и с Фридрихом Розенбергом «в разсуждении долголетней его службы».
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 2.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Л. 2 об.
- ²⁸ Там же. Д. 242, л. 2–2 об.
- ²⁹ В конце 50-х — начале 60-х гг. из проживавших в доме Жеребцова наряду с В. К. Миллером объявления о продаже книг давали «вольный переплетчик» Иоган Август Миллер (СПбВ. 1759), Иоган Генрих Миллер (1762. № 49 (18 июня)), являвшиеся, возможно, его родственниками или помощниками. Однако этот союз, видимо, был непродолжительным, с 1766 г. их пути разошлись, и в Луговой Миллионной в доме под номером 77 торговлю вел один В. К. Миллер.
- ³⁰ См.: *Летописи русской литературы и древности.* М., 1861. Т. 4. С. 51; *И. Ф. Мартынов* (без ссылки на источник) указывает, что К. В. Миллер (то есть Миллер-сын) был масоном (*Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 41).
- ³¹ Возраст К. В. Миллера можно установить на основе данных, полученных при «сочинении городской обывательской книги». В 1787 г. К. В. Миллер, «иностранный купец, здешний уроженец», «сроду 38 лет», имевший жену — Елену Доротею 28 лет («дочь часовщика Штута») и двух детей — сына Карла Вильгельма и дочь Елену Доротею, указал, что он «промысел имеет разными товарами» и владеет «каменным домом... доставшимся по наследству после матери ево». — РГИА, ф. 781, оп. 2, д. 102, л. 2–5.
- ³² СПбВ. 1773. № 54 (5 июля); № 55 (9 июля). Б. с.
- ³³ Автор имеет в виду деятельность учрежденного Екатериной II в 1768 г. «Собрания старающегося о переводе чужестранных книг на российский язык».

- ³⁴ Russische Bibliothek zur Kenntniß des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Rußland, herausgegeben von Hartw. Ludw. Christi. Bacmeister. B. 2. St. Petersburg, Riga und Leipzig, bey J. J. F. Hartknoch, 1774. S. 470–471. См.: *Зайцева А. А., Фундаминский М. И.* Книгопродавцы Миллеры и начало частной книжной торговли в С.-Петербурге. С. 139–140.
- ³⁵ О деятельности «Собрания» см. также: *Семенников В. П.* Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783. СПб., 1913. 99 с.
- ³⁶ *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. М.; Л., 1954. С. 176.
- ³⁷ Цит по кн.: *Семенников В. П.* Собрание... С. 13.
- ³⁸ СПбВ. 1773. № 34 (26 апр.). Б. с. См. специальное прибавление к № 34.
- ³⁹ См.: *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. С. 9–10.
- ⁴⁰ СПбВ. 1771. № 17 (1 марта).
- ⁴¹ Об этом убедительно свидетельствуют и объявления, помещаемые самим Новиковым в СПбВ. В № 20 от 8 марта 1773 г. сообщалось, например: «Издатель древней Российской Вивлиофики вознамерился издать особо две книги: 1) Древняя Российская Идрография... 2) История о невинном заточении боярина Артемона Сергеевича Матвеева в Пустозерском остроге... Обе сии книги начаты уже тиснением и отпечатываются в непродолжительном времени, но чтобы не иметь напрасного убытка, то издатель вознамерился сделать на сии книги подписку, которая и начнется с 10 числа сего месяца, у переплетчика Миллера, живущего в Луговой Миллионной улице. Любители Российских древностей, которым во угождение сии книги издаются, могут подписаться у помянутого переплетчика и заплатить при подписке, за каждую книгу по 1 р. и получить билеты... Имена подписавшихся особ будут напечатаны в начале каждой книги». 1773. 8 марта, (№ 20). Б. с.
- ⁴² *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков... С. 23, 28–29, 38, 111.
- ⁴³ Там же. С. 28–29, 38.
- ⁴⁴ *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. С. 174.
- ⁴⁵ Там же. С. 175–176.
- ⁴⁶ Там же. С. 176.
- ⁴⁷ Там же. С. 174.
- ⁴⁸ *Семенников В. П.* Русские сатирические журналы. 1769–1774. СПб., 1914. С. 52.
- ⁴⁹ СПбВ. 1773. № 34 (26 апр.). Б. с.
- ⁵⁰ Росписи книг «Общества...» несомненно представляют ценный источник для характеристики деятельности Н. И. Новикова в начале 70-х гг. и показывают, что уже в это время его издательская деятельность была целенаправленной и широкой. Ср.: *Полонская И. М.* Новые материалы об издательской деятельности Н. И. Новикова // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 217–219. И. М. Полонская указывает, что у Н. И. Новикова в 1773–1774 гг. возникли материальные затруднения: в связи с пугачевским бунтом сократилась покупательная способность населения. «Результатом этого был застой в реализации книжной продукции Н. И. Новикова. Часть изданий, сданных им в печать в 1773 г. в типографию Академии наук от имени „Общества, старающегося о напечатании книг“, так и не была им выкуплена». — Там же. С. 219.
- ⁵¹ *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков... С. 25.
- ⁵² Там же. С. 24–25.
- ⁵³ Там же. С. 29.

- ⁵⁴ Дух Пифагоров, или Нравоучения его. СПб., 1766.
- ⁵⁵ *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков... С. 9–10.
- ⁵⁶ СПбВ. 1764. № 11 (6 февр.). Б. с.
- ⁵⁷ Там же. 1765. № 37 (10 мая).
- ⁵⁸ *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков... С. 10.
- ⁵⁹ СПбВ. 1768. № 99 (9 дек.). Б. с.
- ⁶⁰ Там же. 1770. № 72 (6 сент.); № 73 (10 сент.).
- ⁶¹ Там же. 1773. № 70 (30 авг.). Б. с.
- ⁶² Там же. 1774. № 90 (11 нояб.). Прибавления. Б. с.
- ⁶³ Там же. 1770. № 21 (12 марта); № 97 (3 дек.) и др.
- ⁶⁴ Там же. 1763. № 2 (7 янв.).
- ⁶⁵ Там же. 1763. № 44 (3 июня). Б. с.
- ⁶⁶ Там же. 1765. № 4 (14 янв.). Б. с.
- ⁶⁷ Там же. 1768. № 62 (1 авг.). Б. с.
- ⁶⁸ Там же. 1770. № 12 (9 февр.).
- ⁶⁹ Там же. 1771. № 45 (7 июня).
- ⁷⁰ Там же. 1764. № 70 (31 авг.). Б. с.
- ⁷¹ Там же. 1766. № 71 (5 сент.). Б. с.
- ⁷² Там же. 1766. № 93 (21 нояб.). Б. с.
- ⁷³ Там же. 1772. № 54 (6 июля). Б. с.
- ⁷⁴ Там же. 1773. № 21 (12 марта). Б. с.
- ⁷⁵ Там же. 1774. № 72 (9 сент.). Б. с.
- ⁷⁶ Там же. 1774. № 59 (25 июля).
- ⁷⁷ Там же. 1773. № 90 (8 нояб.). Б. с.
- ⁷⁸ СК. № 8634.
- ⁷⁹ СПбВ. 1773. № 90 (8 нояб.). Б. с.
- ⁸⁰ *Березайский В. С.* Письмо Любоведа к Словохоту // Анекдоты древних пошехонцев. СПб., 1798.— С. 1–2. Цит. по кн.: *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков... С. 31–32.
- ⁸¹ СПбВ. 1773. № 33 (23 апр.). Б. с.
- ⁸² Там же. 1772. № 2 (6 янв.). Б. с.
- ⁸³ Там же. 1773. № 66 (16 авг.). Б. с.
- ⁸⁴ Там же. 1773. № 54. (5 июля). Б. с.
- ⁸⁵ Там же. 1768. № 72 (5 сент.). Б. с.
- ⁸⁶ См.: *Семенников В. П.* Русские сатирические журналы... С. 83 и др.; *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков... С. 17–18.
- ⁸⁷ *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков... С. 18–19, 159.
- ⁸⁸ *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. С. 5, 276.
- ⁸⁹ См., например: *Фундаминский М. И.* Материалы по истории книги в книготорговых объявлениях газеты «Санктпетербургские ведомости» // Книга в России в эпоху Просвещения: Сб. научн. трудов. Л., 1988. С. 136–144.
- ⁹⁰ *Новиков Н. И.* Избранное. М., 1983. С. 138.
- ⁹¹ Там же. С. 198.
- ⁹² Там же. С. 96. Характерно, что книги, упоминаемые Н. И. Новиковым, оставались одними из самых читаемых, как это будет показано ниже, и в конце XVIII в.
- ⁹³ Данные о том, как раскупались эти книги, приводятся ниже.
- ⁹⁴ СПбВ. 1779. № 85 (22 окт.). Прибавления. С. 1278.

- ⁹⁵ Зайцева А. А. Иностранцы-книготорговцы в С.-Петербурге в конце XVIII — начале XIX в. С. 30.
- ⁹⁶ СПбВ. 1780. № 87 (30 окт.). С. 1033.
- ⁹⁷ Там же. 1783. № 21 (14 марта).
- ⁹⁸ См.: СПбВ. 1782. № 9 (1 февр.). С. 49; № 13 (15 февр.). С. 81; 1783. № 16 (24 февр.); № 43 (30 мая).
- ⁹⁹ Там же. 1782. № 68 (26 авг.). С. 605; 1782. № 87 (1 нояб.). С. 810.
- ¹⁰⁰ Там же. 1783. № 50 (23 июня). Б. с. См. также № 51–52.
- ¹⁰¹ Мартынов И. Ф. Петербургский книготорговец и книгоиздатель XVIII века Иоганн Якоб Вейтбрехт // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX века. Л., 1979. С. 39–58.
- ¹⁰² Там же. С. 44–45.
- ¹⁰³ Там же. С. 43.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 51.
- ¹⁰⁵ СПбВ. 1778. № 83 (16 окт.). Прибавления. С. 1093.
- ¹⁰⁶ Там же. 1780 (28 янв.).
- ¹⁰⁷ Там же. 1783 (31 янв.).
- ¹⁰⁸ Там же. 1783 (19 мая).
- ¹⁰⁹ См.: Мартынов И. Ф. Книготорговец и книгоиздатель XVIII в. М. К. Овчинников // Книга: Исследования и материалы. М., 1972. Т. 24. С. 99–114.
- ¹¹⁰ СПбВ. 1783. № 49 (20 июня).
- ¹¹¹ СК, № 6167–6172.
- ¹¹² Там же. № 1381.
- ¹¹³ СПбВ. 1783. № 21 (14 марта).

IV

ГЛАВА

ЧАСТНАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 80–90 гг. XVIII ВЕКА

начала 80-х гг. складываются благоприятные условия для культурного развития России. Страна получила давно желаемую стабилизацию внутренней и внешнеполитической жизни. Правительством проводится ряд важных, давно назревших реформ. Для развития книжного дела особое значение имел Указ Екатерины II от 15 января 1783 г. «О позволении во всех городах и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранных языках, с освидетельствованием оных от Управы Благочиния», покончивший с государственной монополией на книгопечатание и предоставлявший право частным лицам заводить собственные типографии. Принятию закона способствовало усиление просветительских тенденций в обществе, стремление воплотить некоторые из норм западной культуры на русской почве. Дозволяя свободное книгопечатание, Екатерина II, возможно, надеялась противопоставить его все увеличивавшемуся потоку масонских книг, поступающих на книжный рынок, отношение к которым она недвусмысленно выразила своим анонимно изданным сочинением «Тайна противо-нелепого общества (Anti-absurde) открытая не причастным оному». Дата «1759», указанная на титульном листе, была литературной мистификацией, полемическое сочинение вышло в 1780 г. в типографии Вейтбрехта и Шнора одновременно на русском, французском и немецком языках.

Культурно-просветительские реформы начала 80-х гг., расширившееся книгопечатание Академии наук, издательско-книготорговая деятельность Новикова, получившего с 1779 г. в аренду типографию Московского университета и постепенно организовавшего на этой базе целый комплекс — «Типографическую компанию», — все это способствовало дальнейшему формированию книжного рынка, развитию книготорговых отношений.

Существенные изменения (как следствие всех этих явлений) наступают и на книжном рынке Петербурга. Складываются благоприятные условия для развития русской частной книготорговли. Матвей Овчинников был первым русским купцом, открывшим собственную лавку в Петербурге. Но уже скоро положение меняется. С начала 80-х гг. во многих книжных лавках Петербурга, торговавших рус-

скими книгами, стали продаваться новиковские издания — книги Московского университета и Типографической компании. Характерно, что некоторые новые книжные лавки, открытые в эти годы в Петербурге, выступали как «московские». Н. И. Новиков не только использовал уже имевшиеся книжные лавки (К. В. Миллера, М. К. Овчинникова и др.), но и специально направлял туда купцов для торговли своими изданиями. Возможность освоения нового дела для начинающих торговлю облегчалась тем, что Новиков снабжал их книгами в кредит на льготных условиях. Так, в Петербурге в начале 80-х гг. в число его комиссионеров попали Т. А. Полежаев, И. П. Глазунов, Н. Н. Кольчугин, В. С. Сопиков и др. Позднее именно из этого круга новиковских «кадров» и вышли книготорговцы-профессионалы, создавшие устойчивые жизнеспособные предприятия, как, например, И. П. Глазунов, или оставившие след в науке, такие как В. С. Сопиков.

Кто же были эти новые люди в торговле, решительно взявшие в свои руки продажу русских книг в Петербурге и потеснившие иностранных книгопродавцев? По сохранившимся ревизским сказкам можно судить о социальном и имущественном положении некоторых из этих купцов, а в отдельных случаях (на основе записей в паспортах) даже и об их наружности¹. Для большинства русских купцов торговля книгами в конце 80-х гг. XVIII века была «промыслом новым», как правило, они еще не имели «недвижимого имения» и вели «книжной торг» в наемных лавках. Все они показывали капитал в 1010 р., необходимый для вступления в 3-ю гильдию. Разумеется, имущественное положение их не было одинаковым. Уже в эти годы И. Глазунов или Н. Кольчугин были гораздо богаче других. В. Сопиков, служивший ранее приказчиком у Кольчугина, еще продолжал в эти годы выполнять его поручения, братья Заикины находились в услужении у И. Глазунова, а С. Глазунов был приказчиком Т. Полежаева. Немногочисленные документы (переписка купцов, деловые бумаги, различные описи и др.) показывают, что почти все они были грамотными, хорошо разбирались в книжной конъюнктуре, знали цену любой книги, продававшейся в Москве или Петербурге, и спрос на нее. В большинстве своем это были выходцы из мещан или купеческого сословия — молодые, деятельные люди, энергично взявшиеся осваивать новую профессию² (см. таблицу IV–1).

«Вольные» русские книготорговцы, особенно на первых порах, были тесно связаны друг с другом, для их отношений было характерно своеобразное цеховое содружество. Часто они выступали с поручительствами друг за друга. Как видно из тех же ревизских сказок, поручителями Т. Полежаева при его записи в купечество были И. Глазунов и М. Овчинников (1790 г.), В. С. Сопикова — они же (1788 г.), С. Глазунова — М. Овчинников «с товарищи» (1791 г.), братьев Заикиных — Семен и Иван Глазуновы (1795 г.). Когда число русских книжных лавок в Петербурге пополнилось еще одной, которую открыл купец П. Г. Ступин, то его поручителями при закупке им книг в лавке Академии наук выступили хорошо известные академическому начальству купцы И. Глазунов и В. Сопиков (1795 г.)³. Основными конкурентами всех владельцев русских книжных лавок были иностранные книготорговцы Петербурга — И. Вейтбрехт, И. Шнор, Г. Клостерман, А. Роспини и др., владевшие к этому времени уже значительными капиталами. Родственные связи купцов также способствовали тому, что они поддерживали друг друга. Так, например, Матвей и Иван Глазуновы были в родстве с Т. Полежаевым, С. Глазуновым, Заикиными.

По статистике, в Петербурге в 1790 г. числилось «граждан именитых 27 (т. е. купцов, капитал которых составлял не менее 10 тыс. р.— А. З.), купцов 3560, иностранных гостей 160 душ»⁴. И. Г. Георги в Путеводителе по Петербургу 1790 года сообщал, что в начале 90-х гг. продажа иностранных книг в Петербурге велась в лавках Вейтбрехта, Клостермана, Еверса, братьев Гей, Роспини, Логана, Герстенберга и Миллера, торговавшего преимущественно русскими книгами. «Российскими книгопродавцами» он называл И. Глазунова, Т. Полежаева, В. Сопикова⁵. Однако общее число книгопродавцев (русских и иностранных) было ббльшим. Если судить по книгопродавческим объявлениям в «Санктпетербургских ведомостях», в Петербурге в начале 90-х гг. все заметнее становится тенденция к постоянному возрастанию числа русских книжных лавок. Довольно скоро число русских книготорговцев не только становится равным числу иностранных, но и начинает превышать его (в соотношении примерно 13 к 10). Общее же число книжных лавок было еще больше, поскольку, в отличие от иностранных книгопродавцев, русские купцы, как правило, имели не одну, а по две-три книжных лавки. (Так, например, Иван Глазунов к концу XVIII века располагал только в Петербурге сразу пятью книжными лавками.) Вряд ли это обстоятельство, как уже отмечал П. Н. Столпянский⁶, можно объяснить большим спросом на книги. Все же число книжных лавок, находившихся в распоряжении одного купца, несомненно свидетельствовало о книжных запасах и размахе его торговли (таблица IV–2).

Существенную роль в успешном ведении книготорговли играло местоположение книжной лавки. Зачастую на основе одного адреса (например, Сенная площадь) можно сделать вывод о том, на запросы какого рода читателя была ориентирована книжная лавка. Примечательно, что для Петербурга конца XVIII века было характерно четкое территориальное размежевание русских и иностранных книжных магазинов. Иностранные книгопродавцы, обслуживавшие в первую очередь аристократию, стремились открывать книжные магазины в фешенебельных кварталах Петербурга — неподалеку от дворца, среди особняков — на Миллионной и Большой Морской, на Исаакиевской площади, Адмиралтейском и Невском проспектах. Так, магазин «придворного книгопродавца» Антуана Роспини находился на Невском проспекте у Казанского собора, Германа Клостермана — на Исаакиевской площади, Иоганна Вейтбрехта — у Синего моста. Лавки русских купцов, в свою очередь стремившихся утвердиться в центре города, в наиболее посещаемых его местах, были сосредоточены в 3-й Адмиралтейской части — Гостином дворе и по соседству с ним. Исторически сложившиеся места книготорговли уже не менялись, и только лавки переходили из рук в руки.

Гостиный двор к 90-м гг. XVIII века представлял, по словам современника, двухъярусное здание, «каковому обширностию в Эвропе нет подобного»⁷. В нем было 147 «коренных лавок, разумея за одну в низу и в верху и принадлежащие к лавкам окошки». Линия, выходящая на Невский проспект, называлась «Суконной» и состояла из 30 лавок, по Садовой улице шла «Зеркальная» линия — 15 лавок, ее продолжали «Овощная» (45 лавок) и «Холщевая» (12 лавок) линии. Замыкала здание, представлявшее неправильный вытянутый четырехугольник, «Суровская» («Шелковая») линия, состоявшая из 45 лавок и находившаяся на месте современной Перинной линии. Кроме того, ряды лавок тянулись внутри Гос-

тинового двора («Железная», или «Шпажная», линия), а также между «Суровской» линией и находящимся напротив «Гильдейским домом».

Гораздо раньше, в 70-е гг., Гостиный двор стал излюбленным местом прогулок петербургской публики. В сатирической картинке нравов «Из Гостиного двора» Новиков описывал досаду купечества, которое «претерпевает великое помешательство в торговле от прогуливания знатных госпож и господ по Гостиному двору. Сия мода недавно вошла в употребление; и купечеству нашему тем более вредна, что госпожи и господа приезжают туда в великом множестве; садятся в лавках беседовать; пересматривают все товары, какие только есть; разговаривают о нарядах и любовных делах; пересмевают всех проходящих, а между тем купцы теряют напрасно свое время... Сии тягостные для хозяина гости, просидев часа два в лавке, выходят; а купец принужден бывает часа три прибирать разбросанные товары, которые гостям своим показывал и из которых они ничего не купили. Пришедшие для покупки товаров люди уходят домой и принуждены бывают приходить в гостиный двор раза по три за тем, что могли бы они искупить в десять минут. Гости гостиного двора переходят из лавки в лавку, ищут знакомых; находят и с ними еще садятся и разговаривают до того времени, как уже будет поздно»⁸.

Освоение Гостиного двора книгопродавцами в XVIII веке началось не с Невского проспекта, а со стороны Садовой улицы, где тогда проходили «Зеркальная» и «Овощная» линии. Первым здесь, хотя и на непродолжительное время, «в каменных лавках под № 44» обосновался в 1782 г. книгопродавец М. Овчинников⁹. Спустя два года он завел еще одну книжную лавку внутри Гостиного двора со стороны Садовой улицы под № 64 — в «Железной», или «Шпажной», линии.

С середины 80-х гг. здесь постоянно торговали книгами — то «в больших воротах», где вел торговлю сиделец Новикова В. Федотов, то «в бумажных лавках» под № 31 и 32, находившихся почти на углу Садовой улицы и Невского проспекта, — но так и не возникло ни одной настоящей книжной лавки. Торговля книгами здесь приобрела более оживленный характер лишь с 1809 г., когда на Садовой улице в лавке № 37 начали торговать братья Яков и Иван Сленины. И хотя книготорговая и культурно-просветительская деятельность одного из братьев Слениных позднее получила большую известность, начало торговли Слениных (1809–1812) осталось вне поля зрения исследователей истории книги. Примечательно, что братья Сленины в эти годы, как видно из дававшихся ими книгопродавческих объявлений, торговали только иностранными книгами, преимущественно французскими. Даже объявления о новой лавке были, как правило, на французском языке. И только после 1812 г. характер их торговли существенно изменился.

Помимо книжных лавок в «Зеркальной» и «Овощной» линиях имелись «книжные шкафы» и «окошки», в которых также продавались книги.

По примеру иностранных книгопродавцев и русские купцы стремились утвердиться в центре города, на Невском проспекте. Однако, как правило, проходило несколько лет, прежде чем купцу, приехавшему торговать в Петербург, удавалось открыть лавку на Невском проспекте, и тем более в Гостином дворе. Так, например, прошло около пяти лет, прежде чем Иван Глазунов первым сумел обосноваться в лавке № 15 у центральных ворот по «Суконной» линии, тянувшейся вдоль Невского проспекта¹⁰. Эта лавка скоро стала одним из главных мест его торговли. Здесь он долгие годы торговал сам, здесь помогали ему находившиеся в 90-е гг.

у него в услужении братья Заикины — Иван «большей» и Иван «меньшей», а позднее — его сыновья Петр и Илья Глазуновы.

В лавке № 16, также по «Суконной» линии, но с другой стороны ворот, с 1788 г. пытался утвердиться Т. Полежаев, бывший компаньон И. Глазунова, с которым у него к этому времени уже произошел разрыв. В начале 90-х гг. Т. Полежаев торговал в этой лавке со своим новым компаньоном Герасимом Зотовым (иногда ошибочно указывается, что Г. Зотову принадлежала и лавка № 15), но им не удалось удержать за собой это место, и с 1791 г. лавка № 16 перешла в руки В. С. Сопикова. Вскоре эта лавка на Невском проспекте становится для Сопикова главной. С 1791 г. он открыл при ней «Библиотеку для чтения». И хотя Сопикову нелегко было конкурировать с богатыми книготорговцами (каким к этому времени стал, например, И. Глазунов), лавка № 16 принадлежала ему до августа 1803 г.¹¹. К этому времени в его деятельности начали преобладать научные интересы, он уже вел работу над «Опытом российской библиографии», и лавка с «Библиотекой для чтения» были проданы В. Сопиковым для того, чтобы иметь возможность опубликовать свой труд. От Сопикова лавка № 16 перешла к Ф. Свешникову, выбившемуся к началу XIX века в число богатейших русских книготорговцев. Позднее, в 1810 г., Свешников сумел приобрести и лавку № 14 по «Суконной» линии, к немалой досаде своего основного конкурента И. Глазунова, также претендовавшего на нее и оставшегося крайне недовольным подобным соседством.

В начале 90-х гг. непродолжительное время в лавках № 11 и 12 по «Суконной» линии вел торговлю книгами и Матвей Овчинников.

Таким образом, в Гостином дворе со стороны Невского проспекта в конце XVIII века открыли книжные лавки все наиболее крупные русские петербургские книгопродавцы — Иван Глазунов, М. Овчинников, Федор Свешников и Василий Сопиков. Из 30 лавок, находившихся на «Суконной» линии, не менее трех—четырёх постоянно были заняты под книготорговлю. Все они были расположены рядом и создавали своеобразный «книжный» ряд в центре «Суконной» линии.

Гораздо менее популярным у книготорговцев были «Суровская» и «Галантерейная» линии Гостиного двора. Здесь не было ни одной книжной лавки, в которой литература продавалась бы постоянно, в течение нескольких лет. Торговля тут велась эпизодически, в разных местах, достаточно случайными людьми, не сыгравшими сколько-нибудь заметной роли в книготорговле.

С годами, по мере того как разрастался объем торговли в Гостином дворе, возникали все новые книжные лавки. Так, в 1794 г. еще одна лавка была открыта в «Ямщиковском», или «Шорном», ряду, находившемся напротив здания Ассигнационного банка (приблизительно на месте современной улицы Ломоносова). Недолгое время здесь торговал Т. Синичкин, а с 1802 г. эта лавка стала «комиссионной», т. е. в ней начали продаваться преимущественно издания Комиссии об учреждении училищ.

В конце XVIII века к Гостиному двору относили и «Ниренбергскую» линию, находившуюся почти напротив на Невском проспекте. Уже с конца 80-х гг. там была книжная лавка (а может быть, и не одна), о которой время от времени давались объявления в «Санктпетербургских ведомостях». С 1793 г. на Невском проспекте, «в преждебывшей ниренбергской линии», в доме Католической церкви начала постоянно действовать «вновь открытая» книжная лавка № 5, принадлежа-

щая книготорговцу и издателю И. Сытину. Он торговал в ней почти целое десятилетие, и только в 1802 г. эта лавка перешла к московскому купцу М. Попову и превратилась в петербургский филиал торгово-издательского предприятия Поповых.

На «Ниренбергской» линии попытались утвердиться и Глазуновы. Так, в 1794 г. в доме Католической церкви, в лавке № 3 некоторое время продавал книги Семен Глазунов. Но вскоре она на долгое время перешла к Ф. Свешникову, начавшему с торговли в ней собственное дело.

Как часть Гостиного двора в конце XVIII века рассматривались и лавки в доме купца Шарова, находившиеся напротив «Суровской» линии. Здесь также еще с середины 80-х гг. имелась книжная лавка. Именно сюда в начале 90-х гг. был отнесен с Садовой улицы и из Гостиного двора — более выгодных мест книготорговли — М. Овчинников (в момент, когда он начал испытывать затруднения в делах), а позднее здесь «в среднем этаже во 2-ой от входу лавке» вел торговлю С. Гнутов, являвшийся, по-видимому, его приказчиком или даже подставным лицом.

В начале 90-х гг. некоторые книготорговцы (в частности, Т. Полежаев) пытались открывать книжные лавки по соседству с Гостиным двором — в доме купца Милютин на Невском проспекте. Однако освоить дом Милютина купцам-книготорговцам так и не удалось, и здесь обосновались продавцы галантерейных и кондитерских товаров.

Другим столь же важным местом книготорговли русских купцов, как Гостиный двор, стал так называемый «Аничков дом», находившийся на Садовой улице неподалеку от Невского проспекта¹². Местонахождение этого дома почти на углу Садовой и Невского было выгодным для книготорговли, и поэтому каждый из русских купцов стремился открыть там лавку. История «заселения» этого дома наглядно иллюстрирует то, как упорно боролись книготорговцы за места.

Первым, еще в 1783 г., книжную лавку № 22 в «Аничковом доме» открыл М. Овчинников и торговал в ней около 10 лет, до начала 90-х гг. Уже в следующем 1784 г. он открыл лавку № 20, а с 1785 г. в его руки перешла и соседняя лавка № 21, в которой ранее торговал купец Ф. Антамонов. Все это свидетельствовало о несомненном успехе торговых дел М. Овчинникова¹³. Особенно примечателен тот факт, что некоторое время Овчинников торговал в лавке № 21. Она была известна в Петербурге как «московская» книжная лавка, поскольку в ней преимущественно продавались издания Новикова. И то, что Овчинников торговал в ней около двух лет, в 1785–1786 гг., позволяет предположить, что и он был комиссионером Новикова; во всяком случае, это доказывает его непосредственные связи с Новиковым. Характерно, что и позднее в этой лавке велась торговля «московскими» книгами, хотя ее владельцы часто менялись (в ней торговали С. Бучин, Н. Кольчугин, С. Глазунов), пока она, наконец, не перешла в руки И. Глазунова.

С середины 80-х гг., когда книгопродавец и издатель М. Овчинников начал испытывать трудности и был близок к разорению, его лавки одна за другой начали переходить к его более удачливым конкурентам — И. Глазунову, Т. Полежаеву, Г. Зотову. Так, лавка № 20 перешла к И. Глазунову в 1786 г., к этому времени уже начавшему утверждаться на книготорговом поприще и сразу потеснившего всех других книгопродавцев. Эту лавку Глазунов удерживал за собой до 1794 г. С 1787 г. Глазунову удалось занять и лавку № 21, а в самом конце XVIII века — лавку № 22, которые на долгие годы, наряду с лавкой № 15 в Гостином дворе, стали для

И. П. Глазунова и его наследников основными местами торговли в Петербурге. По семейному преданию Глазуновых, именно сюда, в «Аничков дом», в лавку № 21, зашел как-то в красном плаще Г. А. Потемкин и предложил И. Глазунову продать ему сразу все, что было в лавке, но пока молодой купец, растерявшись, молчал, каприз всесильного вельможи прошел, и Потемкин ушел из лавки¹⁴. В 1800 г. Глазунов, расширяя свое дело, открыл в «Аничковом доме» еще одну лавку № 18, которую ему удалось снять после смерти книгопродавца Г. Зотова.

Характерно, что как только дела М. Овчинникова несколько поправились, он вновь попытался закрепиться на старом месте, в Аничковом доме. Так, в 1795 г. он некоторое время торговал там в лавке № 16, а затем на целое пятилетие, до самой смерти, обосновался в лавке № 19, перешедшей к нему от В. Сопикова.

Помимо М. Овчинникова и И. Глазунова лавки в Аничковом доме в конце XVIII века имели В. Сопиков, Г. Зотов, Т. Полежаев. В. Сопиков удерживал за собой лавку № 19 в течение пяти лет (1789–1794). Т. Полежаев и Г. Зотов, состоявшие в компании с начала 90-х гг., в это время торговали в лавке № 22 (ранее принадлежавшей Овчинникову), а затем открыли еще одну лавку № 18, которая принадлежала им почти до конца XVIII века, когда со смертью Г. Зотова распалось их товарищество.

Примечательно, что каждый из русских купцов, вступавших на поприще книготорговли, стремился во что бы то ни стало приобрести лавку в Аничковом доме¹⁵. Так, например, новое лицо в книготорговле конца 90-х гг., Петр Ступин, по примеру предшественников также завел себе там лавку. С 1798 г. (а возможно, и раньше, поскольку неизвестно, кому принадлежала лавка № 20 в 1795–1798 гг.) в его руки перешла лавка № 20, в которой ранее, до середины 1794 г., торговал И. Глазунов. А в 1803 г. П. Ступин открыл в Аничковом доме еще одну лавку — № 17. Точно так же и И. Заикин «большой», приказчик Глазунова, стоило ему выделиться и начать самостоятельно торговать, прежде всего открыл лавку в Аничковом доме по соседству со своим бывшим хозяином. И. Заикину удалось снять лавку № 19, принадлежавшую до этого М. Овчинникову. В том же 1800 г. Заикины открыли там же еще одну новую лавку (№ 23). Обе они стали опорными в быстро разраставшемся книготорговом предприятии Заикиных. Позиция братьев еще более укрепилась после того, как, войдя в товарищество с Ф. Свешниковым в 1807 г., они совместно сняли и лавку № 17, в которой ранее торговал П. Ступин.

Таким образом, менее чем за два десятилетия две первые лавки (№ 20 и 22) обросли другими, и в Аничковом доме возник своеобразный книжный ряд из 8 лавок (16–23). На долгое время Аничков дом стал излюбленным местом книготорговли русских купцов, и только владельцы лавок со временем менялись. Когда все возможности дальнейшего расширения «книжного ряда» в Аничковом доме были исчерпаны, книготорговцы начали снимать помещения в соседних домах. Так, в конце первого десятилетия XIX в., рядом с Публичной библиотекой, «не доходя прежних книжных лавок», был выстроен дом флигель-адъютанта Балабина. Вскоре и в этом доме одна за другой начали открываться книжные лавки, составившие единый книжный ряд вместе с лавками в Аничковом доме. Первыми в доме Балабина в 1811 г. книжную лавку (№ 25) завели братья Глазуновы. Вслед за ними поспешили открыть лавку (№ 26) и братья Заикины. Там же в 1812 г. была открыта книжная лавка (№ 28) владельцем типографии В. А. Плавильщиковым.

Точно так же и с другой стороны Аничкова дома по Садовой улице возникали новые книжные лавки. Так, в начале XIX века в период с 1804 по 1812 г. было открыто четыре книжных магазина в доме, принадлежавшем графу А. Р. Воронцову, а позднее — Пажескому корпусу. Первым книжную лавку (№ 3) открыл там в 1803 г. И. В. Попов. Это был филиал все разраставшегося московского предприятия Поповых. В 1809 г. Поповы еще расширили петербургскую торговлю, открыв рядом лавку № 4. В лавке № 2 с 1804 г. торговал Ф. Свешников, а с 1811 г. в доме графа Воронцова появилась и лавка № 1, принадлежавшая купцу М. И. Староверову.

Книжные лавки имелись по всей Садовой улице, включая Сенную площадь. С конца XVIII века книготорговцы попытались освоить и Апраксин двор. Специфической особенностью торговли в этом месте было то, что уже с конца 80-х гг. Апраксин двор с находившимся рядом Толкучим рынком стал центром букинистической торговли в Петербурге. Первоначально здесь торговали книгами «на рогоже» и «в развал»; деревянные лавки-будки стали строиться позднее. Однако постоянные лавки были в Апраксином дворе уже в конце XVIII века (гораздо раньше, чем принято считать). Так, например, с 1796 г. в «Апраксиных лавках под № 8» торговал Изот Агафонов; позднее, там же — купец Ермошин. А в 1809 г. сразу две книжные лавки (№ 14 и 17) в «Апраксином доме» имел купец Ухтин, получивший большую известность в первой половине XIX века как продавец антикварной и букинистической книги.

Сравнительно рано появились книжные лавки и на Сенной площади. Так, в 1784 г. здесь «во втором доме над железными лавками» торговал книгами М. Овчинников¹⁶. В конце 90-х гг. «возле церкви Успения в доме г. Яковлева» имел книжную лавку купец Изот Антюков.

Таким образом, Гостиный двор, часть Невского проспекта напротив, по солнечной стороне, до Казанского собора, Садовая улица с Сенной площадью и были в конце XVIII — начале XIX века основными местами книжной торговли русских купцов в Петербурге. Эпизодически возникавшие в других частях центра книжные лавки, как правило, существовали непродолжительное время. Недолго торговал, например, М. Мошков, открывший в 1797 г. книжный магазин на Большой Морской, или комиссионер Трофимов, обосновавшийся в 1809 г. на Фонтанке. Эта тяга к книготорговому центру хорошо просматривается на примере карьеры Слепниных, первоначально продававших книги в магазине, находившемся «Близ Семеновского мосту в Гороховой улице... в доме под № 114», но довольно быстро, в том же 1809 г., перебравшихся в Гостиный двор, в «Зеркальную линию».

Островное расположение Петербурга, разобщенность отдельных частей города, особенно усиливавшаяся в весеннюю и осеннюю непогоду, приводили к созданию книготорговых центров на Васильевском острове, в Петербургской части, в Коломне и других местах.

Особенно это было характерно для Васильевского острова, где находилась Академия наук и целый ряд других научных и учебных учреждений, типографий, где жили ученые, разночинная интеллигенция, т. е. люди, интересовавшиеся книгами. Не случайно здесь, еще с середины 80-х гг. XVIII века, «в Гостином дворе» на 6-й линии (в Андреевском рынке) уже имелась книжная лавка. Некоторое время там в лавке № 9 торговал Петр Попов. Книжная торговля велась в Андреевском рынке до 1796 г., когда он сторел. Книгами собственного издания регулярно торговал

в 1785–1792 гг. на Большом проспекте на углу 4-й линии в доме № 189 владелец типографии Емельян Кириллович Вильковский. Почти в течение десятилетия продавались книги, преимущественно исторического и философского содержания, и на 14-й линии в доме № 589 коллежского асессора Мальгина, а с 1800 г. и в доме № 613.

Кроме того, с начала 90-х гг. на Васильевском острове неподалеку от Тучкова моста, в доме № 271 (рядом с домом Академии наук) продавал книги Ф. Зайцев, торговавший одновременно и на бирже в центре города. В начале XIX века появилась первая книжная лавка и в наиболее удаленной части Васильевского острова — Галерной гавани, где жили преимущественно мастера.

На Петербургской стороне первые постоянные книжные лавки появились лишь в начале XIX века. Так, в 1806 г. велась торговля книгами на Сытном рынке в лавках купца Шапошникова, а также в Колтовской улице. В течение двух лет (1807–1809) в Малой Офицерской № 190 близ Владимирской церкви торговал книгами Т. Устинов.

В других частях города (а в конце XVIII века по территориальному делению их было 10) постоянных книжных лавок тогда не было.

Конец XVIII века — это период, когда начала быстро развиваться частная русская книготорговля. И хотя и в эти годы продажа русских книг в Петербурге одновременно велась переплетчиками, издавна бывшими распространителями скапливавшихся у них книг, издателями, авторами и другими лицами, это уже не имело большого значения. С конца XVIII века книготорговля переходит в руки специально занимающихся ею купцов, в это же время определяются и постоянные места — «центры», — где она производится. Исторически сложившись, они затем существовали в течение долгих лет. Так, в середине XIX века в «Санктпетербургских ведомостях» подчеркивалось: «Наши книгопродавцы чрезвычайно постоянны: кто где сел однажды, того выживет разве перестройка дома или какой-нибудь неприятный случай; по доброй воле Русские книги редко меняют место»¹⁷. Для конца XVIII века было характерно не только быстрое, чисто количественное увеличение русских книжных лавок, возникают первые устойчивые, жизнеспособные торговые предприятия. Торговля русской книгой становится выгодным способом вложения капитала, и русские купцы начинают заметно теснить на книжном рынке своих иностранных конкурентов. С середины 90-х гг. русские купцы становятся полноправными партнерами господствовавших до этого на книжном рынке иностранных книготорговцев.

Среди русских книгопродавцев и издателей конца XVIII — начала XIX века наиболее известно имя И. П. Глазунова (1762–1831). Основанное им совместно с братом М. П. Глазуновым (1757–1830) торгово-издательское предприятие оказалось одним из самых долговечных и просуществовало более 130 лет, до октября 1917 г.

Юбилейные издания, выпущенные по случаю 100-летия торгового дома Глазуновых и открытия типографии, донесли до нашего времени много ценных сведений и об их основателе И. П. Глазунове¹⁸. Вместе с тем ряд архивных документов (из СПбФ АРАН, РГИА, РО РНБ) позволяют уточнить уже известное о Глазунове, а также более полно представить характер его книготорговой и издательской деятельности. Ценнейший материал о книжной торговле того времени приносят и книгопродавецские объявления в «Санктпетербургских ведомостях» и «Московских ведомостях».

О деятельности И. П. Глазунова в Петербурге до конца 1785 г., когда в «Санкт-петербургских ведомостях» появилось его первое книгопродавческое объявление¹⁹, ничего не известно. Считается, что И. П. Глазунов был послан в Петербург старшим братом Матвеем²⁰. Однако скорее всего, оба брата Глазуновы, почти одновременно (в 1782 и 1783 гг.) открывшие торговлю в Москве и Петербурге, были комиссионерами Н. И. Новикова. В начале 80-х гг. книжная торговля в Петербурге по существу была сосредоточена в руках иностранных книгопродавцев и переpletчиков. Стремясь к расширению русского книжного рынка и используя благоприятную ситуацию, сложившуюся для книготорговли в то время, Новиков и направил в Петербург своего комиссионера Т. А. Полежаева вместе с энергичным и способным И. П. Глазуновым, где тот «года полтора исполнял поручения Т. А. Полежаева»²¹. В рукописной статье А. И. Аникиева «Разное о первых книгопродавцах Глазуновых»²² было высказано предположение о том, что в двух объявлениях (1783 и 1784 гг.) в «Санктпетербургских ведомостях», где говорилось о продаже книг «на бирже, также у Гостиного двора на углу в будке, и на Шукином дворе в книжной лавке»²³, даны сведения о местах торговли в Петербурге Т. Полежаева и И. Глазунова. Его догадка подтверждается обнаруженными нами более поздними книгопродавческими объявлениями И. Глазунова, в которых упоминаются и «шкаф» на бирже, и «будка» в Гостином дворе²⁴. Приезжим купцам нелегко было утвердиться в чужом городе и подыскать подходящее помещение для новой книжной лавки. Тем не менее дела молодого Глазунова, по-видимому, шли успешно: всего за 2–3 года он настолько преуспел в торговле, что смог записаться в петербургские купцы 2-й гильдии, открыть в 1785 г. в центре города собственную лавку и выдвинуться в первые ряды петербургских торговцев русской книгой.

Книгопродавческие объявления И. Глазунова в «Санктпетербургских ведомостях» позволяют пополнить сведения о том, какими лавками он владел в то время, и являются своеобразным свидетельством развития его торговых дел (см. таблицу IV–3).

На основании объявлений в «Санктпетербургских ведомостях» устанавливается, что в 1785 г. Глазунов открыл первую лавку «на Невской перспективе подле аптеки под № 9» в доме портного Венкера. В конце 80-х гг. он завел еще два книжных магазина № 20 и 21 в «доме Шемякина», или, как он чаще назывался, «Аничковом доме». Это двухэтажное здание на углу Невского проспекта и Садовой улицы рядом с Публичной библиотекой ранее принадлежало Аничкову дворцу, и часть помещений в нем сдавалась под лавки русским книготорговцам. В начале XIX века оно перешло в собственность Библиотеки. В лавке № 21 Глазунов некоторое время торговал совместно со Степаном Бучиным, который, по-видимому, был его сидельцем или даже играл роль подставного лица в период массовой конфискации в 1787 г. религиозных и масонских книг, изданных Н. И. Новиковым. Весной 1788 г. лавка в доме Венкера перешла к В. И. Сопикову²⁵, а Глазунов вскоре открыл еще одну лавку «в Гостином дворе в суконной линии под № 15»²⁶. Таким образом, к концу 80-х гг. Глазунов уже вел торговлю в трех лавках, расположенных в самом центре Петербурга. В 1793 г. Глазунов, несмотря на все усиливавшуюся конкурентную борьбу, открыл четвертый книжный магазин — также на Невском проспекте «подле Католической церкви против Милютиных лавок под № 3» (см. таблицу IV–3).

В годы наступившей реакции в начале 90-х гг. книгопродавческие объявления, отражавшие все изменения общественной жизни, почти исчезли со страниц газет. Вместо пространных перечней продающейся литературы и развернутых аннотаций на книжные новинки в «Санктпетербургских ведомостях» публикуются лаконичные сообщения о продаже сочинений «во всех российских книжных лавках...» или же «у всех здешних книгопродавцев...», нередко дававшиеся совместно торговцами и русской, и иностранной книгой. Магазины московских книгопродавцев в это время (с 1792 г.) были «запечатаны» за распространение запрещенных новиковских изданий, а сами купцы (в том числе и Матвей Глазунов) отданы под суд. Много неприятностей в 1793 г. было и у Ивана Глазунова в связи с изданием трагедии Б. Я. Княжнина «Вадим Новгородский»²⁷. Книготорговец некоторое время содержался под стражей и был допрошен московским главнокомандующим А. А. Прозоровским. По указу Сената экземпляры трагедии разыскивались не только в столицах, но и в провинции, а затем были сожжены на костре в Петербурге²⁸. Не случайно в 1794–1795 гг. в «Санктпетербургских ведомостях» почти полностью исчезли и книгопродавческие объявления И. Глазунова. И все же положение русских купцов в годы екатерининской реакции и позднее, в павловское время, было более благоприятным по сравнению с иностранными торговцами (особенно французами), постоянно подозреваемыми правительством в распространении сочинений, проникнутых «философической вольностью». За малейшую оплошность любой из них, подобно фактору типографии Сухопутного кадетского корпуса Сому, «с давнего времени в неизвестное место посланному», как писали о нем «Санктпетербургские ведомости» в 1797 г.²⁹, неожиданно мог оказаться в опале и исчезнуть. Не в последнюю очередь именно ослаблением конкуренции со стороны иностранных книготорговцев может быть объяснено то обстоятельство, что в середине 90-х гг. расширили торговлю и успешно вели дела В. Сопиков, Т. Полежаев, Г. Зотов. Многие русские книгопродавцы — В. Сопиков, почти все «сидельцы» и компаньоны Глазунова (Иван Заикин, Семен Глазунов) — записываются в Санктпетербургские купцы³⁰. Сам же Глазунов не только сохраняет принадлежавшие ему четыре магазина, но и приобретает в 1796 г. за 1500 р. собственный дом в Грязной улице (ныне ул. Марата), на углу Свечного переулка. В павловское время, в конце 1798 г., рядом с лавкой № 21 Глазунов завел еще одну — № 22, в которой он сначала торговал книгами киевской и московской печати. В конце 1798 г., после смерти купца Зотова, Глазунов снял находившуюся по соседству и лавку № 18, сдававшуюся опекунами Зотова вместе с «имеющимся в оной книжным товаром». Позднее, в 1811 г., братья Глазуновы совместно открыли поблизости лавку № 25. В это время Иван Глазунов помимо пяти лавок, каменного дома и типографии в Петербурге владел домом и двумя книжными лавками в Москве.

Книгопродавческие объявления Глазунова, как и других купцов, являются ценным источником и для выяснения вопроса о репертуаре продаваемых им книг. В первые годы Глазунов не пренебрегал ничем — он скупал и распродал по частям приобретенные по случаю библиотеки, торговал «визитными билетами» и книгами на иностранных языках. Как показывает «Реестр» Глазунова тех лет (это был, по-видимому, его первый каталог), в его лавке наряду с русскими сочинениями продавались «латинские книги и наипаче большое собрание юридических на Латинском языке книг; также Французские, Аглинские, Немецкие, Италиян-

ские, Гишпанские и пр. книги...»³¹. Это объявление о распродаже большого числа иностранных сочинений, возможно, было связано с тем, что в начале 1786 г. Глазунов купил и перевез в Петербург после смерти профессора Московского университета Дильтея его библиотеку, «собранную им в течение многих лет»³². Несмотря на то, что (как сообщал Глазунов в «Санктпетербургских ведомостях») в библиотеке Дильтея было много редких книг, купцу не удалось реализовать ее целиком.

Основой торговли Глазунова все же была продажа русских книг. Так, уже в одном из первых объявлений Глазунова указывалось: «Продаются разные Российския книги Академические, Московского Университета и разных Российских типографий»³³. Среди сочинений, предлагавшихся Глазуновым, можно было встретить книги почти из всех государственных и частных типографий, как петербургских, так и московских, — издания И. Шнора, Е. Вильковского, Ф. Галченкова, П. И. Богдановича, Хр. Клаудия, Пономарева и др. Существенным преимуществом И. Глазунова по сравнению с другими петербургскими книготорговцами были его прочные родственные и деловые связи с Москвой. В результате московские новинки появлялись в его лавках почти одновременно с их продажей в книжных магазинах Москвы. Не случайно основную массу продававшихся им в этот период сочинений составляли «московские» книги, и прежде всего новиковские издания, выпущенные типографией Московского университета и Типографической компанией. Это были сочинения Милло, Вольтера, большое число книг религиозно-философского содержания — «Путеводитель с приобщением под заглавием чувствительность»³⁴, «О происхождении зла, поэма великого Галлера», «Утешительные рассуждения против немощной и болезненной жизни» Геллерта и другие, среди них и книги религиозно-мистического характера, подвергшиеся массовой конфискации в 1787 г. в лавках московских книгопродавцев. Ряд сочинений религиозно-мистического характера, продававшиеся Глазуновым, возможно, были из тайной масонской типографии. В книгопродавческих объявлениях Глазунов сообщал, что торгует книгами «по тем же ценам без всякой накладки», по каким они продавались в академической, университетской и других лавках³⁵, получая прибыль за счет скидки при оптовых закупках. Довольно быстро основой торговли Глазунова вместо «московских» становятся «академические» книги, в связи с тем, что новиковские издания перестали поступать на книжный рынок.

Связи И. Глазунова с Академией наук развивались успешно, уже вскоре он стал приобретать большие партии академических книг. Он сумел наладить их продажу в провинции, и это способствовало укреплению его книготорговых позиций.

Книготорговым успехам Глазунова способствовала и его издательская деятельность. Он не только приобретал книги, но уже с конца 80-х гг. стал пробовать свои силы и как издатель³⁶. Первые книги им были напечатаны в типографии Академии наук. 27 октября 1788 г. Академическая типография приняла у Глазунова заказ на печатание сочинения М. Лепренс де Бомон «Детское училище». Спустя полтора месяца, 16 января 1789 г., книга была уже выпущена из типографии, и купец, по уплате 375 р. 21 к., получил весь тираж — 500 экз.³⁷ В 1789–1790 гг. Глазунов издал в Академической типографии еще три книги — «Дорожный календарь», «Обозрение Российской империи» и «Письмовник» Курганова³⁸. Помимо типографии Академии наук Глазунов печатал книги в типографии Вейтбрехта, обра-

шался почти ко всем «вольным» типографам того времени — Сытину, Шнору, Богдановичу, Геку, Мейеру, а также и в московские типографии. Так, в 1794 г. его иждивением была напечатана «Российская Памела» П. Ю. Львова — в типографии А. Решетникова³⁹. В эти годы Глазунов преимущественно издавал популярные руководства по сельскому хозяйству, домоводству, разные справочники. Большое место среди них занимали сочинения Н. П. Осипова — «Карманная книга сельского и домашнего хозяйства» (1791), «Российский хозяйственный винокур» (1792), «Старинная русская хозяйка» (1793), «Новой русской садовник» (1793), который был одновременно напечатан Глазуновым и в Академии наук, и у Шнора, и многие другие, близкие им по характеру сочинения В. А. Левшина, Г. Н. Теплова и др. Глазунов издавал также учебные пособия, сборники песен, дорожные календари. Как издатель он был осторожен и даже консервативен в своих вкусах. Историческая и особенно художественная литература в изданиях Глазунова этих лет занимала самое скромное место. Тем неожиданное среди этих более чем дюжины изданий выглядел крамольный «Вадим Новгородский» Княжнина, напечатанный Глазуновым в 1793 г. в Академической типографии тиражом 1212 экз. и доставивший ему много неприятностей. Каким образом осторожный и расчетливый купец мог допустить подобный просчет?

Об издании и дальнейшей судьбе трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» написано немало. Некоторые из статей, посвященных этому вопросу, относятся еще к 60-м гг. XIX века⁴⁰. Об этом событии сохранились свидетельства современников, о нем упоминается в письмах того времени, ему посвящены страницы известных «Записок» Е. Р. Дашковой⁴¹, о нем говорится в «Секретных мемуарах о России» К. Массона⁴².

Вместе с тем, опубликованные материалы нередко противоречивы, история издания трагедии «Вадим Новгородский» излагается в них недостаточно точно, и многое в ней продолжает оставаться неясным. Фигура издателя — книготорговца Ивана Глазунова, как ни странно, не интересовала исследователей, и вопрос о его роли в издании трагедии не поднимался. Во всех работах просто констатируется, что И. П. Глазуновым у наследников Я. Б. Княжнина были приобретены оставшиеся после его смерти рукописи, и Глазунов, поскольку он в это время еще не имел собственной типографии, передал трагедию «Вадим Новгородский» и комедию «Чудаки» в типографию Академии наук, где они и были опубликованы в 1793 г. по распоряжению Дашковой (а по отдельным версиям — вообще без ее ведома)⁴³.

Подобное изложение фактов отнюдь не раскрывает сущности произошедших событий. Из розыскного дела о трагедии Княжнина «Вадим» известно, что основными вопросами, интересовавшими следствие, были: «каким образом Глазунов и через кого достал книгу» и «как он ее в печать отдал»⁴⁴. В известной степени то, что пытались установить в ходе тайного следствия генерал-прокурор Сената А. Н. Самойлов и московский главнокомандующий А. А. Прозоровский, остается догадкой и для нашего времени. Существующие версии, в основном, пытались объяснить, как рукописи Княжнина попали к Дашковой (см., например, статьи П. А. Ефремова, М. Н. Лонгинова и др.). Исключение, пожалуй, составляет лишь письмо сенатора Д. П. Трощинского А. Р. Воронцову, в котором он передавал ходившие в Петербурге фантастические слухи: «Много было о сем разысканий, и,

наконец, нашлось, что сын Княжнина из числа повес и негодяев, найдя между опечатанными отцовскими бумагами сию трагедию, украл ее и продал, как говорят, книгопродавцу. Но как она уже очутилась в академической типографии, не знаю». Бесспорным является одно — 5 марта 1793 г. И. П. Глазуновым было приобретено несколько оставшихся ненапечатанными сочинений Я. Б. Княжнина у опекуна его детей П. Я. Чихачева. В их числе были трагедия «Вадим Новгородский» и комедия «Чудаки»⁴⁵.

Все остальное неизбежно вызывает вопрос: каким образом Глазунову стало известно о рукописях Княжнина, как и почему могла состояться подобная сделка и, наконец, каким образом в 1793 г., в условиях все обострившихся отношений с революционной Францией, смогла быть опубликована (да еще в типографии Академии наук!) трагедия, обнаружение которой в 1789 г. нашел неуместным сам автор? Напомним также, что, давая объяснения по поводу опубликования «Вадима Новгородского» в типографии Академии наук, Дашкова утверждала, что это было случайностью: «в одиннадцать лет впервой... проскочило» и что она де не читала трагедии. Точно так и Глазунов во время следствия утверждал, что он не был знаком с содержанием трагедии, как, впрочем, и прочих приобретенных им у наследников Княжнина сочинений. Но и трагедия «Вадим», и комедия «Чудаки» были же кем-то отобраны из прочих рукописей Княжнина, попавших к Глазунову! Подобных неясностей в вопросе об издании трагедии возникает немало.

Существование книги было недолгим. Отдельное издание «Вадима Новгородского» (тиражом 1212 экз.) вышло из типографии Академии наук 14 июля 1793 г., 30 сентября поступила на склады Академии наук и 39-я часть «Российского Феатра» с опубликованной в нем трагедией (с того же набора, но с исправленными опечатками). Но уже в начале ноября трагедия, ставшая известной Екатерине II и вызвавшая ее гнев, была конфискована⁴⁶. Доносчиком явился граф И. П. Салтыков, по ядовитому замечанию негодовавшей Дашковой, «не прочитавший в жизни ни одной книги», который сообщил о крамольном сочинении всеильному временщику Платону Зубову. В ходе тайного следствия были допрошены или вынуждены были дать объяснения все лица, так или иначе причастные к публикации этого сочинения. По решению Сената и секретному именному указу Екатерины II, трагедия «яко наполненная дерзкими и зловредными противу законной самодержавной власти выражениями, а потому в обществе Российской империи нетерпимая», была «публично» сожжена на Александровской площади в Петербурге (у Александро-Невской Лавры)⁴⁷. Во все наместнические и губернские правления был разослан секретный указ «об отобрании и уничтожении трагедии».

Полное издание «Вадима Новгородского» без цензурных купюр (в количестве 325 экз.) вышло лишь спустя более 120 лет, в 1914 году.

Уже простой перечень событий, связанных с историей создания трагедии, показывает, насколько неординарной и рискованной была попытка опубликовать ее в 1793 г., когда всем были хорошо памяты события, которыми увенчалась деятельность А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, да и самого Княжнина.

Факт издания «Вадима Новгородского» в типографии Академии наук Дашкова объясняла случайностью, известным недосмотром с ее стороны. Одновременно она пыталась умалить значение опубликованной трагедии, указывая, что «это произведение гораздо менее опасно для государей, чем некоторые французские тра-

гедии, которые играют в Эрмитаже», и, кроме всего прочего, подчеркивала, что она не являлась ни автором сочинения, ни даже «лицом, заинтересованным в его распространении»⁴⁸.

Следовательно, таким лицом мог быть издатель трагедии — Иван Глазунов.

В этой связи представляет интерес вопрос о степени участия Глазунова в публикации трагедии, то есть был ли он случайным лицом — просто одним из петербургских книгопродавцев, к которому случайно попали рукописи Княжнина и который по неосмотрительности или непониманию опубликовал трагедию, или же он в полной мере понимал риск и все же шел на него, предпринимая подобное издание?

С конца 80-х гг. Глазунов, как указывалось выше, систематически приобретал книги в Академии наук и объем этих закупок все увеличивался, кроме того, до 1793 г. им было издано в типографии Академии наук пять сочинений.

Одной из первых сделок И. Глазунова, положивших начало его многолетним связям с Академией наук, было приобретение им в 1788 г. на льготных условиях, в рассрочку, 150 экз. «Собрания сочинений Якова Княжнина в 4-х тт.». Он был хорошо известен в Академии наук, и в частности Дашковой, любившей иногда присутствовать при отпуске книг купцам и беседовать с ними⁴⁹. В 1792 г., когда в связи с судом над московскими книгопродавцами в тяжелое положение попали и некоторые петербургские купцы, книги которых оказались «запечатанными» в Москве, Дашкова, как известно из ее письма к А. А. Прозоровскому, пыталась помочь Глазунову с «товарищи» и освободить из-под ареста академические книги, «наименьшему запрещению и сомнению не подвергающие»⁵⁰.

Разносторонний характер связей Глазунова с Академией наук позволяет предположить, что издание им в 1793 г. двух последних сочинений Я. Б. Княжнина — трагедии «Вадим Новгородский» и комедии «Чудаки» (тиражами 1212 экземпляров) — не было случайностью. Вместе с тем маловероятно, чтобы Глазунов по собственной инициативе приобрел бы рукописи Княжнина и, тем более, стал бы издавать такую трагедию, как «Вадим». Статс-секретарь Екатерины II, сенатор Д. П. Трощинский, сообщая А. Р. Воронцову о разразившемся в Петербурге скандале в связи с выходом трагедии, писал: «Действительно, тут есть такие ужасные монологи, которых нигде бы не потерпели в самодержавном государстве»⁵¹. Глазунов был достаточно осторожным и опытным дельцом для того, чтобы подвергать себя неоправданному риску.

В начале 90-х гг. он уже был заметной фигурой среди книготорговцев Петербурга. Он владел тремя книжными лавками, расположенными в самом центре города — на Невском проспекте в Гостином дворе и на Садовой улице. О том, что молодой купец быстро завоевывал известность, свидетельствовало и шутовское упоминание о Глазунове в последней комедии Княжнина «Чудаки». В перебранке двух незадачливых рифмоплетов один из них язвительно замечал другому:

«А если б из твоих лишь торг повел стихов,
Давно б от голода скончался Глазунов»⁵².

Глазунов отличался энергией, предприимчивостью, деловой хваткой, но в то же время и большой осмотрительностью. При закупке книг он приобретал в больших количествах только зарекомендовавшие себя книги, лишь то, что гаранти-

ровало выгодную продажу. В условиях жесткой конкурентной борьбы, характерной для книготорговли тех лет, Глазунов прежде всего руководствовался вопросами выгоды. Как издатель он был несколько консервативен во вкусах и не менее осторожен, чем в книготорговых делах. Трудно допустить, чтобы Глазунов не понимал, насколько опасной была публикация трагедии⁵³. Он был хорошо осведомлен о состоянии дел на книжном рынке и в литературном мире. Прежде чем выпустить какую-либо книгу, Глазунов наводил о ней справки и получал необходимую информацию, умело использовал услуги писателей из числа разночинной интеллигенции. И «Вадим Новгородский», несомненно, не был исключением в этом ряду. Материалы розыскного дела показывают, что арест и допрос Глазунова, который в ноябре 1793 г. находился в Москве и привез туда на продажу в числе других книг и 400 экз. «Вадима Новгородского», не много дал следствию. Сверхосторожные ответы Глазунова и то, что в ряде случаев он заведомо говорил неправду, доказывают, что он в полной мере отдавал себе отчет в грозившей ему опасности. Глазунов утверждал, что он не был знаком с содержанием рукописей, которые он приобрел, что он не помнит, сколько и каких сочинений он купил, что он «позабыл» фамилию опекуна детей Княжнина, продавшего ему рукописи, и т. д.

Он не мог, например, «позабыть» фамилию опекуна детей Княжнина П. Я. Чихачева, близкий родственник которого — бригадир Н. М. Чихачев, ведавший книжным магазином, — был тем лицом, с которым И. П. Глазунов постоянно вел дела в Академии наук. Не мог Глазунов не знать и о том, какие сочинения им были приобретены у наследников Княжнина, хотя бы потому, что трагедия «Вадим Новгородский» и комедия «Чудаки» уже были изданы, поступили в продажу и рекламировались в книгопродавческих объявлениях в «Санктпетербургских ведомостях». Розыскное дело велось в тайне, Глазунову удалось убедить следователей в своей невиновности, и, во избежание излишней огласки, он был отпущен.

О том, что издание «Вадима Новгородского» было незаурядным событием в жизни Глазунова, свидетельствует и семейная хроника дома Глазуновых, где это событие сохранилось в семейных преданиях, как доставившее много неприятностей. Помимо всего прочего Глазунов в этот период должен был быть особенно осторожным, поскольку, как уже упоминалось выше, он был замешан в процессе книгопродавцев, попавших под арест в 1792 г. за распространение запрещенных изданий Н. И. Новикова, и следствие еще не было завершено.

С другой стороны, представляет интерес и вопрос, что могло побудить Глазунова приобрести рукописи Княжнина, насколько выгодной могла быть для него подобная сделка?

Купленные им в 1788 г. 150 экземпляров «Собрания сочинений Я. Б. Княжнина» расходились медленно и, как это видно из книготорговых объявлений Глазунова, в это время падали в цене. Покупая рукописи, Глазунов не мог быть уверен, что ему удастся реализовать эти материалы, и, следовательно, он не мог рассчитывать на получение прибыли. Вместе с тем он заплатил большую сумму за бумаги, по словам опекуна Чихачева, «проданные без всякого разбора как макулатура».

По воспоминаниям родственников Княжнина, Глазунов аккуратно ощущал лежащую на столе стопку бумаг и предложил за них, не торгуясь, 200 р. Напомним, что за 150 экз. уже изданного четырехтомного «Собрания сочинений» Княжнина

(т. е. 600 томов) он уплатил в рассрочку, по частям 400 р. (стоимость одного тома составила около 70 к.).

Как показывает деловая и личная переписка Глазуновых, в частности, например, письмо матери братьев Глазуновых, жившей в Петербурге у сына Ивана и обращавшейся с просьбой о помощи к сыну Матвею⁵⁴, купцы не любили бросать деньги на ветер.

Рассмотрение обстоятельств, связанных с приобретением рукописей Княжнина и их изданием, позволяет усомниться в том, что Глазунов был «заинтересованным» издателем.

Вопрос о том, каким образом рукописи Княжнина попали к Глазунову — как он о них узнал, почему он их приобрел и как затем, да еще и в обход цензуры, трагедия «Вадим» была напечатана в типографии Академии наук, практически так и остался невыясненным. Напомним, что это были основные вопросы, занимавшие следствие, «каким образом и чрез кого достал он сию книгу» и «как он ее в печать отдал?». Как само собой разумеющееся, из работы в работу переходит утверждение о том, что Глазунов приобрел рукописи, а затем по его просьбе два произведения Княжнина были опубликованы в типографии Академии наук. Причиной этого отчасти была сама Дашкова, изложившая подобным образом события в письме к брату — А. Р. Воронцову⁵⁵. Однако позднее в «Записках» Дашкова указывала, что опубликовать трагедию ее попросила вдова Княжнина через советника канцелярии О. П. Козодавлева, а о Глазунове вообще не упоминается. Какая же из версий соответствует действительности? Исследователями уже давно было отмечено, что Дашкова в «Записках», излагая историю публикации «Вадима», «группировала факты по своему усмотрению». Л. Б. Светлов, например, сопоставил «Записки», относящиеся к началу XIX века, с письмом Дашковой к брату, которое было написано непосредственно в ходе разразившегося скандала в ноябре 1793 г., и указал расхождения, имеющиеся между этими источниками. В результате исследования пришел к выводу, что «наиболее любопытные и достоверные сведения об истории с трагедией „Вадим Новгородский“ содержатся не в „Записках“ Дашковой», а в ее письме⁵⁶. В письме Дашковой подробно и обстоятельно описаны все перипетии, все вопросы, обращенные к ней, и ее ответы, все опасные ситуации, возникавшие в ходе выяснения обстоятельств опубликования трагедии в типографии Академии наук. В то же время, в нем лишь мимоходом и бегло, причем с существенными неточностями, упоминается о причинах и самом факте напечатания трагедии. Это позволяет предположить, во-первых, что адресату упоминаемые обстоятельства и так были хорошо известны, а во-вторых, что письмо не столько преследовало цель информировать о происшедшем, сколько содержало указание на то, как следует освещать данное событие⁵⁷. Это относится и к той части письма, где Дашкова предостерегает брата о вновь всплывших подозрениях у Екатерины II об участии в «сочинении» Радищева «Путешествия из Петербурга в Москву» Дашковой и А. Р. Воронцова. Полностью полагаться на свидетельства Дашковой нельзя, но очевидно, что родственники Княжнина с просьбой о приобретении его рукописей и их издании обратились бы к Дашковой, а не к Ивану Глазунову. Скорее всего инициатива опубликования трагедии «Вадим Новгородский» всецело принадлежала самой Дашковой или же Дашковой и ее ближайшему окружению. Несмотря на то, что Дашкова отрицала свою причастность к публика-

ции трагедии и даже утверждала, что она не читала ее, именно она являлась подлинно «заинтересованным» лицом. То, что Глазуновым были куплены рукописи Княжнина, вовсе не означало, что он приобрел их для себя или по собственной инициативе. Получить рукописи непосредственно от наследников Княжнина, особенно в случае, если Дашкова предполагала опубликовать «Вадима Новгородского», с ее стороны было бы неосторожным, и Глазунов сыграл роль своеобразного подставного лица. Очевидно, что по собственной инициативе он никогда бы не предпринял подобного рискованного издания. (Возможно, доверенными лицами Дашковой были О. П. Козодавлев и Н. М. Чихачев.) Только в этом случае получает объяснение ряд мнимых «несообразностей»: как Глазунову стало известно о рукописях, почему он так дорого за них заплатил, каким образом «Вадим Новгородский» был опубликован без цензуры в типографии Академии наук (это могло быть осуществлено только по личному распоряжению Дашковой), а комедия «Чудаки», прошедшая цензуру и также отличавшаяся большой остротой, была опубликована без указания имени автора.

То обстоятельство, что трагедия «Вадим Новгородский» не только вышла отдельным изданием, но имелось и распоряжение «по наборе каждого листа оной пиесы отпечатывать и в Российский феатр, для избежания вторичного набора»⁵⁸, полностью исключает «случайность» ее публикации и убеждает в том, что ее инициатором была Дашкова.

Не повезло Глазунову и с изданием «Новейшего повествовательного землеописания», также напечатанного в Академической типографии тиражом в 1800 экз. Книга по географии, содержащая раздел о Франции в то время, когда какие-либо упоминания о ней были полностью запрещены, была изъята из продажи и отправлена в Академию наук с предписанием, «вынув артикул о Франции», пересмотреть «прочее» и «ничего не оставить такого, что противно законному и самодержавному правлению и самой благопристойности...»⁵⁹.

К концу века, в павловское время, издательская деятельность Глазунова существенно сократилась и составила около 12–14 книг за четыре года, в то время как только в 1793 г. им было выпущено более 15 книг.

Письма Глазунова того времени отражают дальновидность и значительность его издательских планов. Вместе с Селивановским им был задуман и позднее осуществлен совместный выпуск пятитомного «Словаря Юридического» М. Д. Чулкова. Как видно из письма московского типографщика, купцы придавали большое значение выпуску подобного труда: «Изданием сей полезной книги получить можем не только одне выгоды интересныя, но и заслужить надеемся честь себе...»⁶⁰. Еще при Павле I, в 1800 г., Глазунов начал переговоры с находившимся в опале И. Г. Рахманиновым о выпуске «вторым тиснением» его крамольных изданий. Освобожденный из-под следствия, но живший в ссылке Рахманинов писал Глазунову о своем согласии передать ему привилегию на перепечатывание своих изданий: «по жительству моему в деревне, я не могу найти способ их печатать вторым тиснением, ибо и так остались только одни государственные типографии, да и в цензуре другие уже положения, а Вам в Петербурге отдавать в цензуру и печатать более есть удобства. Вы книги, мною издаваемые, все знаете, и сколь они интересны были и при первом издании, и уже ныне почти все разошлись, а имянно: „Известие о дворянах“, „Утренние часы“, „Мой спальный колпак“ и прочие все

Вам известны, а может быть, Вы станете пересматривать некоторые и Вольтеровы... а я по давнишнему с Вами знакомству за оное возьму с Вас книгами... и ежели Вам оное надобно, то прошу Вас меня уведомить, и какие имянно или и все без изъятия Вы возьмете... и особо каждую печатать и выбирайте из каждой, как Вам заблагорассудится...»⁶¹. Неизвестно, насколько удалось Глазунову осуществить эти планы, но письмо Рахманинова к нему важно и как свидетельство существовавших между ними давних деловых связей.

Успеху торгово-издательского предприятия Глазунова в немалой степени способствовало его умение вовлечь в орбиту своей деятельности многих талантливых представителей разночинно-дворянской интеллигенции и создать свой постоянный круг сотрудников. Среди них мы видим математика Е. Д. Войтяховского, писателей и переводчиков В. Левшина, Н. Осипова, П. Булгакова, позднее — И. Мартынова, В. Измайлова, С. Глинку, Н. Греча и многих других, умело используя труды которых, Глазунов получал значительную выгоду. В. Левшин, например, как показывают его многочисленные письма к Глазунову⁶², не только постоянно выполнял для торгового дома Глазуновых многочисленные переводы, но использовался купцами и как «консультант», способный оперативно разобраться в актуальности и прибыльности перевода на шумевшей иностранной книги.

Деятельная, энергичная натура Глазунова, его талант коммерсанта и издателя в полную силу смогли проявиться в начале XIX века, в пору общего культурного подъема, создавшего благоприятные условия и для развития книжного дела. Вряд ли можно согласиться с Г. И. Поршневым, считавшим, что фирма Глазуновых «не знала ни широкого размаха, ни опасных срывов и шла средней линией, как хорошо смонтированная машина, но всегда несколько устаревшей системы...»⁶³, и распространившим это суждение и на ее основателя. У Глазунова было достаточно и «опасных срывов» (особенно как у издателя, отдавшего дань в начале XIX века публикации остросовременной политической литературы), и крупных торговых операций, требовавших решительности и размаха. Сам он представлял тип дельца, смело вводившего разные новшества. Одним из первых русских купцов Глазунов начал издавать «Реестры», не скупился на рекламу, давал развернутые аннотации на продававшиеся книги, практиковал подписку и продажу по льготным ценам и т. п., вплоть до «поставки» на переплете по желанию покупателя «золотом литер, кои означали бы имя и фамилию, в чью библиотеку должны поступить книги»⁶⁴. Выступая как продолжатель новиковских принципов книгораспространения, Глазунов постоянно заботился о расширении читательского круга, стремился дать книгу «для всех». В его книгопродавческих объявлениях серьезная литература соседствует с сочинениями популяризаторского толка, книгами М. Комарова и даже дешевым «чтивом», а издания, предназначенные для библиоманов, — с модными переводными романами. Особое внимание Глазунов отводил пропаганде отечественной литературы. Одним из первых он начал объявлять подписку на сочинения русских поэтов и прозаиков — Сумарокова, Княжнина, Богдановича, Николева, Капниста, Державина, Карамзина и других.

Глазунов постоянно заботился и о рынке сбыта — расширял торговлю в Петербурге и Москве. Еще в начале 90-х гг. он, наряду с Вейтбрехтом, Роспини, Клостерманом, Алиси и другими иностранцами, поставлявшими книги двору, также попытался утвердиться в качестве придворного книгопродавца. Глазунову удалось

завязать отношения с Ильей Метковым, камердинером Екатерины II, ведавшим «Российской библиотекой, составленной для чтения придворных чинов и служителей» и регулярно получавшим из Кабинета деньги на ее пополнение. Из сохранившегося отчета Меткова видно, что он в 1790 и 1791 гг. неоднократно приобрел у Глазунова книги на крупные суммы (примерно до 600 р. в год) и заказывал ему их переплет⁶⁵. Эта торговля также составляла значительную статью доходов Глазунова. Документы, хранящиеся в РГИА, показывают, что и позднее, в 1793, 1794, 1796 и 1801 гг., Метков приобретал у Глазунова книги⁶⁶. Из «Росписания купленным книгам в 1793 и 1794 гг.» (более 250 названий)⁶⁷ видно, что значительную их часть составляла беллетристика, пьесы, стихотворения «по случаю», книги по истории и географии. Характерно, что в этом списке были представлены и сочинения Вольтера, и критика на них, равным образом как и произведения, polemически направленные против Французской революции, — «Вольтеровы заблуждения, обнаруженные аббатом Нонотом», «Послание к французам, от некоего доброжелателя Франции, в котором описываются бедствия, причиненные революцией, и сугубейшие несчастья, которыми они угрожают» и др. В 1798 г. Глазунов продал Кабинету большую партию книги «Образование древних народов...» Д. Бардона⁶⁸.

В начале XIX века, когда Глазунов уже владел достаточным капиталом, он стремился завоевать провинциального читателя. Одним из первых, вслед за Новиковым, он начал рассылать книги в провинцию. В 1801 г. Глазунов дал в «Санктпетербургских ведомостях» объявление о том, что он намерен «с сего года для удовольствия любителей российской литературы отправлять... во все города Российской империи продающиеся у него по его каталогу книги...», выходящие в Петербурге и Москве. В порядке поощрения Глазунов обещал: «...если кто книг по объявленному в каталоге или ведомостях ценам выпишет вдруг на 200 рублей, тому даст он сверх того наддачи по каталогу на 25 р. книг, если на 100 р. на 10 р., если на 50 р. на 5 р...»⁶⁹. Лестя провинциальному читателю, Глазунов помещал с 1801 г. на страницах «Санктпетербургских ведомостей» обращения с «чувствительною благодарностью» к «иногородним особам, удостоившим его, Глазунова, своим доверием... прося покорнейше о неоставлении и впредь своими препоручениями...»⁷⁰.

Продажа книг в провинцию постепенно начинает приносить ему значительные доходы. Так, в 1803 г. в связи с открытием Харьковского университета его попечитель граф Северин Потоцкий обратился к Академии наук с просьбой обеспечить университет книгами. Комитет принял решение отсутствующие у Академии книги «сторговать у других книгопродавцев»⁷¹ и обратился к Глазунову. Первоначально был представлен список (около 150 названий книг) на сумму 636 р. 91 к., а затем эта сумма увеличилась до 833 р. 60 к.⁷².

На протяжении первого десятилетия XIX века Глазунов создавал разветвленную сеть опорных пунктов в провинции. Насколько она была обширна уже к 1811 г., видно из его обращения «к почтеннейшей публике», в котором Глазунов подчеркивал: «Иногородние особы, живущие в каком бы то ни было расстоянии от обеих столиц, могут с требованиями своими на книги адресоваться прямо к нам или в нижеследующие места: I. В Москве — к Матвею и Ивану Глазуновым. II. В С. Петербурге — к Ивану Ильину (№ 25). III. В Харькове — к Алексею Белоусову. IV. В Киеве — к г. Давиденке. V. В Казане — к Матвею Панину. VI. В Екатеринбург-

ге — к Ивану Калашникову. VII. В Уфе — к Михайлу Кадкину. VIII. В Одессе — к Александру Авчинникову. IX. В Туле — к Андрею и Антону Красильниковым. X. В Володимере — к Федору Философу — от прикащиков и комиссионеров наших из вышеозначенных книжных лавок»⁷³.

С конца XVIII века Глазунов, располагая большим капиталом, скупал книги на всех крупных аукционах в Петербурге (в 1795 г., например, происходила распродажа книг Новикова, в 1796 г. — книг бригадира И. Г. Рахманинова)⁷⁴. В 1797 г. Сухопутный кадетский корпус поместил в «Санктпетербургских ведомостях» список должников его типографии, пригрозив в случае неуплаты продать их книги «хотя за малую цену с публичного торгу»⁷⁵. 29 мая 1797 г. «за неявлением господ авторов» последовало сообщение о продаже этих книг⁷⁶. Из письма И. И. Заикина И. Глазунову от 8 июня 1797 г. видно, что книги, продававшиеся Сухопутным кадетским корпусом, достались Глазунову. Приказчик Глазунова писал: «Я купил все сии книги в Корпусе за такую малую сумму, что кажется еще так никогда покупать не удавалось, а имянно за все оные дано деньгами только 550 рублей, да расходов и за провоз оных может выдет примерно 30 рублей или 40... сие купить мне удалось удачно, но только многие мне чрез сие сделались из книгопродавцов недоброжелатели...»⁷⁷. Еще более выгодной, обогатившей Глазунова, была покупка на аукционе оставшихся после смерти Вейтбрехта книг на 100 р. (с уступкой в 60 %) ⁷⁸. Точно так же Глазунов принял участие и в распродаже книг, устроенной Императорским Кабинетом в 1804 г.⁷⁹. Примечательно, что наряду с 600 экз. книги «Познание строения подводных укреплений» Глазуновым было куплено 500 экз. книги Бардона «Образование древних народов», проданной им же Кабинету в 1798 г.⁸⁰.

Одним из первых Глазунов начал организовывать своеобразные «товарищества» — издательско-книгопродавческие компании, предназначенные для успешнейшей борьбы с конкурентами. Его давние связи с Москвой, где его союзником выступал брат Матвей Глазунов, родственные и дружественные отношения с другими книгопродавцами способствовали созданию подобных объединений. Так, Глазуновы неоднократно выступали в союзе с И. Поповым, И. Переплетчиковым, И. Готье и др. Уже с 1801 г. начинает складываться и торгово-издательское объединение Глазуновых с Трофимом Акоховым и Иваном Козыревым⁸¹. Сохранившийся текст этого соглашения⁸² представляет большой интерес, поскольку показывает, что крупные купцы-книготорговцы уже в начале XIX века пытались как-то регулировать количество выпускаемой продукции и проводить собственную политику цен. Так, в одном из пунктов этого соглашения предусматривалось, например, при издании переводных романов заранее, на основе общей договоренности, устанавливать тираж и цену книги, а также осуществлять элементарную координацию, чтобы не затоваривать книжный рынок. Однако в начале XIX века подобные товарищества еще не были устойчивыми. Несмотря на то, что соглашение было заключено на 3 года и один из его пунктов допускал возможность заведения собственной типографии, нет документов, подтверждающих, что типография, открытая Глазуновым в 1803 г., была основана на паевых началах. Сам же Глазунов, потеснив всех своих конкурентов, стал с 1802 г. комиссионером Академии наук, а позднее, с 1806 г., и Московского университета⁸³.

Книготорговля, будучи основным занятием И. Глазунова, сделала его одним из богатейших книгопродавцев того времени. Современник и друг Глазунова Михаил Милонов писал в эпиграмме:

Благодаря уму своих покупателей,
Как Крез, от глупых книг разжился Глазунов⁸⁴.

И так как Глазунов распространял новиковские издания, лучшее из того, что выпускалось в частных типографиях, продукцию Академии наук и Московского университета — важнейших просветительских центров страны, — то и его книготорговля и издательская деятельность, в которой он также сумел сказать свое слово, показав значение гражданско-политической литературы и выпустив немалое количество нужных и полезных книг, объективно сыграли значительную роль в распространении просвещения в России.

Своеобразной формой книжной торговли (во всяком случае популяризации книги, ее распространения) были «кабинеты для чтения», появившиеся в Петербурге в конце XVIII века (см. таблицу IV–4). Развитие идей Просвещения в русском обществе, широкое культурное движение 70–80-х гг. XVIII века — все это усиливало интерес к книге, вело к расширению читательских кругов. Растущая потребность в чтении далеко не удовлетворялась имевшимися в то время библиотеками, хотя в конце XVIII века их было в Петербурге уже немало. Огромные книжные богатства были сосредоточены в Эрмитаже, в фамильных библиотеках русской знати. Почти 40 000 книг к этому времени располагала Академия наук, были созданы библиотеки при многих научных и учебных заведениях — Вольном экономическом обществе, Сухопутном кадетском корпусе и др.

Возможность использования этих библиотек, однако, была сильно ограничена. Для посторонних лиц они были практически недоступны. Так, например, когда библиотекарю Императорской Публичной библиотеки Василию Сопикову понадобилось воспользоваться материалами Библиотеки Академии наук для завершения «Опыта Российской библиографии», то покровительствовавший ему А. Н. Оленину пришлось обращаться со специальным ходатайством к министру народного просвещения А. К. Разумовскому. И хотя Оленин просил позволить Сопикову «справляться во всякое время со всеми нужными ему книгами», Сопикову в результате долгих переговоров было разрешено посещать библиотеку лишь два раза в неделю, в дни работы библиотеки, поскольку было найдено, что «не удобно для Академии позволить ему вход в означенную библиотеку во всякое время»⁸⁵.

Со второй половины XVIII века время от времени предпринимались попытки создать общественную библиотеку. Так, в 1766 г. граф А. С. Строганов совместно с Б. М. Салтыковым подал Екатерине II «План Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге». Проект остался неосуществленным, не увенчалась успехом и попытка Строганова устроить библиотеку в собственном саду: из-за частых пропаж книг ее пришлось закрыть.

Позднее, в конце 80-х — начале 90-х гг., в период, когда во главе Сухопутного кадетского корпуса стоял граф Ф. Ангальт, воспитывавший своих питомцев в духе свободомыслия и республиканских идеалов, корпусная библиотека была открыта трижды в неделю «для всех ученых и любителей наук». «Всякому позволяется...»

писал о ней современник, — требовать от библиотекаря книги, какие пожелает, и читать или делать из оных выписки в особой на то учрежденной комнате»⁸⁶. Брать книги на дом разрешалось только «находящимся при корпусе».

Подобные филантропические начинания свидетельствовали о появлении новых читателей в русском обществе. Именно этих читателей имел в виду журнал «Вестник Европы», подчеркивая в статье «О книжной торговле и любви к чтению в России», что с конца XVIII века в России стали читаться газеты⁸⁷. Анализируя факты современной жизни, журнал приходил к выводу, «что в России охота к чтению распространяется, и что люди узнали эту новую потребность души, прежде неизвестную», что чтение книг перестало быть «исключительным правом некоторых людей», и «деятельный разум во всех состояниях... чувствует нужду в познаниях»⁸⁸.

Отсутствие в конце XVIII века в Петербурге городской общественной библиотеки (Императорская Публичная библиотека была открыта для чтения лишь в 1814 г.) способствовало появлению платных «библиотек» и «кабинетов для чтения», в которых были заинтересованы средние читательские слои — разночинная интеллигенция, духовенство, купцы, мещане — все те, для кого составление собственных библиотек и покупка дорогих книг были непозволительной роскошью.

О библиотеках для чтения конца XVIII — начала XIX века почти ничего не известно. Даже сведения современников о них не всегда достаточно точны. Платные библиотеки были разные. Наиболее примитивной формой был отпуск книг за определенную плату прямо из книжной лавки. Иногда библиотека для чтения создавалась на основе какого-либо частного книжного собрания, или возникали различные («немецкие» и «французские») общества для совместной покупки и чтения книг. Зарождался и тип общественной библиотеки-читальни, явившейся прообразом позднейших клубов.

Одними из первых в Петербурге возникли немецкие и французские общества для чтения, создателями которых были представители ученой среды — академики А. И. Гюльденштедт и И. А. Эйлер, библиотекарь И. Г. Буссе и инспектор Академической гимназии Л. И. Бакмейстер. Так, в 1777 г. Гюльденштедтом было основано «Немецкое общество для чтения», послужившее образцом для дальнейших подобных обществ. Оно располагало «новейшими, лучшими и общепольнейшими книгами всех частей словесности», которые не для «одних ученых писань», а интересны «людям всякого звания и состояния»⁸⁹. Члены общества вносили 5 р. за полгода вперед и имели право взять для чтения 3 книги, а по их возвращении получали следующие.

Прочитанные книги время от времени продавались, и на вырученные деньги приобреталась новая литература. При ликвидации общества его члены должны были разделить книги между собою по жребию. «Немецкое общество для чтения» оказалось жизнеспособным, число его членов при Эйлере, преемнике Гюльденштедта, временами доходило до 66 человек, и к середине 90-х гг. общество располагало солидным капиталом и большой библиотекой⁹⁰.

Вслед за удачным начинанием Гюльденштедта, в 1780 г., Л. И. Бакмейстером было открыто «Французское общество для чтения», но, по свидетельству И. Г. Георги, из-за малого числа членов оно распалось на втором году существования⁹¹. Однако как показывает сохранившийся каталог библиотеки Бакмейстера⁹², он позднее, используя собственное книжное собрание, организовал общество для чтения русской и иностранной литературы. О составе библиотеки Бакмейстера мож-

но судить и по объявлению, опубликованному в «Санктпетербургских ведомостях» в связи с распродажей имущества после его смерти в 1806 г. В объявлении подчеркивалось, что наибольшую ценность в наследстве Бакмейстера составляла его библиотека, «более нежели из 2000 томов состоящая, в числе коих находятся многия касательно отечественной истории весьма важные сочинения, также собрание лучших немецких журналов, разныя мелкие творения, собрание календарей с 1770 года, и полное собрание С.-Петербургских как российских, так и немецких ведомостей, первых с 1769, а последних с 1771 годов»⁹³.

По примеру Гюльденштедта и Бакмейстера в 1791 г. библиотекарь Буссе учредил «немецкое и французское общество для чтения». Его члены платили по 10 р. в год, как и в обществе Гюльденштедта, но книги, сроком на неделю, присылались владельцам абонементов прямо на дом, а затем обменивались на новые. В 1793 г. 43 человека состояли членами общества⁹⁴.

Довольно скоро общества для чтения привлекли внимание книготорговцев, увидевших в них средство для расширения круга покупателей и возможность дополнительного заработка. В Петербурге середины 80-х гг. было уже более десяти иностранных и русских книжных лавок. Одним из первых платную «Lese-Bibliothek», или «библиотеку для чтения», открыл в Петербурге в мае 1783 г. книгопродавец К. Т. Дальгрэн⁹⁵. Его «публичная Вивлиофика» состояла из «лучших новейших немецких, французских и российских книг». «Охотникам до книг» объявлялось, что литературу «для прочтения» можно было получать «за заклад или за внесенные наперед положенных на год или полгода деньги»⁹⁶. Вслед за Дальгреном читальный кабинет завел и золотых дел мастер Иоган Христиан Кейзер. Платная библиотека Кейзера содержала книги преимущественно на немецком языке (по данным Георги, она и называлась «немецкое общество для чтения»)⁹⁷, но в ней имелись книги на французском и русском языках. Это было сравнительно большое книжное собрание: немецких книг в библиотеке Кейзера было 1500, французских — 322 и русских — 156⁹⁸. В начале 90-х гг. была открыта «немецкая читальная библиотека» Геверта, а в 1792 г. об открытии сразу двух «Bibliothèques de Lecture», французской и немецкой, объявил книгопродавец И. З. Логан.

Условия получения книг в платных библиотеках при книжных магазинах были приблизительно одинаковы: читатель платил определенную сумму вперед, а кроме того, вносил небольшой залог «для уверения в возвращении книг», после чего из магазина или читальни он получал нужную литературу в соответствии с ценами, указанными в каталоге.

Принято считать, что возникавшие в конце XVIII века в Петербурге «библиотеки» и «кабинеты для чтения» заводились почти исключительно немецкими и французскими книготорговцами и предназначались, главным образом, для обслуживания иностранного читателя⁹⁹. Открывая платные библиотеки, иностранные книготорговцы, как правило, ориентировались и на русского читателя. Нередко в платных «французских» или «немецких» читальнях, как это было, например, у Кейзера, имелись и русские книги. Кроме того, почти одновременно с иностранными платными библиотеками в Петербурге начали открываться и русские «кабинеты для чтения».

Первым, еще в 1784 г., «Российское заведение для чтения» открыл книготорговец Матвей Овчинников¹⁰⁰. Платная библиотека Овчинникова находилась при его

книжной лавке, и так как Овчинников не раз менял места своей торговли, то и библиотека переезжала с места на место. В 80-е гг. и во второй половине 90-х гг. Овчинников снимал лавку в Аничковом доме, в начале 90-х гг. — в Гостином дворе и доме Шарова. Все это были излюбленные места книготорговли русских купцов в центре города. Платная библиотека Овчинникова существовала более 15 лет, до конца века, и закрылась со смертью владельца¹⁰¹.

У книготорговца, издателя, владельца собственной типографии Овчинникова были все возможности подобрать библиотеку, удовлетворявшую самым широким вкусам, рассчитанную и на образованного читателя, и на публику попроще. В книгопродавческих объявлениях Овчинникова произведения французских просветителей, Вольтера и Руссо, научные и религиозно-философские сочинения соседствовали с модной беллетристикой, сборниками престопадных песен, авантюриными романами о русском Картуше — Ваньке-Каине и гадательными книгами. Подобными принципами он, очевидно, руководствовался и при подборе своей библиотеки. Открывая ее в 1784 г., Овчинников сообщал, что им «собрана библиотека разных книг, которые отдаваться будут для прочету с платежом в год по 12 р., в месяц 1 р. 25 к., а на сутки по 5 к. Которые будут брать оные книги, благоволят оставлять в залог до возвращения оных деньги, считая по тем ценам, по каким книги продаются. Если же кто издерет или замазает, то должен заплатить»¹⁰².

С начала 90-х гг. стоимость выдачи книг напрокат у Овчинникова возросла, что, возможно, было вызвано общим подорожанием жизни в эти годы. С этого времени он выдавал «читать книги с платежом по 2 р. на месяц», «а в год по 20 р.»¹⁰³.

Овчинников не был единственным владельцем русской платной библиотеки. В августе 1790 г. в «Санктпетербургских ведомостях» было объявлено об открытии «для любителей книгочтения» с 11 сентября в Большой Коломне «в доме под № 1226 собрания книг»¹⁰⁴. Несмотря на то, что основатель новой библиотеки для чтения не называл своего имени, оно было хорошо известно многим из петербургских жителей. В Большой Коломне в доме № 1226 жил Ф. О. Туманский, издатель ряда популярных журналов, проводивший в эти годы широкую просветительскую деятельность. Однако хотя Туманским уже было напечатано «известие о основании и правилах» новой библиотеки, в годы наступившей реакции его начинание успеха не имело и, по словам современника, «ради разных препятствий не пришло к совершению»¹⁰⁵.

В 1791 г. русские библиотеки для чтения пополнились еще одной библиотекой, открытой Василием Сопиковым при его книжной лавке № 19 в Аничковом доме. О составе библиотеки и условиях выдачи из нее книг можно судить по обнаруженному нами «Уведомлению» Сопикова, опубликованному им вместе с «Росписью» книг, продававшихся в его лавке в 1791 г. В. Сопиков писал в нем, что он, «составя довольную библиотеку из книг всякого рода, раздает оную в пользу и удовольствие охотников чтения с платежом в год по 16; в полгода по 9; в 3 месяца по 5; в месяц по 2 рубли». Таким образом, книги у Сопикова выдавались приблизительно на тех же условиях, что и у М. Овчинникова. Помимо платы читатели вносили еще залог 5 р. Кроме того, владелец библиотеки предупреждал, что «тех книг, коим цена стоит не менее рубля, за один раз более двух званий не отпускается, также равно и состоящих из двух или многих частей». Книги должны были возвращаться читателями «без малейшего повреждения и во всей исправности... естлиж будут

замараны, или изодраны, то испортившие должны за оные заплатить означенную цену в каталоге»¹⁰⁶.

Характерно, что позже требование «употреблять книги с надлежащей бережливостью» дополнилось условием «держатъ оныя не долее одной недели, дабы чрез то прочіе не лишены были удовольствія»¹⁰⁷. В начале XIX века стоимость пользования библиотекой возросла вдвое. Платеж «за весь год вперед» составлял в 1800 г. уже 30 р., за 6 месяцев — 20 р., а за 1 месяц — 4 р. Те, кто подписывались только на 1 месяц, должны были оставлять залог в 10 р. Характерно, что читатели, подписывавшиеся на больший срок, пользовались определенными льготами, так как «подписавшимся на год одного сочинения или разных званий отпускается по 5 томов вдруг, шестимесячным по 4, а месячным не более 3-х»¹⁰⁸, что, по-видимому, отражало материальную заинтересованность книготорговца-библиотекаря в подписке на больший срок. Несмотря на то, что Сопиков торговал не только русскими, но и иностранными книгами, его библиотека (1411 названий книг) состояла почти исключительно из русских книг.

В конце 1793 г. «в Малой Миллионной в доме под № 81 в нижнем магазейне» была открыта новая библиотека «для чтения российских книг и ведомостей с платежом 10 р. на год»¹⁰⁹. Имя владельца кабинета неизвестно, но можно предположить, что им был Карл Вильгельм Миллер (или кто-нибудь из его родственников), с давних пор торговавший в этой части Петербурга русскими книгами. Тем более, что, по косвенным упоминаниям в «Ведомостях», у К. В. Миллера был кабинет для чтения¹¹⁰. Кроме того, в этой библиотеке продавались «за излишеством руския новыя по каталогу книги с уступкою по 10 коп. с рубля»¹¹¹ (см. таблицу IV–4).

Появление новой формы общественной жизни, какой были возникавшие с 80-х гг. XVIII века библиотеки и кабинеты для чтения, свидетельствовало о существенных изменениях в русской действительности: о расширении слоя демократической разночинной интеллигенции, о рождавшейся в обществе новой потребности в чтении, об увеличении числа читателей.

При всем различии в устройстве обществ для чтения, что отражала и разная стоимость пользования в них книгами¹¹², все они были ориентированы на разночинную интеллигенцию, причем русскую. Более половины библиотек для чтения XVIII века имели русские книги или вообще фигурировали как русские библиотеки.

Отличительной чертой библиотек для чтения XVIII века, в том числе и открытых при книжных лавках, был их просветительский характер. Уже поэтому нельзя рассматривать библиотеки для чтения только как особый вид торговли, как предлагал П. Симони. «Немецкие» и «французские» общества для чтения, основывавшиеся представителями науки — Гюльденштедтом, Эйлером, Буссе, Бакмейстером для того, чтобы «иметь новейшия, лучшия и общепользныя книги всех частей словесности», в своих «начертаниях»-уставах программно подчеркивали свою цель: «споспешествовать просвещению вообще»¹¹³. Это же можно сказать и о некоторых купцах, например о В. Сопикове, объективно служивших делу просвещения. Для Сопикова, отказавшегося от прибыльного дела ради науки, ушедшего из купеческого сословия, посвятившего много лет составлению «Опыта Российской библиографии», открытие библиотеки для чтения было вызвано не только коммерческими интересами, но и стремлением к распространению знаний в обществе. В предисловии к каталогу своей библиотеки для чтения Сопиков подчерки-

вал, что он «собрал довольно многочисленную русскую библиотеку» и «предлагает оную почтенной публике, удостоверен будучи, что многие при свободном времени имея похвальную и благородную охоту заниматься чтением книг, но по разным причинам и обстоятельствам достаточного оных количества всегда не могут покупать»¹¹⁴. Характерно, что опытные коммерсанты-книготорговцы, как, например, Глазунов, Свешников, Клостерман, владевшие большими капиталами, не проявляли интереса к кабинетам для чтения, возможно, как к недостаточно доходному, а главное опасному в те годы делу.

С начала 90-х годов в общественной жизни России усилились реакционные тенденции, идеи Просвещения вызывали страх, правительство, напуганное размахом революционных событий во Франции, стремилось ограничить развитие передовой мысли. Последовали репрессии; многие оказались в тюрьмах или были отправлены в ссылку. В Москве и Петербурге уничтожались на кострах книги, преследовались книгопродавцы, была введена цензура, запрещены «вольные» типографии, следовали указ за указом, ограничивавшие ввоз книг из Франции. По воспоминаниям французского писателя Массона, «всякий, кто умел читать и писать... казался крайне подозрительным; тот, кто читал газеты, — опасным; тот, кто рассуждал, — якобинцем»¹¹⁵.

От бдительного взора властей не ушли и кабинеты для чтения. Едва начав успешно развиваться, они оказались в неблагоприятных условиях. Библиотеки для чтения стали закрываться, а некоторые из их владельцев разорились. Подобно тому, как со страниц «Санктпетербургских ведомостей» часто почти исчезали объявления книготорговцев, так и владельцы кабинетов для чтения в 90-е гг. предпочитали лишний раз не напоминать о своем существовании. Так, о «читальной библиотеке» купца Егора Экарта известно лишь из объявления о ее продаже с торгов после смерти владельца. Библиотека для чтения Экарта располагала печатными каталогами и состояла «из отборнейших немецких, французских, английских и российских книг». Возможно, это была единственная библиотека тех лет, имевшая ценное собрание «аглинских книг славнейших сочинителей»¹¹⁶. Ничего не известно о «французской» и «немецкой» библиотеках Иоганна Захариаса Логана, но, поскольку он в эти годы торговал визитными карточками, табачными мешочками и поздравлениями на шелку, а в начале 1798 г. произвел «с немалую уступкою» большую распродажу «книг выборных», «новых и старых частию французских, немецких, латинских, греческих и прочих»¹¹⁷, то, по видимому, именно в это время им была ликвидирована его платная библиотека, так как позднее, в начале XIX века, в его рекламных книготорговых объявлениях о ней больше не упоминалось.

В конце XVIII века (помимо библиотеки Сопикова) было открыто только две новые платные библиотеки, обе в 1798 г., иностранными книготорговцами И. Г. Гансландтом и Э. Цимсеном¹¹⁸. Французский кабинет Гансландта, торговавшего портретами, книгами и табаком, был открыт в центре города в доме Попова у Синего моста. К сентябрю 1798 г. число книг в нем составляло 4000 названий (7000 томов). Преимущественно это были книги по истории, военному искусству, описания путешествий, научные сочинения и большое количество новейших романов¹¹⁹. В библиотеке Цимсена, находившейся «на Литейной в училищном доме немецкой церкви св. Анны», читателям предлагались немецкие и французские «позволен-

ные» книги. «Живущим в дальнем расстоянии» Цимсен намерен был посылать книги на дом.

В годы все усиливавшихся гонений на французскую книгу, вылившихся в конечном счете в полный запрет ввоза в Россию какой-либо иностранной литературы и даже нот, эти новые иностранные кабинеты были обречены. Даже крупнейшая платная библиотека XVIII века И. Г. Гансландта, по-видимому, была недолговечна. После 1801 г. Гансландт перестал давать книгопродавческие объявления в «Ведомостях», а в 1803 г. он был указан в списках отъезжающих из России. Судьба библиотеки Цимсена известна из его более позднего объявления, относящегося уже к началу XIX века, Цимсен сообщал в нем, что его библиотека французских и немецких книг, «которую он не за долго до всеобщего запрещения привоза книг завести старался... не совсем тогда рушилась»¹²⁰. Таким образом, в начале XIX века из существовавших ранее кабинетов для чтения продолжали действовать только библиотеки Сопикова, Цимсена, Геверта, Миллера и некоторые из обществ для чтения.

Общественный подъем первых лет царствования Александра I сказался на всех сторонах русской жизни. В Россию в этот период, после отмены цензурных ограничений, хлынул поток иностранной литературы. Вновь усилилось влияние французской культуры на русское общество. Характерным отражением этого процесса явились возникавшие один за другим в начале 1800-х гг. новые кабинеты для чтения. В отличие от XVIII века все вновь открытые платные библиотеки были иностранными. В 1801 г. переехал в более respectable помещение на Невском проспекте и расширил библиотеку Эрнст Цимсен. Открыли кабинеты для чтения Шарль Эвальд (1801), И. Ц. Тилле (1803), И. Т. Миллер (1804), Яков Бува (1804), Лешновский (1804) и Даниель Бамбам (1809). По существу, после того, как В. Сопиков в середине 1803 г. ликвидировал лавку в Гостином дворе (а с нею, по-видимому, была закрыта и библиотека), в Санкт-Петербурге до конца первого десятилетия не было ни одной общественной русской библиотеки.

Новой чертой, характерной уже для XIX века, было и превращение скромных библиотек при магазинах в самостоятельные «cabinet de lecture» («кабинеты для чтения»), становившиеся своеобразными клубами. Большинство из этих заведений были открыты ежедневно, кроме праздников, весь день, например «французские кабинеты» Ш. Эвальда и Д. Бамбама, «немецкая библиотека» И. Т. Миллера. Как правило, новые кабинеты для чтения открывались в аристократических кварталах города — на Невском проспекте (Цимсена, Эвальда, Бува, Бамбама), на Исакиевской площади (И. Т. Миллера, Лешновского), на Васильевском острове у Академии художеств — (Тилле)¹²¹.

Кабинеты для чтения начала XIX века отличались тщательным подбором книг: по истории, искусству, поэзии, науке, а главное, в каждой из библиотек имелись в достаточном количестве и новейшие романы. (У Эвальда можно было брать напрокат и ноты.) Владелец «немецкой библиотеки» И. Т. Миллер сообщал, например, что в 1804 г. его читальня «приумножена нарочитым числом лучших немецких новейших сочинений, до разных наук касающихся»¹²². В его библиотеке можно было получить многие из старых и современных немецких журналов. Большой выбор литературы в кабинете Миллера был обусловлен его связями «с знатнейшими в Лейпциге книгопродавцами», благодаря которым он мог своевременно

получать «новейшие занимательнейшие немецкие сочинения, до изящных наук касающиеся», вскоре после того, как они были изданы¹²³. Существенно была расширена в 1801 г. и библиотека Цимсена, которую он старательно пополнял книгами на немецком и французском языках, стараясь привести свой кабинет «в возможное совершенство». Некоторые из кабинетов располагали значительными собраниями книг. Так, например, библиотека Лешновского насчитывала к 1805 г. «уже почти одиннадцать тысяч томов книг» на немецком, французском, английском и итальянском языках¹²⁴ и должна была расширяться и в будущем, поскольку ее владелец был намерен приобретать все новинки.

За малым исключением (кроме Эвальда и Бува, содержавших «французские» кабинеты), владельцы библиотек имели книги на французском и немецком языках. Миллер, открывший «немецкую» библиотеку, вскоре дополнил ее «французской» библиотекой, «из отборнейших старых и новейших сочинений составленную», которую в случае успеха он намеревался пополнить «превосходнейшими новейшими французскими журналами»¹²⁵. А в кабинете для чтения Лешновского читателям предлагалась «за скромную цену» литература сразу на четырех языках. До 1807 г., когда в связи с усилением патриотических настроений возрос интерес к национальной литературе, ни один из кабинетов не рекламировал русскую книгу, хотя острая потребность в русских библиотеках живо ощущалась в обществе¹²⁶.

Однако засилье иностранных (особенно французских) книжных магазинов и кабинетов для чтения было кратковременным явлением в русской жизни. В условиях усложнившейся общественной обстановки, вызванной русско-французскими войнами, все обострявшейся конкурентной борьбы многие из владельцев кабинетов быстро разорялись и закрывали свои заведения. Далеко не все из них могли оперативно получать новую литературу из-за границы, постоянно пополнять книжные собрания, снижать стоимость абонементной платы. Трудно, например, было конкурировать с Лешновским: плата за чтение книг в его кабинете была намного ниже, он предоставлял право клиентам, взявшим абонемент сразу на полгода или на год, покупать книги со скидкой в 15 %.

Первыми со сцены сошли кабинеты Эвальда и Тилле — после 1804 г. о них уже нет упоминаний в «Ведомостях». Не выдержал конкуренции Яков Бува, сумевший выстоять даже в грозные годы павловского царствования. Уже в 1806 г. Бува пришлось задешево распродавать французские книги и эстампы, однако ему не удалось поправить дело, и в начале 1808 г. его «книжный кабинет» был продан с публичного торга¹²⁷. Дольше других удалось продержаться содержателю книжной лавки и кабинета Эрнсту Цимсену. Несмотря на то что он постоянно пополнял и книжную лавку, и свою библиотеку новыми изданиями и редкими книгами, периодически устраивал лотереи (в 1808 г. в его лавке была разыграна «вышитая цветными шелками картина, изображающая Кориолана при осаде Рима»), он также не смог избежать разорения. В начале 1810 г. «конкурс пришедшего не в состояние к платежу должника, здешнего купца Цимсена» извещал, что желающие купить «прокатную для чтения книг библиотеку с подпискою абонементов, из немецких и французских разного содержания книг состоящую, которая и ныне находится в полном своем действии», могут ознакомиться с условиями продажи и стоимости библиотеки¹²⁸.

Наиболее успешно шли дела у Даниеля Бамбама и Лешновского. В 1810 г. Лешновский существенно расширил кабинет для чтения, открыв с 1 апреля «новое

заведение для чтения Ведомостей, журналов и других, как иностранных, так и российских периодических сочинений»¹²⁹. Однако уже в следующем году он продал Плюшару и компании все свое предприятие, положив таким образом начало получившей известность библиотеке для чтения¹³⁰.

1812 г. подвел черту многим явлениям русской жизни. Так и опыт, накопленный существовавшими в конце XVIII — начале XIX века кабинетами для чтения, позднее способствовал созданию русских коммерческих читален-библиотек, самой значительной из которых была библиотека В. А. Плавильщикова — А. Ф. Смирдина, сыгравшая немалую роль в истории русской культуры.

Иностранные книготорговцы в еще большей степени, чем русские купцы, были подвержены всем колебаниям и изменениям во внутренней и внешней общественно-политической жизни России того времени. В негласном распоряжении 1765 г. Екатерина II уже требовала строгого контроля за иностранной книготорговлей, справедливо полагая, что «вольные» книгопродавцы способствуют распространению литературы, ведущей «к испорчению нравов», и недвусмысленно предлагала, в случае нарушений, «конфисковать все лавки и продать на щот Сиропитательного дома»¹³¹. Еще более остро встал вопрос о деятельности иностранных книгопродавцев в годы Французской революции. С начала 90-х гг. XVIII века правительство принимало самые энергичные меры, чтобы воспрепятствовать проникновению в Россию нежелательных идей. В эти годы с Францией были прерваны все отношения, по указу от 8 февраля 1793 г. из России в трехнедельный срок были высланы все французы, за исключением лиц, принесших специальную присягу¹³². Рядом указов была усилена цензура, запрещен ввоз книг, издававшихся во Франции, а с 1800 г. и любой иностранной литературы. В редких книгопродавческих объявлениях 90-х гг. иностранные книгопродавцы подчеркнуто рекламировали «немецкие» книжные лавки, а «Ведомости» пестрели объявлениями о продажах с торгового имущества разорившихся, «бежавших» или даже «застрелившихся» иностранных купцов. Рассказ Н. И. Греча о неожиданной проверке магазина Бува выразительно передает атмосферу того времени, когда в 1797–1798 гг. «преследовали и наказывали книгопродавцев, как злодеев и революционеров, за малейшее нарушение формы». Заподозренный в распространении запрещенных книг, дрожащий от ужаса, плачущий Бува был уверен, что его тут же сошлют в Сибирь¹³³.

Малоблагоприятным для развития иностранной книготорговли был и период после 1806 г., ознаменованный началом русско-французских войн.

Помимо 70–80-х гг. XVIII века, кратковременного оживления в 1798 г., когда почти одновременно было открыто 4 новых иностранных книжных магазина — Бува, Цимсена, Алиси и Гансландта, — одним из самых благоприятных для иностранной книготорговли был непродолжительный период в первые годы царствования Александра I.

В начале XIX века иностранные, преимущественно «французские» лавки открывались одна за другой. Объявления, как правило, давались только на французском языке, а сами книгопродавцы из Иоганнов, Францев и Германов мгновенно превратились в Жанов, Франсуа и Жерменов. Волна увлечения всем французским была настолько сильна, что даже некоторые из русских купцов начали рекламировать книги на французском языке (например, И. Сленин). Вновь открываемые магазины предназначались «для respectable публики», и это сказывалось на их

устройстве. Нарядные магазины украшались картинами, эстампами, помимо книг в них продавались вина, табак, разные изящные пустяки (пасхальные яйца и др.).

Таким образом, годы оживления, подъема в книготорговле сменялись периодами гонений, запретов, различных репрессий. Не случайно массовый отъезд из России иностранных переpletчиков, книгопродавцев, печатников и пр. наблюдался в 1791–1794, 1796–1797, 1800 и 1807–1809 гг.

Для того чтобы противостоять многим неблагоприятным факторам (немаловажным среди которых была и «сезонность» в получении новых книг, доставлявшихся морским путем), иностранные книготорговцы объединялись в компании (А. Балц и тов., И. Герстенберг с тов., Ф. Динеман и комп., А. Плюшар и комп., Л. Брифф и Вондерфур и др.), расширяли связи с зарубежными книгопродавцами, изыскивали все новые пути для сбыта книг. Они использовали предварительную подписку, торговали со скидкой большими партиями книг, распространяли каталоги, открывали общественные платные «библиотеки для чтения»¹³⁴, стремились утвердиться в качестве «придворных» книгопродавцев.

Характерно, что ни один даже из самых крупных книготорговцев этого времени не торговал только книгами. Как правило, все иностранные книгопродавцы продавали картины, эстампы, антикварные вещи (А. Роспини), скульптуру и мрамор (Г. Клостерман), музыкальные инструменты (Алиси) и т. п. Многие, особенно в конце XVIII — начале XIX века, например Ф. Дитмар, Шпревиц с тов., Дальмас и др., открывали одновременно «книжный и музыкальный» магазин.

Все иностранные книготорговцы на протяжении рассматриваемого периода торговали и русскими книгами, а И. Герстенберг даже предпринял попытку продавать русские издания за границу.

Однако в то время как русские книготорговцы Петербурга уже в конце XVIII века сумели основать ряд жизнеспособных, долговременных торговых предприятий, какими были торговые дома Глазуновых, Заикиных, Свешниковых и др., почти все крупные иностранные книготорговцы разорились в конце XVIII — начале XIX века. В 1802–1803 гг. было продано с молотка имущество И. Я. Вейтбрехта, дела которого пошатнулись уже в 1795 г.; в 1808 г. было продано на аукционе имущество Я. Бува, в 1809 г. — И. Т. Миллера и Э. Цимсена.

Почти никто из частных иностранных книготорговцев XVIII века не смог перешагнуть рубеж 1812 года. Позднее в России торговали или уже совсем новые люди, или же иностранные книготорговцы, появившиеся в Петербурге в конце первого десятилетия.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что заметные изменения в книжной торговле Петербурга наступили с середины 80-х гг., когда в этой сфере начали действовать русские купцы. Они быстро потеснили своих иностранных конкурентов, и уже вскоре продажа русской книги перешла в их руки. «Гостинодворная» торговля становится центром по распространению русской книги вплоть до конца первого десятилетия XIX века.

Быстрому развитию русской частной книготорговли способствовало многое — общий подъем культуры, рост образованности в обществе, расширение читательской среды. Определенное значение сыграла и реформа 1783 г., положившая конец государственной монополии на издание книг и, несомненно, способствовавшая расширению книжного ассортимента.

Однако главным в этом процессе было то, что еще раз, в более благоприятных условиях начала 80-х гг., Н. И. Новиков повторил попытку реализовать воодушевлявшие его издательско-книготорговые планы, направленные на общее просвещение России, причем в просветительской программе Новикова немалое место отводилось именно развитию книжной торговли.

Новиков создал базу для печатания книг, его издательская политика отличается универсальностью и продуманностью, он печатает все — от религиозно-философской, даже мистической литературы, классических произведений, исторической, научной литературы, книг по сельскому хозяйству, экономике вплоть до популярных романов и сочинений «для народа». А главное, он претворяет выдвинутый им принцип о необходимости донести эту книгу до читателя, и созданная им целая сеть комиссионеров — в Москве, Петербурге, провинциальных городах — успешно осуществляет эту задачу. Овчинников, братья Глазуновы, Полежаев, Сопиков, Кольчугин и другие были теми, кто заложил основы этой торговли в Петербурге.

Толчок, данный Новиковым, был настолько мощным, что развитие этих процессов, в частности книготорговой деятельности, уже ничто не могло остановить — ни крах его собственного предприятия, ни нарастание реакционных тенденций в общественной жизни к концу века.

Большое значение имело и то, что опорой для книготорговой деятельности купцов, особенно петербургских, была Академия наук, ее издательская база. В 80-е гг. она, благодаря деятельности Е. Р. Дашковой, сыграла исключительную роль в создании репертуара отечественной классической книги, не только научной литературы. И то, что деятельность этих двух крупнейших издательств России не пересекалась, а дополняла друг друга, позволяет предположить определенную договоренность, согласованность их книжной политики.

Наличие этих факторов и обусловило быстрое развитие частной русской книжной торговли в конце XVIII века.

Развитие частной иностранной книготорговли в Санкт-Петербурге отнюдь нельзя рассматривать как процесс, двигавшийся по ровной восходящей линии. Монополия на частную книготорговлю была в руках иностранных купцов лишь до конца 80-х гг. XVIII века, когда с расширением книжного рынка Петербурга уже активно начинают выступать «вольные» русские книготорговцы.

Примечания

- ¹ РГИА, ф. 781, оп. 2, д. 187, 334, 780, 1080, 1244, 2311 и др. Так, например, о В. С. Сопикове мы узнаем, что он «ростом дву аршин шести вершков волосом светло рус, лицом бел рябоват глаза серые» (д. 334). Данные из паспорта Н. Н. Кольчугина уточняют уже известное описание его внешности: «приметами он Калчугин росту средняго лицом продолговат и рябоват глаза карие волосы на голове и бороде темно-русые» (д. 187). Узнаем мы и как выглядели В. А. Плавильщиков — «росту средняго, лицом продолговат, глаза серые, на левой щеке рубец, волосы на голове светлорусые» (д. 1244) и Т. А. Полежаев — «росту средняго, лицом бел глаза серыя нос продолговат волосы на голове и бороде светлорусыя» (д. 780).

- ² В литературе сложилось ошибочное представление о том, что Т. А. Полежаев был представителем более старшего поколения. Этому способствовали часто встречающиеся в работах указания на то, что Матвей Глазунов был зятем Т. А. Полежаева или что Т. Полежаев уже около 1770 г. стал комиссионером Новикова (хотя ему в это время было только 12 лет), или что В. Сопиков в юности находился у него в услужении и т. п. А на деле речь шла о сверстниках: М. Глазунов был старше Т. Полежаева лишь на один год и был женат на его сестре Степаниде Анисимовне; между Сопиковым и Полежаевым разница в возрасте составляла 5 лет.
- ³ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 323, л. 52 об.
- ⁴ Российский магазин. СПб., 1792. Ч. 1. С. 142.
- ⁵ *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 430.
- ⁶ *Столпянский П. Н.* Книга в старом Петербурге // Русское прошлое. Петроград, б. г. Сб. 1. С. 117. По мнению Столпянского, выгоднее было открыть новую книжную лавку, чем снимать складское помещение: «Вместо того, чтобы делать склады, их превращали в магазины, т. е. отделяли незначительную часть помещения для прилавка, ставили одного приказчика и магазин был открыт, являясь, собственно говоря, только складом... Понятно, что когда открывался книжный магазин на новом месте, то рядом с этим вновь открываемым магазином другой книгопродавец открывал свой — он надеялся перехватить часть публики, которая если б его магазин не был здесь открыт, пошла бы к его конкуренту».
- ⁷ Российский магазин. Ч. 1. С. 173.
- ⁸ *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. М.; Л., 1954. С. 196–197.
- ⁹ *Мартынов И. Ф.* Книготорговец и книгоиздатель XVIII в. М. К. Овчинников // Книга: Исследования и материалы. М., 1972. Т. 24. С. 105.
- ¹⁰ Существует ошибочное мнение, что «первым книжную торговлю в Гостином Дворе» открыл В. А. Плавильщиков (см. например: *Русский вестник*. 1895. № 1. С. 337).
- ¹¹ Возможно, что и позднее В. Сопиков еще некоторое время торговал книгами: упоминание о его лавке встречается в 1809 г. (см.: *Вестник Европы*. 1809. № 21. Ч. 48. С. 80).
- ¹² Первоначально этот дом относился к строениям Аничкова дворца, затем стал собственностью Г. А. Потемкина, после его смерти был передан в казну, через некоторое время куплен купцом Никитой Шемякиным, а после него приобретен Кабинетом Е. И. В. Позднее дом отошел к Публичной библиотеке. В книгопродавческих объявлениях он фигурировал то как «Аничков», то как «Потемкинский», то как «Шемякин» или «Кабинетский» дом, хотя в каждом случае речь шла об одном и том же строении.
- ¹³ См.: *Мартынов И. Ф.* Книготорговец и книгоиздатель... С. 105.
- ¹⁴ Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за 100 лет. СПб., 1903. С. 6.
- ¹⁵ Книжные лавки в Аничковом доме не были собственностью купцов, а лишь сдавались внаем на определенный срок. См., например, объявление в СПбВ (1802. № 11. С. 243), в котором говорилось, что желающие снять на новый срок лавки 18–23 должны явиться в канцелярию гр. Строганова. Лавки в Аничковом дворце помещались в отдельном флигеле и, судя по книгопродавческим объявлениям, находились на первом, а не на втором этаже, как, например, ошибочно сообщает П. Н. Столпянский (см.: *Столпянский П. Н.* Книга в старом Петербурге... С. 117).

- ¹⁶ См.: *Мартынов И. Ф.* Книготорговец и книгоиздатель... С. 105.
- ¹⁷ СПбВ. 1848. № 112 (20 мая). С. 446.
- ¹⁸ Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за 100 лет. СПб., 1883 (2-е изд. вышло в 1903 г.); *Лисовский Н. М.* Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием их книгоиздательства. 1802–1903. СПб., 1903.
- ¹⁹ СПбВ. 1785. № 101 (19 дек.). С. 1059.
- ²⁰ См., например: Краткий обзор... С. 3.
- ²¹ Там же.
- ²² ОР РНБ, ф. 1105 (Шамрай), № 298, л. 1–11.
- ²³ СПбВ. 1783. № 28 (7 апр.). Б. с.; 1784. № 101 (17 дек.). С. 976.
- ²⁴ Там же. 1789. № 79 (2 окт.). С. 1162.
- ²⁵ См. там же. 1788. № 27. С. 366.
- ²⁶ См. там же. 1788. № 65. С. 960.
- ²⁷ Глазунов всего дважды успел сообщить о продаже трагедии «Вадим» (по цене 45 к. за экземпляр) в «Санктпетербургских ведомостях» (1793. № 56. С. 1366; № 57).
- ²⁸ *Светлов Л. Б.* Запрет трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» и дело А. Н. Радищева // *История СССР*. 1960. № 5. С. 142.
- ²⁹ СПбВ. 1797. № 43 (29 мая). С. 858.
- ³⁰ См.: РГИА, ф. 781, оп. 2, д. 2133 (от 5 января 1795 г.) «О записке московского купца Семена Глазунова с детьми»; там же, д. 2311 (от 28 мая 1795 г.) «О записке в 3-ю гильдию здешнего купечества. . . Ивана Большого Заикина с семейством».
- ³¹ «Реестры» Глазунова хранятся в отделе редкой книги РНБ. Аникиев, которому ранее принадлежал «Реестр», датировал его 1786 г. и считал первым каталогом Глазунова (см.: ОР РНБ, ф. 1105 (Шамрай), № 298, л. 10).
- ³² СПбВ. 1786. № 38 (12 мая). С. 147.
- ³³ СПбВ. 1786. № 1. С. 8.
- ³⁴ Имеется в виду «Путеводитель юношества, или Наставление отца к сыну» (М.: Тип. Компании типографической, 1786).
- ³⁵ СПбВ. 1786. № 98. С. 1239.
- ³⁶ Принято считать, что начало издательской деятельности Глазунова относится к 1790 г. (см. например: Краткий обзор... С. 4).
- ³⁷ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 369, л. 100–104, 107. Стоимость набора и печатания каждого листа книги Лепренс де Бомон составляла 5 р. Характерно, что это третье издание «Детского училища» было контрафакцией, предпринятой без согласия переводчика (см.: СК. Т. 2. С. 145–146). Одновременно с Глазуновым 812 экз. этой же книги получил из типографии Академии наук и Н. Д. Водопьянов (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 369, л. 96).
- ³⁸ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 384 (январь, апр.).
- ³⁹ Глазунов издавал от 5 до 10 книг в год и выше, и количество выпущенной им литературы было гораздо большим, чем, например, указывается в «Кратком обзоре...». Только в Императорской типографии за 1791–1794 гг. им было издано около 20 книг.
- ⁴⁰ О трагедии «Вадим Новгородский» см., например, статьи М. Н. Лонгинова, В. Я. Стоюнина, П. А. Ефремова, В. П. Семенникова, в наше время — Л. Б. Светлова, Л. Б. Крестовой, Л. И. Кулаковой.
- ⁴¹ См.: *Дашикова Екатерина.* Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 172–175.

- ⁴² *Masson Ch. F. Ph. Mémoires secrets sur la Russie. Londres, 1802. Vol. 2. P. 133–124.*
- ⁴³ См., например, примечания Л. И. Кулаковой к «Избранным произведениям» Я. Б. Княжнина, где она свела воедино противоречивые материалы об истории создания трагедии «Вадим Новгородский» (*Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л., 1961. С. 730*).
- ⁴⁴ Русский архив. 1863. № 5–6. С. 467–473.
- ⁴⁵ Архив кн. Воронцова. Кн. 12. С. 381. Помимо этих сочинений Глазуновым были куплены комедии: «Траур, или Утешенная вдова», «Жених трех невест», комическая опера «Мужья — женихи своих жен» и «несколько мелких розных пьес, писанных собственно его рукою» («Объяснение П. Я. Чихачева генерал-губернатору псковскому и смоленскому Г. М. Осипову от 1 января 1794 г.») — *Княжнин Я. Б. Избранные произведения. С. 730*.
- ⁴⁶ В журнале Академии наук от 11 ноября 1793 г. записано: «Из всех напечатанных экземпляров и имеющихся в книжном магазине и лавке 39-й части „Российского Феатра“ помещенную в оной трагедию „Вадим Новгородский“ вынуть и доставить генерал-прокурору через присланного от него; столько ж отдано будет записать по оным в расход и рапортовать». См.: СПбФ АРАН, Журнал АН, 1793, № 1096.
- ⁴⁷ См.: *Княжнин Я. Б. Избранные произведения. С. 732; Светлов Л. Б. Запрет трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» и дело А. Н. Радищева // История СССР. 1960. № 5. С. 142. Известный библиограф и библиофил В. С. Сопиков заметил уже в 20-е гг. XIX в., что трагедия «Вадим Новгородский» — «...очень редка» (Опыт Российской библиографии. № 11867), хотя из книжных лавок и у частных лиц удалось изъять лишь часть этого издания. Гораздо более редкой стала публикация трагедии в «Российском Феатре» (считается, что уцелело всего 2 экз.), поскольку весь тираж был конфискован в книжном «магазине» (книжном складе) Академии наук до его поступления в продажу. Трагедия была выдрана из «Российского Феатра» так, что пострадали и соседние сочинения. Возможно, однако, что не все изъятые экземпляры были уничтожены. В частности, например, Библиотека Академии наук располагает подобным экз., испещренным множеством помет, с владельческой надписью: «из книг Н. П. Лихачева».*
- ⁴⁸ *Дашкова Екатерина. Записки. С. 173–174.*
- ⁴⁹ См.: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за 100 лет. СПб., 1903. С. 6.
- ⁵⁰ Русский архив. 1864. № 5–6. С. 580–581.
- ⁵¹ Архив кн. Воронцова. М., 1877. Т. 12. С. 381.
- ⁵² *Княжнин Я. Б. Избранные произведения. С. 545.*
- ⁵³ Петербургским книгопродавцам было известно о неприятностях у Г. Зотова, попавшего под арест за распространение «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.
- ⁵⁴ ОР РНБ, ф. 188 (Глазуновы), № 12, л. 1. Посылая родительское благословение, Матрена Ивановна Глазунова писала сыну: «...ты меня Матвей Петрович совсем позабыл, и будто бы у тебя матери нет, уже я опять восемь лет ничего не получала, а у этого сына нахожусь, слава Богу, жива и здорова, и впредь уповаю на волю божию, и всея я для (его) довольна и всею у меня есть, чего не попрошу всею купит или дает, а ты мне не сын, что ты меня позабыл и совсем не присылаешь ничего... остаюсь мать ваша Матрена Ивановна нижайше всем кланяюсь и как можна прошу прислать денег сколка нибуть» (письмо от декабря 1802 г.).

- ⁵⁵ Е. Р. Дашкова писала: «В прошедшем июне книжный торговец Глазунов обратился ко мне с просьбою о дозволении напечатать в академической типографии трагедию Княжнина, которую он только что купил у наследников этого писателя и которая носила название „Вадим Новгородский“. Я дала приказание отпечатать ее, но позабыла велеть, чтоб ее предварительно рассмотрели; впрочем, я никак не могла думать, чтоб с понятием о трагедии могло соединиться понятие о чем-либо предосудительном» (Русский архив. 1884. № 2. С. 266; См. также: Архив Воронцова. М., 1872. Кн. 5. С. 216).
- ⁵⁶ Светлов Л. Б. Запрет трагедии Я. Б. Княжнина... С. 143.
- ⁵⁷ Письмо Дашковой, возможно, получило известность и распространение в обществе. В «Секретных мемуарах о России» К. Массона, опубликованных в начале XIX века еще до написания «Записок» Дашковой, почти дословно передаются фразы из ее разговора с императрицей, о котором она подробно сообщала в письме: «Что я вам сделала, что вы напечатали книгу такую оскорбительную и опасную?» и «Если это такое большое преступление царствовать, не вы ли помогли мне его совершить?» — пишет Массон. В целом Массон произвольно излагает историю публикации «Вадима Новгородского».
- ⁵⁸ Резолюция Канцелярии Академии наук от 4 июня 1793 г. Характерно, что в СПбФ АРАН за большую часть 1793 г. отсутствуют ведомости и отчеты по «книжному магазину», хотя, как правило, материалы о поступлении книг из типографии и дальнейшей их судьбе тщательно фиксировались.
- ⁵⁹ Цит. по кн.: СК. Т. 2. № 4656. С. 308.
- ⁶⁰ Цит. по кн.: «Краткий обзор...». С. 13. В «Кратком обзоре...» данное письмо датируется 1803 г., но оно, несомненно, относится к более раннему времени, поскольку в книгопродавческих объявлениях Глазунова пятитомный «Словарь Юридический...» Чулкова упоминался уже в 1801 г. (СПбВ. 1801. № 82. С. 2831).
- ⁶¹ Письмо И. Г. Рахманинова от 4 декабря 1800 г. см.: ОР РНБ, ф. 188 (Глазуновы), д. 10, л. 1–2.
- ⁶² Письма В. А. Левшина Глазуновым хранятся в ОР РНБ, ф. 188, № 7, л. 1–27 об.
- ⁶³ Поршнев Г. И. История книжной торговли в России // Книжная торговля. М.; Л., 1925. С. 101.
- ⁶⁴ СПбВ. 1811. № 12. «Объявления». С. 4.
- ⁶⁵ РГИА, ф. 468, оп. 1, д. 4024, л. 114; д. 4025, л. 187. См. также: Щеглов В. В. Собственные Е. И. В. библиотеки и арсеналы. Пг., 1917. С. 19.
- ⁶⁶ РГИА, ф. 468, оп. 1, д. 4028, л. 491–492. В 1793 г. Глазунову было уплачено 482 р. 10 к.; в 1794 г. — 222 р. 90 к. (там же, д. 4031, л. 731; д. 4037, л. 176). В 1796 г. Глазунову было уплачено 72 р. 55 к.; в 1801 — 200 р. (там же, д. 4031, л. 54; д. 4037, л. 176).
- ⁶⁷ Там же, д. 4028, л. 494–500 об.
- ⁶⁸ Там же, оп. 32, д. 89, л. 1–20.
- ⁶⁹ СПбВ. 1801. № 57. С. 2058.
- ⁷⁰ Там же. 1806. № 1. «Известия». С. 11.
- ⁷¹ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 6, д. 381, л. 105 — «Об отпуске г. попечителю Харьковского университета его сиятельству графу С. О. Потоцкому академических книг, а также о взятии для него ж от купца Глазунова книг и об отпуске ему Глазунову взамен академических».
- ⁷² Там же, л. 115–117, 126, 123–125 об.

- ⁷³ СПбВ. 1811. № 12. «Объявление». С. 4.
- ⁷⁴ Там же. 1796. № 60. С. 1429.
- ⁷⁵ Там же. 1797. № 29. С. 566.
- ⁷⁶ Там же. 1797. № 43. С. 858.
- ⁷⁷ ОР РНБ, ф. 188 (Глазуновы), оп. 1, д. 4, л. 1.
- ⁷⁸ Распродажа книг Вейтбрехта с аукциона началась еще при его жизни в 1802 г., но основная масса книг была продана в конце 1803 — начале 1804 г. (см.: СПбВ. 1802. № 15. С. 357; № 95. С. 2535–2536; 1803. № 83. С. 2719; 1804. № 5. С. 122, № 14. С. 378–379, № 15. С. 413). Исполнители завещания Вейтбрехта — И. К. Мейер и И. А. Кремер сообщали о продаже французских книг «с нарочитым количеством российских, включая в число оных и немецко-российской и француско-российские словари» (СПбВ. 1803. № 83 (16 окт.). С. 2719). Именно эти книги и были приобретены Глазуновым, а вскоре он объявил о продаже «Университетам, Духовным Академиям и частным училищам» при покупке «большим числом экземпляров» льготную скидку на приобретенные словари Вейтбрехта (СПбВ. 1803. № 91. С. 2929).
- ⁷⁹ СПбВ. 1804. (№ 94). С. 2962.
- ⁸⁰ РГИА, ф. 468, оп. 32, д. 201, л. 1–7. Книги были куплены Глазуновым в три срока на протяжении 1805–1807 гг. См. также: ф. 468, оп. 32, л. 1254, л. 19 и 21 об.
- ⁸¹ См.: «Московские ведомости». 1801. (№ 103) (о торговле Акохова «санктпетербургскими книгами»).
- ⁸² См.: Краткий обзор... С. 18–19.
- ⁸³ См.: Там же. С. 16–17.
- ⁸⁴ Цитируется по кн.: Краткий обзор... С. 35.
- ⁸⁵ РГИА, ф. 733, оп. 118, л. 224, л. 34, 37.
- ⁸⁶ *Георги И. Г.* Описание... С. 373–374. См. также: СПбВ. 1789. № 29. С. 439; 1791, № 32. С. 582.
- ⁸⁷ Вестник Европы. 1802. № 9. С. 58.
- ⁸⁸ Там же. 1802. № 1. С. 4–5.
- ⁸⁹ *Георги И. Г.* Описание... С. 422–423.
- ⁹⁰ По данным Георги на 1793 г., «внесенные деньги с полученными от продажи книг составляли... 6422 рубля, и число всех до того времени купленных книг составляло 5000..., из коих уже 2200 опять проданы» (там же. С. 423). Как показывают материалы СПбФ АРАН, Эйлер систематически приобретал книги в лавке Академии наук.
- ⁹¹ *Георги И. Г.* Описание... С. 423.
- ⁹² См.: *Vacmeister H. L. Ch.* Katalog von Büchern, gesammelt von H. L. Ch. Vacmeister. St. Petersburg, 1798.
- ⁹³ СПбВ. 1806. № 62. С. 703.
- ⁹⁴ *Георги И. Г.* Описание... С. 424.
- ⁹⁵ Ранее, еще в 1770 г., была открыта платная библиотека И. Вейтбрехтом, но, по видимому, она недолго действовала. См.: *Мартынов И. Ф.* Петербургский книго-торговец и книгоиздатель Иоганн Якоб Вейтбрехт. С. 39.
- ⁹⁶ СПбВ. 1783. № 36 и 37. Дальгрэн был «содержателем общественной Вивлиофики», находившейся в доме № 51 по Малой Миллионной. В объявлениях того времени можно встретить упоминания о «библиотеке Гессе» и «Лесслевой библиотеке» (СПбВ. 1783. № 56 и 57), находившихся по тому же адресу. Возможно, что Гессе, или Лессе, был компаньоном или помощником Дальгрэна. В апреле 1784 г. Даль-

- грен сообщил об изменении адреса своей библиотеки (СПбВ. 1784. № 27. С. 439). В 1784 г. была предпринята попытка открыть в доме № 55 на Малой Миллионной общество «Музей» с платной библиотекой, «простирающейся до 3000 самых наилучших французских книг» (СПбВ. 1784. № 75. С. 1298).
- ⁹⁷ Георги И. Г. Описание... С. 424.
- ⁹⁸ Цит. по кн.: Малеев А. И. Книжные росписи XVIII в. // Труды Института книги, документа и письма. М.; Л., 1936. Т. 5. С. 34.
- ⁹⁹ См.: Малеев А. И. Книжные росписи XVIII в. С. 46–47.
- ¹⁰⁰ СПбВ. 1784. № 55. С. 511; см. также: Мартынов И. Ф. Книготорговец и книгоиздатель XVIII в. М. К. Овчинников. С. 105.
- ¹⁰¹ Так, например, опубликованное в СПбВ объявление (1795. № 43. С. 922), в котором говорилось об отпуске книг из лавки № 16 в Аничковом доме «с платежом за год 20, а за полгода 11 рублей», принадлежало М. К. Овчинникову. Последнее объявление М. Овчинникова было опубликовано также в СПбВ (1799. № 88. С. 2224).
- ¹⁰² СПбВ. 1784. № 55. С. 511; см. также: Мартынов И. Ф. Книготорговец и книгоиздатель XVIII в. М. К. Овчинников... С. 105.
- ¹⁰³ СПбВ. 1792. № 8. С. 121; 1794, № 12. С. 246.
- ¹⁰⁴ Там же. 1790. № 70. С. 1137.
- ¹⁰⁵ Георги И. Г. Описание... С. 425.
- ¹⁰⁶ Сопиков В. С. Книжная лавка под № 19 — 1791 год. СПб., 1791. С. 9, «уведомление». Эта редкая «роспись малая» В. С. Сопикова сохранилась благодаря тому, что попала в конволют «Реестры разные 20 книг конца XVIII века», хранящийся в РНБ.
- ¹⁰⁷ Сопиков В. С. Библиотека для чтения. В СПб., 1800 года. «Уведомление».
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ СПбВ. 1793. № 101. С. 2382. Как уточнялось в дальнейших номерах «Ведомостей», с читателей взималась плата «10 р. в год, 4 р. в треть и 2 р. 25 к. на месяц». (Там же. № 103. С. 2445).
- ¹¹⁰ См., например, СПбВ. 1803. № 84. С. 2739–2740.
- ¹¹¹ Там же. 1794. № 27. С. 60. Библиотека на Миллионной существовала и в начале XIX в. Так, например, математик Е. Д. Войтяховский упоминал в письме И. П. Глазунову от 1803 г. об их общем знакомом, жившем в доме, «что на Милионной против библиотеки» (ОР РНБ, ф. 188 (Глазуновы), оп. 1, л. 4 об.).
- ¹¹² Так, в открытых в начале 90-х гг. двух обществах, предназначенных для чтения журналов, И. Буссе и И. Герстенберга, плата составляла у Буссе 8 р. в год, а у книгопродавца Герстенберга — 12 р. и еще дополнительно 4 р. для оплаты разносчика, заменявшего каждые три дня журналы на новые.
- ¹¹³ Георги И. Г. Описание... С. 422.
- ¹¹⁴ Библиотека для чтения, «Уведомление».
- ¹¹⁵ Цит. по кн.: Штранге М. М. Русское общество и Французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. С. 116.
- ¹¹⁶ СПбВ. 1793. № 6. С. 119.
- ¹¹⁷ Там же. № 5. С. 88.
- ¹¹⁸ По примеру библиотек для чтения купцами братьями Спревиц в 1798 г. была открыта «заемная библиотека новейших музыкальных пьес» (СПбВ. 1798. № 19. С. 416).
- ¹¹⁹ Там же. № 104. С. 2692.
- ¹²⁰ Там же. 1801. № 87. С. 2976.

- ¹²¹ Кабинеты для чтения были настолько популярны, что даже «шоколадный фабрикант» Корсар «в надежде на благосклонное посещение публики» решил в своем магазине «держать для чтения» сверх российских и немецких «Санктпетербургских ведомостей», «Рижского зрителя», «Гамбургского корреспондента», журнал под заглавием «Гений времен» и «Французской Абель дю Нор» (СПбВ. 1809. № 1. С. 10).
- ¹²² Там же. 1804. № 87. С. 2709.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же. 1805. № 17. С. 171.
- ¹²⁵ Там же. 1804. № 87. С. 2709.
- ¹²⁶ Так, в статье с резкой антифранцузской направленностью «Письмо из города NN в столицу», опубликованной в «Вестнике Европы» (1807. № 8. С. 283), описывалось «Общество любителей чтения» небольшого провинциального городка, составившее общественную «временную библиотеку» и проводившее «по несколько вечеров каждую неделю, занимаясь чтением и разговорами... о словесности и науках». Характерно, что в ответе на письмо с горечью отмечалось, что подобные «русские» общества редкость и в столицах (Вестник Европы. № 24. С. 241).
- ¹²⁷ СПбВ. 1806. № 36. С. 416; 1808. № 6. С. 67 и № 13. С. 193.
- ¹²⁸ Там же. 1810. № 13. С. 196.
- ¹²⁹ Там же. 1810. № 24. С. 366; № 25. С. 385.
- ¹³⁰ Там же. 1811. № 36. С. 561.
- ¹³¹ Оснадацатый век: Исторический сборник. М., 1869. Кн. III. С. 392.
- ¹³² Одними из первых в списке присягнувших были книготорговцы Куртене, Готье со своими семьями, Рис, Соссе и др. (СПбВ. 1793. № 47. С. 1063).
- ¹³³ Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб., 1866. С. 177. Сохранились документы о подобном освидетельствовании и магазина Тейлена в 1807 г. (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 31, л. 2 об.).
- ¹³⁴ О «кабинетах для чтения» в С.-Петербурге в конце XVIII — начале XIX века см.: Зайцева А. А. «Кабинеты для чтения» в Санкт-Петербурге конца XVIII—начала XIX века // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX веков. Л., 1979. С. 29–46.

РИЛОЖЕНИЯ

Таблица I-1

*«Продажа книг, портретов и ландкарт... в 1751 г.». Составлено на основе
«щетов»Зборомирского за январь-ноябрь 1751 г.
(цены указаны в рублях и долях рубля)*

Месяц	Общая стоимость книг и пр. на начало каждого месяца	«Приход» (сумма новых поступлений)	Ежемесячное увеличение общей стоимости книг в зависимости от новых поступлений	Продано	«Расход»: отпущено «безденежно»	Общий итог
1	66 982,30 ¹ / ₂	580,00	67 562,30 ¹ / ₂	624,10	123,10	747,20
2	66 815,10 ¹ / ₂	2 218,35	69 033,45 ¹ / ₂	671,10	110,70	781,80
3	68 251,65 ¹ / ₂	—	—	298,22	92,35	381,37
4	67 864,28 ¹ / ₂	2 128,30	69 992,58 ¹ / ₂	91,56	28,60	119,76
5	69 872,82 ¹ / ₂	—	—	265,08	130,41	395,49
6	69 477,39 ¹ / ₂	—	—	234,47	62,00	296,47
7	69 181,22 ¹ / ₂	3 638,25	72 819,47 ¹ / ₂	210,71	641,83	852,54
8	71 967,83 ¹ / ₂	570,60	72 538,43 ¹ / ₂	191,62	59,00	250,62
9	72 287,85 ¹ / ₂	1 802,50	74 090,35 ¹ / ₂	536,95 ¹ / ₂	552,85	1 089,80 ¹ / ₂
10	73 008,71	3 842,25	76 850,96 ¹ / ₂	395,37	222,40	617,77
11	76 235,65	1 350,80	77 586,45 ¹ / ₂	176,30	232,70	409,00
12	77 179,21	—	—	—	—	—

Таблица I-2

Экстракт генеральной, учиненный из щетных выписок о приходе и продаже печатанных в здешней типографии на российском и иностранном языках книг, портретов, ландкарт и газет, и о приходе и расходе денежной казны в бытности в Санктпетербургской книжной лавке комиссара Степана Зборомирскаго 1751 года

Звания	Остаточные и вступившие в 1751 году в приход по цене	В 1751 году в приход безденежно			Затем в 1752 году в остатке
		на деньги с Возвратом		Без возврата	
Книг на российском языке	55 374,77	3 716,52	3 499,15	1702,09	28 538,01
на латинском языке на	38 728,60	246,83	17,45	708,69	37 755,63
на немецком языке	8 490,18 ¹ / ₂	311,01 ¹ / ₂	134,15	51,16	7 993,86
на французском языке	1 397,50	16,92	134,00	4,76	1 375,82
ИТОГО книг на	86 072,05 ¹ / ₂	4 291,28 ¹ / ₂	3 650,75	2466,70	75 665,32
портретов и ландкарт на	2 434,05 ¹ / ₂	617,25	35,75	32,30	1 773,15
газет на	1395,54	698,07 ¹ / ₂	615,10	65,62 ¹ / ₂	16,74
ВСЕГО на	89 901,59 ¹ / ₂	5 606,61	4 300,85	2564,62 ¹ / ₂	77 453,21

Да сверх объявленных принятых за проданные книги и прочее денег, денежной казны в приходе

А имянно:

Остаточных от 750 года	589,07 ¹ / ₂
за припечатание в газетах о партикулярных делах	110,50
за дело при академии вещей и за напечатание в типографии партикулярных дел	599,40 ¹ / ₂
за переплет разных книг и за иллюминирование атласов	58,40
за проданные Прибавления в разноту кои были печатаны нарочно	10,94
ИТОГО	1 368,32 ¹ / ₂
Всего денежной казны в приходе	6 974,93 ¹ / ₄

Таблица I-3

Финансовое состояние академической книготорговли в 1749–1762 гг.
(в рублях и долях рубля)

Год	«Книжный капитал» (общая стоимость книг в книжной лавке и «магазинах»)		Выручка книжной торговли за год	Общая стоимость книг, отпущенных «беднежно»		Итого «росход» книг за год
	к началу года	за весь год		в рассрочку	бесплатная раздача	
1749	60 414,98	71 266,03 ¹ / ₂	1 287,87 ¹ / ₂	4 711,72		5 999,59 ³ / ₄
1750 (1 января — 13 августа)	65 996,07 ¹ / ₂	73 041,36	2 605,73 ¹ / ₂	4 734,87?		7 340,61 ¹ / ₂
1750 (13 августа — 31 декабря)	65 732,41 ¹ / ₂	69 207,25 ¹ / ₂	1 494,40 ¹ / ₂	3 351,73		4 846,13 ¹ / ₂
1751	66 982,30 ¹ / ₂	89 901,59 ¹ / ₂	5 606,61	4 300,85	2 564,62 ¹ / ₂	12 472,08
1752	77 453,21	93 629,76	4 923,58 ¹ / ₂	4 844,33	1 279,72	11 047,63 ¹ / ₂
1753	82 582,12 ¹ / ₂	89 914,76 ¹ / ₂	3 664,58 ¹ / ₂	1 485,35 ¹ / ₂	1 050,52	6 200,46
1754	83 714,28 ¹ / ₂	104 530,16 ¹ / ₂	5 496,93	4 780,38 ¹ / ₂	893,46 ¹ / ₂	11 620,77 ¹ / ₂
1755	92 909,38 ¹ / ₂	115 754,77 ¹ / ₂	8 137,77 ¹ / ₂	1 983,41	1 211,37	11 332,55 ¹ / ₂
1756	104 422,22	117 006,38 ¹ / ₂	7 698,35	1 676,35	798,29 ³ / ₄	10 172,99 ¹ / ₂
1757	106 833,38 ¹ / ₂	127 968,83 ¹ / ₂	8 128,04 ¹ / ₄	5 318,00	916,12 ³ / ₄	13 538,67
1758	113 874,10	128 936,82	10 040,89 ¹ / ₂	2 279,67	910,97	13 231,53 ¹ / ₂
1759	115 786,08 ¹ / ₂	135 692,40	11 555,55	4 920,73	1 165,95	17 642,23
1760	118 067,52 ¹ / ₂	151 090,11 ¹ / ₂	13 866,39	3 908,06	896,17	18 670,62
1761	132 419,49 ¹ / ₂	163 396,26 ¹ / ₂	13 542,09 ¹ / ₂	3 240,07	1 001,53	17 783,69 ¹ / ₂
1762	145 629,73 ¹ / ₂	179 833,19	10 427,99	4 218,06	929,38	15 575,43 ¹ / ₂
Итого: 108 926,82 ¹ / ₂						

Доход от продажи академических изданий в 1749–1762 гг. (в рублях и долях рубля)

Год	Отпуск книг				Итого за год	Продажа		Итого за год	Продажа «Ежемесячных сочинений»	Всего
	на рос- сийском	на латин- ском	на немецком	на француз- ском		портретов, ландкарт	газет			
1749	449,86	336,95	70,69	8,02	865,52	256,75	165,56 ³ / ₄	422,31 ³ / ₄		1287,87 ³ / ₄
1750 (1 ян- варя — 13 августа)	1904,36	66,14	105,94 ¹ / ₂	3,52	2079,96 ¹ / ₂	189,65	336,12	525,77		2605,73 ¹ / ₂
1750 (13 ав- густа — 31 декабря)	955,45	33,95	106,63	3,84	1099,87	169,40	225,13 ¹ / ₂	394,53		1494,40 ¹ / ₂
1751	3176,52	246,83	311,01 ¹ / ₂	16,92	4291,28 ¹ / ₂	617,25	698,07 ¹ / ₂	1315,32 ¹ / ₂		5606,61
1752	3460,86	79,73	213,06	19,85	3773,50	425,70	724,38 ¹ / ₂	1150,08 ¹ / ₂		4923,58 ¹ / ₂
1753	2069,98	87,82	112,82	4,46	2275,08	565,75	823,75 ³ / ₄	1389,50 ³ / ₄		3664,58 ³ / ₄
1754	4064,22	61,76	219,30	17,86	4358,14	677,30	911,49	1588,79		5946,93
1755	4794,63	141,36	260,25	25,51	5221,75	741,40	1160,06 ¹ / ₂	1901,46	1014,56	8137,77 ¹ / ₄
1756	4340,70	60,32	137,60	23,73	4562,35	756,65	1408,59	2165,24	970,41	7698,35
1757	4204,20	62,27	200,77	12,34	4479,58	820,90	2055,66 ¹ / ₄	2876,56 ¹ / ₄	771,90	8128,04 ¹ / ₂
1758	4927,26 ¹ / ₂	103,21	255,14	12,29	6354,61 ¹ / ₂	1056,68	2844,44	3686,51	730,34	10 040,89 ¹ / ₂
1759	6031,94	105,14	394,72	13,14	7391,81	846,87	+ 2844,44 111,73 3076,44	4163,04	840,60	11 555,55
1760	9177,1 ¹ / ₂	110,27	470,57	42,14	10 435,53	635,40	+ 246,70 2790,50	3430,86	603,32	13 866,39
1761	8564,57 ¹ / ₂	160,86	682,40	28,34	10 264,32 ¹ / ₂	825,15	+ 37,04 2583,37		694,40 292,00	13 542,09 ¹ / ₂ 10 427,99 ¹ / ₂
1762	6156,83 ¹ / ₂	108,66	654,40	33,84	8080,03 ¹ / ₂	825,15 1126,30	2030,63 + 25,33	2347,96		
Всего:						75 533,35 ¹ / ₂		30 635,75 ¹ / ₂		10 8926,82 ¹ / ₂

Таблица I-5

Общая стоимость академических изданий, отпущенных в кредит в 1749–1762 гг. (в рублях и долях рубля)

Год	Отпуск книг				Итого за год	Продажа		Итого за год	Продажа сочинений	Всего
	на русском	на латинском	на немецком	на французском		портретов, ландкарт	газет			
1749	2882,79	129,30	52,0	–	3064,09	480,60	1167,63	1647,63	«безденежные» выдачи в кредит и бесплатно	4711,72
1750 (1 января — 13 августа)	1547,30	1412,12	97,43	19,09	3075,94	981,85	677,08 ¹ / ₂	1658,93		4734,87 ¹ / ₂
1750 (13 августа — 31 декабря)	2552,11	255,85	190,52	–	2968,48	–	383,25	383,25		3351,73
Итого:										12 798,32
1751	3499,15	17,45	134,15	–	3650,75	35,00	615,10	650,10		4300,85
1752	2211,05	1703,16	146,72	9,00	4069,93	196,90	577,50	774,40		4844,33
1753	495,45	291,38	132,43	0,08	919,34	229,30	336,77 ¹ / ₄	566,07 ¹ / ₄		1485,41 ¹ / ₄
1754	3815,20	494,55	55,18	8,20	4373,13	77,35	329,90 ³ / ₄	407,25 ³ / ₄		4780,38 ³ / ₄
1755	1051,80	263,50	86,45	10,50	1418,25	23,70	341,06	1364,76	200,40	1983,41
1756	886,51	81,60	85,93	15,62	1069,66	64,70	349,99	414,69	192,00	1676,35
1757	3606,70	412,30	57,75	–	4076,75	203,97	625,14 ¹ / ₂	829,11	413,12 ¹ / ₂	5318,99
1758	883,11	210,60	35,24	14,00	1296,35	153,40	+ 673,25 122,07	795,32	188,00	2279,67
1759	1690,30	147,74	2215,50	–	4139,34	85,80	+ 611,00 40,39	651,39	190,00	4980,73
1760	2388,30	619,06	126,59	1,60	3168,35	32,80	+ 582,66 31,05	613,71	126,00	3908,06
1761	2100,41	298,45	124,58	6,24	2529,68	–	582,39	582,39	128,00	3240,07
1762	1615,39	427,14	293,49	48,04	2461,81	77,75	1541,00 9,25	1550,25	206,00	4218,06
Итого:										43016,32 ¹ / ₄

Общая стоимость академических изданий, отпущенных бесплатно в 1749–1762 гг. (в рублях и долях рубля)

Год	Отпуск книг				Итого за год	Продажа		Итого за год	Продажа сочинений	Всего
	на русском	на латинском	на немецком	на французском		портретов, ландкарт	газет			
1749	2882,79	129,30	52,0	–	3064,09	480,60	1167,63	1647,63	«безденежные» выдачи в кредит и бесплатно	3064,09
1750 (1 января — 13 августа)	1543,30	1412,12	97,43	19,09	3075,94	981,85	677,08 ¹ / ₄	1658,93		4734,87 ¹ / ₄
1750 (13 августа — 31 декабря)	2552,11	255,85	190,52	–	2968,48	–	383,25	383,25		3351,73
Итого:										12 798,32
1751	1702,09	708,69	51,16	4,76	2466,70	32,30	65,62 ¹ / ₂	97,92 ¹ / ₂		2564,62 ¹ / ₂
1752	449,87	679,90	73,65	–	1203,42	8,80	67,50	76,30		1279,72
1753	750,00	104,20	84,87	–	939,07	13,95	97,50	111,45		1050,52
1754	483,50	103,60	49,88	1,20	638,18	155,70	99,58 ¹ / ₂	255,28 ¹ / ₂		893,46 ¹ / ₂
1755	700,72	20,80	87,60	9,40	818,52	167,25	107,50	274,50	118,10	1211,37
1756	245,00	156,30	48,90	–	450,20	63,25	128,44 ³ / ₄	191,69 ³ / ₄	156,40	798,29 ³ / ₄
1757	285,41	101,78	69,11	0,46	456,76	47,02	146,00	193,02	266,34 ³ / ₄	916,12 ³ / ₄
1758	352,74	61,00	62,70	–	590,72	114,28	182,25	182,25	138,00	910,97
1759	475,05	163,52	234,41	–	901,48	28,50	175,00	1077,95	88,00	
1760	179,33	331,42	131,80	4,30	655,60	8,45	+ 1,47 134,00	790,17	106,00	896,17
1761	222,09	246,21	113,22	14,16	705,38	109,70	+ 0,72 136,00	296,15	108,00	1001,53
1762	258,22	162,45	186,50	0,22	691,39	84,00	52,15 149,53	237,99	88,46	929,38
Итого:										13 618,12 ³ / ₄

Таблица I-7

Общая стоимость академических изданий ежегодно поступающих, проданных и оставшихся непроданными, 1749–1762 гг. (в рублях и долях рубля)

Год	Ежегодные поступления из типографии на сумму	Продано и выдано из лавки бесплатно	«Остаток» — сумма ежегодных накоплений в книжной лавке
1749	10851,05 ¹ / ₂	5999,59 ³ / ₄	4851,45 ³ / ₄
1750 (1 января — 13 августа)	7045,28 ¹ / ₄	7340,61 ¹ / ₄	—
1750 (13 августа — 31 декабря)	3474,84	4068,35	—
1751	22 919,29	12 472,089	10 447,20 ¹ / ₂
1752	16 200,25	11 047,63 ¹ / ₂	5152,61 ¹ / ₂
1753	7332,64	6200,46	1132,18
1754	20 815,85	11 620,77 ¹ / ₄	9195,07 ³ / ₄
1755	22 845,39	11 332,55 ¹ / ₂	11 512,83 ¹ / ₂
1756	12 584,15 ¹ / ₂	10 172,99 ³ / ₄	2 411,15 ¹ / ₄
1757	21 135,45	14 138,03 ¹ / ₂	6 997,41 ¹ / ₂
1758	15 062,72	13 231,53 ¹ / ₂	1 831,18 ¹ / ₂
1759	19 906,31 ¹ / ₂	17 642,23	2 264,08 ¹ / ₂
1760	33 022,59	18 670,62	14 351,97
1761	30 976,77	17 783,69?	13 193,07 ¹ / ₂
1762	34 303,45 ¹ / ₂	15 575,43?	18 628,02
Итого:			101 698,27 ¹ / ₄

Таблица I-8

*«Ведомость краткая, из генеральных экстрактов, на коликую сумму в здешней и в московской книжных лавках с 749 по сей 753 год всех книг, портретов, ландкарт и газет продано на денги, и сколько безденежно в отпуску с возвращением денег, то есть в Москву в книжную лавку и за полученные книги и вещи, и без возвращения яко то в подносы ко двору Ея Имп. Величества и знатым особам»**

Звания	В продаже на наличные деньги	Безденежно		Всего книг в продаже и безденежно в расходе
		с возвращением	без возвращения	
Здешней печати книг, портретов, ландкарт и газет на	23 222,19 ¹ / ₄	18 748,36	8 478,43 ¹ / ₄	50 448,98 ¹ / ₂
выписанных из-за моря книг на	2 992,73	733,30	194,25	3 920,28
ИТОГО	26 214,92 ¹ / ₂₄	19 481,66	8 672,68 ¹ / ₄	54 369,26 ¹ / ₂

* СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 933, л. 346. См. также: Таблицы: «Экстракты» по Московской книжной лавке за 1749, 1750, 1751 и 1752 гг. Там же. Л. 357–363 об. и «Экстракт» за 1753 и 1754 гг. Также с данными по Московской книжной лавке. Там же. Д. 1101, л. 348–349.

Таблица I-9

«Ведомости книгам, сообщенным от «Собрания». Сколько было их в приходе, из того продано и затем в остатках» (в рублях и долях рубля)

Звание книг и в каком году вступили в продажу	В приходе было		Из того продано		Затем в остатке к ноябрю 1773 г.	
	число книг	рублей	число книг	рублей	число книг	рублей
1	2	3	4	5	6	7
(л. 25) В 1773 г. В январе месяце Из Бишниговой географии о Португалии по 30 коп.	500	150	16	4,80	484	145,20
В мае месяце Приключения Иосифа Андреева 2 тома по 1 руб.	300	300	52	52	248	248
Деяния Вилда Великаго 2 тома по 75 коп.	300	225	52	39	248	186
В 1772 г. в декабре месяце Из Бишниговой географии о Королевстве Аглинском по 60 коп.	500	300	29	17,40	471	282,60
В октябре месяце Разсуждения о дружестве маркизы Деламберт по 12 коп.	300	36	12	1,44	288	34,56
(л. 25 об.) В сентябре месяце Приключения Иосифа Андреева 1 тома по 1 руб. 20 коп.	300	360	110	132	190	228
Деяния Вилда Великаго 1-го тома по 50 коп.	300	150	110	55	190	95
В августе месяце Китайские мысли по 40 коп	300	120	177	70,80	123	49,20
В июне месяце Юстия основания и благосостояния царств часть 1 по 3 руб.	600	1800	8	234	552	1566
В мае месяце Писем физических 2 части по 70 коп.	614	429,80	99	69,30	515	360,50
Корнелия Тацита по 15 к.	600	90	98	14,70	502	75,30
(л. 26) В марте месяце О мировой Ватронионахил по 15 коп.	300	45	177	26,55	123	18,45
Каким образом договариваться с государями ч. 1 по 75 коп.	205	153,75	103	77,25	102	76,50
Той же книги ч. 2 по 80 коп.	205	164	66	52,80	139	111,20

Продолжение табл. 1–9

1	2	3	4	5	6	7
<i>В 1771 году в октябре месяце</i>						
Проекта о вечном мире, по 20 коп.	306	61,20	217	43,40	89	17,80
Заговора Гишпанцов против венедианской республики по 30 коп.	306	91,80	45	13,50	261	78,30
<i>В сентябре месяце</i>						
О готфах по 35 коп.	600	210	278	97,30	322	112,70
<i>В июле месяце</i>						
О переменах в римской рес- публике по 1 р. 20 коп.	500	600	42	50,40	458	549,60
<i>В июне месяце</i>						
Статьи о (клевете) по 5 коп. (л. 26 об.) <i>В мае месяце</i>	300	15	140	7	160	8
Статьи о времени по 45 коп.	600	270	49	22,5	551	247,95
<i>В 1770 году в декабре месяце</i>						
О строении мира по 20 коп.	600	120	237	76,80	366	73,20
<i>В ноябре месяце</i>						
Гмелинова путешествия т. 1 с раскрашенными фигурами по 8 руб.	30	240	8	64	22	176
С черными фигурами по 2 рубли	564	1,128	55	110	509	1018
<i>В июле месяце</i>						
Известие о славянах по 35 коп.	550	192,50	169	59,15	381	133,35
О философии часть I по 30 коп.	554	166,20	122	36,60	432	129,60
Часть II по 45 коп.	555	249,75	81	36,45	474	213,30
О народном воспитании по 45 коп.	556	250,20	200	90	356	160,20
О государственном правлении по 30 коп.	550	165	180	54	370	111
Разговор о трех разномравных по 6 коп.	550	33	323	19,48	227	13,52
<i>В мае месяце</i>						
Статьи о любопытстве и гадании по 10 коп.	550	55	385	38,50	165	16,50
<i>В марте месяце</i>						
Храма Киндийскаго по 12 коп.	556	66,72	214	25,68	342	41,4
О прививании оспы по 3,1 коп.	1150	356,50	126	39,6	1024	317,74
Османского государства по 35 коп.	1150	402,50	195	68,25	955	334,25
Детской няньки по 15 коп.	1150	172,50	125	18,75	1025	154,15

Продолжение табл. I-9

1	2	3	4	5	6	7
<i>В 1769 году в декабре месяце</i>						
О любви по 12 коп.	1200	144	307	36,84	893	107,16
<i>В ноябре месяце</i>						
О ласкательстве по 8 коп.	1200	96	279	22,32	921	73,68
Статьи к Турции принадлежащие часть I по 30 коп.	1200	360	285	85,50	915	274,50
оной же часть II по 30 коп.	1200	360	283	84,90	917	275,10
Разсуждение о величестве и упадке римлян по 50 коп. (л. 27 об.) <i>В сентябре месяце</i>	1200	600	250	125	950	475
О Мореи или Пелопонесе по 35 коп.	1150	402,50	445	155,75	705	246,75
<i>В июле месяце</i>						
Лисинаха по 15 коп.	1150	172,50	188	28,20	962	144,30
О утопших I части по 15 коп.	1150	172,50	281	42,15	869	130,35
<i>В мае месяце</i>						
О Греции по 20 коп.	1150	230	452	90,40	698	139,60
<i>В марте месяце</i>						
Кандита г. Волтера по 30 коп.	1154	346,20	1022	306,60	132	39,60
<i>В феврале месяце</i>						
О спартах по 6 коп.	1206	72,36	461	37,66	745	44,70
О Турции по 4 коп.	1206	48,24	651	26,4	555	22,20
Разсуждения о причинах установления или отрешения законов по 8 коп.	1206	96,78	546	43,68	660	52,80
	ВСЕГО 13 299,20			3 057,35		10 241,85

Таблица II-1

Количество книг (на русском и иностранных языках), ежемесячно поступающих в книжную лавку на продажу из книжного магазина*

Дата	Количество							
	назв.	экз.	назв.	экз.	назв.	экз.	назв.	экз.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
	1789		1790		1791		1792	
2 января					2	33		
4 января			7	49				
7 января					1	10		
8 января			3	25				
12 января			3	45				
16 января							3	25
17 января			4	122				
21 января					5	29		
27 января	7	136						
30 января								
1 февраля	3	80						
3 февраля					5	53	2	11
7 февраля	1	30	3	15				
9 февраля	1	12						
11 февраля			8	218	6	53		
20 февраля							7	58
25 февраля			1	5				
28 февраля					1	15	5	34
6 марта			5	30			2	7
7 марта	2	20			7	84		
13 марта			10	14				
18 марта			1	2	3	45		
22 марта					4	30		
1 апреля			3	95				
4 апреля			7	34				
5 апреля					2	30		
10 апреля			4	120				
12 апреля			5	56				
17 апреля			6	55				
20 апреля							5	35
24 апреля					9	33		
26 апреля			5	23				

* Ошибки в таблицах, скопированных из книг академической лавки, не исправлялись, поскольку сведения с ошибками вошли в академические отчеты. Проверялись только подсчеты, сделанные А. А. Зайцевой. — Прим. ред.

Продолжение табл. II-1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
	1789		1790		1791		1792	
4 мая			5	66				
8 мая			1	3				
11 мая	1	24						
22 мая							3	45
22 мая								33
24 мая					7	48		
28 мая			5	100				
2 июня							5	36
10 июня			5	55				
14 июня	8	84	2	40				
15 июня			2	45			2	105
19 июня					3	36		
20 июня	1	10						
22 июня			3	18				
26 июня			1	10				
3 июля	4	60						
5 июля			3	57				
5 июля			1	10				
10 июля	3	23						
12 июля							1	3
14 июля			3	15				
21 июля	9	98						
28 июля							3	8
30 июля							1	6
2 августа					2	7		
3 августа	4	65						
5 августа							1	4
11 августа					3	20		
17 августа							4	10
18 августа					4	7		
19 августа			1	2				
21 августа			4	20				
27 августа	34	84						
28 августа					2	4		

Продолжение табл. II-1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
	1789		1790		1791		1792	
2 сентября							7	52
4 сентября			4	20				
5 сентября					4	8		
6 сентября			4	61				
7 сентября			3	65				
10 сентября	7	157						
13 сентября			2	10				
15 сентября	2	40						
18 сентября			5	98	11	36		
28 сентября			6	65				
29 сентября					5	85		
2 сентября							7	52
4 сентября			4	20				
5 сентября					4	8		
6 сентября			4	61				
7 сентября			3	65				
10 сентября	7	157						
13 сентября			2	10				
15 сентября	2	40						
18 сентября			5	98	11	36		
28 сентября			6	65				
29 сентября					5	85		
4 октября	2	25						
5 октября	1	50						
7 октября							5	57
9 октября	4	39						
13 октября								
15 октября			4	40				
17 октября	5	93			9	38	1	500
19 октября			3	50				
23 октября								
24 октября			4	101				
31 октября			3	90				

Окончание табл. II-1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
	1789		1790		1791		1792	
5 ноября							2	2038
6 ноября	23	134						
7 ноября	3	15			1	10		
10 ноября			2	14				
20 ноября	3	17						
23 ноября	2	35						
29 ноября					3	15		
10 декабря	1	20	8	75				
17 декабря	6	28						
18 декабря	1	30					2	52
19 декабря					4	16		
24 декабря							1	40
30 декабря							4	6
Итого:	138	1409	160	2102	103	745	70	3342

Таблица II-2

Доходы книжной лавки Академии наук в конце XVIII века от продажи книг, географических карт, календарей, гравюр*

Месяцы	1785 г.	1787 г.	1795 г.	1798 г.	1799 г.	1800 г.
Январь	1365,00	4465,81	692,25	851,00	1020,00	1458,87
Февраль	417,63	1039,61	250,88	485,00	769,18	230,26
Март	1312,95	906,58	911,49	507,94	267,30	524,60
Апрель	487,71	237,00	194,00	322,50	161,00	69,34
Май	513,70	258,79	262,62	229,90	157,92	226,08
Июнь	484,44	248,00	199,65	150,00	253,58	189,72
Июль	271,38	1930,28	554,64	202,80	207,00	222,23
Август	274,66	440,22	307,00	300,00	299,00	178,44
Сентябрь	220,03	581,77	49,00*	214,05	426,85	265,23
Октябрь	239,63	656,40	206,23*	175,00	108,83	189,10
Ноябрь	867,65	1408,25	1158,97	200,00	115,81	920,82
Декабрь	1130,97	1075,37	973,70	1673,35	1294,84	2405,40
Всего	7585,75	13248,08	5760,43	5311,45	5081,31	6880,09

* Данные неполные.

Таблица П-3

«Счетная выписка из представленной комиссаром Альтманом инуровой за 1798 год книги»
(количество книг, проданных и «безденежно» отпущенных из книжной лавки)

российских книг	на деньги	1151,55
	безденежно	11,50
французских латинских	на деньги	25,60
	на деньги	192,90
немецких	безденежно	3,00
	на деньги	84,05
партикулярных карт и пр.	безденежно	7,00
	на деньги	6,28
французских выписанных книг	на деньги	558,82
	безденежно	268,24
календарей 1798 и 1799	на деньги	116,20
	на деньги	3082,14
барометров и термометров	безденежно	6,00
	на деньги	88,00
каталогов книгам	на деньги	6,00
	безденежно	2,10
а всего вообще		5609,38
на деньги		5311,54
безденежно на		297,84
вычтено комиссаром Альтманом процентов с книг и пр. продано коих на 2229 р. 40 к. по 8 к. с рубля		178,31
с календарей коих на 3082 р. 14 к. по 2 к.		61,64
Итого		239,95
Всего Альтманом внесено		5071,59

Таблица II-4

Количество книг на русском языке в книжном магазине в конце XVIII в.
и их общая стоимость в рублях и копейках*

Год (на 1-е января)	Количество		Общая стоимость
	названий	экземпляров	
1794	902	296 414**	273 999,04 1/2
1798	916	300 608***	283 541,50 1/2
1800	919	283 759	285 238, 84 1/2

*Таблица составлена на основе материалов СПбФ АРАН (ф. 3, оп. 6, д. 322, 351 и 358).

** В это количество вошли и дефектные экземпляры, не имевшие цены (неполные, «погнившие» и т. п.). В 1794 г. их было 137 экз., в 1800 — 170.

*** Кроме того, к 1798 г. в магазине имелось еще 22 наименования (6361 экз.) календарей на сумму 2413 руб., так что общая стоимость всей книжной продукции составляла 285 954 р. 50 S к.

Таблица II-5

Количество книг на иностранных языках в книжном магазине в 1798 г.
и их общая стоимость в рублях и копейках*

Язык	Количество		Общая стоимость
	названий	экземпляров	
на латинском	93	43 167	57 492,01
на немецком	86	23 823	20 134,01
на французском	66	14 455	5 952,81
на итальянском	23	97	—
на греческом	3	15	—
на голландском	2	22	—
на английском	1	217	238,70
Всего	274	81 796	83 817,53**

* Таблица составлена на основе материалов СПбФ АРАН (ф. 3, оп. 6, 352).

** На деле это число было гораздо больше, так как стоимость итальянских, греческих и голландских книг неизвестна.

*Сводные данные о продаже книг в академической книжной лавке
(август 1794 г.— апрель 1798 г.)*

Значение граф:

- 1 — учетный номер книги
- 2 — название книги (в квадратных скобках — его необходимая расшифровка)
- 3 — цена одного экземпляра (в рублях и долях рубля)
- 4 — общее количество экземпляров каждой книги, имевшихся в лавке в 1794 г.
- 5 — количество книг, проданных в 1794 г.
- 6 — количество книг, проданных в 1795 г.
- 7 — количество книг, проданных в 1796 г.
- 8 — количество книг, проданных в 1797 г.
- 9 — количество книг, проданных в 1798 г.
- 10 — сумма, на которую за 1794–1798 гг. были проданы книги (в рублях и долях рубля)
- 11 — количество оставшихся нераспроданными экземпляров
- 12 — общая стоимость нераспроданных экземпляров (в рублях и долях рубля)
- 13 — том и номер, под которым книга значится в «Сводном каталоге русской книги XVIII века» (знак «*» указывает на то, что в СК не зафиксировано данное издание Академии наук)
- 14 — год последнего издания книги
- 15 — тираж

Таблица ...
здесь будет вставка из остальных таблиц... Кол-во страниц еще не известно (примерно 100)
ДО таблицы П-6 все уже в окончательном виде

Именной указатель*

- Августин Аврелий (Augustinus Aurelius, 354–430) 168
Аврелий Марк Антонин (Aurelius Marcus Antoninus, 121–180), римский имп. 116
Агафонов Изот, купец 185
Адран *см.* Одран
Акохов Трофим Евсевьевич, книгопродавец 198, 214
Альбом (Альбум) Готфрид 40
Александр Македонский (356–323 до н. э.), царь 116, 207
Александр I, имп. (1777–1825) 205
Алиси, петербургский придворный книгопродавец 196, 207, 208
Алсуфьев М. 134
Альтман Борис Иоганн, фактор, комиссар книжной лавки 12, 65, 84–86, 96, 110–116, 118, 125, 126
Ангальт Федор Евстафьевич (1732–1794), граф 199
Аникиев А. И. 187, 211
Ансон *см.* Энсон Дж.
Антамонов Ф., купец 183
Антонов, домовладелец 159
Антюков Изот, купец, книготорговец 185
Арвелиус Карл, помощник комиссара книжной лавки 16, 17, 22
Бабонин Илья, подрядчик 102
Бакмейстер Логин Иванович (Bacmeister Harvich Ludwig Christian, 1730–1806) 36, 45, 135, 155, 175, 200, 201, 203, 214
Балабин, флигель-адъютант, домовладелец 184
Баландин Петр, ученик 14, 16–19, 22, 24
Балтц Адольф Людвиг, книгопродавец 158, 160, 208
Бамбам Даниель, владелец кабинета для чтения 205, 206
Бардон Д. 197, 198
Барсов Антон Алексеевич (1730–1791), писатель 40
Беер, переплетчик 160, 163
Безбородко Александр Андреевич (1747–1799) 97, 100
Белке Иоганн Кристофор, переплетчик 146, 149, 150, 164
Белоусов Алексей 197
Белый Григорий, помощник комиссара книжной лавки 82, 94, 99
Беньян Джон (Bunyan John, 1628–1688) 162
Березайский В. С. 176
Берлин Иоганн Фридрих, переплетчик, книгопродавец 136, 144
Бертух Фридрих Юстин (Bertuch Friedrich Justin, 1747–1822) 162, 165
Бидпай 31, 32
Блэкстон Уильям (Blakston William, 1723–1780) 137, 138

* Указатель к главам I–IV.

- Блом, голландский купец 145
- Богаевский Иван Иванович, ассессор (р. 1750) 75–77, 79, 82, 91, 92, 95, 97
- Богданов Андрей Иванович (1692–1766), библиотекарский помощник 31, 162
- Богданович Ипполит Федорович (1743–1803) 110, 138, 196
- Богданович Петр Иванович (р. 1756) 166, 189, 190
- Боллин, переплетчик 163
- Болт, ревельский книгопродавец 150
- Бомарше Пьер Огюстен Карон де (Beaumarchais Pierre Augustin Caron de, 1732–1799) 163
- Борисяков Максим, комиссар книжной лавки 91, 102, 103, 104
- Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825), композитор 163
- Бочагов А. Д.* 66, 69
- Бозль, инспектор Сухопутного кадетского корпуса 58, 62
- Брейткопф Бернارد Теодор (Федор Иванович, ум. 1820), издатель 127, 159, 169
- Бриф Л., книготорговец 208
- Бува Яков, владелец кабинета для чтения 205–208
- Бужанкет Г., переплетный мастер 160, 162, 163
- Булгаков П. 196
- Буссе Иоганн Генрих, библиотекарь (1763–1835) 200, 201, 203, 215
- Бучин Степан, книготорговец 183, 187
- Бюшинг Антон Фридрих (Büsching Anton Friedrich, 1724–1793), пастор 116
- Валецкий, домовладелец 159
- Вевер Христиан Людвиг, книгопродавец (ум. не позднее 1781) 129, 143, 144, 149 (Вебер), 150 (Вебер), 158 (Вебер)
- Веге Михаил, книгопродавец 139, 150
- Вейс Шарль, книгопродавец 159
- Вейтбрехт Иоганн Якоб (Иван Иванович), книгопродавец (1744–1803) 32, 36, 40, 41, 43, 45, 46, 51, 62, 63, 65–67, 71, 88, 89, 99, 119, 129, 135, 136, 150–152, 159, 161, 162, 164, 165, 167, 173, 177–180, 189, 196, 198, 208, 214
- Венкер, портной, домовладелец 187
- Венцель И. К. 161
- Вернадский Георгий Владимирович* 154
- Виард Иоганн, французский купец 145
- Виланд Кристоф Мартин (Wieland Christoph Martin, 1733–1813) 161, 167
- Вильковский Емельян Кириллович, комиссар книжной лавки Академии наук, владелец типографии 52, 75, 76, 78–88, 91, 93–99, 101–103, 110, 112, 113, 126, 162, 186, 189
- Висконти 149
- Вогак Ипполит (Wohak Hippolit), книготорговец 160
- Водопьянов Никита Дмитриевич, переплетчик, книгопродавец 57, 61, 62, 82, 88, 99, 101–109, 119, 120, 211
- Воиненберг, капитан 144
- Войтяховский Ефим Дмитриевич (ум. ок. 1812), математик 196, 215
- Волков Петр, секретарь 112
- Вольтер Франсуа Мари Аруэ де (Voltaire François Marie Arouet de, 1694–1778) 55, 138, 163, 166, 167, 189, 196, 197, 202
- Вондерфур, книготорговец 208
- Воронцов Александр Романович (1741–1805), граф, домовладелец 185, 190, 192, 194, 212, 213
- Вяземский Александр Алексеевич (1727–1793), генерал-прокурор 77, 88, 92
- Галлер Альбрехт фон (Haller Albrecht von, 1708–1777) 165, 189
- Галченков Дмитрий Федорович 87
- Галченков Федор А., типограф 87, 189
- Гаман Иоаганн Георг (Haman Johann Georg, 1730–1788), нем. критик, писатель 47
- Гансландт И. Г., книгопродавец 158, 204, 205, 207
- Гарткнох Иоганн Фридрих-отец (Hartknoch Johann Friedrich, 1740–1789),

- рижский издатель и книгопродавец, масон 46, 47–53, 63, 65, 66, 70, 71, 88, 99, 134, 149, 150, 175
- Гарткнох Иоганн Фридрих-сын 46, 53, 71
- Гартунг Иоаганн Михаэль, типограф, книгопродавец 129
- Геббельт Христиан, купец 125
- Гевара Антонио де (Guevara Antonio de, 1480–1545) 141, 142, 154
- Геверт, владелец «немецкой читальной библиотеки» 201, 205
- Гей (Gay), братья, книгопродавцы 159, 180
- Гей Якоб (Gay Jacob), книгопродавец 119, 159
- Гейке Б. Л., компаньон Х. Ф. Клеэна 160
- Гек Бернард, типограф 190
- Гексбре Иоганн, переплетчик, книгопродавец 129, 136, 149
- Геллерт Христиан Фурхтеггт (Gellert Christian Furchtegott 1715–1769) 189
- Гендриков, граф, домовладелец 145
- Георги Иоганн Готлиб (Иван Иванович) (Georgi Johann Gottlieb, 1729–1802) 46, 70, 180, 200, 201, 210, 214, 215
- Герасим, патриарх Александрийский 170
- Герасимов А., экзекутор, комиссар «книжных магазинов» 76, 78, 79, 91–93, 95, 96, 99
- Гергард Иоганн (Gerhard Johan, 1582–1637) 168
- Гердер Иоганн Готфрид (Herder Johann Gottfried, 1744–1803), поэт, философ 47
- Герстенберг Иоганн Даниэль (Иван, Иван Данило), книгопродавец 159, 180, 208, 215
- Герольд, пастор 163
- Геснер Соломон (Gessner Salomon, 1730–1788) 165
- Гессе, владелец библиотеки 214
- Гете Иоганн Вольфганг (Goethe Johann Wolfgang, 1749–1788) 165
- Гетц Иоганн, переплетчик, книгопродавец 136, 148, 158
- Гибаль, книгопродавец 145
- Гирт Франц (François), помощник комиссара книжной лавки 15, 16
- Глазунов Иван Петрович (1762–1831) 101, 108, 118–121, 126, 127, 169, 179–184, 186–199, 204, 211–215
- Глазунов Илья Иванович (1786–1849) 182
- Глазунов Матвей Петрович (1757–1830) 119, 120, 179, 186–188, 194, 197, 198, 210
- Глазунов Петр Иванович 182
- Глазунов Семен 179, 183, 188, 211
- Глазунова Матрена Ивановна, мать М. П. и И. П. Глазуновых 212
- Глазунова Степанида Анисимовна, жена М. П. Глазунова 210
- Глазуновы, книгопродавцы 104, 125, 183, 184, 188, 194, 196, 208–213
- Глинка Григорий Андреевич (1774–1818), писатель, переводчик 196
- Гмелин Самуил Готлиб (Gmelin Samuel Gottlib, 1745–1774), академик 47
- Гнутов С. 183
- Годений (Гаденди), преподаватель франц. яз. 16
- Головин Михаил Евсеевич (1756–1790), адъютант Академии наук 92
- Гольдони Карло (Goldoni Carlo, 1707–1793) 154
- Гомер 138, 141
- Готье Иван, книгопродавец 198, 216
- Грациан (Грасиан-и-Моралес) Балтазар (Gracián y Morales Baltasar, 1601–1658) 116
- Греч Николай Иванович (1787–1867), писатель, переводчик 196, 207
- Григорьев М., фактор типографии 96, 99
- Гримм Пьер Ивер 145
- Грот Иоахим Христиан (Grot Joachim Christian, 1733–1799), пастор 149
- Губин М. Г., купец 145
- Гугтон, гравер 159
- Гурьев Михаил, камерир (экзекутор) 27
- Гюльденштедт Иоганн Антон (Гильденштедт Антон Иоганн, Guldénstädt Johann Anton, 1745–1781), академик 47, 163, 200, 201, 203

- д'Аржанс, маркиз 154
 д'Аш (фон Аш), барон, домовладелец 159, 163
 Давиденко, комиссионер 197
 Дальгрэн Карл Теодор (Dahlgren Karl Theodor), издатель, книгопродавец, содержатель библиотеки для чтения 108, 160, 201, 214
 Дальмас, книготорговец 208
 Дашкова Екатерина Романовна (1743–1810), княгиня, директор Академии наук 52, 79, 83–111, 116, 117, 119, 121, 122, 125, 127, 132, 190–192, 194, 195, 209, 211–213
 Де Бомон *см.* Лепренс де Бомон
 Де Монтерзи Белен 171
 Де Фурке 161
 Де Треогат Лоззель 161
 Дементьев Семен, солдат 23
 Державин Гавриил Романович (1743–1816), поэт 196
 Дефо Даниэль (Defoe Daniel, 1660/1661–1731), писатель 161
 Дидро Дени (Diderot Denis, 1713–1784), философ, писатель 155
 Дильтей, Филипп Генрих (Dilthey Philipp Heinrich, 1723–1781), профессор Московского университета 189
 Димитрий (Сеченов Даниил Алексеевич, 1709–1767), митр. новгородский 28
 Динеман Ф. (Dienemann F.), книготорговец и издатель 208
 Дитмар, Фридерик Огюст (Dittmar Frédéric Auguste), книготорговец 208
 Дмитриев Никита, переплетчик *см.* Водопьянов Никита Дмитриевич
 Дмитриевский (Дмитревский) Иван Афанасьевич, 1734–1821) 138, 142, 143, 153
 Дмитриевский Дмитрий Иванович 154
 Доблер, купец 17
 Домашнев Сергей Герасимович (1743–1795), директор Академии наук 62, 64, 73–82, 87–89, 91, 92, 97, 98, 134
 Дондуков, князь 173
 Дрехслер Фридрих (Drechssler, Friedrich), комиссар книжной лавки 111, 114, 126, 127
 Дроздов Семен, солдат 23
 Евгений, герцог Савойский 31
 Эверс *см.* Эверс
 Эйдель *см.* Эйдель
 Екатерина II (1729–1796), имп. 31, 40, 54, 55, 77, 87–91, 101, 104, 109, 110, 116, 121, 122, 127, 135–138, 140–142, 145, 149, 156, 164, 165, 174, 175, 178, 191, 194, 197, 207
 Экерт *см.* Экерт
 Елагин Иван Перфильевич (1725–1794), переводчик 131, 134, 173
 Эннер *см.* Эннер
 Ермолаев, переплетчик главной провиантской канцелярии 162
 Ермошин, купец 185
Ефремов Петр Александрович (1830–1908), библиофил, книговед 190, 211
 Жеребцов Алексей Григорьевич, действительный камергер, домовладелец 131, 132, 174
 Жоли, французский книгопродавец 164
 Заботин Федор Яковлевич, помощник в книжной лавке 82, 91, 94, 102, 103, 104
 Задека Мартын 171
 Зайцев Ф., книготорговец 186
Зайцева Александра Александровна (1929–1996), историк книги 174–176
 Заикин Алексей Иванович (1793–1881), серпуховской купец 109
 Заикин Иван Иванович (ум. 1834) 188, 198
 Заикин Иван «большой» 182, 184, 211
 Заикин Иван «меньшой» 182
 Заикины, братья 179, 184, 208
 Зборомирская Анна Михайловна, жена С. В. Зборомирского 21, 80, 88
 Зборомирский Иван Степанович 88
 Зборомирский Степан Васильевич (1722–1782), комиссар книжной лав-

- ки 17, 21–30, 32–35, 38–45, 48, 50, 55, 57, 58, 61, 63–65, 70, 73–82, 86, 88, 95, 98, 101
- Зверев А., московский книготорговец 119, 120
- Зенгбуш Р., переплетный мастер 100, 160
- Зотов Герасим Кузьмич (1765–1800), книгопродавец, компаньон Т. Полежаева 120, 121, 182–184, 188, 212
- Зубков Федор, комиссар книжной лавки 15–25, 32
- Зубов Платон Александрович (1767–1822) 191
- Зульцер И. Г. 170
- Иан Ионас**, переплетчик, книгопродавец 131
- Иванов, домовладелец 159
- Иванов В., комиссар московской книжной лавки 34, 43
- Иванов, домовладелец 159
- Измайлов Владимир Васильевич, писатель, переводчик (1773–1830) 196
- Ильин Иван 197
- Илья, вахмистр 78
- Кадкин Михаил** 198
- Калашников Иван Тимофеевич (1797–1863) 198
- Кальер Франсуа де (Callieres; Francois de, 1645–1717) 55
- Кант Иммануил (Kant Immanuel, 1724–1804), нем. философ 47
- Капнист Василий Васильевич (1758–1823), поэт 196
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), писатель, историк 196
- Карл Орлеанский 60, 61
- Картуш 58, 147, 161, 171, 172, 202
- Кастийон Жан Луи (Castillon; Jean Louis, 1720–1793) 171
- Катифоро Антонио (Catiforo Antonio, 1685–1763), автор «Жития Петра Великого» 146
- Квасов, архитектор 145, 151
- Кейзер Иоганн Христиан, золотых дел мастер, владелец читального кабинета 201
- Керзин, купец 87
- Кириллов Иван, бухгалтер 78, 83, 86
- Кистенмахер, портной, книгопродавец 131
- Кланнер Готлиб, комиссар книжной лавки 12–14, 111
- Клаудий Христофор Александрович (ум. 1805) 189
- Клеэн (Клеен) Христиан Фридрих (ум. ок. 1784), книгопродавец 129, 160, 164
- Клостерман Герман Иоганн (Klostermann H. J., 1757–1838), книготорговец 119, 158–161, 179, 180, 196, 204, 208
- Кнутсон Петер, купец, домовладелец 144, 159
- Княжнин Яков Борисович (1740–1791), драматург, поэт 122, 125, 138, 188, 190–196, 211–213
- Козицкий Григорий Васильевич (1725–1775), секретарь Екатерины II 98, 138
- Козельский Федор Яковлевич (р. 1734) 110
- Козодавлев Осип Петрович (1754–1819), советник академической канцелярии, драматург 52, 91, 93, 95, 97, 103, 104, 110, 194, 195
- Козырев Иван Акимович, книготорговец 198
- Кольчугин (Калчугин) Никита Никифорович (1753–1827), купец 104, 108, 119, 120, 179, 183, 209
- Комаров Матвей 171, 172, 196
- Коменский Ян Амос (Komensky Jan Amos, 1592–1670) 57, 138
- Конфуций, философ 168
- Копанев Николай Александрович* (р. 1957), историк книги 69, 70
- Копнин Сергей Леонтьевич, петербургский купец 57, 60, 61, 146, 168
- Кориолан 206
- Корн Вильгельм Готлиб, книгопродавец из Бреславля 62

- Корнель Пьер (Corneille Pierre, 1606–1684), драматург 138
- Коробейников Трифон (ум. после 1594), купец 169
- Корсар, «шоколадный фабрикант» 216
- Косиковский, домовладелец 159
- Котельников Семен Кириллович (1723–1806), академик 43, 45, 73–75, 77, 80
- Красиков Дмитрий, помощник в книжной лавке 65
- Красильников Андрей, комиссионер 198
- Красильников Антон, комиссионер 198
- Краснобаев Борис Ильич* 124
- Кремер И. А. 214
- Крес, московский книгопродавец 149
- Крестова Л. Б.* 211
- Круглов Арефий, книгопродавец 57–60
- Кулакова Любовь Ивановна* 211, 212
- Куракин А. Б., князь, домовладелец 160
- Курас, Гильмар (Curas Hilmar, ум. 1747) 32, 61
- Курганов Николай Гаврилович (1725–1796) 189
- Куртене (Куртенер Франсуа), купец 160, 216
- Курций Руф Квинт (Curtius Rufus, Quintus) 116, 117
- Кусовников М. А., домовладелец 159
- Ла Шапель, аббат 154
- Лабазнов Максим, подъемщик, помощник в лавке 84, 111, 126
- Лакс С., переплетчик 160, 162, 163
- Лакруа, домовладелец 163
- Ланг, домовладелец 159
- Лебедев Василий Иванович (1716–1771), переводчик 59
- Левек Пьер Шарль (Levesque Pierre Charles, 1736–1812) 164
- Левшин Василий Алексеевич (1746–1826), писатель, переводчик 130, 190, 196, 213
- Леонтьев Алексей Леонтьевич (1716–1786), надворный советник, переводчик с китайского 162
- Лепренс де Бомон Мари (Leprince de Beaumont Marie, 1711–1780) 161, 189, 211
- Леруа Этьен, голландский книгопродавец 164
- Лесаж Ален Рене (Lesage Alain René, 1668–1747) 60, 83
- Лессе *см.* Гессе
- Лешновский, владелец кабинета для чтения 205, 206
- Ливий Тит (Livius Titus, 59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) 141
- Лиснер Карл, книгопродавец 159
- Лисовский Николай Михайлович (1854–1920), библиограф, книговед 211
- Лихачев Николай Петрович (1862–1936), академик 212
- Лобанов Петр, копиист 18, 22
- Логан Иоганн Захариа (Logan Johann Zacharias), книгопродавец 108, 159–161, 180, 201, 204
- Лозинская Лия Яковлевна* 124–126
- Локк Джон (Locke John, 1632–1704), философ 163
- Локцений Иоганн (Loccenius) Johann, 1598–1677) 148
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), академик 22, 24, 28, 33, 34, 36–38, 40, 51, 59, 61, 67, 101, 102
- Лонгинов Михаил Николаевич* (1823–1875), библиограф, историк литературы 190, 211
- Лопухин Иван Владимирович (1756–1816), писатель, издатель 166
- Лоцау, переплетчик, книгопродавец 136, 148, 158
- Лукин Владимир Игнатьевич (1737–1794), переводчик 131, 134, 148, 167
- Луппов Сергей Павлович* (1910–1988), историк книги 11, 66, 67, 69
- Лутвинов Степан, прапорщик, помощник в книжной лавке 126
- Лыков Артемий Евстафьевич (1724–1800), фактор типографии 39, 54, 79, 82, 91

- Львов Павел Юрьевич (1770–1825), писатель 190
Любомудров, псевдоним 140, 141
- Мабли Габриэль Бонно де (Mably Gabriel Bonnot de, 1709–1785) 138, 155, 163
Майков Василий Иванович (1730–1778), масон 143, 148, 152, 154, 156
Малахов Андрей, сиделец книжной лавки 56, 147
Малеин Александр Иустинович (1869–1938), член-корреспондент Академии наук 215
Малле Поль Анри (Mallet Paul Henri, 1730–1807) 109
Мальгин Тимофей Семенович (1752–1819), коллежский ассессор, домовладелец 186
Маркелов Михаил, переплетчик, книгопродавец 63, 64, 72, 129, 136, 146, 150, 164
Мармонтель Жан Франсуа (Marmontel Jean François, 1723–1799), писатель 138, 141, 156
Мартынов Иван Иванович (1771–1833), писатель, переводчик 196
Мартынов Иван Федорович (р. 1939) 14, 46, 67, 69, 70, 79, 80, 83, 86, 97, 98, 123–125, 127, 139, 142–144, 165, 174–177, 210, 211, 214, 215
Мартынова Мария Ивановна 123–125
Массон Шарль (Masson Ch. F. Ph.) 190, 204, 212, 213
Матвеев Артамон Сергеевич (1625–1682), боярин 153, 168, 175
Мейер И. К. 214
Мейер Фридрих Август (ум. 1805), переплетчик, книгопродавец 108, 158, 161, 162, 167, 168, 170, 173, 190
Мейснер Иоганн, книгопродавец 159
Мерсье-Луи Себастьян (Mercier Louis Sebastien, 1740–1814) 164
Метков Илья, камердинер Екатерины II 197
Миллер Вильгельм Конрад (Müller Wilhelm Konrad), переплетчик, книгопродавец 129–134, 136, 152, 154, 159, 174
Миллер Герард Фридрих, Федор Иванович (Müller Gerard Friedrich, 1705–1783), профессор истории 36, 47, 154
Миллер Елена Доротея, жена К. В. Миллера 174
Миллер Иван 133
Миллер Иоганн Август 174
Миллер Иоганн Генрих, переплетчик, книгопродавец 129, 174
Миллер И. Т., владделец кабинета для чтения 205–207
Миллер Карл Вильгельм (Müller Karl Wilhelm) книгопродавец 57, 59–62, 72, 88, 101, 105–108, 132–136, 139, 141, 146, 147, 149–157, 159, 162, 164–166, 168, 173, 174, 175, 179, 180, 203, 205
Миллер Карл Вильгельм меньшей 159
Миллер Мария, вдова В. К. Миллера 100, 134
Миллеры, переплетчики и книгопродавцы 59, 148, 174, 175
Милло Клод Франсуа Ксавье (Millo Claude François Xavier, 1726–1785), историк 189
Милонов Михаил Васильевич (1792–1821) 199
Милютин, купец, домовладелец 164, 183
Модзалевский Борис Львович (1874–1928), литературовед 93
Молле Жан Луи (Mollet Jean Louis, 1728–1779) 161, 167
Монтескье Шарль Луи де (Montesquieu Charles Louis de, 1689–1755) 110, 116, 138
Мошков М., книгопродавец 185
Муравьев Михайла Никитич (1757–1807), фурьер лейб-гвардии Измайловского полка 153
- Нарышкин Александр (1742–1800), камергер, домовладелец 145
Невский Федот, помощник комиссара 65, 81

- Невский Хрисанф Федотович 65
 Неелов Матвей, переводчик с немецкого 58, 172
 Нейман Карл Иванович, домовладелец 159
 Неоптолем 134
 Никифоров Матвей, книгопродавец 31, 56, 57, 58, 68
 Николаи Андрей Львович (Nicolau Heinrich Ludwig, 1737–1820), барон, президент Академии наук 111
 Николев Николай Петрович (1758–1815), поэт 196
 Ноак Иван, фактор, книгопродавец 129
 Новиков Николай Иванович (1744–1818), издатель 55–57, 66, 98, 100, 101, 104, 108, 109, 118, 120, 127, 132, 134, 137, 138–144, 149–157, 161, 162, 165–168, 170–176, 178, 179, 181, 183, 187, 191, 193, 197, 198, 209, 210
 Новосильцев Николай Николаевич (1762–1838), президент Академии наук 71
 Ноннот Клод Франсуа (Nonnotte Claude François, 1711–1793), аббат 197
- Овцын**, генерал–поручик, домовладелец 145
 Овчинников (Авчинников) Александр 198
 Овчинников Матвей Кондратьевич (ум. 1802), книгопродавец 101, 102, 105–110, 166–172, 177–179, 181–185, 201, 202, 209, 210, 215
 Одран (Адран; Audran), парижский гравер 17
 Окороков Василий Иванович, арендатор типографии Московского университета 120
 Оленин Алексей Николаевич (1763–1843), директор императорской Публичной библиотеки 199
 Орлов Владимир Григорьевич (1743–1831), граф, директор Академии наук 27, 36, 40, 43, 44, 54, 64, 74, 76, 138
 Орфелин Захарийе (1726–1785), автор жизнеописания Петра Великого 145
- Осипов Г. М., генерал-губернатор псковский и смоленский 212
 Осипов Николай Петрович (1751–1799), писатель 190, 196
- Павел I** (1754–1801), имп. 195
 Панин Матвей 197
 Панкратьев (Панкратов) Илья, комиссар 43, 44
 Паоли Паскуале (Paoli, Pasquale, 1725–1807), генерал 141, 156
 Паули Иоахим, «берлинский книгопродавец» 160, 162
 Паули, канцелярист 15
 Переплетчиков И., книгопродавец 198
 Перро Шарль (Perrault Charles, 1628–1703), писатель 171
 Петр I (1672–1725), имп. 145, 146
 Пильпай *см.* Бидпай
 Писарев Степан (Стефан) Иванович (1707/8–1775), переводчик 146
 Пифагор (Pythagoras, ок. 580–500) 142, 152, 175
 Плавильщиков Василий Алексеевич (1768–1823), владелец типографии и библиотеки для чтения 184, 207, 209, 210
 Платон, (Левшин Петр Георгиевич, 1737–1812), архимандрит 107, 138
 Плюшар Александр (Pluchart Alexandre, 1777–1827), издатель 207, 208
 Поггенполь, домовладелец 159
 Позняков Трифон Яковлевич (1738–1791), домовладелец 151, 159, 165
 Полежаев Тимофей Анисимович, книгопродавец 101, 108, 109, 118–120, 179, 180, 182–184, 187, 188, 209, 210
 Полежаева С. А. *см.* Глазунова Степанида Анисимовна
 Полонская Ирина Михайловна (1922–1996), историк книги, библиограф 175
 Пономарев, типограф 189
 Попов, петербургский купец, домовладелец 151, 204
 Попов Иван Васильевич (ум. 1839), книготорговец 100, 185, 198

- Попов Михаил, московский купец 183
Попов Михаил Иванович (1742 — ок. 1790), писатель, масон 143, 153, 154, 165
Попов Петр, книготорговец 185
Поршнев Георгий Иванович (1887–1937) 196, 213
Посников И., секретарь Е. Р. Дашковой 89
Посников, купец, домовладелец *см.* Поздняков Трифон
Потемкин Григорий Александрович (1739–1791), князь, полководец 90, 184, 210
Потоцкий Северин О., граф 197, 213
Походяшин Г. М., компаньон Н. И. Навикова 120
Поше Александр, французский купец 145, 146
Прево д'Экзиль Антуан Франсуа (Prévost d'Exiles Antoine François, 1697–1763), аббат, писатель 131
Прейсер Иван (Иоганн Даниэль), сын С. Прейсера 35
Прейсер Сигизмунд, комиссар книжной лавки (ум. 1764) 12–20, 22–26, 32, 35, 36, 41, 46, 67
Прозоровский Александр Александрович (1732–1809), московский главнокомандующий 109, 127, 188, 190, 192
Протасов Алексей Протасьевич, адъютант, профессор (1724/25–1796) 45, 74, 78, 97, 99
Пруковцов С. В. 171
Пфейль Иоганн Готлиб Бенъямин (Pfeil Johann Gottlob Benjamin, 1732–1800), писатель 154
Рабенер Готлиб Вильгельм (Rabener Gottlieb Wilhelm, 1714–1771), писатель 60, 134
Радищев Александр Николаевич (1749–1802), писатель 138, 155, 191, 194, 211, 212
Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822), министр народного просвещения 12, 199
Разумовский Кирилл Григорьевич (1728–1803), президент Академии наук 14, 36, 38
Рахманинов Иван Герасимович (1750–1807), бригадир, сочинитель 195, 198, 213
Рахманов Семен Михайлович, «купец ростовской» 108–110
Рейналь Гийом Тома Франсуа (Raynal Guillaume Thomas François, 1713–1796), писатель 145
Ресто Пьер (Restaut Pierre, 1696–1764), писатель 28
Решетников Андрей Гордеевич, типограф 172, 190
Ридигер Иоганн, книготорговец 71
Ридигер Христиан (ум. 1800), переплетчик, книготорговец 120, 144, 149, 150
Риз Франц (Рис Франсуа), книгопродавец 159, 216
Рикот Поль (Rysaut Paul, 1628–1700), писатель 19
Рихтер Г. Х., «почтамтский переплетчик» 100, 160, 162, 163
Розенберг Фридрих, переплетчик 22, 33, 129, 133, 152, 158, 174
Розенган И., бухгалтер 12, 14, 15
Розет, мадам 163, 164
Роллен Шарль (Rollin Charles, 1661–1741) 31, 60, 83, 102
Роспини (Rospini) Антуан, переплетчик, книгопродавец 158–160, 179, 180, 196, 208
Роспини Ян Непомук 159
Рубан Василий Григорьевич (1742–1795), стихотворец, писатель 142, 147, 156, 169, 170
Румовский Степан Яковлевич (1734–1812), академик, математик 43, 45, 51, 73–76, 78, 79, 92, 110
Руссо Жан-Жак (Rousseau Jean Jacquet, 1712–1778) 146, 148, 163, 164, 202
Савари де Брюлон Жак (Savary des Bruslons Jacques, 1657–1716), сочинитель, автор лексикона 130

- Савельева Елена Алексеевна, историк книги 125
- Салтыков Б. М. 199
- Салтыков Иван Петрович (1730–1805), граф 191
- Самойлов Александр Николаевич, генерал–прокурор Сената 190
- Самуил раввин 168
- Саншес (Санчес) Антониу Нуньес Рибейру (Sanchès Antonio Nutis de Ribeiro, 1699–1782), португальский врач на русской службе 89
- Сведенборг Эммануил (Svedenborg Emanuel, 1688–1772) ученый натуралист, теософ 161
- Светлов Леонид Борисович 194, 211–213
- Светоний Гай Транквилл (Suetonius, ок. 70 — ок. 140), римский историк 141
- Светушкин Александр Артамонович (ум. 1789), ассессор, фактор типографии Московского университета 120
- Свечинский Матвей, фактор, книгопродавец 129
- Свешников Федор Леонтьевич, книго-торговец 182–185, 204, 208
- Свифт Джонатан (Swift Jonathan, 1667–1745), писатель 57, 138
- Сеглин, седельник 144
- Селивановский Семен Иоанникиевич (1772–1835), типограф 195
- Семенников Владимир Петрович, литературовед 140, 141, 152, 175, 176, 211
- Сенека Луций Анней (Seneca Lucius Annaeus, 6/5 до н. э. — 65 н. э.) 168
- Сервантес Сааведра Мигель де (Cervantes Saavedra Miguel de, 1547–1616) 167
- Сеченов Д. см. Димитрий (Сеченов)
- Симони Павел Константинович (1859–1939), литературовед 203
- Синичкин Т. 182
- Ситников, купец 120
- Скандербег (ок. 1405–1468), албанский полководец 171
- Скаррон Поль (Scarron Paul, 1610–1660), французский писатель 60
- Скворцов, майор, домовладелец 149, 159
- Скородумов Гавриил Иванович (1755–1792), гравер 159
- Сленин Иван Васильевич (1789–1836), издатель 181, 185, 207
- Сленин Яков, книгопродавец 181, 185
- Смирдин Александр Филиппович (1795–1857), книгопродавец, содержатель библиотеки для чтения 207
- Смирнов, купец 23
- Солиньяк Пьер Жозеф де Ла Пемпи (Solignac Pierre Joseph de la Pimpie, 1687–1773) 148
- Сом, фактор типографии Сухопутного кадетского корпуса 188
- Сопиков Василий Степанович (1765–1818), библиограф 118–121, 179, 180, 182, 184, 187, 188, 199, 202–205, 209, 212, 215
- Сорель Б. Ж. 154
- Соссе И., книгопродавец 159, 216
- Староверов М. И., купец 185
- Столянский Петр Николаевич (1872–1938), историк, библиограф 133, 174, 180, 210
- Стоюнин Владимир Яковлевич 211
- Стриттер (Штриттер) Иван Михайлович (Stritter Johann Gotthelf, 1740–1801), адъютант петербургской Академии наук 93
- Строганов Александр Сергеевич (1734–1811), граф 159, 199, 210
- Ступин Петр Григорьевич, купец 179, 184
- Сульпиций (Сюльпиций) 107, 110
- Сумароков Александр Петрович (1717–1777), сочинитель 98, 132, 134, 151, 166, 167, 196
- Сытин Иван Яковлевич, владелец типографии, книготорговец 172, 183, 190
- Сюлли Максимильен Бетюн де, герцог 137
- Талызин Александр Федорович, тайный советник, домовладелец 164
- Тассо Торквато (Tasso Torquato, 1544–1595), поэт 40, 138, 141

- Тауберт Иван Иванович (Taubert Johann Kaspar, 1717–1771), адъюнкт Академии наук, унтер-библиотекарь, переводчик 13, 16, 21, 24, 28, 39, 43–45
Тейлен, переплетчик 160
Телемах 61
Теплов Григорий Николаевич (1717–1779), ассессор 15, 16, 190
Тестенберг, переплетчик 160
Тидцелиус Карл, переплетчик, книгопродавец 129, 136, 146, 149, 158
Тилле И. Ц., владделец кабинета для чтения 205, 206
Тома Антуан Леонар (Thomas Antoine Léonard, 1732–1785), профессор 163
Томас 163
Томас Андрей, переплетчик 148
Томилиן Иван, инспектор 27
Торно Христиан, переплетчик, книгопродавец 108, 119, 136, 146, 150, 151, 159, 161, 164, 165
Третьяковский Василий Кириллович (1703–1769), поэт 148
Трифон Коробейников 169
Трофимов, комиссионер 185
Трошинский Дмитрий Прокофьевич (1754–1829), сенатор, статс-секретарь Екатерины II 190, 192
Туманский Федор Осипович (1748–1810), издатель 202
Тюличев Дмитрий Васильевич (1924–1987), историк книги 17, 33–35, 37, 67, 69
Тюпин Михаил Федорович, тверской купец 57
- Ульрици, комиссар книжной лавки 12
Уолш Уильям (Wolsh William, 1663–1708) 142, 154
Устинов Демид, магазин-вахтер 43, 49, 78, 96
Устинов Т., книгопродавец 186
Ушаков Василий Андреевич (ум. 1788), советник академической канцелярии 91, 95, 97, 101, 106, 107
Ухтин, купец, книгопродавец, букинист 185
- Фабр Жак Франсуа, глава торгового объединения 163
Федор Философ, комиссионер 198
Федоров Артемий, переплетчик 129, 130
Федотов В., сиделец книжной лавки 181
Филдинг Генри (Fielding Henri, 1707–1754) 154
Фирсов, регистратор 27
Фомин Михаил Петрович, петербургский купец 57
Фонвизин Денис Иванович (1744–1792), писатель 151
Фон Цантен, голландский купец 145
Фохтер Конрад, переплетчик, книгопродавец 136, 149, 158
Фридрих II (Friedrich II, 1712–1786), прусский король 167
Фролов (Флоров) Лаврентий, гравер 172
Фундаминский Михаил Исакович 174–176
- Ханин Петр Исаевич, секретарь Академии наук 13–15, 17, 21, 22, 24, 25, 36–39, 45
Хемницер Иван Иванович (1745–1784) 171
Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807), поэт 130
Хлебникова Ирина, владелица бумажной фабрики 100
- Цезарь Кай Юлий (Caesar Caius Julius, 100–44 до н. э.) 141
Целларий Кристоф (Cellarius Christoph, 1638–1707), немецкий грамматик 59
Цимсен Э., иностранный книготорговец 204–208
Цицерон Марк Туллий (Cicero Marcus Tullius, 106–43 до н. э.) 40, 61
- Чихачев П. Я., опекун детей Я. Б. Княгинина 191, 193, 212
Чихачев Н. М., бригадир 193, 195
Чичерин Николай Иванович, полицмейстер, домовладелец (ум. 1782) 144
Чулков Михаил Дмитриевич (1743–1792), сочинитель 170, 195, 213

- Шампюан де Понталье Франсуа (Champion de Pontalier Francois, 1731–1812), философ 153
- Шапошников, купец 186
- Шапп д’Отерош Жан (Charpe d’Aute-roche Jean, 1722–1768), аббат, писатель 145, 153
- Шарнекке Готфрид, переплетчик 144
- Шаров, купец, домовладелец 144, 183, 202
- Шарпантье 98, 145
- Шварц, 145
- Шейбнер Карл, книгопродавец 58, 63, 161
- Шель Самуил, переплетчик, книгопродавец 71, 129, 136, 149–151, 161, 164
- Шемякин Никита, купец, домовладелец 187, 210
- Шипунов Петр, секретарь 83, 85, 86, 93
- Шишмарев, домовладелец 159
- Школярый Иосиф, переплетчик, книгопродавец 98, 129, 144, 158
- Шмид Фридрих Август (Schmid Fridrich August, 1734–1807), историк 171
- Шнор Иоганн Карл, типограф, книжный торговец (1738–1812) 129, 161, 162, 164, 165, 167, 168, 170, 171, 178, 179, 189, 190
- Шодерло де Лакло Пьер Амбруз Франсуа (Choderlo de Laclos Pierre Ambroise-François, 1741–1803), писатель 164
- Шпревиц (Спревиц), книготорговцы 208, 215
- Штелин Яков Яковлевич (Stälin Jacob, 1709–1785), советник, профессор Академии наук 28, 36, 47–51, 71, 73, 74, 77, 78
- Штихлер, переплетчик, книгопродавец 149
- Штранге М. М. 215
- Штут, часовщик 174
- Шубарт, переплетчик, книгопродавец 149
- Шубоц Фридрих Готлиб, переплетчик 159
- Шубоц Иоганн, переплетчик, книгопродавец 119, 136, 146, 149, 158
- Шувалов Андрей Петрович (1743–1789), граф 138
- Шувалов Иван Иванович (1727–1797), граф, домовладелец 40, 145
- Шульц, учитель, книгопродавец 149
- Шумахер Иоганн Даниил (1690–1761), библиотекарь, советник Канцелярии Академии наук 12, 15, 16, 28, 29, 33, 35, 36
- Щеглов Василий Васильевич* 213
- Щербатов А. А. (1776–1834)
- Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790), князь 60, 106, 110, 148
- Эвальд Шарль, владелец кабинета для чтения 205, 206
- Эверс, книгопродавец, торговец нотами 58, 63, 161, 180
- Эзоп (Aesopus, VI–V вв. до н. э.) 32, 116
- Эйдель Иосиф Валентинович, трактирщик, домовладелец 149
- Эйлер Иоганн Альбрехт (1734–1800), академик, секретарь Академической конференции 47, 51–53, 200, 203, 214
- Эйлер Иоганн-сын 47, 51–53
- Экарт (Екарт) Егор, купец, владелец «читальной библиотеки» 204
- Элиан Клавдий (Aelianus Claudius, II–III вв.) 154
- Эльсниц Антон Леопольд фон (Oelsnitz Anthon Leopold) von, 1722–1757), флигель-адъютант Фридриха II 155
- Эмин Федор Александрович (1735–1770), сочинитель 60, 146, 148, 168, 169
- Эмина Ульяна 146
- Эннер, советник 28
- Энсон Джордж (Anson George, 1697–1762), адмирал 31
- Юниус, лейпцигский книготорговец 48, 51
- Ягужинский Сергей Павлович (1731–1806), граф 144

- Яковлев Матвей, подканцелярист 65
Яковлев Савва Яковлевич (1712–1784),
 обер-директор, домовладелец 150
Васmeister Н. L. Ch. см. Бакмейстер Л. И.
Hartknoch J. F. см. Гарткнох И. Ф.
Masson Ch. F. Ph. см. Массон К.
Rietz Н. 70, 71

Топографический указатель

- Австрия 48, 128, 159
Амстердам, г. 145, 159
Англия 48, 49
Богемия 144
Бреславль, г. 62
Венеция, г. 145
Владимир, г. 198
Волга, р. 137, 156
Германия 47, 53, 71
Голландия 47, 49
Греция 55
Дрезден, г. 71, 159
Европа 46, 171, 180
Екатеринбург, г. 197
Египет 169
Иерусалим, г. 169
Италия 48
Казань, г. 197
Киев, г. 197
Корсика, о. 141, 156
Лейден, г. 112
Лейпциг, г. 48, 51, 53, 175, 205
Линдау, г. 159
Любек, г. 133, 159
Малороссия 140, 147
Москва, г. 16, 22, 23, 31, 35, 37, 38, 47,
 58, 59, 61, 62, 66, 76, 79, 91, 102–104,
 119, 120, 127, 131, 140, 141, 143, 149,
 150, 159, 165, 167, 170, 172, 179, 187–
 189, 192–194, 196–198, 204, 209
 Кузнецкий мост 103
 Спасский мост 37
Нарва, г. 131
Нева, р. 89, 111
Одесса, г. 198
Париж, г. 17, 50, 155, 164
Пернов (Пярну), г. 158
Польша 51, 171
Прибалтика 46, 47, 51, 53
Ревель, г. 150
Рига, г. 46–48, 50–53, 71, 134, 150, 175
Россия 37, 38, 53, 122, 135, 141, 143, 145,
 153–155, 164, 174, 175, 177, 178, 189,
 197, 200, 204, 205, 207, 208
С.-Петербург, г. 11, 17, 31, 32, 35, 37, 46–
 48, 51–53, 56–58, 60–63, 66, 70, 73,
 79, 92, 93, 97, 103, 114, 118, 119, 127–
 130, 133, 135, 138–140, 143–146, 148,
 150, 156–167, 172, 173–175, 178–180,
 187–189, 191, 192, 194–201, 203–205,
 208–210, 216
Адмиралтейская сторона 131, 150,
 151
Адмиралтейская часть 1-я 135, 136
Адмиралтейская часть 3-я 180
Адмиралтейский пр. 180
Адмиралтейство 149, 159, 160
Александровская площадь 191
Алекса́ндро-Невская лавра 191
Андреевский рынок 185
Апраксин двор 185
Биржа 20, 92, 96, 149, 186
Большая Коломна 202
Большая Конюшенная ул. 163
Большая Луговая ул. 144
Большая Миллионная ул. 145

- Большая Морская ул. 144, 145, 149, 159, 163, 167, 180, 185
Большой пр. В. О. 186
Васильевский остров 80, 149, 150, 159, 185, 205
4-я линия 186
6-я линия 185
13-я линия 145
Владимирская церковь 186
Волков дом 88
Галерная гавань 186
Гороховая ул. 185
Гостинный двор 145–148, 158, 166, 167, 173, 180–183, 185, 187, 192, 202, 205, 210
галантерейная 182
железная (шпажная) линия 181
зеркальная линия 180, 181, 185
кафтанная линия 148
ниренбергская линия 167, 182, 183
овощная линия 147, 180, 181
суконная линия 181, 182, 187
суровская линия 148, 180
«табашная и шерстяная» линия 148
холщовая линия, 180
хрустальная линия 146
ямщиковский (шорный) ряд 182
Гостинный двор на Васильевском острове 17, 20, 42, 92, 96
Грязная (Марата) ул. 188
Дом
«Аничков» («дом Шемякина») 183, 184, 187, 202, 210
Волков 88
Головкина 17, 19
Поггенполев 159
Строганова 17, 44
Екатерининский канал 160
Зеленый мост 144
Исаакиевская площадь 159, 180, 205
Казанский мост 164
Казанский собор 159, 160, 180, 185
Коломна 185
Колтовская ул. 186
Кунсткамера 12, 19, 89
Литейная часть 204
Луговая Миллионная ул. 135, 141, 144, 151, 153, 155, 159, 163, 165–167, 174, 175
Малая Миллионная ул. 144, 145, 150, 159, 167, 203, 214, 215
Малая Морская ул. 159
Малая Офицерская ул. 186
Мещанская ул. 148
Миллионная ул. 131, 152, 159, 180, 215
«Милютинны лавки» 187
Мойка (Мья), р. 144, 149
Морской рынок 56, 146, 147, 158, 167
овощной ряд 56
шорный ряд 147
Невский проспект 144, 149, 159, 160, 163, 180–182, 185, 187, 192, 205
Новоисаакиевская ул. 144
Петербургская сторона 185, 186
Полицейский мост 160
Садовая ул. 181, 183, 185, 187, 192
Свечной переулок 188
Семеновский мост 185
Сенная площадь 180, 185
Синий мост 151, 159, 161, 180, 204
Сытный рынок 186
Толкучий рынок 185
Тучков мост 186
Фонтанка 185
Церковь
Голландская 160
Казанская 160, 180
Католическая 145, 160, 182, 183, 187
Лютеранская на Васильевском острове 149
Реформаторская 160
Щукин двор 187
Сибирь 145, 153, 207
Синай 169, 170
Стамбул *см.* Царьград
Страсбург, г. 159
Тула, г. 198
Турция 55, 116
Уфа, г. 198

Франция 47–49, 137, 145, 163, 164, 167, Царьград, г. 169
191, 195, 197, 204, 207 Швейцария 48
Харьков, г. 197 Швеция 149

Предметный указатель

- Академия наук (Петербург) 11, 13–15, 25, 26, 28, 31—34, 36, 37, 40–42, 45–49, 51–54, 56–63, 66, 73–75, 77, 80, 81, 87–93, 97, 98–111, 114, 117–122, 126, 128, 129, 133, 134, 138, 143, 146, 151, 156, 158, 173, 178, 185, 192, 197, 199, 209
Французская 121
Шведская (Стокгольм) 33
Академия Российская 110, 121
Академия художеств 205
Альманахи 110
Антиквары 164, 185, 207
Ассигнационный банк 182
Аукцион 46, 144, 145, 198, 208, 214
Берг–коллегия 58, 63
Библиотеки общественные 199
Академии наук 31, 42, 52, 53, 56, 89, 90, 101, 199, 212
Императорская Публичная 184, 187, 199, 200
Библиотеки «для чтения» (Lese-Bibliothek, Bibliothéque de lecture) 108, 160, 182, 199–208, 214–216
Библиотеки частные 189, 199
парадные 164. *См. также* Эрмитажная библиотека
«Бумажные лавки» 181
Бумажные фабрики
Красносельская 100
Ведомость 83, 94, 96, 112, 119
отчет 27, 28, 31, 68
передаточная 85, 112, 113
«по книжному магазину» 112, 114, 117, 213
Векселя 48, 106, 107–109
«Визитные билеты» 26, 155, 161, 188, 204
Газеты 26, 32, 34, 37, 44
«Гамбургский корреспондент» 216
«Московские ведомости» 166, 186, 214
«Рижский зритель» 216
«Санкт–Петербургские ведомости» 18, 22–24, 26–29, 33, 41, 44, 56, 65, 71, 75, 82–84, 87, 97, 101, 110, 114, 126, 130–134, 136, 138, 139, 141, 143, 144, 147, 150–152, 155, 157–160, 162–166, 172–177, 180, 182, 186–188, 193, 198, 201, 202, 204, 206, 210, 211, 213–216
«Генеральный экстракт» 28–30, 32, 34, 74
«Гильдейский дом» 181
Гимназия академическая 87
Главное Управление училищ 53
Гравюры 19–21, 24, 26–29, 32, 41, 44, 58, 59, 84, 88, 89, 102, 107, 112–114, 141, 142, 146, 155, 163, 166, 172
Департамент народного просвещения 71
Дефектные издания 99, 103, 113
Духовная академия 214
Епархия
Журнал 202, 205, 206, 215
«Абель дю Нор» 216
«Академические известия» 75
«Вестник Европы» 200, 210, 216
«Гений времен» 216
«Ежемесячные сочинения» 27, 28, 31, 33, 109

- «Живописец» 139, 140, 152, 168
 «Кошелек» 139
 «Ни то ни сию» 151
 «Пустомеля» 152
 «Российский магазин» 210
 «Российский театр» 191, 195, 212
 «Санктпетербургские ученые ведомости» 155
 «Смесь» 58
 «Собеседник любителей российского слова» 103, 107, 109, 122
 «Старина и новизна» 56
 «Трудолюбивая Пчела» 132
 «Трутень» 139, 150, 152, 155, 156
 «Утренний свет» 143
 «Журнал для разысканий» 83
 Журнал Канцелярии 78, 89
 Журналистика 136
 Заказные издания 131, 166
 Императорский воспитательный дом 150
 Императорский кабинет 197, 198, 210
 Иностранная коллегия 41
 Кабинеты для чтения *см.* Библиотеки для чтения
 Календари 22, 31, 32, 39, 44, 51, 52, 58–61, 63, 82–84, 88, 102, 105–110, 112–114, 117–120, 127, 134, 149, 155, 161, 190, 201
 Канцелярия
 дворцовая 42
 академическая 13, 18, 20–22, 24–27, 33, 39–41, 43, 82, 85, 86, 93, 95–98, 103, 106, 107, 110, 111, 113, 126
 «опекунства иностранных» 81
 Карты (ландкарты) 19–21, 24, 26, 27, 29, 44, 49, 50, 58, 59, 61, 63, 82, 84, 96, 106, 107, 109–114, 118, 151
 Каталоги 14, 15, 39, 86, 114, 135, 145, 146, 149, 151, 153, 161, 164, 165, 167, 188, 196, 197, 200, 203, 214, 215
 Академической типографии 15, 79, 84, 96, 98, 99, 101, 109, 110
 Киево-Печерская лавра, древлехранилище 139
- Книги
 академической печати 16–18, 33, 34, 39, 41, 44, 45, 47, 49, 50, 52, 53, 56, 58, 59, 61–65, 72, 82, 86, 88, 91, 96, 97, 100, 101, 103–105, 108, 110, 114, 116, 117, 119–122, 164, 189, 213
 киевской печати 168, 188
 московской печати 151, 167, 171, 183, 188, 189
 на английском языке 145, 163, 188, 204, 206
 на греческом языке 204
 на иностранных языках 11, 20, 21, 24, 29, 32, 53, 58, 62, 83, 86, 104, 114, 135, 145, 161
 на испанском языке 189
 на итальянском языке 145, 163, 188, 206
 на латинском языке 19, 20, 24, 27, 29, 49, 63, 84, 112, 145, 149, 151, 161, 163, 188, 204
 на немецком языке 19, 20, 24, 27, 29, 49, 63, 84, 112, 144–146, 149, 151, 155, 161, 163, 188, 201, 204–206
 на польском языке 51, 163
 на французском языке 19, 20, 24, 27, 29, 84, 112, 114, 144–146, 148, 151, 157, 160, 161, 163, 164, 181, 188, 201, 204–207, 214, 215
 научные 105
 нераспроданные 137
 переводы с китайского 162
 церковнославянские 146, 168
- Книги
 приходно-расходные 12, 13, 18, 23, 25, 27, 28, 41, 43, 65, 68, 74, 76–78, 83, 85, 113, 114
 Книгопродавческие объявления *см.* Рекламные объявления
 Книгопродавческие росписи 141, 142, 147, 153, 154, 163, 215
 Книготорговля 11, 12, 14, 28, 29, 32, 37, 39, 40, 43, 52–54, 56, 63, 66, 73, 74, 76, 79, 80, 82, 88–90, 98, 108, 118, 119, 121, 127, 134–136, 140, 142, 143, 160,

- 164, 167, 178, 186, 187, 199, 207, 213
букинистическая 168, 185
Книжная лавка 12, 50, 109, 121, 135, 162, 173, 178, 179, 180, 183, 185, 186, 192, 198, 210, 212
Академическая петербургская 12–26, 30–37, 43, 46, 48, 64–66, 74–82, 84–86, 88, 89, 91, 93–99, 102, 111–116, 118, 119, 126, 128–130, 132, 162, 179, 189
Академическая московская 21–23, 33, 34, 37, 62, 66, 91, 93, 94, 102, 104, 143
Московского университета 143, 149, 189
Книжная палата 11, 22, 38, 129
Книжный репертуар
Коллегия иностранных дел 129
экономии 81
Комиссар книжной лавки 12, 14, 16, 17, 19, 21–25, 27, 28, 34, 37, 40, 43–45, 48, 55, 57, 63–65, 73–81, 91, 93–95, 97, 101, 103, 110–112
обязанности его 22, 23, 40–43, 65
Комиссионеры 47, 65, 66, 80, 99, 109, 119–121, 165, 179
Комиссия
Академическая 36, 48, 49, 51, 54, 55, 57, 59, 61, 63–65, 73, 74, 76, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 92, 97, 133
об учреждении училищ 182
Коммерц–коллегия 42, 130
Конференция 91
Корабли
«Деболтер» 17
«Дифренштадт» 17
Купферштихи 17, 33, 96, 145, 158, 163
Купцы 37, 39, 56, 57, 73, 101, 104, 106–109, 120, 121
иностранцы 38, 119
Литература
античная 54, 137, 138, 141
гадательная 155, 171, 202
детская 117
«для народа» 171, 196, 209
духовного содержания 168
западноевропейская 54, 137, 138, 209
историческая 60, 61, 117, 122, 149, 151, 186, 197, 201, 204, 209
масонская 143, 162, 166, 168, 169, 178, 189
мистическая 161, 209
научная 11, 53, 138, 202, 204, 209
описания путешествий 117, 204
«физическая» 163
по архитектуре 158, 160
по богословию 163
по ботанике 163
по военному искусству 117, 204
по вопросам государственного управления 137
по географии 116, 122, 195, 197
по домоводству 190
по математике 149
по медицине 151, 163
по натуральной истории 160
по политике 163
по садоводству 158
по сельскому хозяйству 151, 190, 209
по философии 149, 186
по экономике 137, 163, 209
религиозно–философская 163, 171, 187, 189, 209
словари 51, 59
справочная 51
учебная 32, 51, 59, 116, 117, 151, 170, 171, 190
юридическая 32, 117, 137, 149, 163, 188
Лотереи 206
Лубок 171, 172
Магазин книжный 151, 152, 156, 159, 160, 173, 185, 207
«книжный и музыкальный» 208
Магазин (склад) Академии наук 17, 19, 30, 40, 45, 75–80, 82, 84, 86, 89, 91–93, 95–97, 100, 108, 113, 114, 116, 118–120, 127, 212
Магистрат рижский 49
Макулатура 102, 112
«Маскарадные билеты» 161
Масоны 46, 134, 142, 143, 165
Мещанский клуб 160

- Монетный департамент 58, 63
 Морской кадетский корпус 42
 «Ниренбергские лавки» *см.* Топографический указатель, Гостиный двор, Ниренбергская линия
 Ноты 134, 160, 161
 Общества для чтения 200, 216. *См. также* Библиотеки для чтения немецкое 200, 203 немецкое и французское 201, 215 французское 200, 203
 Общество, старающееся о напечатании книг 55, 139–143, 152, 154–156, 175
 Обязательный экземпляр 90
 Оды 28, 31, 98, 107, 131, 149, 151, 154, 156
 Патриаршья ризница 139
 Переплетные работы 81, 133, 134, 149, 162
 Планы 84
 Подписка 44, 139, 155, 163, 166, 175
 Подъемщик 83, 99, 111
 Портреты *см.* Гравюры
 Почт-директор 41
 Профессорское собрание 36
 Пьесы 109, 172, 197
 Ревизия 86, 97
 Ревизские сказки 179
 Ревизион-коллегия 12, 89
 Регламент Академии наук 13, 14, 39
 Реестры *см.* Каталоги
 Рекламные объявления 130, 139, 141, 150, 151, 154, 157, 161, 165–167, 169–172, 175, 180, 181, 188, 196, 205
 Розыскные дела 193
 Романы 151
 авантюрные 171
 переводные 138, 141, 196
 «Российское заведение для чтения» 201
 Рукописи (манускрипты) 139, 150, 190, 193–195
 Семинарии
 Ярославская 81
 Сенат 13, 38, 39–42, 77, 88, 150, 188, 191
 Сенатская контора 15
 Синод 42
 Склад *см.* Магазин (склад)
 Собрание, старающееся о переводе чужестранных книг на русский язык 54–57, 100, 137, 138, 140, 141, 143, 156, 157, 174, 175
 Соляная контора 42
 Списки подписчиков 41, 153, 175
 Стихи 152, 197
 Сухопутный кадетский корпус 42, 129, 136, 146, 150, 153, 173, 198
 Счетная («Щетная») экспедиция 27, 74, 87
 Таможня 42
 Типографическая компания 130, 172, 179, 189
 Типография 34, 90, 178, 185, 189, 190, 204
 Академии наук 12, 23, 26, 30, 38–40, 44, 54, 56, 75, 76, 78, 79, 82–84, 86, 88, 89, 93, 97–101, 111, 112, 118, 122, 126, 127, 130, 131, 137, 142, 148, 150, 152–156, 165–167, 175, 189, 190, 191, 192, 194, 195, 199, 211, 213
 Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса 129, 154, 155, 156, 160, 164, 165, 169, 171, 172
 Брейткопфа 127, 169
 Вейтбрехта и Шнора 161, 162, 164, 165, 167, 178, 189
 Гарткноха 47
 Глазуновых 186, 211
 Государственной военной коллегии 129, 148, 155, 162, 167, 169, 170
 Императорская 211
 Мейера 170
 Морского кадетского корпуса 129, 149, 150, 156, 165
 Московского университета 120, 130, 132, 134, 137, 144, 151, 165, 166, 178, 189, 199
 Московская Сенатская 162, 167
 Овчинникова 168–170, 172
 Решетникова 172, 190
 Сенатская 129, 148, 170–172
 Синодальная петербургская 129, 130, 169

- Сухопутного кадетского корпуса 129, 130, 134, 137, 142, 143, 146, 148–151, 155, 156, 164, 165, 168, 169, 188, 198
Сытина И. Я. 172
Шнора 170, 171, 189, 190
Товарищества 198
Указы 13, 40, 77, 178, 188, 191, 204
о печати 90
Университет
Московский 129, 139, 144, 179
Харьковский 197
Управа Благочиния 178
Успенский собор (в Кремле), древлехра-
нилище его 139
Училищный дом 204
Фактор 12–14, 16, 24, 79, 82, 91, 99
Фигурная палата 75
Цензура 53, 71, 195, 204, 205, 207
Цензурный комитет 53, 71
Читальная библиотека *см.* Библиотеки
для чтения
«Шнуровые книги» *см.* Книги приход-
но-расходные
«Щетная выписка» *см.* Ведомость-отчет
Экзекуторы 34, 34, 76, 98
Экстракты *см.* «Генеральный экстракт»
Эрмитаж 192
Эрмитажная библиотека 139, 199
Эстампы 91, 158, 160, 164, 206, 207
Ярмарка книжная 51, 53

Список сокращений

- ОР — Отдел рукописей.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: В 30-ти т. СПб., 1830.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РНБ — Российская национальная библиотека.
СК — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1962–1967. Т. 1–5.
СПбВ — Санкт-Петербургские ведомости.
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Содержание

Введение	5
I ГЛАВА	
Книжная торговля Академии наук в 1750–1770 гг.	11
Примечания	66
II ГЛАВА	
Книжная торговля Академии наук в 1780–1800 гг.	73
Примечания	122
III ГЛАВА	
Частная книжная торговля в Санкт-Петербурге в 60–70 гг. XVIII века	128
Примечания	173
IV ГЛАВА	
Частная книжная торговля в Санкт-Петербурге в 80–90 гг. XVIII века	178
Примечания	209
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Таблица I–1. «Продажа книг, портретов и ландкарт... в 1751 г.». Составлено на основе «щетов»Зборомирского за январь-ноябрь 1751 г. (цены указаны в рублях и долях рубля)	217
Таблица I–2. Экстракт генеральной, учиненный из щетных выписок о приходе и продаже печатанных в здешней типографии на российском и иностранном языках книг, портретов, ландкарт и газет, и о приходе и расходе денежной казны в бытности в Санктпетербургской книжной лавке комиссара Степана Зборомирского 1751 года ..	218
Таблица I–3. Финансовое состояние академической книготорговли в 1749–1762 гг. (в рублях и долях рубля)	219
Таблица I–4. Доход от продажи академических изданий в 1749–1762 гг. (в рублях и долях рубля)	220
Таблица I–5. Общая стоимость академических изданий, отпущенных в кредит в 1749–1762 гг. (в рублях и долях рубля)	221
Таблица I–6. Общая стоимость академических изданий, отпущенных бесплатно в 1749–1762 гг. (в рублях и долях рубля)	222
Таблица I–7. Общая стоимость академических изданий ежегодно поступавших, проданных и остававшихся непроданными, 1749–1762 гг. (в рублях и долях рубля)	223
Таблица I–8. «Ведомость краткая, из генеральных экстрактов, на коликую сумму в здешней и в московской книжных лавках с 749 по сей 753 год всех книг, портретов, ландкарт и газет продано на денги, и сколько безденежно в отпуску с возвращением денег, то есть в Москву в книжную лавку и за полученные книги и вещи, и без возвращения яко то в подносы ко двору Ея Имп. Величества и знатым особам»	223

Таблица I–9. «Ведомости книгам, сообщенным от «Собрания». Сколько было их в приходе, из того продано и затем в остатках» (в рублях и долях рубля)	224
Таблица II–1. Количество книг (на русском и иностранных языках), ежемесячно поступавших в книжную лавку на продажу из книжного магазина	227
Таблица II–2. Доходы книжной лавки Академии наук в конце XVIII века от продажи книг, географических карт, календарей, гравюр	230
Таблица II–3. «Счетная выписка из представленной комиссаром Альтманом шнуровой за 1798 год книги» (количество книг, проданных и «безденежно» отпущенных из книжной лавки)	231
Таблица II–4. Количество книг на русском языке в книжном магазине в конце XVIII в. и их общая стоимость в рублях и копейках	232
Таблица II–5. Количество книг на иностранных языках в книжном магазине в 1798 г. и их общая стоимость в рублях и копейках	232
Таблица II–6. Сводные данные о продаже книг в академической книжной лавке (август 1794 г.— апрель 1798 г.)	233
ВСТАВКА С ТАБЛИЦАМИ	000
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	000
ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	000
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	000
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	000

А. А ЗАЙЦЕВА

Книжная торговля в Санкт-Петербурге второй половины XVIII века

Редактор *О. Г. Юдахина*

Художественное редактор *А. В. Ухвалова*

Технический редактор *А. В. Ухвалова*

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23(?). Тираж 000 экз. Заказ № 000.

Подписано в печать 00.02.05.

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Ротапринт ОПБ Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)